

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

3

2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.06.2023

Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Грицких Н.В., Рыбак Н.С., Сарапулова Л.Н.</i> Особенности типологии социальных страхов современной российской молодежи (на примере Иркутской области).....	5
<i>Иванов Р.В.</i> Основы и основания трансформации современного патриотизма.....	17
<i>Попов М.Ю.</i> Геймификация в образовании. «Victoria II» как объект социального моделирования.....	28
<i>Туринцева Е.А.</i> Трансформации пола и гендера в современности: биосоциологический аспект.....	35

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Емельянов И.В., Савицкая Ю.П.</i> Место и роль слухов в сознании современной молодежи.....	49
<i>Кузнецова Е.А.</i> Цифровая социализация молодежи.....	59
<i>Туркова В.Н.</i> Коррупция на спортивных соревнованиях: оценка общественного мнения.....	67
<i>Черноморченко Н.С., Соколович Н.А.</i> Социальные факторы стоматологического здоровья детей школьного возраста.....	74

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Амбрушкевич К.В.</i> Отношение к предпринимателям и восприятие бизнеса в России.....	84
<i>Го Синьюй.</i> Оценка перспектив модернизации социальной структуры китайского общества: на примере взглядов российского философа В.Н. Шевченко.....	93
<i>Курганская О.В., Салтыкова Ю.А.</i> Демографические проблемы новой реальности России.....	101
<i>Маслодудова Н.В.</i> Социальная активность молодежи в условиях неопределенности.....	110
<i>Палашенко Е.В.</i> Теория социального действия Т. Парсонса: через призму неуплаты налогов и несоблюдения налогового контроля.....	120
<i>Плетнев А.В.</i> Аномия как причина негативных демографических тенденций.....	128

<i>Пустарнакова А.А., Малаканова О.А., Гатауллина Г.В.</i> Этническая идентичность современной молодежи (на примере г.о. Самара).....	136
<i>Романов В.Д.</i> Теории дара и поля П. Бурдьё как методология исследования музеев.....	141
<i>Трескин П.А.</i> Роль современных некоммерческих организаций в цифровом развитии институтов гражданского общества.....	147
<i>Узунов В.В.</i> Южнороссийский регион в пространственном измерении: теоретические и практические аспекты социологического исследования.....	160
<i>Чжан Цзяньвэнь, Цзян Дянь.</i> Исследование качества жизни китайских мигрантов в России.....	166

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Пожарская Е.Л., Шукшина Л.В., Шубина А.В.</i> Исследование влияния эмоционального выгорания на конфликтность педагогов в современных педагогических коллективах.....	171
<i>Тарутин Н.В.</i> Инструменты формирования и развития инновационной корпоративной культуры в организации.....	177
<i>Усольцева Я.С.</i> Специфика коррупционных рисков и их профилактические меры в деятельности госорганов.....	183
<i>Хлынин А.П.</i> Трансформация губернаторского корпуса в современной России: 2013–2023 гг.	188

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Гридина В.В., Бирюкова А.Б.</i> Национальные традиции в повседневной жизни студенческой молодежи.....	197
<i>Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Андренко О.В., Гусаренко В.В., Тихонов А.А.</i> Использование электронных сигарет в молодежной среде: современный взгляд, инновационные подходы к регулированию проблемы.....	206

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Сметана В.В.</i> Эволюция «позитивной философии» О. Конта в контексте нового знания в 21 веке.....	214
---	-----

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

*Горбунов А.С., Яковлева Ю.Ф.,
Нигматуллин А.У., Мухамедеев А.С.
Буёв З.В.* Отражение философской
дилеммы «Занавес неведения»
в современной культуре 220

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ардашев Р.Г. Конспирологическое
мышление современных россиян 225

Попов В.В. Реконструкция
феноменологических концептов
интерсубъективности и темпоральной
координации в системе субъективного
времени индивида в инклюзивном
обществе..... 234

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Давыденко Ю.А. Подготовка кадров для
предприятий нефтегазовой отрасли России:
принципы взаимодействия
«вуз – предприятие» 240

Киселёв Ю.А. Негосударственные театры
в социальной жизни провинциальных
городов 249

*Абоимова И.С., Бакшеев А.И.,
Александрова И.Б., Ракитянская А.И.,
Анкудинов Н.В.* Культура современной
молодежи: социальный аспект и основные
тенденции развития 257

Особенности типологий социальных страхов современной российской молодежи (на примере Иркутской области)

Грицких Надежда Викторовна,

кандидат социологических наук, доцент,
и.о. заведующего кафедрой культурологии
и управления социальными процессами
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет»
E-mail: anris@list.ru

Рыбак Наталья Станиславовна,

магистрант Института социальных наук,
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет»
E-mail: nirk2k@gmail.com

Сарапулова Лариса Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры культурологии
и управления социальными
процессами
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет»
E-mail: larsara91@mail.ru

и мотивации, семейные трудности и проблемы, связанные со средой пребывания, проживания (обеспечением комфортной среды).

Ключевые слова: социальный страх, типология, социально-политические условия, молодежь.

В статье анализируется социальный страх как сложный многовекторный социально-политический феномен, выступающий индикатором, который показывает уровень напряженности и неудовлетворенности в обществе, а также характеризует качество жизни на определенном этапе развития. Цель заключается в том, чтобы выявить и проанализировать социальные страхи российской молодежи и определить механизмы их минимизации в современных российских условиях (на примере Иркутской области). Социальный страх как явление носит междисциплинарный характер, поэтому его изучение, нашло свое отражение, как среди философов, психологов, так и социологов и политологов. Междисциплинарность исследования обусловило выбор таких методов как: анализ документов, статистический анализ, а также опросные методы: анкетирование и экспертный опрос. В результате обнаружилось, что социальные страхи российской молодежи являются той проблемой, которая активно проявляется в России целом и Иркутской области в частности. Подобная ситуация обусловлена широким спектром причин, которые приводят к возникновению и росту социальных страхов, среди которых респонденты и эксперты в большей степени выделяют: социально-психологические, экономические, политические проблемы, проблемы самореализации

Введение

В современной России усиливаются социально-политические трансформации, которые ведут к изменению идеалов, ценностей и ориентиров. В России на сегодняшний день наблюдаются следующие проблемы: обострение экономической ситуации (санкционная политика), усиление международных конфликтов, рост заболеваемости населения, террористические угрозы, демографический кризис, невостребованность молодых специалистов, несоблюдение прав человека и др. Все вышеперечисленное оказывает серьезное влияние на самочувствие населения страны в целом, и молодежи в частности. Социальные страхи прогрессируют с возрастом, связывая свое появление с острыми проблемами, сильными переживаниями, состоянием стресса и тревоги. Естественной реакцией на изменения современного общества выступают социальные страхи, влияющие на личность молодого человека, замедляя или угнетая его стремления и возможные желания либо же, наоборот, приводя к личностному прогрессу. Следует отметить, что молодежь, обладающая существенным интеллектуальным и инновационным потенциалом и креативностью, может выступить движущей силой в обществе для преодоления того или иного страха.

Социальный страх – это распространенный, многовекторный, общественно значимый феномен, выступающий индикатором, который показывает уровень напряженности и неудовлетворенности в обществе, а также характеризует качество жизни на определенном этапе развития. При этом, нередко из одного нерешенного социального страха, может появиться модифицированный другой страх. Примером такого страха в молодежной среде является проблемы трудоустройства, по данным Министерства труда и занятости Иркутской области, в среднем до 45% молодежи вынуждены проходить переподготовку из-за невостребованности на рынке труда, уровень безработицы в Иркутской области в 2021 повысился на 68,8 тыс.

чел по сравнению с прошлыми периодами [20]. Из этого следует, что один из десяти молодых специалистов не имеет стабильного источника дохода и не повышает уровень благосостояния, чем провоцируют новый страх – страх материальной (экономической) нестабильности, страх банкротства. Этот страх является небесполезным, подтверждением служат данные официальной статистики за 2022 г.: 27,5% молодых людей имели денежный доход до 15000 в месяц, что едва выше величины прожиточного минимума, больше трети молодежи, а именно 35%, – среднедушевой доход от 15000,1 до 30 тысяч рублей [20].

На рубеже XIX–XXI вв. проблема возникновения и развития социальных страхов у российской молодежи становится все более актуальной и значимой, это обусловлено рядом факторов. Во-первых, нестабильной и/или недостаточной политикой государства, направленной на решение социально важных молодежных проблем, в частности проблем трудоустройства, качества жизни, самореализации, пробелов в государственных и муниципальных программах для молодежи. Во-вторых, обусловлено несовершенством современных реформ, усугубляющих протестное отношение молодежи к политической и социальной обстановке в стране и формирующих оппозиционное мышление в умах молодого поколения. В-третьих, обусловлено отсутствием интересов у молодого поколения к повышению собственного интеллектуального, образовательного уровня в виду глобализационных трансформаций и информатизации современного общества. В-четвертых, обусловлено неоспоримым влиянием социальных страхов не только на внутреннее самочувствие молодежи, но и на социальное устройство и благополучие всего общества. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить и проанализировать социальные страхи российской молодежи и определить механизмы их минимизации в современных российских условиях (на примере Иркутской области).

Обзор научной литературы

Социальный страх как явление носит междисциплинарный характер, поэтому его изучение, нашло свое отражение, как среди философов, психологов, так и социологов и политологов. Начало рассмотрения сущности в социальных страхах было положено еще в Античное время: Авиценна (Ибн-Сина), Демокрит, Платон, Спиноза, Эпикур и другие уделяли немало внимания сущности страха, что, в свою очередь, обеспечило необходимый «каркас» для дальнейшего восприятия проблемы. Еще Т. Гоббс и Ж. Руссо в теории общественного договора говорили о войне «всех против всех», благодаря которой возникал страх вражды, тяга к самосохранению и страх государства (страх кары за нарушения) и войне между бедными и богатыми, порождавшей социальные неравенство и пороки.

Первым ввел в научный оборот понятие «страх» датский философ С. Кьеркегор [14]. Рассматривая понятие страха, он говорил о том, что страх не является «определением необходимости, но он также и не является определением свободы, страх есть скованная свобода» [14, с. 166]. Серен Кьеркегор различал эмпирический страх, которым обладают как люди, так и представители животного мира и который являлся скорее страхом перед конкретными ситуациями (в настоящем) и объектами жизненного мира и метафизический страх – сугубо человеческое проявление, выражающееся в опасениях чего-то, что еще не происходило (в будущем).

Междисциплинарность понятие «социальный страх» подчеркивали в своих трудах: А. Маслоу, который под ним понимал – защитную реакцию организма на явления и процессы, происходящие в социуме [17, с. 83], З. Фрейд сравнивал социальный страх с чувством ожидания опасности, которое может перерасти в патологию, то есть фобию [21, с. 23], У. Джеймс [7] отождествлял социальный страх с инстинктом к самосохранению в сложной ситуации, а Э. Фромм [22] подчеркивал, что страх является состоянием, при котором его источником

выступают социальные обстоятельства, Г. Спенсер [19] под страхом понимал источник политической и религиозной власти, Э. Дюркгейм [8] полагал, что страх возникает как реакция на преступления и усиливает социальную солидарность.

В социологической науке проблема социальных страхов через призму социальных кризисов рассмотрена в работах Д. Айке [1], Г. Зиммеля [10], О. Шпенглера [24], С. Кара-Мурзы [12], который также рассматривает симптомы страха, А. Швейцера [23]. С точки зрения социологии управления страх как наказание за ненадлежащее поведение обозначен в трудах К. Манхейма [15], массовые страхи – в сочинениях Х. Ортеги-и-Гассета [18]. В социологии повседневности страх рассматривает как обыденное явление Г. Маркузе [16] или как фактор ухода от жизненного бытия в мир свободной воли К. Ясперс [27]. Имеет место быть и конфликт логическая теория Р.Г. Дарендорфа, объясняющая необходимость существования социальных конфликтов в обществе, точно так же, как и социальных страхов [6].

Страх через категорию «катастрофизм» сознания представлен в работах В.А. Ядова [26]. Региональные особенности массового проявления страха изложены в исследовании Я.У. Астафьева, Ф.А. Хохлушкиной [2], В.А. Ивановой [11]. Исследования доктора философских наук В.Н. Шубкина [25] посвящены изучению региональных особенностей социальных страхов жителей различных федеральных округов, акцентируя внимание на Сибири и Дальнем Востоке.

Возникновение и развитие социальных страхов в России и ее регионах с точки зрения социокультурной специфики территории изложено в публикациях А. Ахизера, где страх представлен как форма дезорганизации общества [3], Т.И. Заславской, которая в своих эмпирических исследованиях рассматривала страх через социальное настроение [9].

Среди диссертационных исследований последних лет, посвященных исследованию социальных страхов молодежи можно выделить следующие: «Социальные страхи как предмет социологиче-

ского исследования» (М.И. Витковская, 2006), «Социоструктурный анализ социальных страхов наемных работников в региональном сообществе» (О.С. Зуева, 2013), «Социологические концептуализации и эмпирические исследования переживаний страха» (А.В. Мигунова, 2007), «Страх как социальное явление» (М.О. Савина, 2004).

Среди современных трудов и авторов, внесших свою концепцию анализа феномена страха и социального страха, можно назвать Д.Н. Баринова («Социальный страх и феномен отчуждения», «Страх и тревога», «Страх как феномен человеческого бытия»), П.С. Гуревича «Страх. Антология. Страсти человеческие», В.И. Копалова («Фетишистское сознание») и другие.

Методы

Исследование социальных страхов молодежи в современных условиях логично и целесообразно осуществлять с использованием развернутого спектра социологических методов:

1. статистический анализ: статистические данные предоставляют достоверную и обоснованную информацию, осуществляют прогностическую функцию;
2. анализ законов, постановлений, программ (документов), поскольку в них содержатся доступные способы для молодежи регулировать ситуации, вызывающие социальные страхи;
3. метод анкетирования (посредством онлайн-опроса молодежи Иркутской области), что позволило конкретизировать и типологизировать социальные страхи молодежи;
4. экспертный опрос, проведенный с целью изучения мнения экспертов относительно состояния и тенденций социальных страхов российской молодежи с помощью специально разработанного инструментария.

Результаты анализа

На протяжении всей истории понятие «страх» рассматривалось как социальный феномен, явление, требующее глубокого изучения и своевременного ре-

гулирования. Социальные страхи российской молодежи в современное время представляются нам во всем своем многообразии, порой превышающем даже самые масштабные ожидания. При этом, становится ясным, что социальные страхи вовсе не являются желательными явлениями, поскольку, в большинстве случаев, искажают сознание человека и восприятие им окружающей действительности. «Мощным деформирующим фактором жизненного мира выступает незащищенность его субъекта от каких-либо опасностей или рисков. Иными словами, чувство страха» [25, с. 69]. Все чаще социальные страхи становятся общеизвестным явлением, то есть свойственным для каждого, а общество – рискогенным.

Начиная с датского философа С. Кьеркегора, социальный страх подразделялся на какие-либо типологии, например, на эмпирический и метафизический страхи. Под эмпирическим страхом понимается – страх ситуаций в настоящем, а под метафизическим – страх так называемых будущих событий [14]. При этом, мыслитель отмечал, что первый страх может быть общим для всех представителей животного мира, то есть проявляться как у людей, так и животных, однако второй (метафизический) – только общечеловеческое явление. Кроме того, автор подразделял страхи на объективные и субъективные, которые выражаются в грехе человека, страх в его прямом обличии. Таким образом, мы имеем три типологии: 1) страх будущего и страх настоящего (по пространственно-временным основаниям); 2) страх животного мира и страх человека (в зависимости от объекта страха); 3) объективный и субъективный страхи (по религиозным основаниям).

Х. Ортеги-и-Гассет различал массовые страхи [18], которые могут, в свою очередь, коррелировать с индивидуальными страхами, рассматриваемыми в других работах. Дифференциацию на великий и маленький провел французский философ Э. Мунье. Под маленьким страхом он понимал: «страх людей средневековья, не желавших по скончании времен предстать пред Господом с пусты-

ми руками» 32, с. 508]. Под великим же страхом Э. Мунье представлял страх освобождения, «богатого начинаниями» [32, с. 508]. Данные виды страхов позволили выделить нам еще одну типологию: маленький страх и великий (по религиозным основаниям). Захаров А.И. различал дневные и ночные страхи, опираясь на опыт детского возраста. Отметим, что дневные страхи могут повлиять на сны и, тем самым, превратиться в ночные кошмары. В данном случае мы наблюдаем типологию (дневные-ночные страхи) по временным основаниям.

Следующую типологию можно обнаружить во взглядах О. Шпенглера. Он различал врожденный страх, говоря, что «рождение души и рождение страха – это один и тот же акт. Изначальный страх, с которым рождается человеческая душа, как бы раздваивается» [24, с. 250, 253]. А вот У. Бек, напротив, считал страх приобретённой, возникающей под действием угрозы и отрицания опасности, реакцией [4]. С.Г. Кара-Мурза [12], считавший страхом – неприемлемое чувство в обществе, выделял два вида. Реальный страх формировался под действием угрозы, которая, дей-

ствительно, произошла, а вот «иллюзорный» или нереальный – не сигнализировал об угрозе. В данном случае, создается возможным выделить еще некоторые типологии: 1) реальный и вымышленный страхи; 2) врожденный и приобретенный страхи.

Для выявления типологий социальных страхов и их особенной необходимо определены проблемы и трудности, которые в принципе могут привести к возникновению и росту социальных страхов российской молодежи (см. табл. 1).

С точки зрения экспертов нашего региона, обострение социально-психологических (21,4%), экономических (19%) проблем, проблем самореализации и мотивации (11,9%), семейных трудностей (9,5%), проблем, связанных со средой проживания (9,5%), политических проблем (7,1% ответов) приводит в большей степени к возникновению и росту социальных страхов. Профессиональным сложностям как факторам, провоцирующим развитие социальных страхов, эксперты отдали наименьшее предпочтение (0%). В качестве ответа «Другое» был предложен вариант: «Социальные проблемы» (2,4% ответов).

Таблица 1. Распределение ответов экспертов на вопрос: «С Вашей точки зрения, обострение каких проблем и трудностей приводит к возникновению и росту социальных страхов?»

№ п/п	Варианты ответов	Кол-во ответов	Доля ответов, в%
1.	Социально-психологические (личностные и межличностные)	9	21,4%
2.	Экономические	8	19%
3.	Проблемы самореализации и мотивации	5	11,9%
4.	Все вышеперечисленные	4	9,5%
5.	Семейные трудности	4	9,5%
6.	Проблема, связанная со средой пребывания, проживания (обеспечение комфортной среды)	4	9,5%
7.	Политические	3	7,1%
8.	Проблемы, связанные с безопасностью	2	4,8%
9.	Другое (Социальные проблемы)	1	2,4%
10.	Проблемы в обучении и получении образования	1	2,4%
11.	Проблемы со здоровьем	1	2,4%
12.	Затрудняюсь ответить	0	0%
13.	Профессиональные сложности	0	0%
	Всего	42	100%

По мнению же молодежи Иркутской области, к возникновению социальных страхов в большей степени приводят те же экономические (13,4%), социально-психологические (12,2%) проблемы, проблемы самореализации и мотивации (12%), проблемы, связанные со средой пребывания (11,5%), политические проблемы (11,1% ответов) и семейные трудности (8,7%), однако немного в другой последовательности по приоритетности. Проблемам со здоровьем как факторам, провоцирующим развитие социальных страхов, молодежь Иркутской области отдала наименьшее предпочтение (5,4%). Разница между ответами состоит в порядке расположения первых двух причин, если для экспертов главными оказались социально-психологические проблемы, то для респондентов – экономические.

Данное распределение свидетельствует, в основном, о неустойчивости рынка труда, нестабильной заработной плате, а также о низкой или высокой самооценке молодежи, социальном одиночестве, неудовлетворении потребностей, возможной потере социальных контактов, то есть о всех тех причинах, которые стимулируют нарастание социальных страхов российской молодежи.

В качестве конкретных причин, которые наличествуют в России и порождают выделенные группы проблем, респонденты назвали: невостребованность мо-

лодых специалистов (12,1%), неустойчивость рынка труда (10,9%), распространяющуюся бедность (10,9%), некорректную политику государства, отсутствие/недостаток значимых для населения социальных программ (10,8%) и несоблюдение прав и свобод человека (9,4%). Таким образом, мы можем определить, что наиболее значимыми проблемами, которые тем или иным образом, сказываются на страхах молодого поколения, является либо экономические и политические проблемы, либо социально-психологические.

Социальное самочувствие из-за всех перечисленных проблем часто колеблется, оно то ухудшается, то улучшается, например, из-за повышения стипендий или опубликования новых, более ценных государственных социальных программ, направленных на поддержку молодых людей. Я.Н. Крупец пишет: «уровень социального самочувствия может выступать показателем, скажем, результативности проводимых реформ. Если у большинства населения будет наблюдаться плохое самочувствие, возникает повод задуматься об успешности произошедших изменений и о путях улучшения ситуации в стране» [13, с. 143]. Социальное самочувствие, в данном случае, является естественным показателем, который может свидетельствовать о риске развития социальных страхов.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «С Вашей точки зрения, какие социальные страхи испытывает современная российская молодежь?»

№ п/п	Варианты ответов	Мнение экспертов		Мнение молодежи	
		кол-во ответов	доля ответов, в%	кол-во ответов	доля ответов, в%
1.	Страх перед трудоустройством на работу (службу) или же поступлением в университет, колледж, техникум, училище	10	12,2%	191	11,3%
2.	Страх войны и террористических угроз	4	4,9%	94	5,6%
3.	Страх по поводу материальной составляющей (экономической стабильности)	13	15,9%	182	10,8%
4.	Страх перед увольнением или сокращением с должности в целом	1	1,2%	79	4,7%
5.	Страх ответственности	8	9,8%	103	6,1%
6.	Страх невостребованности и ненужности	6	7,3%	106	6,3%

Окончание

№ п/п	Варианты ответов	Мнение экспертов		Мнение молодежи	
		кол-во ответов	доля ответов, в %	кол-во ответов	доля ответов, в %
7.	Страх любви	Не использовался в вопросе		47	2,8%
8.	Страх за свое здоровье	3	3,7%	66	3,9%
9.	Страх за семью, детей и близких людей	2	2,4%	86	5,1%
10.	Страх несвободы (в т.ч. несвободы слова), несоблюдения прав человека	4	4,9%	78	4,6%
11.	Страх неудачи	5	6,1%	82	4,9%
12.	Страх насилия (в том числе физического)	2	2,4%	47	2,8%
13.	Страх при межличностной коммуникации	2	2,4%	51	3%
14.	Страх бесплодия и отсутствия брака	2	2,4%	35	2,1%
15.	Страх обмана/лжи	0	0%	53	3,1%
16.	Страх перед чужим мнением, страх осуждения, посторонних взглядов и насмешек	7	8,5%	76	4,5%
17.	Страх одиночества	3	3,7%	84	5%
18.	Религиозный страх	1	1,2%	14	0,8%
19.	Страх публичности	2	2,4%	54	3,2%
20.	Страх неизвестности	4	4,9%	61	3,6%
21.	Страх беспомощности	2	2,4%	45	2,7%
22.	Страх перед новыми технологиями (цифровыми, сетевыми и проч.)	0	0%	5	0,3%
23.	Все вышеперечисленные	0	0%	28	1,7%
24.	Другое (страх смерти, страх за жизнь, «все вышеперечисленные у каждого свои»)	1	1,2%	2	0,1%
25.	Затрудняюсь ответить	0	0%	19	1,1%
	Всего	82	100%	1688	100%

Из таблицы видно, что для экспертного сообщества наиболее распространенными и существенными социальными страхами молодежи являются: страх по поводу материальной составляющей (15,9%), страх перед трудоустройством на работу или же поступлением в учебное заведение (12,2% ответов), страх ответственности (9,8%), страх перед чужим мнением, страх осуждения, посторонних взглядов и насмешек (8,5%), страх невосребованности и ненужности (7,3%) и страх неудачи (6,1%). В то время как респонденты выделяют: страх перед трудоустройством на работу или же поступлением в учебное заведение (11,3% ответов), страх по поводу материальной стабильности (10,8%), страх невосребованно-

сти и ненужности в целом (6,3%), страх ответственности (6,1%), страх войны и террористических угроз (5,6%) и страх за семью, детей и близких людей (5,1%). Следует отметить, что 4 страха (страх перед трудоустройством на работу (службу) или же поступлением в университет, колледж, техникум, училище, страх по поводу материальной составляющей (экономической стабильности), страх невосребованности и ненужности и страх ответственности) ставят в приоритет обе группы опрошенных (см. табл. 2).

В зависимости от видов социальных страхов молодежи, мы можем сгруппировать их в типологии, каждая из которых обладает рядом отличительных особенностей. Ранее мы уже анализировали

типологии, предложенные мыслителями XIX–XX вв., интересно было бы проследить насколько присутствуют сходства/различия в типологиях современности, которые выделили участники социологического исследования.

По данным таблицы 3 видно, какие типологии социальных страхов в большей степени выделяют эксперты и респонденты:

1. Массовые и индивидуальные – 11,5% ответов респондентов и 15,6% экспертов;

2. Осознанные и бессознательные – 11,3% (респонденты) и 9,4% (эксперты);

3. Внешние и внутренние – 10,5% (респонденты) и 9,4% (эксперты).

Кроме того, эксперты отметили также социально-экономические, политические, профессиональные страхи и все перечисленные в равной степени (15,6%), в то время как молодежь Иркутской области выделила реальные и вымышленные (11,2%), кратковременные и длительные (10,7%) и специфические и универсальные (9,4% ответов) социальные страхи. Данные категории типологий наиболее полно отражают действительность (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Какие существующие для молодежи типологии социальных страхов Вы могли бы выделить?»

№ п/п	Варианты ответов	Мнение экспертов		Мнение молодежи	
		кол-во ответов	доля ответов, %	кол-во ответов	доля ответов, %
1.	Специфические и универсальные (обыденные) социальные страхи	2	6,2%	93	9,4%
2.	Реальные и вымышленные (по философским основаниям)	2	6,2%	111	11,2%
3.	Массовые и индивидуальные	5	15,6%	114	11,5%
4.	Рациональные и иррациональные (по функциям восприятия);	2	6,2%	71	7,2%
5.	Кратковременные и длительные, затяжные (по временному интервалу)	1	3,1%	106	10,7%
6.	Осознанные и бессознательные (типология по психологическим основаниям)	3	9,4%	112	11,3%
7.	Внешние и внутренние	3	9,4%	104	10,5%
8.	Физиологические страхи (проблема здоровья, страх голода)	0	0%	46	4,6%
9.	Социально-экономические, политические, профессиональные страхи (по сферам жизнедеятельности)	5	15,6%	84	8,5%
10.	Родительские и семейные страхи	2	6,2%	44	4,4%
11.	Духовные страхи	1	3,1%	22	2,2%
12.	Все вышеперечисленные	6	18,8%	53	5,3%
13.	Затрудняюсь ответить	0	0%	33	3,3%
	Всего	32	100%	993	100%

Все типологии имеют индивидуальный набор свойств и особенностей, например, реальные и вымышленные социальные страхи определяются по философским основаниям, а кратковременные и длительные – по временному интервалу. Для выявления особенностей

данных типологий, необходимо окунуться в их содержание.

Специфические страхи представляют собой такие страхи, которые редко встречаются на практике и имеют какие-либо особенности проявления (модифицируются с течением времени), на-

пример, религиозный страх (в современное время он практически отсутствует у молодежи, а в XIX–XX веке имел место быть). К универсальным страхам, можно отнести, те страхи, которые не меняют своей значимости на протяжении времени, например, страх перед трудоустройством на работу /поступлением в университет, это обычный вид страха, который встречается у большинства.

Реальные и вымышленные страхи различаются в зависимости от того, наблюдается ли угроза в настоящий момент или находится на стадии мыслей. Примером реального страха может выступить страх увольнения или сокращения с работы, учитывая, что во многих государственных структурах Иркутской области наблюдается такая тенденция, а вымышленного – страх войны (учитывая, что никаких военных действий на территории России не ведется). Данная типология нашла свое подтверждение во взглядах С.Г. Кара-Мурзы и С. Кьеркегора.

Массовые страхи представляют собой такие страхи, которые являются общераспространенными, чаще определяются в группе людей. Примером может послужить страх несвободы (из-за прослушивания телефонов, контроля за сообщениями), в то время как индивидуальный (например, страх ответственности) страх, как правило, характерен для одного человека и может выступать в качестве фобии. Концепция массового страха отражалась в трудах Х. Ортеги-и-Гассета.

Рациональные и иррациональные страхи различаются по функциям восприятия. Так, рациональный страх имеет какую-то форму, он реален и представляет риск, иррациональный – в то время характеризует ситуацию более впечатлительно. Например, страх темноты (появления в темноте хищника) может быть иррациональным, если он проявляется в комнате человека и рациональным, если человек по стечению обстоятельств оказался в лесу ночью.

Кратковременные и длительные под-разделяются по временному интервалу. Так, затяжными страхами могут являть-

ся страхи, продолжающиеся более, скажем, полгода (при условии постоянного наличия социального страха).

Осознанные и бессознательные социальные страхи определяются по психологическим основаниям. Осознанные страхи полностью определяются сознанием человека, тогда как бессознательные, проявляются только в экстренной ситуации (например, страх перед браком человеку случилось прочувствовать во время сделанного предложения, учитывая то, что раньше подобного опасения он не ощущал).

Внешние и внутренние социальные страхи. Внешним социальным страхом может выступить любой, страх, который материален и не заключается в опасениях относительно характеристик личности. Иными словами, социальный страх потери интеллекта, престижности социального статуса приравнивается к внутренним страхам.

Физиологические страхи представляют собой страхи, находящиеся, согласно пирамиде потребностей А. Маслоу, на первом уровне – страх голода, страх перед половым влечением. Социально-экономические, политические, профессиональные страхи подразделяются в зависимости от сфер жизнедеятельности человека, так страх неустойчивости относится к профессиональной группе, а страх несвободы слова – к политической.

Родительские и семейные страхи выделяются в зависимости от объекта, а духовные страхи обозначаю, в частности, страх быть глупым, страх остаться без источника познания.

Каждая типология уникальна по своему, в каждой прослеживаются свои особенности. Сходства можно проследить в следующих типологиях: реальные и вымышленные, рациональные и иррациональные, осознанные и бессознательные, потому как каждая из них определяется в зависимости от восприятия. Например, реальный и рациональный страх возможно перепутать из-за того, что оба, обычно, представляют собой какой-то материальный объект и представляют существующую угрозу.

Выводы

Отметим, что социальные страхи российской молодежи являются той проблемой, которая активно проявляется в России целом и Иркутской области в частности. Подобная ситуация обусловлена широким спектром причин, которые приводят к возникновению и росту социальных страхов, среди которых респонденты и эксперты в большей степени выделяют: социально-психологические, экономические, политические проблемы, проблемы самореализации и мотивации, семейные трудности и проблемы, связанные со средой пребывания, проживания (обеспечением комфортной среды).

Многообразию проблем современного общества породило большое количество социальных страхов. К их числу относятся: страх перед трудоустройством на работу, страх при поступлении в университет или другое учебное заведение, страх за материальное благополучие, страх ответственности и страх невостребованности и ненужности. Сходство типологий состоит в наличии закономерностей сравнения, а для таких типологий как: реальные и вымышленные, рациональные и иррациональные, осознанные и бессознательные общим является основание, т.е. восприятие человеком того или иного страха.

Литература

1. Айк Д. Страх. Концепции фрейдистского психоаналитического направления / пер. с нем., общ. ред. А. Боквикова // Энциклопедия глубинной психологии. Том 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. – М.: ЗАО МГ Менеджмент, 1998. – С. 520–532.
2. Астафьев Я.У. Массовый страх в регионе / Я.У. Астафьев, Ф.А. Хохлушкина // Страхи и тревоги россиян. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. – С. 110–138.
3. Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки / А.С. Ахиезер // Общественные науки и современность. – 1995. – № 6. – С. 42–52.
4. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Грицких Н.В. Проблемы и модели трансформации социальных связей и поведенческих практик молодежи в условиях пандемии COVID-19 в аспекте социальной активности (региональный опыт) / Н.В. Грицких, А.А. Анохина // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде: [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25–27 ноября 2021 г. Тематический сборник статей. – Электрон. текст. дан. (3,5 Мб). – Иркутск: Аспринт, 2021. – С. 169–175.
6. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
7. Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярная лекция по философии: пер. с англ. / У. Джеймс. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2011. – 240 с.
8. Дюркгейм Э.Д. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. составление, послесловие и примеч. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
9. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 5–23.
10. Зиммель Г. Религия: социально-психологический этюд / Г. Зиммель. – М., 1909. – Из сод. гл. III и гл. V. – С. 32–51, С. 68–82.
11. Иванова В.А. Страхи и тревоги россиян: «Западники» и «традиционалисты» // Социологические исследования. – 202. – № 3. – С. 44–50.
12. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза – М.: Эксмо, – 2005. – 832 с.
13. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я.Н. Крупец //

- Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 143–144.
14. Кьеркегор С. Страх и трепет: пер. с дат. / С. Кьеркегор. – 2-е изд., дополненное и исправленное. – М.: Культурная Революция, 2010. – 488 с.
 15. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени / К. Манхейм – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
 16. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике / Г. Маркузе. – М.: АСТ, Астрель, 2011. – 384 с.
 17. Маслоу А. Мотивация и личность: пер. с англ. / А. Маслоу. – 3е изд. СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
 18. Новая философская энциклопедия. Том 4 / науч. ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семегин, А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
 19. Спенсер Г. Принципы социологии. Том 1 / пер с англ., нем., фр. – М.: Канон, 1998. – 432 с.
 20. Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики: сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 06.02.2023).
 21. Фрейд З. Истерия и страх / пер. с нем. А.М. Боковикова. – М.: «Фирма СТД», 2006. – 319 с.
 22. Фромм Э. Психоанализ и этика / сост. П.С. Гуревич, С.Я. Левит. – М.: АСТ, 1998. – 568 с.
 23. Швейцер А. Жизнь и мысли / пер. с нем. А.Л. Чернявского. – М.: Республика, 1996. – 528 с.
 24. Шпенглер О.Ш. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. А.А. Франковского, вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
 25. Шубкин В.Н. Страхи в России / В.Н. Шубкин // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 62–76.
 26. Ядов В.А. Структура и побудительные импульсы социально – тревожного сознания / В.А. Ядов // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 77–91.
 27. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

FEATURES OF TYPOLOGIES OF SOCIAL FEARS OF MODERN RUSSIAN YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Gritskikh N.V., Rybak N.S., Sarapulova L.N.
Irkutsk State University

The article analyzes social fear as a complex multi-vector socio-political phenomenon that acts as an indicator that shows the level of tension and dissatisfaction in society, as well as characterizes the quality of life at a certain stage of development. The aim is to identify and analyze the social fears of Russian youth and to determine the mechanisms of their minimization in modern Russian conditions (using the example of the Irkutsk region). Social fear as a phenomenon is interdisciplinary in nature, therefore, its study has been reflected among philosophers, psychologists, sociologists and political scientists. The interdisciplinarity of the research led to the choice of such methods as: document analysis, statistical analysis, as well as survey methods: questionnaire and expert survey. As a result, it was found that the social fears of Russian youth are the problem that is actively manifested in Russia as a whole and the Irkutsk region in particular. This situation is caused by a wide range of reasons that lead to the emergence and growth of social fears, among which respondents and experts mostly distinguish: socio-psychological, economic, political problems, problems of self-realization and motivation, family difficulties and problems related to the environment of stay, residence (providing a comfortable environment).

Keywords: social fear, typology, socio-political conditions, youth.

References

1. Ike D. Fear. Concepts of the Freudian psychoanalytic direction / transl. with him., total. ed. A. Bokovikova // Encyclopedia of Depth Psychology. Volume 1. Sigmund Freud: life, work, legacy. – М.: ZAO MG Management, 1998. – S. 520–532.
2. Astafiev Ya.U. Mass fear in the region / Ya.U. Astafiev, F.A. Khokhlushkina // Fears and anxieties of Russians. – St. Petersburg:

- Publishing House of the RKhGI, 2004. – S. 110–138.
3. Akhiezer A.S. Disorganization as a category of social science / A.S. Akhizer // *Social sciences and modernity*. – 1995. – No. 6. – S. 42–52.
 4. Beck W. Risk society. On the way to another modern / per. with him. V. Sedelnik, N. Fedorova. – M.: Progress-Tradition, 2000. – 383 p.
 5. Gritskikh N.V. Problems and models of transformation of social ties and behavioral practices of youth in the context of the COVID-19 pandemic in the aspect of social activity (regional experience) / N.V. Gritskikh, A.A. Anokhina // *Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony in the youth environment: [Electronic resource]: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, November 25–27, 2021. Thematic collection of articles. – Electron. text. Dan. (3.5 Mb).* – Irkutsk: Asprint, 2021. – S. 169–175.
 6. Dahrendorf R. Elements of the theory of social conflict / R. Dahrendorf // *Sociological research*. – 1994. – No. 5. – S. 142–147.
 7. James W. Pragmatism: a new name for some old methods of thinking: Popular Lectures on Philosophy: Per. from English. / W. James. – 3rd ed. – M.: LKI, 2011. – 240 p.
 8. Durkheim E.D. Sociology. Its subject, method, purpose / per. from fr. compilation, afterward and notes. A.B. Hoffman. – M.: Kanon, 1995. – 352 p.
 9. Zaslavskaya T.I. The social structure of modern Russian society / T.I. Zaslavskaya // *Social sciences and modernity*. – 1997. – No. 2. – P. 5–23.
 10. Zimmel G. Religion: a socio-psychological study / G. Simmel. – M., 1909. – From sod. ch. III and ch. V. – S. 32–51, S. 68–82.
 11. Ivanova V.A. Russians' fears and anxieties: "Westerners" and "traditionalists" // *Sociological research*. – 202. – No. 3. – S. 44–50.
 12. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness / S.G. Kara-Murza – M.: Eksmo, 2005. – 832 p.
 13. Krupets Ya.N. Social well-being as an integral indicator of adaptability / Ya.N. Krupets // *Sociological research*. – 2003. – No. 4. – S. 143–144.
 14. Kierkegaard S. Fear and Trembling: Per. from dates / S. Kierkegaard. – 2nd ed., supplemented and corrected. – M.: Cultural Revolution, 2010. – 488 p.
 15. Manheim K. Favorites. Diagnosis of our time / K. Manheim – M.: Lawyer, 1994. – 704 p.
 16. Marcuse G. Critical theory of society: Selected works on philosophy and social criticism / G. Marcuse. – M.: AST, Astrel, 2011. – 384 p.
 17. Maslow A. Motivation and personality: Per. from English / A. Maslow. – 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2008. – 352 p.
 18. *New philosophical encyclopedia. Volume 4 / scientific. ed. advice: V.S. Stepin, A.A. Guseinov, G. Yu. Semegin, A.P. Ogurtsov.* – M.: Thought, 2010. – 2816 p.
 19. Spencer G. Principles of sociology. Volume 1 / translation from English, German, French. – M.: Kanon, 1998. – 432 p.
 20. Labor resources, employment and unemployment [Electronic resource] / Federal State Statistics Service: website. – URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (date of access: 02/06/2023).
 21. Freud Z. Hysteria and fear / per. with him. A.M. Bokovikova. – M.: Firma STD, 2006. – 319 p.
 22. Fromm E. Psychoanalysis and ethics / comp. P.S. Gurevich, S. Ya. Levit. – M.: AST, 1998. – 568 p.
 23. Schweitzer A. Life and thoughts / per. with him. A.L. Chernyavsky. – M.: Respublika, 1996. – 528 p.
 24. Spengler O. Sh. Decline of Europe. Essays on the morphology of world history / transl. with him. A.A. Frankovsky, entry. Art. and note. K.A. Svasyan. – M.: Thought, 1998. – 663 p.
 25. Shubkin V.N. Fears in Russia / V.N. Shubkin // *Sociological Journal*. – 1997. – No. 3. – S. 62–76.
 26. Yadov V.A. Structure and incentive impulses of socially anxious consciousness / V.A. Yadov // *Sociological journal*. – 1997. – No. 3. – S. 77–91.
 27. Jaspers K. The meaning and purpose of history: per. with him. / K. Jaspers. – M.: Politizdat, 1991. – 527 p.

Основы и основания трансформации современного патриотизма

Иванов Роман Викторович,

доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: iromanviktorovich@bk.ru

В статье рассматриваются основные тенденции трансформации современного патриотизма. Выделяются базовые основы и перспективные основания патриотизма настоящего и будущего, выявляются факторы, провоцирующие социальную динамику и приводящие к стагнации и дезорганизации социальных процессов.

Ключевые слова: патриотизм, трансформация, мировоззрение, идеология, формы моделирования, Родина.

Патриотизм является важной составляющей культуры России. Он является элементом национальной идентичности народа и закреплён в Конституции РФ как одно из важных идеологических начал государства. Патриотизм в России проявляется в нескольких формах:

1. Любовь к Родине – патриотизм в России связан в первую очередь с любовью к Родине, к родным местам и культуре народа.

2. Сплочение вокруг общей идеи – патриотизм в России также означает сплочение вокруг общей идеи, которая имеет свою историческую и культурную значимость для россиян.

3. Ревностное отношение к государственности – патриоты в России отличаются ревностным отношением к государственности и законам страны.

4. Готовность защищать Родину – патриотизм в России также означает готовность защищать Родину, если потребуется [11].

В настоящее время в России проводятся различные инициативы, направленные на укрепление патриотических чувств в обществе. Например, проводятся праздники и мероприятия, посвященные значимым датам и событиям в истории России, повышающие интерес к культурному наследию страны. Также активно развивается военно-патриотическое движение, которое ставит своей целью пропаганду патриотизма и военной службы в России.

Основа российской идеи патриотизма является не только результатом развития русской цивилизации и народной веры, но также и итогом процесса национального возрождения отечественной культуры, религии и идеи централизованной власти. Изначально устойчивость и способность к воспроизводству русской национальной идеи напрямую связана с её естественной природой.

Депрессивный характер российского общества в целом является результа-

том влияния ряда факторов, таких как: экономические санкции с 2014 года, падение цен на нефтепродукты, снижение курса российской валюты и всеобщая эпидемиологическая опасность. Современное российское общество имеет совершенно нерешенные проблемы, негативно влияющие на условия формирования общественного сознания и определяющие высокий уровень воздействия внешних воздействий на основные элементы его структуры [12]. Названные факторы способствовали обострению серьезных социально-экономических проблем: кризису российской экономики, постоянному удорожанию жизни в стране, повышению цен, падению уровня и качества жизни населения страны в целом.

Патриотизм – это чувство любви к стране нашего рождения – это самое глубокое и основополагающее чувство человека. Любовь рационально не оправдана, иначе это не любовь, люди не выбирают свои семьи и племена, которые предопределены свыше, поэтому со временем она стала напрямую связана с религией. В современной России еще есть что сохранить, а в русском обществе есть чем гордиться. Поэтому важно знать и помнить историю нашей страны. Патриотизм – неотъемлемая часть духовной жизни общества и главный симптом духовного целителя нации [13].

Патриотизм связан с инстинктом выживания, привязанностью к определенной территории, на которой человек питается и выживает, защищая ее от нападений иностранных племен, также патриотизм связан с накопленными духовными традициями предков.

Духовные традиции – самые передовые технологии в существовании рода, они не присущи только крови, основным условием существования рода является взаимодействие с землей в которой духовные привычки играют важную роль.

За прошедший период с 2014 до 2020 гг. в Российской Федерации сформирована функциональная система социального контроля, идеологически оформленная как консервативный

охранительный патриотизм, на основе создания административной системы федеральных органов власти.

Обращаясь к проблемам развития идей патриотизма в среде молодежи, выработки принципов и использования в управлении людьми объединяющих факторов, следует сказать о роли солидарности. Исследователь В.П. Бабинцев, считает для современного российского общества характерно уничтожение общественных связей: «Отношение людей к социальным институтам стали чисто формальными, и граждане отказываются реагировать на проблемы, направленные на них от имени государства и общества, в то же время конструктивно сотрудничая друг с другом» [6, с. 120]. Говоря об оценке уровня единства в современной России, исследователь подчеркивает, что дискредитация идеи единства является чертой современного русского общества; необычное творение личного и социального сознания, в котором сосуществуют противоположные тенденции; социальная заброшенность; иррациональность и даже абсурдность социального мышления; негативная самооценка, неуважение к мировой истории, недовольство, неуверенность в себе, массовая общественная апатия и равнодушие.

В качестве источника формирования такой системы социального контроля на наш взгляд можно рассматривать государственную идею «охранительного имперского патриотизма», созданную в дореволюционной Российской империи. Идеи консерватизма на государственном уровне в России развивались с XVIII века: Н.М. Карамзин и Ф.В. Ростопчин поддерживали сохранение традиционной социальной иерархии, рассматривали дворянство как поддержку престола и государства; они были крайними противниками отмены тотальной администрации и считали ее предпосылкой крупной социально-политической катастрофы; любая реформа, которая подрывала революцию и традиции, была неприемлема. В 1812 г., административный опыт Ростопчина способствовал то-

му, что он приобрел репутацию патриота [цит. По 7.].

В современной России подобный образ ловкого и зарвавшегося патриота имеет свое продолжение в деятельности губернаторов и лидеров современных общественно-политических движений. Проявление консервативного патриотизма в современной России также связано с консервативным характером пенсионной, налоговой и конституционной реформ 2018–2020 годов.

В результате с 2018 года было много протестов, антиправительственных демонстраций и демонстраций, которые продолжаются регулярно и по сей день. Повышенная вероятность опасной ситуации в социально-политической и экономической системе современной России привела к реакции социальной и политической элиты, что привело к значительному повышению важности защитных концепций и идей и их практического применения в развитии страны [1–5].

Во все периоды, связанные в России с обострением социально-политической ситуации в русском обществе молодежь являлась движущей силой и так называемой лакмусовой бумагой в процессе реакции на решения государственной власти. Следует отметить, говоря о характеристике современного мировоззрения молодежи и уровне патриотизма, что большая часть молодежи достаточно инертна и не готова бороться за свои права в общественно-политических организациях. Они не готовы нарушать закон, но и активно отстаивать его интересы также не рвутся... Из допустимых методов политической борьбы все молодые люди указывали на словесные и легальные методы борьбы. Это указывает на их сложившуюся систему ценностей и мировоззрения [8, 14].

Длительный период социальной нестабильности, связанный с переходным этапом построения общества и государства с начала 90-х годов в России, способствовал формированию неуверенности в завтрашнем дне среди большинства населения регионов России. Наличие страхов перед реальными или вероятными угрозами фиксируется

различными социальными исследованиями, в разной степени подчеркивающими значительную роль негативного восприятия реальности в этих процессах и серьезный груз ответственности за такое положение вещей, которую граждане возлагают на российскую власть.

Данное представление служит для многих социальных слоев психологическим механизмом своего рода негативной адаптации к изменившимся социальным условиям: ответственность за собственное неудовлетворительное социальное положение перекладывается на внешние обстоятельства, в частности на власть, не контролирующую ситуацию.

Также одним из факторов, влияющих на уровень развития патриотизма социальной интеграции, является феномен социального доверия. Доверие является способностью, которая характеризует социальную ткань общества. Элементы социального доверия всегда уникальны и определяют внутренние и внешние изменения в социальной системе. Недоверие, конечно, является признаком отсутствия поддержки институциональных и управленческих структур

Дополнительным фактором, препятствующим развитию идей патриотизма в молодежной среде, являются экстремистские идеи, укоренившись в сознании молодого человека, они могут способствовать совершению незаконной деятельности: от раскраски стен домов радикальными лозунгами, до действий против людей разных вероисповеданий и национальностей, а также негативного отношения к представителям любой социальной группы (инвалиды, ветераны, нетрадиционная сексуальная ориентация).

Направления социальной трансформации патриотизма в России

Влияние государственной власти на утверждение патриотизма в сознании граждан оценивается в последние годы самими представителями руководства страны. «В послании президента

РФ Федеральному собранию в 2016 году указано, что главные проблемы государственного строительства – «это низкая эффективность государственной власти и коррупция». Патриотизм, «ответственность за страну формируется не лозунгами и призывами, – подчеркнул Президент, – а когда люди видят, что власть прозрачна, доступна и сама «вкальывает» во имя страны, города, региона, поселка и каждого гражданина, учитывает общественное мнение» [6]. В послании президента подчеркивается важность открытости власти, её доступности для гражданского населения, как основы для укрепления общественной морали, консолидации и гражданского общества.

С точки зрения президента формирование механизмов прозрачности власти должно способствовать повышению авторитета государственной власти. Если рассматривать обращения президента к Федеральному собранию, Прямую линию с президентом и личное участие президента во всех социально значимых событиях в течение календарного года (праздниках, форумах и официальных ежегодных мероприятиях) в качестве действующих механизмов повышения уровня прозрачности власти. Так же можно сделать вывод о постоянном наращивании мер по искусственному стимулированию и развитию идеи патриотизма на государственной основе [15].

Охранительная направленность российской идеи патриотизма является его основной функцией, таким образом, сохранение статус-кво государственного политического режима является самоцелью функционирования властных структур. Любые несанкционированные социально значимые выступления расцениваются как прямой вызов власти, примерами, могут служить общественные выступления в августе 2019 года, а также протестное движение в 2011–2013 годах – все указанные общественные выступления подавлялись с привлечением силовых структур и длительным тюремным заключением для участников без предъявления обвинений.

Дискуссионность понятия «патриотизм» объясняется не только его слож-

ной природой, многообразием форм проявления, но и рассмотрением проблем патриотизма исследователями, опирающимися на постулаты разных политических культур и имеющими различные идейно-теоретические установки. Споры о полезности или деструктивности патриотизма продолжаются и в наши дни, в том числе между российскими либералами, значительная часть которых придерживается некой «единой мировой культуры», и консерваторами, отстаивающими «исконно национальную независимость» государств и цивилизаций [8, 16].

Каждая политическая культура включает как нормативные (обязательные-нормативные), так и реалистичные модели патриотического поведения идеальные модели часто продиктованы формальными идеологиями, они служат моделями патриотизма, а модели реального поведения, которые зависят от личной ценностной ориентации и индивидуального положения, способствуют разделению носителя патриотизма в основном, как норма и фактическая модель патриотического поведения принадлежат к группе зависимых переменных, поэтому дисперсия этого понятия с точки зрения социально-политического статуса.

Нельзя отрицать, что в каждом обществе нет моральной сущности самой по себе, что свидетельствует о сущности патриотизма, которая проявляется в применении эгоцентричного подхода, разделенного на универсальный и конкретный универсальный подход к патриотическому поведению – это любовь к ближним, уважение к старшим, соблюдение правил человеческого социального поведения, значительная часть которых имеет долгосрочное значение. Государство, судебная система и экономические отношения меняются из-за изменений в политических и культурных компонентах, включая политический и моральный материал общества, известный как политическая культура.

Сложность решения проблемы определения механизма превращения его в патриотический национализм заклю-

чается в том, что даже в его крайних проявлениях явления, которые кажутся полностью противоположными друг другу, основаны на схожих приоритетах, что объясняет такую устойчивую тенденцию, как возрождение национализма, уже обретаемого во всем мире.

В последнее время стало модно цитировать английского писателя Сэмюэля Джонсона, что патриотизм является последним убежищем негодяя. Эта модель возникла в связи с распадом Советского Союза, изменением его взглядов и отрицанием всех приоритетов, которые он выиграл. В советское время патриотизм означал приверженность идеологии социализма и коммунизма и, следовательно, организационным ценностям этой социальной структуры. Однако в знаменитых брошюрах Марка Твена, таких как «О патриотизме» и «О защите генерала Фанстона», уже возник вопрос о том, что любой извращенный или преступный поступок покрыт ложной моральной идеей патриотизма. В своей работе Твен осуждает использование патриотических лозунгов, а не для прикрытия действий и действий, противоречащих морали.

Вопреки разумной логике и универсальной морали удивительно, что миллионы людей в стране (например, Латвия, Эстония, а теперь и Украина) готовы воспринимать любое преступное деяние как выражение патриотизма. Например, в Латвии большинством голосов 3 октября 18 года первый день битвы на латвийской территории «Ваффен-СС», организованный личным приказом А. Гитлера, осужденного во всем мире, был объявлен государственным праздником; в Таллинне, 1999 г., 5 марта 19 года были торжественно похоронены останки бывшего командира 20-й дивизии альфонса Рабан. В 1998 году в редакционной статье Генриха Гимmlера книга антисемитская доктрина, опубликовано латвийскими фашистами в 1942 году, переиздан в Латвии. Как украинская народная РОА и Белорусский Народный фронт, в их рядах значительное количество единомышленников.

Сложная картина мира и его основная реальность приводит к новому ви-

дению мира, мировоззрению, взглядам и, в конечном итоге, истинно моральной потребности. Обращение к проблеме патриотизма, его сущности, содержания, механизма, выражения и условий изменений сделало это явление одной из самых насущных проблем нашего времени.

Глобальные кризисы, конфликты и локальные войны связаны с драматическими изменениями во всех сферах жизни современной цивилизации. Для развития высокого нравственного характера и общества очень важно создать внутреннее пространство, в котором особая атмосфера, эта атмосфера, стимулирует и стимулирует проявление творческого поведения и гуманистической деятельности. Это среда, которая мотивирует человека быть активным, успешным и, следовательно, развиваться и совершенствоваться.

Сегодня патриотизм в России растет как никогда, а национальные традиции активно возрождаются. Однако ценности некоторых СМИ несовместимы с ценностями и моралью общественности. И правительство, и оппозиционные СМИ переоценивают одни концепции и недооценивают важность других. Вопрос в том, что важнее для одних и других. Оппозиционные электронные издания, критика существующую систему, предлагают альтернативные проекты социального развития. Информационная политика такой газеты включает антиполитическую пропаганду и унижение представителей нынешнего правительства [17,18].

Политическая трансформация как процесс перехода от одного политического механизма к другому представляет собой объективный процесс, поскольку он не зависит от действий конкретных лиц. Но, говоря о процессе трансформации в постсоветских странах, то её осуществлением занимался конкретный круг лиц, значит, этот процесс страновится субъективно зависимым [9,19].

Ценности политически вовлеченных публикаций несовместимы с ценностями оппозиционных публикаций, а некоторые материалы противоречат друг другу. В различных течениях российской прес-

сы нет областей общего значения. Таким образом, существует два основных направления журналистского мнения о патриотизме: первое – это отрицание понятия патриотизм и нелепое, агрессивное отношение к патриотическим ценностям в статьях оппозиции; во втором преобладает тема классического патриотизма – память, внимание к людям, ответственность, гордость людей, материнство и т.д.

В самом общем виде патриотов можно разделить на две группы: Радикальные и творческие. Первый довольно жесток, иногда слепо придерживается радикальной концепции государства и обычно основан на идее превосходства над другими людьми. Исторически консервативные и националистические идеи возникали на основе таких патриотических, тоталитарных и авторитарных режимов.

Творческий патриотизм основан на защите интересов Родины и людей, живущих на ее территории, любви и верности Родине. Он позволяет критиковать режимы, идеологии и способы достижения единства между людьми и часто предоставляет альтернативные варианты вербовки других граждан. Творческий патриотизм в чистом виде является основой и условием развития гражданского общества.

Современные экономические условия могут еще больше изолировать общество, объединяя его и создавая новые социальные мифы

Патриотизм может включать четыре уровня понимания социального воспроизводства [20,21].

1) когнитивный уровень – знание истории, культуры, географии, климата, демографии и других важных социальных характеристик страны.

2) эмоциональный уровень – эмоциональная оценка прошлых, настоящих и будущих событий, связанных с жизнью страны, сообщества или страны.

3) идеальный уровень – ценная идея истинных граждан, истинных патриотов страны, уровень, применяемый в повседневной жизни каждым жителем.

4) поведенческий уровень – прямые действия и действия, указывающие на уровень патриотизма гражданина, демонстрирующие самоуважение в структуре государственного патриотизма.

Зависимость от внешних условий и социально-экономических и политических условий страны влияет не на идеологический вклад партийного руководства, а на уровень патриотизма. Более того, общество объединяется не вокруг положительных явлений, которые могут объединить общество, а вокруг негативных и деструктивных процессов.

Наиболее развитым среди молодежи является только эмоциональный уровень патриотизма. Однако следует понимать, что без поддержки всех других уровней он скоро станет авторитарным, превратившись в привычку терять свое значение, поскольку когнитивный и поведенческий уровень формируется на основе идеальных идеалов и ценных идей. Невозможно создать единое общество, которое отрицает и отбрасывает патриотические ценности и любовь к Родине.

Культура не строго контролируется людьми; исчезновение универсальных ценностей, а также самого ответственного в культурном отношении человека – самая ужасная проблема нашего времени. Обращаясь к истории, мы видим, что люди прошлых веков держали свое поведение под постоянным контролем, сравнивая его с общепринятыми нормами и образцами [22].

На сегодняшний день очень быстро меняются социально-политические условия в стране, вследствие чего перед государством стоит не только проблема приспособления к изменяющейся ситуации, но и совершенствования организационной системы управления, увеличения своего потенциала [10].

В современном российском обществе активно ведется поиск новых национальных идей, которые возлагают большие надежды на возрождение России. Национальные идеи – это явления, которые включают не только сознательные мысли, значения, цели и задачи, но и отношение к достижению этих идей и целей, бессознательные мотивы действий.

Понятно, что новые национальные идеи должны работать, чтобы консолидировать и консолидировать общество, решать важнейшие проблемы, укреплять патриотизм и национальное достоинство русского народа. Другими словами, новая национальная идея должна выражать высшие духовные ценности и потребности в качестве приоритета; в упорядоченной системе интересов общие интересы должны быть поставлены выше эгоцентрических интересов групп и отдельных лиц, а не подавлять индивидуальность.

Существует общая потребность в новой национальной идее, которая может создать для каждого человека реальную возможность свободного и всеобъемлющего развития и обеспечить единство всех граждан в единой общественной цели. Благодаря этой идее человек приобретает систему ценностей, которая поможет создать новые руководящие принципы, идеи об обществе, в котором он живет, пути его развития, цели и идеи. Для общества это означает обретение смысла исторического существования.

Однако, к сожалению, сегодня, фактически, вместо национальной идеи объединения России существует конкуренция между некоторыми концепциями разделения российского общества. Таким образом, сторонники либерализма требуют быстрого создания экономических, социальных, политических, культурных и информационных систем, которые точно воспроизводят основные параметры западного общества. Эта концепция, на наш взгляд, сочетает в себе элементы утопий и разрушения. Утопизм не может точно повторить западные институты в России по нескольким причинам. При слепом копировании образец неэффективен и искажен. Реорганизация России по западным стандартам также невозможна, поскольку западные страны этого не хотят.

Таким образом, конкуренция альтернативных концепций отражает проблему развития интегральных идей, которые устраняют один аспект и ограничение существующих концепций. Мы считаем, что такая концепция может стать осно-

вой для консолидации российского общества и послужить идеологической основой для возрождения и процветания нашей страны. Для его развития необходимо полагаться на социокультурных захватчиков-духовность, сплоченность, суверенитет.

В последние годы в современном российском обществе растет интерес к патриотизму. Эта тенденция объясняется, во-первых, политическими изменениями, происходящими в стране и мире, а во-вторых, необходимостью выявления социальных и политических характеристик патриотизма. Следует отметить, что проблема патриотизма особенно заметна во времена радикальных структурных изменений в государственной политике, изменений в направлении социального развития, политических расколов, социально-экономических рецессий и рецессий. Все это является основой наличия явного неравенства среди граждан любой страны, в том числе Российской Федерации.

Глобальная тенденция глобальных политических изменений реализуется по-разному в зависимости от конкретной исторической ситуации каждой страны. В частности, процесс политической трансформации типичен для стран с постсоветской политической системой, таких как Россия. Одна из проблем патриотизма-политический плюрализм в процессе политических изменений.

В развитых странах принцип обеспечения политического плюрализма в процессе политических изменений был принят следующим образом: принцип общего права голоса; принцип равенства выборов; принцип тайного голосования; принцип прямых выборов.

В это трудное время государство обязано своевременно выявлять существующие проблемы, выявлять причины их возникновения и предпринимать ряд шагов для их эффективного устранения. Россия в настоящее время находится именно в этом положении, и страна с помощью своего аппарата должна уметь координировать всю систему политических институтов страны для достижения своей долгосрочной цели, одной из ко-

торых является повышение роли патриотизма в обществе.

Это включает в себя развитие патриотических идей и использование стратегических методов управления, которые позволят стране достичь своих целей в постоянно меняющейся внешней среде. Еще одна проблема патриотизма в период политических перемен – определение роли государства в этом процессе.

Большинство авторов согласны с рядом позиций по этому вопросу, и одним из главных признаков государства в период политических изменений является:

- защита прав человека;
- установление правовых приоритетов, защита интересов, прав и свобод граждан;
- установление легитимности во всех видах отношений;
- единство прав и законов; декларация верховенства Конституции и ее прямых последствий;
- защита внутреннего и внешнего суверенитета;
- уважение легитимности Конституции;
- защита территориальной целостности;
- социальная, экономическая и политическая стабильность.

Выводы

На наш взгляд, особое внимание следует уделять патриотическому образованию, поскольку дух патриотизма дает новый импульс духовному возрождению молодежи и играет роль идеологического проводника сохранения культурных и национальных ценностей мира, хороших соседей, терпимости, межэтнических и межпоколенческих отношений. Реализация естественной потребности молодежи в патриотизме является предпосылкой для их духовного и материального развития, создания человеческого образа жизни, знания исторических, культурных, национальных и духовных аспектов, связанных с их родиной, понимания демократических перспектив ее развития в современном мире.

Сегодня как никогда необходимо создать реальный образ России как про-

цветающей, справедливой и уважаемой страны в мире.

Хотя патриотическое образование является довольно эффективным способом привить патриотизм и идеи населению, непоследовательность этой категории, включенной в влияние государства на общество, может привести к замене концепций и идеи патриотизма через призму отношения государства к власти.

Исторически реальный вклад населения в дела государства произошел во время мировых исторических изменений в этот период, роль патриотизма в обществе значительно возросла, и это может произойти даже сегодня в период политических изменений в России патриотизм, с одной стороны, является политической доктриной, одним из важнейших элементов политической жизни страны и существенным явлением в современном обществе.

Конечно, патриотизм более развит в некоторых социальных группах, например, в армии, в то время как семья играет большую роль в патриотическом образовании в мире, чем в государственных учреждениях сегодня, Россия находится на экономическом и политическом этапе перехода, когда важно развивать моральный потенциал общества и повышать роль национальных идей в общественном сознании.

Реализация и поддержка патриотизма, как и любой другой идеи, может столкнуться с рядом проблем, включая:

1. Неоднозначность идеи – патриотизм может иметь различные интерпретации, что может привести к неоднозначности его реализации. Некоторые подходы к патриотизму могут быть противоположны друг другу и создавать трения в обществе.

2. Излишний национализм – осуществление патриотических программ может создавать излишний национализм, что в свою очередь может породить различные формы дискриминации.

3. Опасность религиозного рассогласования – патриотические идеи могут также не совпадать с религиозной убежденностью людей, отчего в обществе мо-

гут возникнуть противоречия и религиозный рассогласование.

4. Необходимость пропаганды – реализация патриотических программ потребует организации пропаганды, чтобы информировать и привлекать людей к идее патриотизма, но именно этот фактор может породить дискуссии о том, насколько свободно должны быть распространяемы идеи патриотизма.

5. Претензии на исключительность – можно наблюдать одновременно и претензии на исключительность в рамках сильных проявлений патриотизма со стороны различных групп и стремление к глобализации и увеличению международной интеграции, что может столкнуться с противоречиями и негативными оценками конкретных стран.

6. Потенциально заострение международной напряженности – сильное ощущение гордости и традиционного подъема национальной идентичности, созданное в результате патриотических программ, может привести к заострению отношений с другими странами.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания россиян. Монография. М.: РГСУ, 2021. 184 с.
4. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
5. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
6. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. Стратегия формирования солидарно-
- го общества в регионе // Дискуссия. 2013. № 5–6. С. 121.
7. Иванов Р.В. Патриотическое сознание современной молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 21–28.
8. Иванов Р.В. Изменение смыслов патриотизма в молодежной среде (2010 и 2017 гг.) // Социология. 2018. № 2. С. 108–112.
9. Иванов Р.В. Качество патриотизма в современной России // Социология. 2019. № 4. С. 21–26.
10. Иванов Р.В. Направления реализации государственных проектов по развитию патриотического воспитания в региональных образовательных учреждениях // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 209–213.
11. Иванов Р.В. Толерантность, патриотизм и социальное неравенство // Социология. 2018. № 4. С. 20–22.
12. Иванов Р.В., Полюшкевич О.А. Патриотизм и идентичность в современных российских фильмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 18. С. 44–55.
13. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.
14. Малых С.В. Культура патриотизма в университетской среде // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно – практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 472–476.
15. Полюшкевич О.А. Новая идентичность в современном патриотическом кинематографе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 192–202.

16. Полюшкевич О.А. Духовная безопасность или провокация: анализ современных патриотических фильмов // Социальные проблемы и безопасность российских регионов. Материалы второго Байкальского научного социологического симпозиума. Иркутск, ИГУ, 2015. С. 259–266.
17. Полюшкевич О. А. Духовно-идеологические основы формирования мировоззрения через патриотический кинематограф // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2022. С. 278–282.
18. Полюшкевич О.А. Патриотизм как форма просоциального поведения // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, ХГУКИ, 2020. С. 1037–1044.
19. Полюшкевич О.А. Экономический патриотизм в процессах социокультурной солидарности жителей Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 112–114.
20. Скуденков В.А. Экономические притязания в структуре патриотизма студенческой молодежи // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 2. С. 82–84.
21. Скуденков В.А. Экономический патриотизм и социальные притязания молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 48–53.
22. Сташко Г.В. Патриотическое воспитание молодежи в Российской Федерации: проектирование и реализация // Апгрейд социальных проектов: этапы стартапа. Обновление 2025. Материалы Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 279–283.

FOUNDATIONS AND GROUNDS FOR THE TRANSFORMATION OF MODERN PATRIOTISM

Ivanov R.V.
Irkutsk State University

The article discusses the main trends in the transformation of modern patriotism. The basic foundations and perspective foundations of patriotism of the present and the future are singled out, factors provoking social dynamics and leading to stagnation and disorganization of social processes are identified.

Keywords: patriotism, transformation, worldview, ideology, modeling forms, Motherland.

References

1. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
2. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
3. Ardashev R.G. The irrationality of the public consciousness of Russians. Monograph. M.: RGSU, 2021. 184 p.
4. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving the Future // Sociology. 2021. No. 2. S. 60–67.
5. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
6. Babintsev V.P., Ushamirskaya G.F. Strategy for the formation of a solidary society in the region // Discussion. 2013. No. 5–6. С. 121.
7. Ivanov R.V. Patriotic consciousness of modern youth // Sociology. 2023. No. 1. S. 21–28.
8. Ivanov R.V. Changing the meanings of patriotism in the youth environment (2010 and 2017) // Sociology. 2018. No. 2. S. 108–112.
9. Ivanov R.V. The quality of patriotism in modern Russia // Sociology. 2019. No. 4. S. 21–26.
10. Ivanov R.V. Directions for the implementation of state projects for the development of

- patriotic education in regional educational institutions // In Search of Social Truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 209–213.
11. Ivanov R.V. Tolerance, patriotism and social inequality // *Sociology*. 2018. No. 4. S. 20–22.
 12. Ivanov R.V., Polyushkevich O.A. Patriotism and identity in modern Russian films // *Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*. 2016. V. 18. S. 44–55.
 13. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right*. 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.
 14. Malykh S.V. Culture of patriotism in the university environment // *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethno-regional identity and a positive image of a small motherland. Materials of the All-Russian scientific – practical conference with international participation*. Managing editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 472–476.
 15. Polyushkevich O.A. New identity in modern patriotic cinema // *Humanitarian vector*. 2022. Vol. 17. No. 2. pp. 192–202.
 16. Polyushkevich O.A. Spiritual security or provocation: analysis of modern patriotic films // *Social problems and security of Russian regions. Materials of the second Baikal scientific sociological symposium*. Irkutsk, IGU, 2015. S. 259–266.
 17. Polyushkevich O.A. Spiritual and ideological foundations of the formation of a worldview through patriotic cinema // *Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. Makhachkala, 2022, pp. 278–282.
 18. Polyushkevich O.A. Patriotism as a form of prosocial behavior // *Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions*. Khabarovsk, KhGUKI, 2020. S. 1037–1044.
 19. Polyushkevich O.A. Economic patriotism in the processes of sociocultural solidarity of the inhabitants of the Irkutsk region // *Sociocultural dynamics of the Irkutsk region in the XX – early XXI century. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation*. Irkutsk, IGU, 2017, pp. 112–114.
 20. Skudenkov V.A. Economic claims in the structure of student youth patriotism // *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2018. No. 2. S. 82–84.
 21. Skudenkov V.A. Economic patriotism and social claims of youth // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. materials of the IV All-Russian scientific-practical conference*. Irkutsk, IGU, 2018, pp. 48–53.
 22. Stashko G.V. Patriotic education of youth in the Russian Federation: design and implementation // *Upgrade of social projects: startup stages. Update 2025. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. 2019. S. 279–283.

Геймификация в образовании. «Victoria II» как объект социального моделирования

Полов Максим Юрьевич,

старший преподаватель, преподаватель кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: DEADnapoleon@mail.ru

В статье рассмотрена возможность применения игры «Victoria II», в качестве наглядной социальной модели, в целях изучения особенностей общества, подходов к прогнозированию и глобальных процессов. Показывает возможность использования геймификации в процессе социального моделирования и социологического воображения студентов.

Ключевые слова: геймификация, социальное моделирование, прогнозирование, интеграция, социологическое воображение.

Геймификация – это уникальный феномен современности, который постоянно развивается в наше время. Геймификацию, мы можем рассматривать как новый этап развития игры в современной культуре, а как наиболее интересную цель, можно выделить идею вовлечения людей в участие к какой-либо неигровой деятельности путем внедрения в нее игровых механик [2]. Основными факторами популярности геймификации являются:

1. В первую очередь, это такой фактор как, современный этап развития технологии, в русле которых зародилась и развивается современная индустрия видеоигр. Здесь также немаловажно отметить параллельный процесс развития медиа-технологии и инфраструктуры, массовое распространение персональных компьютеров и видеоигровых приставок, сети интернет, одновременно с этим развивались и технологии мультимедиа, в первую очередь такие как проведение видеоконференции.

2. Во-вторых, это современные поколения, которые на Западе с 80-х, а в странах СНГ с 90-х годов, были массово вовлечены в видеоигры, как в новый формат развлечений. Социализация и развитие большинства детей, подростков и студентов, в развитых странах сопровождается самыми разными видеоиграми. Совокупность этих двух факторов создает среду, в которой, возможно развитие и массовое внедрение геймификации, как инновационного подхода в образовательный процесс. Так как, с одной стороны существует и развивается многомиллиардная индустрия видеоигр, где игры все чаще становятся не просто развлечением, но и элементом искусства, моделью реальности, интерактивной книгой или музеем [8]. Зачастую разработчики и издатели ставят перед собой цель создать реалистичную модель мира, (и здесь неважно реальный ли это мир, или же фантастический,

сама модель должна быть реалистичной для игрока). Создание таких реалистичных моделей реальности, может привести к возможности для человека получить опыт, максимально приближенный к реальному, что раскрывает игру как потенциальный источник опыта, получения которого является трудным или рискованным по каким-либо причинам. С другой же стороны, современное поколение, выросшее в новой медиа среде видеоигр, позитивно воспринимает схожий опыт за пределами мира видеоигр. Для современного человека язык игры становится одним из их средств коммуникации, которое требует реализации во всех сферах [6]. Представители современного поколения, являют собой новую волну молодых специалистов, с высоким уровнем конкуренции на рынке труда, где немаловажным фактором будут их новые навыки, связанные с опытом геймификации. Следовательно, продуманное внедрение геймификации, во многих сферах деятельности может положительно повлиять на эффективность того или иного рода деятельности. Что делает геймификацию не просто желательной, но и необходимой частью процесса модернизации во многих сферах человеческой жизни [7].

Если говорить об образовательном процессе, довольно сложно представить по-настоящему актуальное образование без использования новейших подходов в образовательном процессе. С появлением новых технологий и изменением способов обучения, педагогическая практика континуально изменяется. Новый подход к образованию – геймификация – где элементы игр были интегрированы в различные аспекты процесса обучения [9].

Геймификация в образовании – это процесс включения игровых элементов в обучающий курс. Геймификация может быть использована в различных контекстах образования, от начального до высшего уровня образования [1]. Эта техника использует типичные элементы игр, такие как выполнение задач, получение достижений, соревнование, коллективная работа и получение наград, чтобы

создать более увлекательный процесс обучения для учащихся.

Такая практика повышает вовлеченность и мотивацию обучающихся, позволяет более эффективно усваивать материал [11]. Если раньше геймификация применялась для обучения детей дошкольного и младшего школьного возрастов, то сейчас геймификацию все чаще рассматривают, и как эффективный инструмент обучения для любых возрастных групп.

Основным преимуществом геймификации в образовании является увеличение мотивации учащихся и повышение интереса к процессу обучения. Это позволяет привлечь тех учеников, которые не проявляют достаточного интереса к обычному, традиционному учебному процессу [4].

Также важное место в образовательном процессе всегда занимает моделирование, моделирование в образовании – это целостная, взаимосвязанная и взаимообусловленная совокупность приемов, логических операций познания (наблюдение, анализ, синтез, построение гипотез, формализация, идеализация, абстрагирование, сравнение, аналогия, конкретизация, обобщение, классификация, систематизация, структурирование, построение умозаключений и др.) и практических действий моделирования (экспериментирование, интерпретация, верификация), выполняемых для построения и исследования модели объекта с целью изучения самого объекта [12]. Здесь важно понимание того, что любая игра является моделью реальности, в той или иной степени. Игра как модель реальности – это методика обучения, при которой игровые задания и ситуации используются для отражения реальных жизненных ситуаций и практических умений. Значит мы можем найти или создать такую игру, в которой с достаточной степенью достоверности, будет реализована необходимая нам в процессе обучения модель, любого объекта или процесса из реального мира. Игра может выступать как самостоятельный инструмент обучения,

так и использоваться в сочетании с другими методами.

Игра как модель реальности может быть использована в различных областях обучения – от развития креативности до профессионального обучения. Например, для обучения менеджеров можно использовать бизнес-игры, для обучения медицинских работников – медицинские симуляторы, для обучения программистов – игры на программировании и т.д. [5].

В процессе изучения социальных процессов, большое значение имеет применение и внедрение наглядных материалов, к примеру в процессе освоения и изучения, различных социальных явлений и взаимодействий, обучающиеся часто сталкиваются с затруднениями в понимании работы механизмов тех или иных процессов или явлений, их взаимного влияния, способов выявления наиболее важных аспектов и т.д.

На этом этапе, хорошим дополнением классического образовательного процесса может послужить геймификация, рассмотрим на конкретном примере игровую систему, где социальные и экономические модели могут послужить в качестве учебного материала, и при должном подходе повысить эффективность образовательного процесса [3].

В процессе разработки любой игры, создатели игры занимаются моделированием реальности в той или иной степени. Моделируются различные аспекты, в зависимости от задач и имеющихся ресурсов для разработки. Так как, очень важно создать достаточно достоверную модель реальности для погружения потенциального игрока, а значит и покупателя. Развитие игровой индустрии привело к тому что студии, находят способы смоделировать буквально все: серьезные физические модели, вплоть до подробных моделей космического пространства («Kerbal space program»), моделирование лицевой анимации в зависимости от взаимоотношений с главным героем, и темой разговора, подробное моделирование различных аспектов истории военного дела в играх посвященных Второй мировой войне. В таком моделиро-

ваний, часто используют самые продвинутые научные теории и гипотезу, или просто приглашают ученых в качестве консультантов.

Одной из важных задач образовательного процесса в гуманитарных науках, в том числе социологии, психологии, антропологии, экономики и политологии, является объяснение социальных процессов, анализ того, как они протекают, какие факторы оказывают на них влияние и как социальные процессы взаимодействуют друг с другом.

Объяснение социальных процессов имеет практическое значение для общества, поскольку помогает понимать причины и последствия социальных явлений, предсказывать их развитие и разрабатывать соответствующие стратегии и политики. Например, анализ социальных процессов может помочь понять, какие факторы влияют на уровень бедности в обществе и какие меры можно предпринять для его снижения. Таким образом, объяснение социальных процессов является одной из важнейших задач гуманитарных наук, которая имеет практическое и теоретическое значение и помогает обществу понимать и управлять своим развитием.

В случае использования такого метода, как геймификация, хорошей игрой в которой моделируются сложные социальные и экономические процессы является игра шведской студии «Paradox Interactive», «Victoria II»: Основные игры студии Paradox Interactive посвящены реалистичному моделированию различных исторических эпох, в зависимости от эпохи, выбираются наиболее важные для моделирования элементы, позволяющие наиболее точно и интересно отобразить «дух эпохи». Victoria II в свою очередь, отображает эпоху научно-технического и промышленного переворота второй половины 19 века, и началу века XX.

«Victoria II» – это стратегическая игра, которая служит отличным примером моделирования различных общественных процессов. Она может быть использована как учебный инструмент для изучения экономических, социаль-

ных и политических систем. Игра представляет собой симулятор управления государством в период с 1836 по 1936 гг. В ней игрок выступает в роли правителя одной из стран мира и должен балансировать между дипломатией, экономикой, войной и внутренней политикой. При использовании игры в образовательном процессе ученики могут изучать такие понятия, как:

1. Экономические системы: игра показывает, как различные экономические системы, такие как капитализм, социализм и феодализм, влияют на процветание страны.

2. Распределение ресурсов: в игре необходимо управлять ресурсами, такими как земля, труд, капитал и технологии. Ученики могут изучать, как оптимизировать распределение ресурсов для достижения наилучших результатов.

3. Социальные классы: игра отображает социальные классы, которые влияют на политическую и экономическую стратегию. Ученики могут изучать, как социальные классы влияют на исторические процессы.

4. Политическая система: игрок должен управлять политической системой, принимать законы, проводить реформы и поддерживать определенное политическое направление. Ученики могут изучать, как политическая система влияет на общество в целом.

Таким образом, использование «Victoria II» в образовательном процессе может помочь ученикам понять сложные системы, развить критическое мышление, аналитические и стратегические навыки. Кроме того, это может быть увлекательным и интересным способом изучения истории и социальных наук.

Рассмотрим более подробно моделирование социальных процессов в игре «Victoria II». Игра имеет множество элементов, связанных социальными процессами. Моделирование социальных процессов в игре «Victoria II» включает в себя следующие элементы:

1. Гражданские права: в игре присутствует механизм гражданских прав, который определяет, насколько гражданские права вашей страны свободны в своих дей-

ствиях. Чем больше гражданских прав у вас есть, тем больше свободы у вашего населения.

2. Различные рабочие движения: движение: Такой немаловажный в контексте изучения общества процесс, как зарождение и развитие различных рабочих движений также моделируется в игре «Victoria II» Различные социальные страты могут участвовать в забастовках и других формах протестов, чтобы выразить недовольство вашей политикой или политикой других государств, относительно их социально-экономического положения.

3. Политические идеологии: Игрок может выбирать различные политические идеологии, чтобы определить, каким образом его государство будет управляться. Это может включать в себя такие различия, как социализм, коммунизм, либерализм и консерватизм, но что более важно, различные социальные группы, тоже определяют для себя, какая идеология им наиболее близка, что вынуждает игрока более серьезно относиться к политическим движениям в своей стране, и учиться балансировать, различные указы и решения, во избежание крупных социальных потрясений (вплоть до революции).

4. Расовые отношения: В игре «Victoria II» также присутствует механизм расовых отношений. Ваша страна может иметь различные религии, языки и культуры, и вы можете установить отношения между этими группами, повлиять на столкновения и чувства.

5. Демография: В игре «Victoria II» моделируется демографическая структура вашего населения. Это включает такие факторы, как рождаемость, смертность и миграция, которые могут влиять на эволюцию общественной жизни.

6. Экономика: Экономические факторы также важны при моделировании социальных процессов. Ваша экономика может быть рыночной или плановой, и вы можете настраивать различные параметры, такие как налоги, доступность кредитов, уровни технологий и цены на ресурсы.

7. Международные отношения: Моделирование социальных процессов также включает в себя международные отношения. Вы можете установить отношения с другими странами, заключать международные договоры, конфликты и т.д. В зависимости от этих отношений могут меняться и общественные взгляды [13].

В целом, моделирование социальных процессов в игре «Victoria II» позволяет игроку увидеть, как различные аспекты могут взаимодействовать и проявляться в обществе, а также показать исторические реалии того или иного периода.

Рассмотрев все вышеперечисленное, важно не только отметить пользу от внедрения геймификации в образовательный процесс, но и создать план внедрения, применимый на практике. Основными пунктами по интеграции игры «Victoria II» как пособия для социального моделирования можно назвать следующие аспекты:

1. Ознакомление преподавателей и студентов с идеей использования игры «Victoria II» в качестве учебного пособия для социального моделирования.

2. Подготовка курса «Социальное моделирование и история на примере игры «Victoria II» для включения в учебный план и программу обучения.

3. Создание групп поддержки для преподавателей и студентов, связанных с игрой «Victoria II», для обмена знаниями и опытом использования игры в учебном процессе.

4. Развитие инфраструктуры, необходимой для использования игры в учебном процессе, включая установление необходимого оборудования и программного обеспечения для каждого класса.

5. Разработка учебных материалов и задач, использующих игру, с учетом целей обучения и программы обучения с учетом социального моделирования.

6. Организация сессий игры в классах на уроках, работы с группами и прохождения конкурсов.

7. Оценка результата использования игры в учебном процессе, а также определение возможных точек изменения и улучшения.

В данной статье были рассмотрены преимущества использования методов геймификации в обучении. Автор подчеркивает, что игровой подход в образовании помогает студентам стать более уверенными в своих знаниях и навыках, повышает мотивацию и интерес к учебной деятельности, а также укрепляет социальные связи между учениками.

Здесь важно отметить ряд пунктов, связанных с интеграцией геймификации в современный учебный процесс, важно понимать, что:

1) Геймификация может повысить мотивацию учеников и усовершенствовать процесс обучения.

2) Важно выбирать правильные игровые элементы и параметры, чтобы они соответствовали учебной программе и целям учеников.

3) Геймификация может быть полезной для разнообразия учебных методик, но не должна стать заменой традиционных уроков.

4) Не следует полагаться только на геймификацию в обучении, необходимо сочетать ее с другими эффективными методами.

5) Обучение, основанное на геймификации, требует тщательной организации и планирования, чтобы обеспечить эффективность и результативность процесса [10].

В статье также описываются основные инструменты геймификации, такие как использование наград и достижений, создание соревнований и коллективных игр, а также интеграция элементов интерактивности и визуализации в учебный процесс.

Однако, автор подчеркивает, что геймификация не является всеобщим решением проблем образования, и ее эффективность зависит от конкретного контекста и целей обучения. Поэтому, перед внедрением методов геймификации в образовательный процесс, необходимо тщательно изучить характеристики аудитории и учебной программы.

Если говорить о конкретных возможностях геймификации, в статье были рассмотрены преимущества внедрения игры «Victoria II», в гуманитарные нау-

ки, как наглядное пособие, являющееся социальной моделью общества, для лучшего понимания, того, как протекают и взаимодействуют различные социальные процессы. Использование игры как пособия по социальному моделированию позволит студентам более глубоко понимать сложные социальные процессы и явления, а также развитие умений в анализе и принятии решений.

Образовательная игра простимулирует интерес студентов к изучению истории и социологии, а также заинтересованность в разработке и расширении своих знаний. Она предоставит возможность для развития социальных компетенций студентов, таких как коммуникационные и лидерские навыки.

Внедрение «Victoria II» в образовательный процесс может стать эффективным способом привлечения внимания студентов и создания пространства для взаимодействия и обмена идеями.

При этом, необходимо учитывать возможные ограничения, связанные с возрастом студентов, доступностью необходимого оборудования и программно-обеспечения, а также подготовленностью преподавателя и готовностью студентов к работе с образовательными играми.

В целом, геймификация в образовании обладает большим потенциалом и может стать эффективной стратегией для повышения мотивации и эффективности обучения, если ее применять в соответствии с методами и принципами образования.

Литература

1. Бак В.В., Бак А.И. Использование технологии геймификации в процессе обучения // Материалы научно-практической конференции «Инновации в образовании и науке». – 2015. – С. 51–57.
2. Блум А. Геймификация в образовании: что это такое и как оно работает // Технологии обучения. – 2014. – № 4. – С. 16–23.
3. Вебер Л.Г. Геймификация в образовании: практика и перспективы // Образование и наука. – 2017. – № 6. – С. 114–118.
4. Геймификация в образовании: опыт и перспективы / под ред. А.Л. Андреева и О.В. Лучко. – М.: РУДН, 2017. – 234 с.
5. Гудкова О.В., Мощинская Т.Г. Геймификация в обучении как метод формирования мотивации к учебной деятельности // Психолого-педагогический журнал. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 68–75.
6. Козлова Е.Н. Геймификация в образовании: проблемы и перспективы // Образовательные технологии и общество. – 2016. – Т. 19. – № 1. – С. 33–39.
7. Корнев В.А. Геймификация как форма активизации учебной деятельности // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 173–182.
8. Лукьянова Е.А. Геймификация в дистанционном образовании // Философия образования. – 2016. – Т. 10. – № 1. – С. 28–34.
9. Мамонов М.В. Геймификация в образовании как форма мотивации к обучению // Технологии обучения. – 2015. – № 3. – С. 19–26.
10. Роман-Лукачева О.Г. Геймификация в образовании как метод развития креативности и творческого мышления учащихся // Новая наука: стратегии и достижения. – 2016. – № 1. – С. 133–142.
11. Как применять геймификацию в образовании // Платформа для увеличения продаж Calltouch Лидс: [сайт]. – 2022. – URL: <https://blog.calltouch.ru/kak-primenyat-gejmifikacziyu-v-onlajn-obrazovanii> (дата обращения 11.03.2023)
12. Метод моделирования в современной педагогической науке и образовательной практике // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: [сайт]. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-modelirovaniya-v-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauke-i-obrazovatelnoy-praktike> (дата обращения 12.03.2023)

13. Умная эволюция. Обзор стратегии Victoria 2 // Аналитические обзоры компьютеров и комплектующих, новости и цены компьютерного рынка: [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.ferra.ru/review/games/103698.htm> (дата обращения 14.03.2023)

GAMIFICATION IN EDUCATION. «VICTORIA II» AS AN OBJECT OF SOCIAL MODELING

Попов М.У.

Irkutsk State University

The article considers the possibility of using the game «Victoria II», as a visual social model, in order to study the characteristics of society, approaches to forecasting and global processes. Shows the possibility of using gamification in the process of social modeling and sociological imagination of students.

Keywords: gamification, social modeling, forecasting, integration, sociological imagination.

References

1. Bak V.V., Bak A.I. The use of gamification technology in the learning process // Proceedings of the scientific-practical conference “Innovations in Education and Science”. – 2015. – S. 51–57.
2. Bloom A. Gamification in education: what is it and how does it work // Learning Technologies. – 2014. – No. 4. – S. 16–23.
3. Weber L.G. Gamification in education: practice and perspectives // Education and science. – 2017. – No. 6. – P. 114–118.
4. Gamification in education: experience and perspectives / ed. A.L. Andreeva and O.V. Luchko. – M.: RUDN University, 2017. – 234 p.
5. Gudkova O.V., Moschinskaya T.G. Gamification in teaching as a method of formation of motivation for learning activities // Psychological and pedagogical journal. – 2016. – T. 4. – No. 1. – S. 68–75.
6. Kozlova E.N. Gamification in education: problems and prospects // Educational technologies and society. – 2016. – T. 19. – No. 1. – P. 33–39.
7. Kornev V.A. Gamification as a form of educational activity activation // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. – 2016. – No. 1. – P. 173–182.
8. Lukyanova E.A. Gamification in distance education // Philosophy of education. – 2016. – T. 10. – No. 1. – S. 28–34.
9. Mamonov M.V. Gamification in education as a form of motivation for learning // Learning Technologies. – 2015. – No. 3. – S. 19–26.
10. Roman-Lukacheva O.G. Gamification in education as a method for developing creativity and creative thinking of students // New Science: Strategies and Achievements. – 2016. – No. 1. – P. 133–142.
11. How to use gamification in education // Calltouch Sales Boosting Platform Leeds: [website]. – 2022. – URL: <https://blog.calltouch.ru/kak-primenyat-gejmifikacziyu-v-onlajn-obrazovanii> (accessed 03/11/2023)
12. Modeling method in modern pedagogical science and educational practice // Scientific electronic library “CyberLeninka”: [website]. – 2022. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-modelirovaniya-v-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauke-i-obrazovatelnoy-praktike> (accessed 12.03.2023)
13. Smart evolution. Overview of the Victoria 2 strategy // Analytical reviews of computers and components, news and prices of the computer market: [website]. – 2022. – URL: <https://www.ferra.ru/review/games/103698.htm> (accessed 03/14/2023)

Трансформации пола и гендера в современности: биосоциологический аспект

Туринцева Елена Анатольевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: e_turin05@mail.ru

В статье, носящей дискуссионный характер, с позиций биосоциологии, тезаурусной социологии, структурно-функционального подхода и на основе многолетнего эмпирического исследования гендерного конфликта в молодежной среде, обсуждаются проблемы трансформаций пола и гендера в современности, включая причины и возможные последствия для общества таких изменений.

Методологическим основанием исследования служат предложенные Вал. А. Луковым: (1) концепция биосоциологии, призванная выявить возможные трансформации общества через накопление в новых поколениях критической массы биологических и интеллектуальных, а также социокультурных изменений; (2) тезаурусная социология, опирающаяся на понятие тезауруса, представляющего собой субъектно организованное гуманитарное знание.

Интерпретация результатов эмпирической части проводилась с опорой на тезис о том, что в основе поведения людей лежит биологическая и социальная целесообразность.

Ключевые слова: пол, гендер, молодежь, биосоциология, тезаурус, тезаурусная концепция молодежи, тезаурусная социология.

Введение

В статье «Гендерный конфликт глазами молодежи: биосоциологический аспект», опубликованной в журнале «Знание. Понимание. Умение» в 2016 г. мы впервые обратились к теме пола и гендера с точки зрения биосоциологии, рассмотрев в биосоциологическом измерении проблему становления и развития гендерного конфликта как социального явления. На основании эмпирического исследования, проведенного в 2013–2014 г.г., нами была подтверждена гипотеза о реальности гендерного конфликта и тенденции его обострения, а также об опасности роста неконтролируемой агрессии в социуме, связанном с развитием гендерного конфликта.

Биосоциология, взятая нами в основание методологического подхода к исследуемым проблемам, является, по определению основателя этого научного направления Вал. А. Лукова, «формирующейся концепцией и практикой исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящих из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей)» (Луков, 2011), а предметом биосоциологии являются «те стороны жизни, которые и на макроуровне и на микроуровне человеческих взаимодействий непосредственно вытекают из биологической природы человека и, прежде всего, это вопросы гендера» (Луков, 2013; 2014).

Мы продолжили проводить по той же методике наше эмпирическое исследование в 2015–2022 годах, и в данной статье представляем его результаты и выводы. За прошедшие шесть лет с момента первой публикации сильно изменились условия жизни респондентов нашего исследования, в целом страны и даже мира, социокультурные изменения на сегодняшний день беспрецедент-

но объемны, и тем интереснее, на наш взгляд, становится наше исследование, в котором отражается то, как основная для живого человека вещь – его стремление к воспроизводству жизни – меняется, реагируя на внешние, прежде всего, социальные импульсы.

Гипотеза

Базовое биологическое образование автора статьи обязывает дать пояснения относительно определения биологического пола для коллег, такого образования не имеющих и, в этой связи, возможно, воспринимающих биологический пол как некую статичную систему, лишённую сложности. Важно отметить, что половое размножение появилось в ходе органической эволюции позднее бесполого и наряду с огромными преимуществами, заключающимися в кратном увеличении генетического разнообразия особей и, следовательно, таком же увеличении выживаемости при любом катастрофическом изменении условий существования, имеет также ряд недостатков, основным из которых является риск случайной гибели представителей одного пола и вызванную этим обстоятельством гибель также и оставшихся в живых представителей другого пола. Природа, «заинтересованная» в выживании групп (популяций и видов) компенсирует главный риск полового размножения рождением некоторого количества особей (примерно 1–2% от численности популяции) гермафродитами – т.е. с наличием органов размножения обоих полов. Это общий принцип, который касается и человека. Миф об Андрогине, существовавший с древности, возник не случайно. Люди издавна наблюдали рождение детей, обладавших реальной обоеполостью. Есть также и другие «обходные маневры», которые совершает природа с целью оградить от риска те группы, которые перешли к прогрессивному половому размножению – например при недостатке особей какого-то пола, особи противоположного пола могут сменить свой пол – так поступают, например, окуни или тополя. Однако, эти способы у человека остались только

в виде атавизмов (таких, как например, соски на груди у мужчин) и естественным образом задействовать их невозможно, но искусственным образом, производя операции и накачивая мужское тело гормонами, в принципе можно получить частично дееспособный фактически женский организм и наоборот – из женского организма также искусственно можно сделать мужской. Таким образом, биологический пол на организменном уровне представляет собой относительно динамичную систему, способную к изменениям, он может быть визуализирован в виде шкалы, в центре которой находятся истинные гермафродиты, а по краям истинные женщины и мужчины. В других точках шкалы можно наблюдать целый спектр промежуточных форм, чье окончательное проявление в рамках конкретного пола зависит от факторов внешней среды, в том числе, в немалой степени, от общества, если речь идет о человеке. Так, широко известны в демографии и подробно изучены закономерности рождения большего числа мальчиков или девочек в зависимости от условий внешней среды, таких, например, как война или возраст материнства. В человеческом обществе все рожденные и дожившие до определенного возраста дети также проходят через обряд инициации для окончательного решения вопроса отнесения их к тому или иному полу.

Биологический пол – это не только структура, представленная определенным видом телом с определенными анатомическими и психолого-морфологическими особенностями, это еще и функция по возвращению потомства. Современные биологи-антропологи и социальные антропологи, освещающие в своих исследованиях эту тему (В.П. Дольник, А. Марков, Д. Моррис, М.Л. Бутовская и др.) считают, что биологический функционал полов у человека сформирован в ходе эволюции нашего вида, служит целям группового выживания и заключается в общих чертах в обеспечении представителями мужского пола защиты и прокормления представителей женского пола, чей функционал, в свою очередь – дето-

рождение. Часть женщин, чей организм изношен родами, Природа естественным образом «отключает» от деторождения и переводит в функционал, близкий к мужскому (но не мужской) – это бабушки, осуществляющие присмотр за внуками (Бутовская М.Л., 2022). Т. е. бабушки имеют биологическое женское тело, но отличный от женщин детородного возраста биологический функционал.

При этом существует достаточно большое разнообразие социокультурных интерпретаций биологического функционала полов по возвращению детей (оно, собственно, и причисляется исследователями к социальным ролям того или иного пола), которое существенно корректируется одной проблемой – мужчины не могут рожать. В силу этого обстоятельства женщины могут выполнять при необходимости мужской биологический функционал полноценно, но обратная ситуация невозможна.

Одной из первых на социокультурное разнообразие биологического функционала полов по возвращению потомства обратила внимание известный антрополог Маргарет Мид, которая, наблюдая и анализируя репродуктивные практики нескольких племен в Новой Гвинее, еще в 30-е годы прошлого века пришла к выводу, что мужские и женские социальные роли (иначе говоря – отраженные в социальности функции биологического пола по возвращению детей) относительны и могут меняться от одной культуры к другой. Этот вывод привел М. Мид к заключению о необходимости определения социального конструкта биологического пола, и она же утвердила дефиницию «гендер» для обозначения такого конструкта. Гендерная теория стала популярной и у М. Мид появились как сторонники, так и противники. В числе последних был известный биолог, социолог и режиссер Десмонд Моррис, который писал в книге «Голый мужчина»: «В последнее время вошло в моду считать – в рамках концепции равенства полов, – будто эти различия между мальчиками и девочками являются не врожденными, а формируются в результате навязывания детям искусственных образцов

мужского и женского поведения. Любое мало-мальски серьезное исследование быстро развеет это заблуждение. Половые различия проявляются на очень ранней стадии, без влияния со стороны родителей, еще до того, как они их замечают» [Моррис, 2009: 30]. В этом споре, на наш взгляд, правы обе стороны, а сам спор заключается в неточности и несогласованности определений.

Кроме уровня структурно-функциональной системы организма, обеспечивающей размножение (представленной мужчинами, женщинами и гермафродитами) и уровня структурно-функциональной системы, обеспечивающей заботу о потомстве (представленной мужчинами, женщинами и бабушками), биологический пол представлен также на уровне сообществ в виде структурно-функциональной системы, обеспечивающей гармоничное развитие сообществ. Это открытие сделал в 1965 г. и описал в своих многочисленных работах по эволюции пола В.А. Геодакян. Согласно его теории, у человека женский пол – стабилизирующий оптимальные условия, мужской – исследовательский, динамичный, направленный на освоение новых условий. Нарушения в единстве этих противоположностей могут привести к катастрофическим результатам.

Таким образом, биологический пол имеет вид пирамиды из трех уровней. Широкое основание пирамиды представлено многочисленными организменными (анатомо-психолого-физиологическими) вариациями, на втором уровне находится три группы (мужчины, женщины и бабушки), функционирующие как система для выращивания детей, на верхнем уровне находятся мужчины и женщины как элементы системы, обеспечивающей равновесие в целом всей пирамиде. Цель системы биологического пола – размножение, увеличение биомассы и распространение нашего вида. Важно отметить, что сексуальность лишь отчасти входит в биологический пол и служит его целям, поскольку в отличие от других млекопитающих, сексуальность человека во многом сформировалась в ходе эволюции не только как инструмент для

целей репродукции, но и как средство для осуществления сложных коммуникативных практик.

Интересы и цели примордиального (первобытнообщинного) общества совпадали с интересами и целями Природы – коллективное выживание в условиях, определяемых как геофизические, увеличение числа членов рода, распространение рода по большей территории. Однако, в человеческих сообществах постепенно возрастала роль и самооценочность социальности, передачи чисто человеческого опыта выживания не в природных условиях, а в условиях, созданных человеком, в социуме. Поэтому уже общество Традиции намеренно пренебрегало широким основанием пирамиды биологического пола, делая акцент на средней ее части, в которой, в этой связи, наблюдалось большое социокультурное разнообразие форм, описанное многими авторами-антропологами в XIX–XX веках. «Фильтрация» организменного полового разнообразия происходила через ритуал инициации. При этом достигались цели воспроизводства именно человеческого общества, отличимого от биологической популяции.

Отражение пирамиды биологического пола в традиционном обществе, таким образом, также можно представить на трех уровнях. Первый уровень представлен социально отфильтрованными организменными вариациями, включающими только мужчин, женщин и, в некоторых исключительных случаях гермафродитов; на втором уровне находится большое социокультурное разнообразие функционалов по возвращению детей, ограниченное только неспособностью мужчин к деторождению (впрочем, в пространстве мифа снято и это ограничение); на третьем (верхнем) уровне находятся мужчины и женщины как элементы системы, обеспечивающей равновесие в целом всей системе. Таким образом, в социальном отражении общества Традиции пирамида биологического пола становится эллипсом или веретеном, с наибольшим расширением в средней части. Цель такой «социальной» системы биологического по-

ла – сохранение, увеличение численности и воспроизводство людей не столько в природной, сколько в социокультурной среде при условии коллективного выживания в определенных геофизических условиях.

Общество Модерна и, тем более, Постмодерна значительно трансформирует условия выживания людей, меняя, соответственно их целеполагание, что непосредственно отражается на процессах воспроизводства членов общества.

Человек Традиции обладал биологической индивидуальностью (включая индивидуальные черты характера), но, будучи включенным в жизненный цикл рождения и смерти и действуя всегда в интересах рода, он не имел своих собственных социальных границ, был «растворен», не заметен, как все. Позже постепенно появляется «социальное тело» – личность, индивидуум, которое чем дальше, тем больше старается жестко очертить свои границы, выявляя всеми возможными способами свою непохожесть на остальных. Социальный функционал также перестает даже в общих чертах повторять биологический функционал по возвращению детей, поскольку детей становится все меньше. Благодаря научно-техническому прогрессу в XX веке создается обширная и устойчивая зона комфорта, в которой женщина получает техническую возможность и, что самое главное, социальную необходимость отказаться от своей биологической функции деторождения и выживать самостоятельно, формируя свое «социальное тело». Также и бабушки больше не имеют отношения к внукам и выполняют современный социальный функционал – «растят» свою личность и «пестуют» свое «социальное тело», опираясь на ранее заработанный капитал. Также действуют и мужчины, чей социальный функционал на сегодня более всего напоминает биологический с той лишь разницей, что защищают и кормят современных мужчины себя, а не женщин и детей. Разумеется, так поступают не все современные женщины и мужчины. Однако тенденция к увеличению чис-

ла людей с новым социальным функционалом заметна в исследованиях.

Обретенное человеком Модерна «социальное тело» принципиально бесполое, поскольку суть его, в отличие от тела биологического, не репродукция, не коллективное выживание в природных условиях, а выявление собственных границ, пресловутый «поиск себя», выживание индивидуальное в условиях, отличных от природных. Одновременно, в результате отказа общества позднего Модерна от социального механизма фильтрации организменного полового разнообразия, Человек на границе между Модерном и Постмодерном, внезапно обнаруживает его. Более того, новое общество Постмодерна заставляет Человека применить это открытие к выявлению собственных индивидуумных социальных границ. Кроме того, в настоящее время социальная среда отказывается транслировать человеку определенность в половом вопросе и нет четких социальных механизмов для установления этой определенности, в результате человек вынужденно занимается самоопределением, в том числе, делая, например, операции по смене пола.

Стадия перехода от старого социального функционала полов, близкого к их биологическому функционалу по возвращению детей, к новому, прямо противоположному биологическому, потребовала особого осмысления тенденции и специального обозначения социального функционала полов. Было найдено, на наш взгляд удачное, определение «гендер». Гендер, как считалось ранее, – это социальное функционирование пола, и /или в настоящее время социальный пол в полном смысле этого слова, включая не только социальное функционирование, но и «социальное тело» в рамках любого тела биологического. Гендер – это, скорее, социальный конструкт, состоящий из «социального тела» с его границами и взаимодействиями с другими такими же гендерами. Это творческий продукт, созданный на базе природного разнообразия организменного уровня естественной системы биологического пола и социокультурного разнообразия

интерпретаций естественной системы биологического пола на втором уровне – на уровне функциональной системы по возвращению детей. Пример гендера – Маша Гессен – известный журналист и небинарная персона. В интервью В. Дудю от 20.09.2022 г. она сообщила о себе следующее: с детства ее принимали за мальчишку, после, она была лесбиянкой (официально, с заключением брака), потом в определенном возрасте она вышла замуж и родила детей, сегодня она в паре с мужчиной, с которым усыновила ребенка-сироту, но принимает гормональную терапию с целью закрепить мужские признаки, и также она отрезала себе грудь, опасаясь возникновения опухоли. На лицо «поиск себя» и эксперименты с собственным телом, с биосоциальным функционалом, т.е. все приметы наличия «социального тела», осуществляющего современные социальные функции – выявление собственных границ как различения с другими «социальными телами».

Что же происходит с верхней частью пирамиды пола? Как изменяется она? В современности представители женского пола вынужденно осваивают инновационную внешнюю среду наравне с представителями мужского пола. О стабильности внешней среды (которую женскому полу следовало бы консервировать) на сегодняшний день трудно даже говорить – таков поток социально-культурных изменений, вызванных ее техническим насыщением. Это совсем не та, преимущественно природная и, в этой связи, медленно меняющаяся среда, адаптация к которой была актуальной для человека всего 50–100 лет назад. На сегодняшний день внешняя среда – это преимущественно социальная, неприродная, очень быстро изменяющаяся система, для адаптации к которой есть необходимость ей соответствовать, т.е., прежде всего, отслеживать изменения и «не отставать». И, хотя, в целом мужчины все еще лучше, чем женщины справляются с внешней средой, количество «сильных» женщин постоянно растет. Т.е. все люди, независимо от пола, вынуждены осваивать

новые внешние условия, без возможности их стабилизации и консервации, из-за чего в структурно-функциональной системе, обеспечивающей гармоничное развитие (биологических) сообществ, функция женского пола у человека становится исчезающей малой величиной. Биологические женщины (включая бабушек) больше не нужны – они мешают современному обществу «перманентного развития» – и поэтому вынужденно перекалываются в функциональных мужчин.

Кроме того, инновационность среды порождает изменение биосоциального функционала молодежи и явление «экспансии молодости в современности», о чем мы подробно писали в статьях: «Куда подевались эти взрослые? Биосоциальные основания трансформации молодежи и молодости в современности» (опубликована в журнале «Горизонты гуманитарного знания» в 2018 г.) и «Биосоциальные функции молодежи и их трансформация в условиях городского образа жизни в контексте социальной реабилитации» (опубликована в журнале «Знание. Понимание. Умение.» в 2015 г.). В них, на основании тезаурусной концепции молодежи и биосоциологии показано, что в настоящее время растет число людей, которые независимо от реального биологического возраста соответствуют понятию молодежи в тезаурусной концепции молодежи – осваивают и присваивают социальную субъектность, имеют социальный статус молодых и являются молодыми по самоидентификации, а также имеют наполненные фрагментарным и неотреллексированным опытом тезаурусы и выражающий и отражающий эти тезаурусы символический и предметный мир.

В контексте данной статьи важно отметить, что образующаяся в результате экспансии молодости «вечная молодежь» откладывает репродуктивную функцию на неопределенный срок, отказываясь переходить во взрослое состояние, т.е. в состояние репродуктивной пары, возвращающей потомство, в состоянии биологически функционирующих мужчин или женщин. Иными слова-

ми, растет число людей инфантильных, не способных выполнить функции мужского и женского биологических полов, но успешно выполняющих новые гендерные функции – т.е. социальные функции по выявлению границ «социального тела», не связанные с репродукцией, хотя, отчасти, имитирующие эту связь. Таким образом, «вечная молодежь» принципиально бесполова в средней части половой пирамиды (не переходит к осуществлению функций по возвращению детей), разрушая ее, а в верхней части половой пирамиды функционально относится к мужскому полу, вынужденно находясь в нестабильном состоянии перманентного осваивания новшеств.

В сложившихся условиях гомосексуальность, как и трансгендерность становится выгодной социальной адаптацией к условиям окружающей среды – она способствует отделению от других людей, «таких же как все», т.е. выявлению границ «социального тела», и не предполагает перехода к репродукции, хотя, зачастую, имитирует его (известно, например, что в половых сношениях двух гомосексуалистов, одно лицо всегда выполняет функции мужчины, другое – всегда женщины¹, в некоторых странах гомосексуальные пары усыновляют детей и заключают официальные браки и т.д.). В этой связи данные категории так же, как и «вечная молодежь» бесполовы и инновационны, они не стабилизируют среду.

В поисках стабилизирующей системы, заменяющей женский пол в верхней части половой пирамиды стоит обратить внимание на демографические исследования. Как сообщает российский демограф Алексей Ракша в интервью И. Варламову, есть несколько практических способов для того, чтобы повысить рождаемость, а именно: (1) «большое государство» – социальноориентированное государство, собирающее большое количество налогов, но и отдающее налогоплательщикам большое количество средств в виде насыщенной и стабиль-

¹ Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола В.А. Геодакяна / Составитель и редактор: С.В. Геодакян. – Москва, 2012. Стр 59–60.

ной системы поддержки детей в любых типах семей; (2) традиционные религии. Так, А. Ракша утверждает, что именно за счет ультратрадиционных евреев в Израиле поддерживается необыкновенно высокая рождаемость. Т.е. в контексте нашей статьи мы можем сказать, что, возможно, именно социальное государство и традиционные религии способны заменить женщин и взять на себя функции биологического женского пола по стабилизации оптимальных условий для репродукции.

Формулируя гипотезу нашего исследования мы отмечаем, что трансформации обеих моделей (пирамиды биологического пола и веретена «социального» пола общества Традиции) в современности происходят в результате резко возросшей инновационности и увеличения разнообразия социокультурной среды, расширения технологической зоны комфорта, дающей возможности для индивидуального выживания.

В результате отказа от социокультурной фильтрации нижней части биологической половой пирамиды современное общество внезапно обнаруживает большое телесное и психологическое разнообразие биологического пола, на основе которого в соединении с имевшимся до этого огромным социокультурным разнообразием функционала по возвращению детей, современное общество конструирует гендеры, как способ формирования «социального индивидуального тела». Вид социального отражения биологической пирамиды пола при этом меняется и от «веретена», свойственного традиционному обществу, переходит к «новой пирамиде», в которой основание и второй уровень содержат функционал по возвращению собственного «социального тела» (себя как своего ребенка) вместо функционала по возвращению детей. Первый и второй уровни, таким образом, равны между собой и фактически слиты между собой, они постоянно расширяются в связи с кратным увеличением разнообразия «социальных тел» за счет присоединения к процессам конструирования ничем не ограниченных чистых творче-

ских проявлений, никак не связанных с геофизическими условиями и целями выживания в Природе. Вершина этой пирамиды больше не содержит мужчин и женщин. В большинстве своем современные люди любого пола (и гендера) вовлечены (чаще неосознанно) в бесконечное ускоренное осваивание новшеств – технологических и социальных, и формируют, следовательно, инновационную (мужскую) часть третьего уровня. При этом функции стабилизации системы общества берут на себя специализированные или неспециализированные социальные системы, а также люди любого пола (или гендера), выбравшие для себя индивидуальную стабильную жизненную траекторию.

Цели «социальной» системы пола в современном обществе также меняются. На наш взгляд, новые цели – это сохранение, увеличение численности и воспроизводство людей исключительно в социокультурной среде при условии индивидуального выживания. К этой цели присоединяется также идея индивидуального бессмертия, достигаемого техническими способами, взамен бессмертия коллективного, достигаемого в ходе передачи генов при репродукции.

Методы эмпирическая база исследования

Эмпирические данные получены нами в ходе исследования, проведенного в Иркутском государственном университете в 2013–2014 гг. (283 респондента в возрасте 17–24 года, студентов 17 учебных групп по 11 разнообразным специальностям гуманитарного и биологического профилей, из них мужчин – 78 и женщин – 205) и в 2015–2022 гг. (322 респондента, студентов 23 учебных групп – из них в возрасте 17–24 года 305 человек (мужчин – 81 и 224 женщины) и 17 респондентов (2 мужчин, 15 женщин) в возрасте 25–45 лет) по единой методике, а также в ходе дополнительных авторских исследований по биосоциологии молодежи.

В совокупности за девять лет участие в исследовании приняли 605 человек из 40 учебных групп, опрошенных

по основной методике и более 100 молодых людей, опрошенных дополнительно. Всего более 700 человек.

Использовалась качественная методика, включающая метод фокус-групп и социологическое наблюдение.

Исследование проводилось в учебных группах, которые делились на две подгруппы (мужская и женская), в подгруппах озвучивалось задание после небольшого обсуждения дать ответ на вопрос: «Пять причин ненавидеть современных женщин (для мужской подгруппы) и пять причин ненавидеть современных мужчин (для женской подгруппы).

Данные релевантны. Модератор не вмешивался в ход обсуждения. Ответы респондентов приведены в статье в неизменном виде.

Обсуждение результатов

Интерпретация результатов проведенного в 2015–2022 гг. исследования показала, прежде всего, подтверждение гипотез и выводов, обсуждаемых в нашей первой статье 2016 г. «Гендерный конфликт глазами молодежи», написанной по промежуточным результатам исследования в 2013–2014 гг.

Ответы респондентов, данные в 2015–2022 гг. дают основания полагать, что наш прогноз о возрастании неконтролируемой агрессии в обществе в связи с невозможностью выстраивания долгосрочной иерархии в «смешанном поле», оказался верным. Респонденты-женщины говорят об этом постоянно и отмечают в причинах «ненавидеть» современных мужчин следующее: «(мужчины) применяют насилие к женщинам», «моральное и физическое насилие над слабым (женщиной)», «домашнее насилие (мужчина может ударить женщину чтобы она поняла)», «объективизация женщины как сексуального объекта и следствие культура насилия – например, изнасилованную женщину обвиняют, говорят, что она сама виновата в изнасиловании». Очень много претензий к мужчинам в связи с тем, что мужчины не верны и сосредоточены на сексе, не воспринимают женщину как личность, не поддерживают стремлений

женщины к личностному росту и не желают кормить ее ни отдельно, ни в составе своей семьи (не женятся). В свою очередь мужчины-респонденты отмечают моральную деградацию женщин, неверность, меркантилизм (ответ встречается в 8 группах из 23 в 2015–2022 г.г.) и продажность за деньги: «*Стали легкомысленны по отношению к себе (своему телу), меняют партнеров как перчатки. Но главное это мотивация – деньги, «жажда выгоды», «стремление доминировать (женщина стремится заработать больше, прогнуть мужа под себя)*» и т.д.

Остались без изменений отзывы и реакция мужчин и женщин на заданную конфликтную постановку задачи для фокус-группы. Мужчины при этом всегда обращали внимание на категоричное «ненавидеть» и говорили следующее: «*мы не знаем за что их ненавидеть, а они нам, заметьте, кости уже моют*»; «*надо девушек любить надо, как можно их ненавидеть?*»; «*Ненавидеть? Seriously? А это вообще стремно. Как я могу женщин ненавидеть?*» и т.д. Наряду с этим, примерно с 2017–2018 гг. в реакции мужчин зазвучали уточнения: «*у нас нет причин ненавидеть женщин. Это глупо. Но женщина забыла свое место в семье*»; «*надо любить мужчину правильно*»; «*ну и хорошо, что они (женщины) работают, а ты сидишь дома в танчики играешь*»; «*у меня ничего ненависти к женщинам не вызывает, я толерантен во всем*»; «*нет причин... такая жизнь. Прямо ненавидеть?*»; «*раздражение может, да, а ненавидеть нет*»; «*вот про мужчин я мог бы сказать, потому что мы друг друга знаем*»; «*ненавидеть и избегать – разные вещи. Мы не нашли причин ненавидеть женщин, только избегать, а девочки считают да, (есть причины) для ненависти*» и т.д.

Женщины при получении задания проявляли большую активность, обсуждали бурно, как правило, не обращая внимания на слово «ненавидеть». В исключительных случаях отдельные женщины говорили сразу при постановке задания: «*можно я посередине?*», «*а может пять причин любить мужчин?*». Или уже после обсуждения соглашались:

«нам вообще-то тоже не за что вас ненавидеть». Мужчины обсуждали тяжело, долго, звонили знакомым по телефону с целью консультации, иногда давали меньше пяти ответов, либо совсем отказывались выполнять задание и т.д.

Тем самым, на наш взгляд, подтверждается вывод, сделанный ранее. Биосоциальный функционал мужчин предполагает защиту и прокормление женщин – ненавидеть того, кого должен кормить и защищать невозможно. Поэтому мужчины всегда обращают внимание на слово «ненавидеть» в задании и активно такому заданию сопротивляются. В биосоциальный функционал женщин мужчины входят не на первом, а на втором месте (на первом месте ребенок), поэтому существует потенциальная возможность в том числе и «ненавидеть» мужчин – например, если мужчина представляет угрозу для ребенка – поэтому женщины не обращают внимания на слово «ненавидеть» в задании.

В целом такая реакция женщин и мужчин свидетельствует, на наш взгляд, об устойчивости в сознании респондентов биологического функционала полов, сформированного в ходе эволюции нашего вида, и служащего целям группового выживания. Однако уточнения реакций указывают, очевидно, на некоторые социокультурные изменения. Обращает на себя внимание употребление слов «раздражение» (женщины вызывают раздражение у мужчин) и «избегание» (мужчины стараются избегать женщин).

В указанных респондентами мужчинами причинами ненавидеть современных женщин на первом месте встречается следующее: «лезут не в свое дело», «стервозность. Выносят мозг молодым людям, высокомерны, много о себе думают»; «нелогичное импульсивное поведение»; «додумывание того, чего нет»; «все время опаздывают, долго собираются, копаются в сумках», на втором месте: «сварливость», «женщины лживы, сплетницы, клевета», «эмоциональность мышления, агрессивные, импульсивные, накручивают себя постоянно», что говорит о раздражении, которое женщины

вызывают у мужчин и о неуважительном отношении к женщинам. В свою очередь, респонденты – женщины отмечают частую отсутствие у мужчин моральных качеств: «нет нравственных ценностей», наличие отрицательных черт: «истеричны», «нерешительные и трусливые», «злопамятность» и т.д., и прямо указывают на то, что неуважение к женщинам со стороны мужчин имеет место: «распущенность, неуважение к женщинам», «не уважают женщин», «неуважение к женщинам», «отрицание мужской женского достоинства», «мужчины считают, что женщины тупее», «сексизм, дискриминация женщин». При этом отчетливо видно, что с 2014 по 2022 г. количество взаимных отрицательных характеристик растет. Характерно, что в исследовании, проведенном Институтом социологии РАН, выявлены те же тенденции. Академик М.К. Горшков говорит в интервью следующее: «... 67% участников опроса отметили неуважительное отношение к женщине и исчезновение такого психологически важного для россиян и русской культуры качества, как душевность...» (М.К. Горшков стр 325.). Как можно интерпретировать этот результат? Прежде всего, на основании результатов, полученных в нашем исследовании, мы соглашаемся с выводом, который делает М.К. Горшков: «... На самом деле такие жесткие суждения свидетельствуют о приверженности большинства респондентов той традиционной культурной парадигме, с позиции которой и оценивались изменения в нравственности...» (М.К. Горшков стр 326).

Кроме того, мы отмечаем, что в жизни опрошенных нами молодых людей встречались (и это очевидно) далеко не только представители противоположного пола с отрицательными характеристиками. В обсуждении студенты зачастую снимали выдвинутые обвинения, признавая, что есть примеры и другого плана. Однако такое дружное описание представителей противоположного пола в отрицательном ключе не может не наводить на мысли об изменении тезауруса молодых людей и о наличии об-

образца, находящегося не столько внутри, сколько вовне реальной жизни студентов, на который они, тем не менее, ориентируются в своих ответах. Возможно, этот образец содержится в виртуальном пространстве кино, сериалов, компьютерных игр, и другой подобной продукции, где эксплуатируются и выпячиваются негативные шаблонные женские и мужские образы.

При этом, в единственной опрошенной «старшей» учебной группе, где респондентам было 25–48 лет, ответы не отличаются от остальных. Женщины в этой группе отметили 7 претензий, среди которых на первом месте «инфантильность, ведут себя как маленькие дети – компьютеры, игрушки», на втором – «эгоисты», далее следуют три отрицательные характеристики: «грубость, хамство, жестокость», «часто врут», «самонадеянность, много на себя берут», на 6-м месте «женоподобность внешняя и внутренняя», на 7-м месте «безответственность». Мужчины на первое место поставили: «все время опаздывают, долго собираются, в сумках копаются», на второе: «чувство собственности, например, к мужчине. Не хотим попадать под каблук. Мужчина должен быть всегда главным в семье. Мужчина следит чтобы женщина не выходила за рамки.», на третьем месте женская «злопамятность», на четвертом «коварство», на пятом «женская логика». На наш взгляд, данный результат служит доказательством нашей гипотезы об «экспансии молодости в современности». Не смотря на то, что в данной группе собрались люди с большим жизненным опытом, люди женатые и с детьми, их претензии к противоположному полу такие же, как и у студентов в возрасте около 20 лет. Таким образом, все мужчины и женщины сегодня подвержены влиянию внешнего образца, не зависимо от возраста и наличия жизненного опыта, включающего брак и рождение детей. Этот образец транслирует негативный образ противоположного пола и ему достаточно трудно сопротивляться, тем более, что, одновременно, взаимное раздражение вызывает и некий внутренний фактор,

а именно – неудовлетворенность мужчин выполнением женщинами их «биологических» обязанностей (деторождение и сохранение домашнего очага) и, соответственно, неудовлетворенность женщин выполнением мужчинами «биологических» обязанностей мужчин (защита и прокормление).

Так, например, респонденты-мужчины указывали в числе причин, по которым следует «ненавидеть» современных женщин следующие: «не выполнение гендерных ролей», «пониженный материнский инстинкт (растущая безответственность женщин в отношении семьи)», «уход женщин из семьи в карьеру», «не хозяйственные (женщина как хранительница домашнего очага утратила смысл, поскольку есть клининговые компании)», «женщина не хочет иметь детей», «женщины вовлечены в процесс мужской работы, они больше заняты заработком, а не воспитанием детей. Большинство девушек хотят оторваться от семьи, уехать в город.», «женщины не хотят рожать детей в молодом возрасте», «женщины истерички, способны к конфронтации, склонны создавать стрессовые ситуации и приносят все это с работы домой», «женщины волевые – могут потянуть ребенка без мужчины», «женщины стали слишком целеустремленными, строят карьеры, умеют не просто ставить цели, но и добиваться их и это плохо для общества», «откладывают деторождение в пользу карьеры», «отход от традиционных ценностей. Ставят на первое место карьеру, а не детей» и т.д.

Респонденты-женщины, в свою очередь, отмечали следующие причины «ненавидеть» современных мужчин: «Лень. Лежа на диване мечтают о BMW», «ленивые, пассивные, не строят бизнес», «лень (мужчины потеряли характер лидера, мужчина нуждается в руководстве и подпирать его надо)», «не желание делать мужскую работу. Розетку не могут починить», «не выполняют мужские функции (сломалась посудомоечная машина, а он не может починить)», «мужчины стали безответственными, они свою

ответственность (заработок) перекалывают на женщин».

На неудовлетворенность мужчин выполнением женщинами их «биологических» обязанностей (деторождение и сохранение домашнего очага) и, соответственно, неудовлетворенность женщин выполнением мужчинами «биологических» обязанностей мужчин (защита и прокормление) указывает также тот факт, что главной претензией респондентов, как мужчин, так и женщин друг к другу остается, как и в 2014–2015 гг. женоподобность современных мужчин и мужеподобность современных женщин, отмеченная во всех опрошенных группах.

Респондентами-женщинами отмечены в этой связи следующие характеристики: «мужчины женоподобны (внешне стараются быть красивенькими)», «стали женственными. Альфонсы.», «женоподобны», «Жмоты – ни цветочка, ни шоколадочки, а спать быстро. Больше женского чем мужского в мужчинах», «женоподобность (ведут себя как девушки, требуют к себе внимания), утрачивают лидерские качества, при этом – абсолютный иерарх», «женственность (во внешности, психуют как женщины, чтобы их уговаривали, капризные, место не уступают в транспорте)», «потеряли свою мужественность и стали нарциссами», «женственность современных мужчин, но женщины сейчас не опускают руки в отличие от мужчин», «женственность мужчин», «заботятся о своем внешнем виде (как женщина), о себе», «мужчины стали женственными, чрезмерно ухаживают за собой», «мужчины женственны и слабы, потеряли мужественность, перестали ходить на мамонта, мы не защищены, мы не чувствуем себя в безопасности», «женоподобность внешняя и внутренняя», «смена гендерных ролей, мужчины перестали быть такими как раньше – стали ногти красить, прически носить. Мы их не осуждаем, но могли бы быть и помужественнее» и т.д. Опрошенные женщины отмечают женоподобность мужчин как похожесть на женщин – внешнюю или поведенческую.

Респондентами-мужчинами отмечена мужеподобность современных женщин в основном как конкуренция с мужчинами или невыполнение женщинами их функций: «не выполнение гендерных ролей», «берут на себя основные мужские функции», «пониженный материнский инстинкт (растущая безответственность женщин в отношении семьи)», «женщины стремятся занять мужские места, стать главными», «женщина делает из мужчины «тряпку»», «стремятся сформировать новую иерархию в отличие от природы», «борьба женщин за свои права, радикальный феминизм» и т.д.

Анализируя ответы женщин-респондентов можно сделать вывод о том, что женщины недовольны тем, как мужчины выполняют свой биосоциальный функционал (защита и прокормление женщин и детей) и в социальном плане отмечают прежде всего неуважение со стороны мужчин, которое выражается в том, что мужчины не считают их равными, как того хотелось бы женщинам. При этом женщины протестуют, когда мужчины пытаются стать равными «с другой стороны», т.е. пытаются выглядеть как женщины и вести себя как женщины. Это респондентам-женщинам не нравится, так как при этом мужчина по их мнению, очевидно, теряет в статусе, «опускается». Т.е. существует определенный парадокс. Женщины хотят равенства с мужчинами, видя его в том, чтобы женщины «тянулись за мужчинами», чтобы женщины были как мужчины и при этом мужчины бы «принимали их за своих». Женщины-респонденты, тем самым как бы признают свое «низкое» положение относительно мужчин, свою зависимость, тогда как женская независимость видится ими в том, чтобы «стать мужчиной», которого уважают другие мужчины, т.е. участвовать в конкуренции за статус среди мужчин и победить.

Такой результат подтверждает нашу гипотезу о том, что в верхней части половой пирамиды произошли изменения – пол больше не ответственен за стабилизацию системы или освоение инноваций – женский пол переместился в систему в мужскую часть и функцио-

нально все – и мужчины и женщины теперь становятся мужчинами – прямыми конкурентами и двигателями инноваций. Самоценное место женского пола, ответственного за сохранение оптимальных условий для репродукции вакантно.

Кроме того, данные результаты, думается, указывают также на отсутствие социального фильтра – даже без обсуждения проблемы ЛГБТИ в исследовании респонденты отмечают, что женщины и мужчины в их окружении сегодня не являются «полностью женщинами» либо «полностью мужчинами». Таким образом, и женщины и мужчины сомневаются в соответствии современных мужчин и женщин четким критериям отнесения их к «настоящим», т.е. тем, что без сомнения могут быть идентифицированы как мужчины либо как женщины на противоположных концах шкалы биологического пола. При этом много разговоров о том, что современные женщины и мужчины абсолютно взаимозаменяемы в социуме.

Наша гипотеза подтверждается – нет больше социального фильтра для выделения «настоящих» женщин и «настоящих» мужчин, столь важных на втором и третьем уровне пирамиды пола в обществе традиции, а есть разнообразие переходных форм, свойственных организменному уровню биологического пола, но в соединении с социальным разнообразием функций по возвращению детей и возвращению собственных «социальных тел», а также в соединении с проблемой выстраивания иерархии.

Современная молодежь устремлена к очерчиванию индивидуумных границ и выявлению собственного «социального тела» в ущерб поддержке социальных связей, способствующих укреплению воспроизводящих и стабилизирующих человека и общество структур.

Выводы

– Биологический пол является сложным конструктом, объективно и субъективно зависимым от изменений окружающей природной и социальной среды. В настоящее время, когда природная среда замещается искусствен-

ной, т.е. становится более социальной, чем природной, актуализируются социальные факторы, влияющие на формирование этого конструкта. Если в обществе Традиции конструирование пола было делом коллективным (этим занималось общество через обряд инициации, и оно же присваивало полоролевого статус членам общества), то конструирование пола и присвоение полоролевого статуса в современности становится неотъемлемой частью жизненного мира и задачей каждого человека, что ведет к значительным социальным и культурным изменениям. В условиях, когда социальная среда отказывается транслировать человеку определенность в половом вопросе и нет четких социальных механизмов для установления этой определенности, человек вынужденно занимается самоопределением, в том числе, деляя, например, операции по смене пола;

– Биологический пол реализуется на трех уровнях – на организменном (включает мужчин, женщин, гермафродитов и переходные формы); на уровне функций по возвращению детей (включает мужчин, женщин и бабушек), на уровне системы, стабилизирующей достижение оптимальных условий для репродукции (включает мужчин, женщин). Современная трансформация биологического пола происходит по причине насыщения окружающей среды инновациями (техническими и вслед за этим социальными). Какие-то элементы конструкта биологического пола исчезают за ненадобностью (например, бабушки), на их месте возникают новые, замещающие, но уже социальные структуры – например, комплекс социальных структур, борющихся за любую традиционность против инноваций, заменяя тем самым «ускользающих женщин» в системе, стабилизирующей достижение оптимальных условий для репродукции. Функции стабилизации системы общества берут на себя, например, «большое государство» или традиционные религии, а также люди любого

- пола (или гендера), выбравшие для себя индивидуальную стабильную жизненную траекторию;
- Дефиниция «гендер», возникшая в прошлом веке как попытка описания тенденции к отделению социальных функций людей любого биологического пола от репродуктивной целесообразности, в настоящее время нуждается в пересмотре, поскольку стало очевидным, что гендер применим только на уровне личности и описывает процесс выделения индивидуума, т.е. определение границ «социального тела», стремящегося к индивидуальному выживанию, вне всякой зависимости от репродуктивных функций и репродуктивного поведения, но не исключая их, а используя как основу для эксперимента по выявлению границ, отличий от других «социальных тел». Таким образом, биологический пол у человека в настоящее время корректируется и маскируется социальным полом, который становится важнее для адаптации в социуме. Современное общество конструирует гендеры, как способ формирования «социального индивидуального тела».
 - Цели системы пола в современном обществе меняются. На наш взгляд, новые цели – это сохранение, увеличение численности и воспроизводство людей исключительно в социокультурной среде при условии индивидуального выживания. К этой цели присоединяется также идея индивидуального бессмертия, достигаемого техническими способами, взамен бессмертия коллективного, достигаемого в ходе передачи генов при репродукции.
- статьи, интервью, биографические откровения. М.: Издательство «Весь Мир», 2020. 464 с.
3. Два пола. Зачем и почему? Эволюционная теория пола В.А. Геодакяна. М., 2012. С. 59–60.
 4. Луков Вал. А. Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 319–323.
 5. Луков Вал. А. Развитие человека в свете биосоциологии // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 25–33.
 6. Луков Вал. А. Биосоциология как теоретическая концепция // Гуманитарные ориентиры научного познания / отв. ред. П.Д. Тищенко; Ин-т философии РАН. М.: Изд. дом «Навигатор». 2014. С. 275–286.
 7. Марков А.В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены. М.: Астрель: CORPUS. 2011, 496 с.
 8. Моррис Д. Голый мужчина / Десмонд Моррис; [пер. с англ. Г. Сахацкого]. М.: Эксмо, 2009. 384 с.
 9. Туринцева, Е.А., Решетникова, Е.В. Биосоциальные функции молодежи и их трансформация в условиях городского образа жизни в контексте социальной реабилитации // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 134–143.
 10. Туринцева Е. А., Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Куда подевались эти взрослые? Биосоциальные основания трансформации молодежи и молодости в современности [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 17–26. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/753> DOI: 10.17805/ggz.2018.2.2

Литература

1. Бутовская М.Л. Антропология пола. Эл. изд. 1 файл pdf: 269 с. – Москва: ДМК Пресс, 2022. Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5; экран 10». Текст: электронный.
2. Горшков М.К. Есть такая профессия – «общество изучать». Избранные

TRANSFORMATIONS OF SEX AND GENDER IN MODERN TIMES: BIOSOCIOLOGICAL ASPECT

Turintseva E.A.

Irkutsk State University

The article, which is debatable, from the standpoint of biosociology, thesaurus sociology, structural-functional approach and based on many years of empirical research on gender

conflict in the youth environment, discusses the problems of gender and gender transformations in modern times, including the causes and possible consequences for society of such changes. The methodological basis of the study is the proposed Val. A. Lukov: (1) the concept of biosociology, designed to identify possible transformations of society through the accumulation in new generations of a critical mass of biological and intellectual, as well as sociocultural changes; (2) thesaurus sociology, based on the concept of thesaurus, which is a subject-organized humanitarian knowledge.

The interpretation of the results of the empirical part was based on the thesis that human behavior is based on biological and social expediency.

Keywords: sex, gender, youth, biosociology, thesaurus, thesaurus concept of youth, thesaurus sociology.

References

1. Butovskaya M.L. Anthropology of sex. Email ed. 1 pdf file: 269 pages – Moscow: DMK Press, 2022. System. requirements: Adobe Reader XI or Adobe Digital Editions 4.5; screen 10". Text: electronic.
2. Gorshkov M.K. There is such a profession – “to study society.” Selected articles, interviews, biographical revelations. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2020. 464 p.
3. Two genders. Why and why? The evolutionary theory of sex by V.A. Geodakyan. M., 2012. S. 59–60.
4. Lukov Val. A. Biosociology // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. № 3. pp. 319–323.
5. Lukov Val. A. Human development in the light of biosociology // Knowledge. Understanding. Skill. 2013. No. 4. S. 25–33.
6. Lukov Val. A. Biosociology as a theoretical concept // Humanitarian guidelines for scientific knowledge / ed. ed. P.D. Tishchenko; Institute of Philosophy RAS. M.: Ed. Navigator house. 2014, pp. 275–286.
7. Markov A.V. Human evolution. In 2 books. Book. 1: Monkeys, bones and genes. Moscow: Astrel: CORPUS. 2011, 496 p.
8. Morris D. Naked man / Desmond Morris; [per. from English. G. Sakhatsky]. M.: Eksmo, 2009. 384 p.
9. Turintseva, E.A., Reshetnikova, E.V. Biosocial functions of youth and their transformation in the conditions of urban lifestyle in the context of social rehabilitation // Knowledge. Understanding. Skill. 2015. No. 1. pp. 134–143.
10. Turintseva E. A., Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V. Where did these adults go? Biosocial foundations for the transformation of youth and youth in modern times [Electronic resource] // Horizons of humanitarian knowledge. 2018. No. 2. P. 17–26. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/753> DOI: 10.17805/ggz.2018.2.2

Место и роль слухов в сознании современной молодёжи

Емельянов Игорь Викторович,

кандидат философских наук, доцент Тюменского филиала Уральского государственного университета путей сообщения
E-mail: enterinfo@list.ru

Савицкая Юлия Петровна,

старший преподаватель кафедры МиМУ, Тюменский индустриальный университет
E-mail: savitskajajp@tyuiu.ru

В статье рассматривается феномен слухов и его циркуляция в молодёжной среде в современных информационных условиях. Рассмотрены теоретические аспекты, связанные с определением слухов, их жизненным циклом и выполняемыми в обществе функциями. Приведены результаты социологического исследования, в ходе которого были выявлены приоритетные источники информации, используемые молодыми людьми для получения актуальной информации, определена степень доверия к ним. Также было представлено систематизированное понимание респондентами феномена слухов, охарактеризовано их отношение к данному феномену.

Ключевые слова: слухи, доверие, молодёжь, СМИ, информационная среда, социум, интернет.

Введение

Обобщая существующие в научной литературе подходы, под слухом следует понимать информацию, циркулирующую в социальной среде без надежного подтверждения ее достоверности, объектом которой являются социальные факты, обладающие свойствами неопределенности и важности. Ученые, посвятившие свои труды данной проблематике, обращают внимание на различные ее аспекты (функции, роли, способы передачи т.д.), однако схожесть их взглядов проявляется в том, что слухи определяются как коллективная деятельность по освоению, интерпретации нестандартной ситуации. В большинстве случаев она предполагает систему ролей для рационализации, извлечения смыслов из окружения. При этом степень разнородности слухов зависит от демографической, классовой, пространственной принадлежности индивидов – носителей слухов, от их психоэмоционального состояния, духовных, нравственных, политических установок и ряда других особенностей.

Отметим, что в основе появления слухов и сплетен лежит целый спектр причин и условий к основным из которых относятся: во-первых недостаточный объем новостных лент, порождающий рассогласованность предоставляемой информации и того положения вещей, которые люди видят в действительности. Данное условие является решающим при зарождении слухов. Во-вторых, наличие харизматичного коммуникатора, транслирующего то мнение, которое импонирует большинству населения в силу различных причин. Здесь могут играть роль даже индивидуальные особенности ключевого коммуникатора – темп речи, возраст, статус, гендерная принадлежность и другие характеристики. В-третьих, недостаточность или ощущение недостоверности предоставляемой информации по волнующему вопросу так же является немаловажным факто-

ром появления слухов и сплетен. Такое положение вещей часто наблюдается в условиях нестабильной социально-экономической обстановки, политических и культурных преобразований, ситуациях явных и латентных конфликтов. В-четвёртых, интерес человека или групп людей к определенной информации порождает локальные слухи, которые могут быть интересны не большинству населения, а лиц, а ограниченному их числу, но в особых обстоятельствах таковой интерес может быть решающим: в социологии коммуникации нередко описания случаев, когда индивиды распространяют непроверенную информацию, которая не является существенной для них самих. В-пятых, уровень эмоционального накала и тревожности людей – некая настороженность людей, ощущение незащищенности и страха по поводу грядущих перемен [4, с. 138–139].

Слух как социальный феномен имеет свой собственный жизненный цикл, который состоит из нескольких стадий [2, с. 109]:

1. Зарождение слуха – создание слуха может быть процессом запланированным (например, с целью управления общественным мнением перед выборами) или возникать случайно (обычно в ситуации турбулентной внешней среды).

2. Распространение слуха – перемещение слуха чрезвычайно важное свойство. Оно возможно только при наличии непосредственной коммуникации, эмоциональной близости акторов. Однако следует заметить, что с появлением средств массовой коммуникации (особенно сети интернет) роль данного фактора существенно снижается.

3. Стадия контроля – завершающий этап в процессе циркулирования слуха. Он может происходить естественно, то есть слух погибает в виду снижения интереса к нему либо искусственно, когда гибель слуха наступает при правильном поведении компании по их опровержению.

На ранних стадиях зарождения и циркуляции слухов коммуниканты нередко высказывают диаметрально противоположные суждения относительно различ-

ных событий действительности. Появление и распространение слухов и сплетен, направлено на снижение этой разнородности во мнениях, устранение чувства неопределенности, тревоги. Именно благодаря появлению слухов у социальных групп и общностей возникают общие чувства, эмоции, настроения. При этом носители слуха могут увеличивать свое количество с течением времени или наоборот – отстраняться от него, не интересуясь развитием ситуации.

Сопоставляя, слухи и общественное мнение следует отметить их различия в сути и выполняемых функциях (прежде всего, информационная и оценочная), степени институционализации. Слухи в данном контексте не являются феноменом институционализированным, это «примитивная форма» общественного мнения, а сформированное общественное мнение выступает в роли полноценно функционирующего социального института.

Кроме того, общественное мнение – является, как правило, официально выраженным явлением, отражающим (не всегда объективно) мотивы, потребности, настроения народных масс. В свою очередь слух становится барометром этих настроений [7]. Взаимодействие слухов и общественного мнения происходит в условиях особой социальной, экономической, политической и культурной реальности и во многом строится на их основе. Именно можно сделать вывод о доминирующей роли слухов как предмета неформальной коммуникации в функционировании социальных настроений.

Взаимодействие и взаимовлияние общественного мнения и слухов является процессом многогранным, взаимообусловленным. Слухи формируют общественное мнение, служат своеобразным основанием для него, но и общественное мнение определяет объекты слухов, в смысле значимости темы для обсуждения, задает ему тот или иной эмоциональный оттенок [6]. В вопросе взаимовлияния слухов и общественного мнения необходимо признать их взаимообусловленность. Для обоих феноменов свойственно протекание на макро-

уровне обыденного сознания как среды возникновения и функционирования и на микроуровне через индивидуальные мнения, которые подвержены влиянию слухов и общественного мнения одновременно.

Методы

С целью выявления особенностей возникновения и циркуляции слухов в молодёжной среде, при участии авторов было инициировано и реализовано социологическое исследование. В число исследовательских задач вошло: выявить приоритетные источники информации, используемые для получения актуальной информации, определить степень доверия к ним; определить понимание респондентами феномена слухов, их отношение к данному феномену. Гипотезой исследования стало предположение, что понятие слуха в сознании современной молодёжи размыто и не имеет чётких границ.

Решение поставленных задач осуществлялось при помощи анкетного опроса. Объектом исследования выступила молодёжь города Тюмени. Являясь крупной социально-демографической группой, молодёжь обладает рядом особенностей. Для молодых людей характерен высокий уровень мобильности, интеллектуальной активности, вовлечённость в текущие социально-экономические и политические процессы. Кроме того, молодые люди являются активными пользователями Интернета, что было очень важно для нашего исследования.

Для отбора респондентов, с учётом применяемого метода, использовалась потоковая выборка, которая представляет собой подход, основанный на использовании интернета для отбора респондентов. Фактически – это основанная на согласии интернет-пользователей техника отбора [5, с. 32–35.], которая исторически является видом конформной выборки. В нашем случае основными каналами для рекрутинга респондентов выступили социальные сети. Несмотря на то, что подобную выборку нельзя назвать репрезентативной, её реализа-

ция позволила нам сформировать общее представление о проблеме, что вполне соотносится с форматом пилотажного исследования. Всего в опросе приняло участие 384 респондента. Приведём основные результаты исследования.

Результаты и их обсуждение

Для получения актуальной информации респонденты используют самые разнообразные источники. Наиболее значимым ожидаемо оказался Интернет. Такие источники как «Новостные сайты в интернете» и «Форумы, блоги, сайты социальных сетей», как используемые часто, отметили почти две трети респондентов, а ещё около трети указали, что используют их время от времени. Тех, кто этими источниками не пользуется, оказалось незначительное количество: в первом случае около 10%, во втором – менее 5%.

Другим важным источником оказалось ближайшее окружение респондентов 41,1% пользуются им часто, а 50% – время от времени. В наши дни процесс коммуникации с друзьями, знакомыми, родственниками существенно облегчен за счёт, опять же, мобильных устройств (социальных сетей и мессенджеров). Сегодня с близким человеком можно выйти на связь одинаково легко и быстро в независимости от географического местоположения.

Несмотря на бурное развитие Интернета, телевидение по-прежнему остаётся значимым источником информации. По результатам нашего исследования две трети респондентов смотрят телевизор часто или время от времени (23,7% и 44,3% соответственно). Здесь, по сравнению с Интернетом наблюдается смещение респондентов в сторону периодического использования данного источника. Печатная пресса и радио оказались наименее востребованными источниками информации. Здесь ситуация ровно противоположная интернет-источникам. Активно читают и слушают только 5,2 и 7,5% молодых людей, а совсем не используют эти источники почти две трети ответивших.

Характер использования рассмотренных источников прямо коррелирует

с доверием к ним. Об этом свидетельствуют данные ответов на следующий вопрос анкеты. Печатной прессе (газетам и журналам) доверяет – 15,7%, телевидению – 34,8%, радио – 12,4%, новостным сайтам в интернете – 67,6%, социальным сетям (форумам, блогам) – 50,5%, а друзьям, знакомым, родственникам – 35,7%. В варианте «другое» респонденты довольно часто указывали, что никаким источникам не следует доверять, всё нужно перепроверять самостоятельно. В единичных случаях, на источники, вызывающие доверия указывали на книги. Примечательно, что респонденты женского пола чаще доверяют телевидению, а мужчины форумам, блогам, сайтам социальных сетей.

Среди источников, распространяющих слухи чаще всего, самыми активными являются: интернет и люди, окружающие респондентов в ежедневных социальных практиках (коллеги, соседи, приятели и друзья, а также посторонние люди в общественных местах). Меньше всего, по мнению опрошенных, слухи распространяются в семье (табл. 1).

Таблица 1. Мнение респондентов относительно того, кто или что чаще всего является источником слухов

	Часто	Время от времени	Редко	Никогда
1. Интернет	73,3	20,5	5,6	0,5
2. Телевидение	43,4	35,2	21,4	0
3. Газеты и журналы	43,3	32,5	22,7	1,5
4. Радио	21,9	40,3	34,2	3,6
5. Коллеги	72,2	20,1	7,7	0
6. Соседи	67	20,3	9,1	3,6
7. Приятели и друзья	52,3	33,3	13,3	1
8. Посторонние люди	60,2	21,9	13,3	4,6
9. В семье	14,6	31,8	42,2	11,5

Полученные результаты можно объяснить различной степенью ответственности, которую информационный источ-

ник несёт перед людьми и обществом. Семья в нашей стране традиционно является носителем консервативных ценностей, что сказывается и на характере коммуникаций, происходящих в рамках этого института. Ответственность за слова и действия друг перед другом между членами семьи несоизмеримо выше, чем, например ответственность людей в Интернете, где многие сообщения оставляются анонимно. Что касается радио, то здесь низкий уровень распространения слухов, по мнению респондентов, можно объяснить относительной нейтральностью информации – большинство каналов современных радиостанций в основном транслирует музыкальный контент.

С целью выявления мнений относительно природы и функций слухов респондентам было предложено оценить различные высказывания (табл. 2).

Результаты показывают, что респонденты осознают опасность, которые слухи способны потенциально представлять обществу. Так, с высказыванием «Слухи способны причинить очень серьёзные негативные последствия для общества» согласилось почти 75,9%, а частично согласилось 20,5% респондентов. В то же время, по мнению респондентов «многие из слухов безобидны и предназначены для развлечения человека или привлечения его внимания к той или иной проблеме» – с этим высказыванием выразила частичное согласие почти половина участников опроса, а другая половина примерно в равной степени распределилась между теми, кто согласен и не согласен.

Другими высказываниями, с которыми большинство согласилось или частично согласилось, связаны с причинами или мотивами распространения слухов источниками, а также среды, в которой слухи возникают чаще. Вариантом, с которым не согласилось больше всего респондентов, стало высказывание о важной социальной функции слухов.

Какой же смысл современная молодёжь вкладывает в понятие «слух»? Соответствующий вопрос анкеты носил открытый характер и предоставлял воз-

можность указать собственное определение слуха. Анализ всех высказываний респондентов позволил нам выделить ряд различающихся между собой групп ответов.

Таблица 2. Степень согласия респондентов с различными высказываниями относительно слухов в СМИ, интернете

	Согласен	Частично согласен	Не согласен
1. Слухи – это намеренное распространение ложной информации с целью дестабилизации общественного мнения.	31,6	53,1	15,3
2. Это результат некомпетентности журналистов, плохо изучивших проблему.	38,3	48,2	13,5
3. Слухи способны причинить очень серьёзные негативные последствия для общества	75,9	20,5	3,6
4. Слухи распространяют источники, стремящиеся к привлечению к себе внимания с целью увеличения трафика и дохода от рекламы	58,3	38	3,6
5. Многие из слухов безобидны и предназначены для развлечения человека или привлечения его внимания к той или иной проблеме	25,5	52,6	21,9
6. Слухи выполняют важную социальную функцию, позволяя людям адаптироваться к изменениям реальности	8,3	35,9	55,7
7. Как правило, слухи чаще возникают в состоянии общественной неопределённости	53,9	38,2	7,9

К первой группе можно отнести высказывания, связанные с достоверностью информации передаваемой посредством слухов и указывающие на её ложность или правдивость. Это наиболее

распространённая группа ответов. Наиболее типичными высказываниями этой группы являются следующие: «Додуманная, приукрашенная, правдивая история», «Информация, достоверность которой не известна», «Информация, переходящая от человека к человеку, редко бывает правдивой», «Враньё», «Ложная информация, не имеющая веских доказательств», «Болтовня завистников», «Информация, частично правдивая и в большей степени искажённая, дополненная вымышленными деталями.

Вторая выделенная нами условная группа ответов связана с неопределённостью источника информации. Здесь респонденты делали акцент на том, что авторство слуха практически невозможно определить. Проиллюстрируем эту немногочисленную группу двумя высказываниями: «Информация из третьих рук», «Глухой телефон, каждый добавит от себя или исказит полученную информацию, при передаче следующему».

Высказывания третьей группы акцентированы на скорости распространения слухов: «Слухи – информация, которая распространяется с невероятной скоростью, но её достоверность далеко не всегда высока», «Быстро распространяемая неподтверждённая ничем информация», «Информация, которая с большой скоростью передаётся от человека к человеку».

Ряд определений, данных респондентами, отличались обстоятельностью, системностью и последовательностью. Это может свидетельствовать о серьёзном подходе отдельных участников опроса к проблеме слухов. Вероятно, сфера деятельности таких респондентов связана с социально-гуманитарной сферой. Нами было решено выделить такие ответы в отдельную, четвёртую группу: «Информация, передаваемая от одного человека к другому. Зачастую, чем через большее количество людей прошла информация, тем более эта информация искажается, так как от каждого нового человека она принимает свои поправки в виде его личного мнения, гиперболизации или преуменьшения фактов и неполного усвоения информации от преды-

дущего носителя», «Недостовверная информация, передаваемая от человека к человеку с использованием различных каналов коммуникации, искажённая в процессе передачи».

Большинство определений, с которыми нам пришлось столкнуться в ходе анализа рассматриваемого вопроса, носило негативный оттенок. В то же время встречались и нейтральные определения слухов, которые вошли в пятую группу: «Слух – это метод общения в жизни», «Слух – это информация, которую передают одни люди, другим», «Один из видов коммуникации».

Одно из определений слухов принадлежит Т. Шибутани и гласит, что это «циркулирующая форма коммуникации, с помощью которой люди, находясь в неоднозначной ситуации, объединяются, создавая разумную ее интерпретацию, сообщая используя при этом свои интеллектуальные потенции» [8]. Данное определение акцентирует внимание на то, что слухи являются продуктом коллективного «творчества». Именно этот аспект стал основанием для выделения шестой группы ответов: «Глухой телефон, каждый добавит от себя или исказит полученную информацию, при передаче следующему», «Кто-то сказал, другие подхватили, слегка приврали», «Слухи – эффект «глухого телефона». Так как у каждого человека своё восприятие, свой «зрительный угол», то каждый описывает немного не так, как другой. И этот эффект накладывается друг на друга, и новость может оказаться совсем не такой, какой была изначально», «Переход каких-то новостей или фактов от человека к человеку. Но в ходе этих переходов их правдивость искажается – это и есть слух», «Слух – это то, что на слуху у всех, и миллион раз перефразировано, как через “сарафанное радио”, до тебя дойдёт, но не со всеми подробностями, а если и со всеми, то не особо правдивыми».

Седьмая группа ответов связана с масштабностью слухов. Часть высказываний этой группы связана с социальной значимостью изучаемого явления, другая – подчёркивает её бытовой

характер. «Информация передающаяся от человека к человеку и касающаяся социально значимой информации», «Социально-экономическая информация, передающаяся устно и не освещаемая в СМИ, чаще всего недостоверная и в процессе передачи изменяющаяся», «Слухи – вещи, придуманные простым обывателем, являющиеся ложными, не имеющими под собой аргументации, догадки», «Неподтверждённая информация, передающаяся из уст в уста».

К восьмой группе мы отнесли высказывания, указывающие на социально-психологические особенности источников формирования слухов: «Недалёкие люди получая какую-либо информацию перефразируют её в более интересную для изложения форму и рассказывая это окружающим привлекают к себе внимание», «Циркулирующая информация, которой сложно не поделиться. Обычно возникает в условиях информационного вакуума, выполняя смыслообразующую роль для людей, давая определённую и оправдывая переживания».

В ходе нашего исследования отдельные респонденты, определяя понятие слуха опирались на пословицы и поговорки. С точки зрения культурологической науки пословицы и поговорки представляют собой единицы, репрезентирующие национальную картину мира лингвокультурного сообщества. В рамках многих современных исследований пословицы и поговорки рассматриваются как тексты прецедентного характера, имеющие культурную значимость и содержащее имплицитную информацию, кодируемую на разных языковых уровнях [1]. Ответы в форме пословиц и поговорок были выделены нами в девятую группу: «Одна баба сказала...», «Слышу звон, да не знаю где он», «Слухом земля полнится», «Слухи обязательно нужно проверять, а не доверять».

В следующем вопросе респонденты указали на частоту, с которой они сталкиваются с бытовыми слухами. Распределение ответов показывают, что категоричные варианты «очень часто» и «редко» выбирало относительно небольшое количество респондентов –

16,9% и 10,8%. В то же время варианты «довольно часто» и «время от времени» выбрали 35,9 и 36,4% соответственно.

Чаще всего бытовые слухи, по мнению респондентов, связаны с личной жизнью знакомых, друзей – это вариант соответствующего вопроса отметили 68,9% респондентов. Личная жизнь известных медийных личностей, как и события в политической жизни выбрали около трети участников опроса (35,6% и 32% соответственно). Следом в рейтинге ответов идут события в социально-экономической сфере (22,2%). Реже всего слухи касаются событий криминального характера и прогноза погоды (13,3% и 15,1%). Общая сумма процентов представленных ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать не более 2-х вариантов ответов.

Несмотря на негативный «имидж» слухов как средства коммуникации, большинство участников опроса ука-

зывают, что чаще всего им приходится сталкиваться с относительно достоверными слухами (65,5%). Вариант «близкими к действительности» выбрали 11,3%, а «просто недостоверными» – 19,6%. Всего 3,6% указало что встречаются с абсолютно недостоверными слухами. Приведённые данные показывают, что существует значительный диссонанс между тем, как люди воспринимают слухи и их фактической достоверностью.

Важной задачей в рамках количественного исследования было выявление причин появления и распространения бытовых слухов. Для этого в анкете был сформулирован соответствующий вопрос. Ответы показывают, что слухи являются важнейшим средством коммуникации, поскольку практически все предложенные для оценки причины были отмечены респондентами как «значительные» или «очень значительные» (табл. 3).

Таблица 3. Оценка респондентами значительности для современного общества различных позиций относительно причин появления и распространения бытовых слухов

	Очень значительна	Значительна	Малозначительна	Незначительна
1. Для многих это способ самовыражения, который позволяет привлечь к себе внимание.	20,3	43,8	27,1	8,9
2. Доверчивость значительной части людей является хорошей средой для распространения слухов	37,2	41,4	13,6	7,9
3. Люди подсознательно пытаются восполнить недостаток информации путём обсуждения определённых проблем	32,3	45,8	16,7	5,2
4. Социально-экономические проблемы способствуют появлению и распространению различных слухов среди населения	32,8	46,6	15,3	5,3
5. Люди часто используют слухи для того чтобы завести или поддержать разговор, т.е. это один из способов коммуникации	31,4	36,7	23,9	8

Примечательно, что многие из респондентов сами являются причиной циркуляции слухов. Так, отвечая на вопрос «Замечали ли Вы за собой факты распространения слухов?», подавляющее большинство (76,8%) отметили, что «Иногда такое непроизвольно случается». Пятая часть

(20,1%) указали, что всегда следят за тем, что говорят и стараются озвучить только проверенные факты. Были и те, кто признался, что распространяет слухи часто – вариант «... Я люблю «посплетничать» и обсудить слухи и ничего плохого в этом не вижу» отметили 3,1% респондентов.

Отвечая на вопрос об опасности бытовых слухов, более половины респондентов (54,1%) указали, что всё зависит от ситуации и от людей, среди которых слухи распространяются. 38,8% считают, что они безусловно опасны, т.к. могут привести к конфликтам, испортить репутацию человека и т.п. Лишь 7,7% указали, что слухи в основном безопасны.

Проблема государственной цензуры в последнее время является одной из самых обсуждаемых в российском информационном пространстве. Интернет-цензура – это контроль или запрещение материалов, которые кто-либо может публиковать в Интернете или скачивать из него. Интернет-цензура имеет ту же юридическую основу, что и цензура печати. Основное же её отличие заключается в том, что национальные границы Сети размыты: жители страны, в которой та или иная информация запрещена (если она не фильтруется), могут найти её на web-сайтах, расположенных на серверах в других странах. Полностью подвергнуть интернет-цензуре очень сложно в силу самой природы Глобальной сети. Использование псевдонимов и наличие в Интернете так называемых бухт данных не позволяют стопроцентно идентифицировать принадлежность (авторство) контента и физически удалить его. Это формирует иррациональные стратегии мышления и не позволяет критически оценивать происходящие процессы [9–13].

Сегодня вопрос о том, допустима ли цензура высказываний политического характера в Интернете, обсуждается очень бурно. Однако первый запрет на контент в Интернете был инициирован отнюдь не тоталитарным правительством. О том, что необходимо контролировать данные в Сети, первыми заговорили родители и педагоги, обеспокоенные тем, что оскорбительный интернет-контент может нанести вред детям.

С целью выявления мнения современной молодёжи относительно необходимости государственной цензуры в СМИ и Интернете, в анкете им был предложен соответствующий вопрос. Распределение ответов показывает,

что 43,2% допускают частичную цензуру, связанную с социально значимыми проблемами, а ещё 19,1% считают цензуру необходимой. Полученные результаты оказались сопоставимыми с опросами проводимыми федеральными исследовательскими центрами по репрезентативным общероссийским выборкам. Так, в ноябре 2016 года в исследовании, проведённом «Левада-центром» Почти две трети россиян (60%), заявили о необходимости цензуры в интернете [3].

Выводы

Подводя итог, можно отметить, ряд важных моментов. Для получения актуальной информации респонденты используют разнообразные источники. Наиболее значимым ожидаемо оказался Интернет. Он же является и основным каналом получения респондентами слухов. Другим важным источником слухов является ближайшее окружение респондентов. В наибольшей степени молодые люди проявляют интерес к событиям, происходящим в искусстве и культуре, политике, науке и технике. В меньшей степени заинтересованность проявляется в сферах экономики и спорта.

Характеризуя содержательное наполнение понятия «слух», респонденты высказывали разнообразные точки зрения. Обобщив и систематизировав их, мы выделили девять основных акцентов, имевших место при характеристике рассматриваемого феномена:

1. достоверность информации, передаваемой посредством слухов (ложность или правдивость). Это самый распространённый подход;
2. неопределённость источника информации;
3. скорость распространения слухов;
4. обстоятельность, системность и последовательность при характеристике слухов, учёт разнообразных характеристик слухов
5. субъективность восприятия слухов (негатив, нейтральное отношение, редко – позитив);
6. слухи как продукт коллективного «творчества»;

7. степень масштабности слухов (бытовые, социально значимые);
8. социально-психологические особенности источников формирования слухов;
9. определения понятие слуха при помощи пословиц и поговорок.

Таким образом, мы обнаружили, что изучаемое нами понятие в молодёжной среде имеет самые разнообразные коннотации и тем самым подтвердили нашу исследовательскую гипотезу относительно того, что понятие слуха размыто и не имеет чётких границ в сознании современной молодёжи.

Литература

1. Бабиян Т.В. Пословицы и поговорки как средства репрезентации лингвокультурных реалий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10(76) – С. 48–50.
2. Дмитриев А.В. Неформальная политическая коммуникация. – Москва: Росспэн, 1997. – 200 с.
3. Левада-центр: 60% россиян поддержали цензуру в интернете // Общественно-политическое издание «Новая газета» — Электронный ресурс. Точка доступа: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/11/18/126695-levada-centr-60-rossiyan-podderzhali-tsenzuru-v-internete> (дата обращения 04.05.2023)
4. Никулина С.А. Психология массовой коммуникации. – М.: Директ-Медиа, 2014. –169 с.
5. Отчёт рабочей группы ААРОР о неслучайных выборках. – Москва: Общероссийский общественный фонд «Общественное мнение», 2016. – 170 с.
6. Полюшкевич О.А. От редактора. Истина рождается // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 9–10.
7. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
8. Шибутани Т. Хрестоматия. Импровизированные новости: социологическое исследование слухов [Электронный ресурс]. URL: http://www.sapanet.ru/UMM_1/2483/7_7.htm (дата обращения 04.05.2023).
9. Ардашев Р.Г. Иррационализация массового сознания и СМИ // ЛОМО-НОСОВ-2022. Материалы Международного молодежного научного форума. 2022.
10. Ардашев Р.Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2021. С. 9–12.
11. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
12. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
13. Кармадонов О.А., Ардашев Р.Г. Социальное бессознательное как условие и фактор социальной конъюнкции // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 3. С. 605–609.

THE PLACE AND ROLE OF RUMORS IN THE MINDS OF MODERN YOUTH

Gudenkova O.F., Savitskaya Yu.P.

Ural State University of Communications, Tyumen Industrial University

The article deals with the phenomenon of rumors and its circulation among the youth in modern information conditions. Theoretical aspects related to the definition of rumors, their life cycle and functions performed in society are considered. The results of a sociological study are presented, during which the priority sources of information used by young people to obtain up-to-date information were identified, the degree of trust in them was determined. The systematized understanding of the phenomenon of rumors by the respondents was also presented, their attitude to this phenomenon was characterized.

Keywords: rumors, trust, youth, media, information environment, society, Internet, sociological research.

References

1. Babiyani T.V. Proverbs and sayings as a means of representing linguocultural realities // *Philological Sciences. Questions of theory and practice.* – 2017. – No. 10(76) – P. 48–50.
2. Dmitriev A.V. *Informal political communication.* – Moscow: Rosspan, 1997. – 200 p.
3. Levada Center: 60% of Russians supported censorship on the Internet // *Socio-political publication “Novaya Gazeta”* – Electronic resource. Access point: <https://www.novayagazeta.ru/news/2016/11/18/126695-levada-tsentr-60-rossiyan-podderzhali-tsenzuru-v-internete> (accessed 05/04/2023)
4. Nikulina S.A. *Psychology of mass communication.* – M.: Direct-Media, 2014. – 169 p.
5. AAPOR Working Group Report on Non-Random Samples. – Moscow: All-Russian public fund “Public opinion”, 2016. – 170 p.
6. Polyushkevich O.A. From the editor. Truth is born // *In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference.* Irkutsk, 2021. S. 9–10.
7. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // *Sociology.* 2021. No. 2. S. 87–92.
8. Shibutani T. Reader. Improvised news: a sociological study of rumors [Electronic resource]. URL: http://www.sapanet.ru/UMM_1/2483/7_7.htm (accessed 04.05.2023).
9. Ardashev R.G. Irrationalization of mass consciousness and the media // *LOMONOSOV-2022. Materials of the International Youth Scientific Forum.* 2022.
10. Ardashev R.G. Spread of conspiracy theories under the influence of virtualization // *Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference.* Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2021. S. 9–12.
11. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
12. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // *Sociology.* 2021. No. 3. S. 53–61.
13. Karmadonov O.A., Ardashev R.G. Social unconscious as a condition and factor of social conjunction // *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right.* 2021. V. 46. No. 3. S. 605–609.

Цифровая социализация молодежи

Кузнецова Екатерина Александровна,
преподаватель Государственного автономного
профессионального образовательного учреждения
Иркутской области «Байкальский техникум
отраслевых технологий и сервиса» (ГАПОУ БТОТиС)
E-mail: katerina_13baik@mail.ru

В статье показываются особенности цифровой социализации современной молодежи, рассматриваются социальные и личностные риски, выделяются особенности виртуального развития сознания молодого человека. Выделяются типы цифровой социализации и их воздействие на идентичности молодежи, а также на особенности формирования поведенческих повседневных, образовательных и профессиональных особенностей молодых людей.

Ключевые слова: социализация, цифровизация, молодежь, идентичность, информационная социализация, киберсоциализация, цифровая социализация.

В современном мире все больше и чаще социализация молодых людей происходит не в реальном режиме, а через различные виртуальные платформы. Молодые люди проводят время в цифровом мире – общаясь, обучаясь, работая, выстраивая личную жизнь, приобретая не реальные навыки, умения и опыт, а виртуальные, которые сами по себе отличаются, так как зависят от той среды, в которой возникли. Поэтому можно говорить о цифровой социализации современной молодежи.

Именно она формирует новый тип и структуру личности. И можно с уверенностью говорить, что через 20–30 лет мы будем наблюдать совершенно другого по представлениям, ценностям, мировоззрению, эмоциям и чувствам, поведенческим особенностям человека. Человека эпохи виртуальности. Новый антропологический тип эволюции homo sapiens.

Благодаря социализации человек усваивает ценности и нормы, приемлемые стандарты поведения, общественные представления и это позволяет ему вливаться в социум, соответствовать ему. Социализация происходит через соединение уникальных характеристик и черт личности, языковых, религиозных, территориальных, государственных и иных характеристик позволяющих встроить личность в социальную структуру, позволяя освоить социальные нормы и стандарты поведения.

Традиционно выделяют агентов первичной (родители, педагоги, воспитатели, наставники, тренеры) и вторичной социализации (руководители, чиновники, представители СМИ и шоу-бизнеса) и т.д. Последние тридцать лет, представители вторичной группы социализации все больше и больше влияют на сознание молодых людей. Так как последние все меньше взаимодействуют в реальном мире и все больше в виртуальном, ориентируются не на сверстников или реальный круг общения, а на блогеров шоу-звезд, популярных психологов, ко-

учей, бизнесменов и проч. Людей, которые показывают и рассказывают о своих успехах через и внутри виртуального пространства.

Эти действия приводят к формированию новых стратегий мышления среди молодежи. Для того, чтобы добиться успеха не обязательно учиться, получать образование, работать – достаточно вести модный блог, иметь своих подписчиков и зарабатывать на том, о чем говоришь. Это серьезное упрощение смыслов, значений и форм того, что делаешь, для чего и как.

Цифровизация стала серьезной альтернативой социализации семьи, школы и университета. Этот процесс нашел отражение в таких терминах как: информационная социализация, киберсоциализация, цифровая социализация. Эти определения объединяет то, что человек получает опыт социального и ролевого взаимодействия не в реальном, а в виртуальном мире.

В литературе, вопросами социализации в цифровую эпоху занимались разные авторы. Например, Р.Г. Ардашев [1–7] говорит об изменении сознания в эпоху виртуальности; Н.А. Голубева [10] и О.А. Полюшкевич [15–17] о становлении виртуальной идентичности. Процессы осуществления цифровой социализации освещены в работах М.А. Головчина [8,9], Г.Я. Гревцевой [11], О.В. Дудиной [12], Р.В. Ершовой [13] и других. Типология пользователей сети представлены, а работе А. Морозовой [14], сеть как пространство социализации в исследовании В.С. Собкина и А.В. Федотовой [18], цифровая социализация в культурно-исторической парадигме в работе Г.У. Солдатовой [19].

Социальный опыт цифрового взаимодействия обладает своими характеристиками и чертами. К основным из них можно отнести следующее:

- особыми личностными установками, позволяющими взаимодействовать внутри цифровой среды;
- специфическими внешними условиями социальной коммуникации, опосредованными своим языком и символами (смайлы, сокращения, новые слова);

- особыми поведенческими стратегиями поведения, обусловленными характеристиками виртуальной среды (отсутствия территориальных и языковых границ, новых социальных практик виртуального взаимодействия, особых правил и норм коммуникации).

В цифровой социализации выделяется четыре процессных компонента (по О.В. Дудиной [12]):

- цифровая культура (идеологические и организационные ценности);
- цифровое обучение (цифровые грамотность и навыки);
- цифровое развитие личности (цифровая личность, цифровая репутация);
- цифровое воспитание.

Благодаря цифровой социализации формируется новый стиль коммуникации, опирающийся на автономность и независимость, открытость и инновативность. Более того, благодаря цифровой социализации формируется новый тип виртуальной идентичности и новая форма проявления индивидуальности. Благодаря воздействию виртуальной среды проявляются такие характеристики личности как персонализация и геймификация. Это ключевые смыслы социального моделирования общественного развития.

Цифровая социализация выступает основой для формирования цифровой личности, которая конструируется и проявляется в процессе виртуального общения, самостоятельно и индивидуально выстраивает цифровые коммуникации, постоянно находится в интерактивном режиме (имеет возможность быть на связи «здесь и сейчас» большую часть времени), формирует желаемый (часто идеализированный) образ себя самой (не совпадающий с реальным полом, возрастом, внешностью, профессией, местом жительства и проч.).

К негативным чертам цифровой социализации можно отнести постоянное нахождение в придуманном мире, анонимном общении, снижении когнитивной нагрузки, клиповости мышления, посещение деструктивных и асоциальных сайтов, способных нанести вред психике

молодого человека. Помимо этого, происходит обесценивание всех источников информации кроме цифровой среды. А также формируются негативные и деструктивные настроения в молодежной среде.

Особенности проведения и анализ результатов исследования

Мы провели опрос россиян на платформе www.google.ru в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в разных регионах РФ. Всего приняло участие 55% женщин и 45% мужчин. Выборка квотная, многоступенчатая (пол, возраст, регион проживания, участие в цифровом взаимодействии).

Молодые люди должны были участвовать в виртуальных интеракциях не менее 6 часов каждый день в любой сфере и нише коммуникаций. Это мог быть досуг, обучение, работа или что-то

еще. Данный пункт указывали сами респонденты при начале исследования.

Гипотезой исследования выступало то, что в процессе цифровой социализации формируются различные типы стратегии осуществления данного механизма, так как разные условия и внутренние предпосылки способствуют тому, чтобы молодые люди активно вовлекались в цифровое взаимодействие и тем самым развивали и опосредовали цифровую социализацию.

Анализ результатов исследования

На основе проведенного исследования мы выделили несколько типов цифровой социализации на сегодняшний день, существующих в виртуальном пространстве, которые определяются детерминантой поведения, обусловлены поведенческими характеристиками и особенностями условий возникновения (см. таблицу 1).

Таблица 1. Типы цифровой социализации

Условия возникновения	Поведенческая характеристика	Восприятие цифрового пространства (сети)
Желание заявить о себе, подчеркнуть свою значимость и уникальность (гедонизм)	Постоянно делает и выкладывает собственные селфи. Рассказывает о себе реальные и выдуманные истории. Фиксирует ежеминутно свои действия у себя на странице (от фото еды, до интимных сцен)	Сеть – это место, где можно придумать себя
Желание общаться и интересно проводить время (играть) с разными интересными людьми (друзья, хобби)	Вовлечен в игровые сообщества, участвует в турнирах или просто играх. Активно участвует в тематическом форуме. Модерирует чаты, дает советы, помогает развивать то, что уже сам освоил.	Сеть – это место, где можно найти необходимый социальный капитал и получать удовольствие от процесса и цели нахождения в виртуальном мире
Желание обучаться новому (учеба)	Постоянно учится на каком-либо курсе (начиная от продвижения сети или видеосъемки на телефон до серьезных обучений по психологии, экономике или политике).	Сеть – это место, где можно учиться, осваивать новые навыки
Желание решать финансовые вопросы в виртуальном мире (работа)	Виртуальность – это место монетизации своих навыков. Участие в постоянных онлайн заработках. Виртуальность – идеальное место работы, где ты всегда вовремя, когда бы ни начал и где бы ни был.	Сеть – это место, где можно использовать свои навыки и умения и монетизировать их
Желание найти партнера для отношений (личные отношения)	В сети происходят личные знакомства, для личного общения в реале или виртуальном мире. Создаются условия для создания семьи онлайн.	Сеть – это место, где реализуется личная жизнь
Желание продлить онлайн общение с теми, с кем в реальной жизни идет общение (дублирование жизни)	Более открытое и доверительное общение. Публичное освещение своих эмоций, чувств и состояний. Постоянная фиксация своего места присутствия в онлайн для того, чтобы всегда быть на связи.	Сеть – это место расширения формата и условий общения с близкими людьми, расширение возможностей реального общения

На рисунках 1 и 2 представлено соотношение по возрасту и полу распространённости того или иного типа социализации молодых людей (см. Рис. 1 и 2).

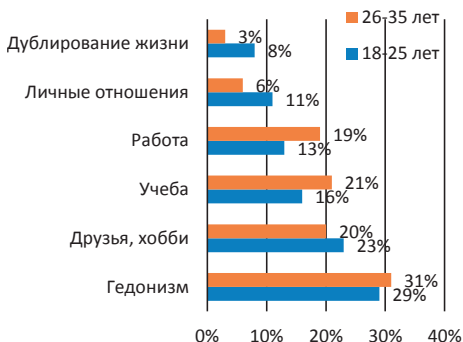

Рис. 1. Соотношение цифровой социализации по возрасту

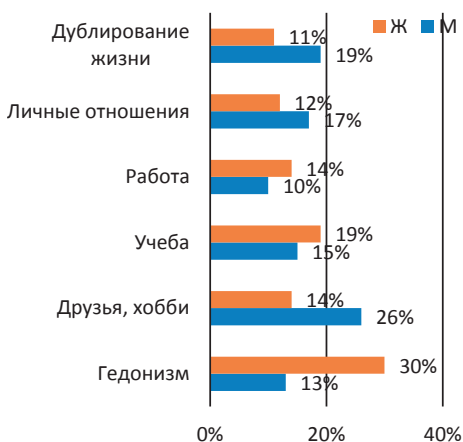

Рис. 2. Соотношение цифровой социализации по полу

Гедонизм более распространен среди девушек (30%), чем юношей (13%) и примерно равномерно в старшей и младшей возрастной группах (31 и 29% соответственно).

Друзья и хобби среди молодых людей более значимы в цифровой социализации (26%), чем для девушек (14%). Разницы в возрастной структуре молодежи практически нет (20 и 23%).

Учеба новому немного более значима для девушек (19%) старшей возрастной группы (21%) молодежи, чем для юношей (15% и 16% соответственно).

Работа имеет такое же соотношение и значимость для девушек старшей возрастной группы (14% и 19%), для юношей – 10% и 13% соответственно.

Личные отношения в цифровом пространстве более значимы для молодых людей – 17%, для девушек это 12%. В более младшем возрасте (18–25 лет) более приоритетно – 11%, чем в более старшем – 6%.

Дублирование жизни чаще встречается среди мужчин (19%) и реже чем среди женщин (11%). В возрасте 18–25 лет – 8%, 26–35 лет – 3%.

Уровень цифровой коммуникативности достаточно высокий, но все же более ярко выражен у младшей группы молодежи, так как они с более раннего возраста вовлечены в виртуальное взаимодействие, а старшая группа молодых людей подключилась к нему в более осознанном возрасте (см. таблицу 2).

Таблица 2. Возрастные особенности цифровой коммуникации (в %)

Уровни	18–25 лет	26–35 лет
Высокий	61%	47%
Средний	32%	38%
Низкий	7%	15%

Представленные данные позволяют говорить о разных типах цифровой социализации, которая способствует социальному включению в процессы воспроизводства общества в новых условиях виртуального мира.

Общение в цифровом мире обладает следующими особенностями¹:

- Уравнивание прав всех участников виртуального взаимодействия (34%). Одинакова значима и для мужчин, и для женщин (24 и 25% соответственно).
- Анонимность и физическая неопределенность (31%). Мужчины в два раза чаще, чем женщины указывали на эту особенность (30 и 15% соответственно).

¹ Можно было выделить несколько вариантов ответов, поэтому сумма больше 100%.

- Оперирование стереотипами (26%). Одинаково уместно и используется мужчинами и женщинами (24 и 23% соответственно)
- Добровольность и активность поддержания контактов (22%). Более важна для девушек (26%), чем для юношей (12%).
- Ограниченность форм выражения эмоций (т.к. используется знаки) – 25%. Девушки в два раза чаще это отмечали, чем юноши (18 и 9% соответственно).
- Смореализация и самоутверждение – 18%. Мужчины в три раза чаще, чем женщины указывали на данный показатель (33 и 13% соответственно).
- Возможность проявить нетипично себя – 15%. Женщины указывали в два раза чаще, чем мужчины (24 и 12% соответственно).
- Потеря ощущения времени – 12%. Одинаково значимо и серьезно для мужчин и женщин (11 и 12% соответственно).

Выделенные особенности особенно значимы для тех молодых людей, что имеют проблемы коммуникаций в реальном мире. Благодаря процессам цифровой социализации они могут существенно расширить формальные связи, но далеко не все могут получить реальные эмоции и чувства.

Формирования новых моделей образовательных и профессиональных траекторий становится несомненным ресурсом цифровой социализации, так как позволяет найти возможность для развития и профессионального признания все в новых и новых цифровых профессиях. Профессиональная реализация в цифровом мире не может носить постоянный характер – все быстро меняется, поэтому становится приемлемой локальная проектная работа, при завершении которой и выплаты договоренной оплаты, ни человек, ни его работодатель ничего друг другу не должны. Это приведет к новым рыночным отношениям, обладающим спецификой и особенностями цифрового взаимодействия.

Сложность этих процессов в том, что это не помогает молодым людям соци-

ализироваться в реальном мире, найти тот формат социального признания, который будет совпадать с традиционными для нашего общества формами. Пока этого не произойдет – полного включения в работу социальных институтов не приходится констатировать.

Пока мы живем в социуме – действуют его законы. Виртуальный мир придумывает новую реальность со своими правилами и нормами, но это процесс становления нового миропорядка. Переходный момент будет порождать людей, не адаптированных в полной мере ни там, ни тут. И как следствие, поколение – дезадаптированных молодых людей, не вписывающихся в рамки ни старого, ни еще не сформированного нового мира.

Также происходит разрушение представлений о необходимости соблюдения социальных норм и ролей, которые позволяют вписываться в социальный круг и социальное взаимодействие. Наряду с этим – нарушается временное (темпоральное) восприятие себя, собственной вовлеченности в цифровые контакты (не заметил сколько времени просидел в социальных сетях и т.д.).

Негативной чертой цифровой социализации выступает и то, что только Интернет создает условия для развития личности, школа или университет и тем более семья – отодвинуты очень далеко. Но если в рамках образовательных учреждений хотя бы имеются зачатки дистанционного удаленного обучения, то семейное взаимодействие в процессе цифровой социализации максимизируется на общении в мессенджерах (WhatsApp, Viber), а этого недостаточно для поддержания нужного уровня социальных коммуникаций.

Цифровая социализация молодежи строится на социальных установках и ориентирах развития человека в виртуальном мире: жить без ограничений и границ, создавая пространство для реализации и достатка, определяя механизмы и формы социального развития в новом мире. Эффективность данной стратегии обусловлена рамками социального давления простых и понятных

способов довериться виртуально незнакомым людям, чем реально начать решать проблемы, которые вызывают наибольшую сложность и сопротивление.

Выводы

Цифровая социализация может стать инструментом стирания ограничений и преград и не может быть чем-то более значимым, чем сама возможность опоры на виртуальное пространство социальных взаимосвязей. Формирование моделей поведения в условиях цифровой социализации может стать инструментом сплочения и социального моделирования общественного развития. Цифровая социализация может опровергнуть право и возможность первичных институтов социализации (семья, детский сад, вуз и т.д.), также как и утвердить.

На сегодняшний день, цифровая социализация молодых людей осуществляется спонтанно. Нам видится, эту ситуацию надо менять – внедрив инструменты цифровой социализации в виртуальную стратегию обучения, воспитания и развития личности. Этим аспектом социализации, так же, как и школой, детскими садами или университетом – должно заниматься государство. Так как благодаря этой сцепке возможно формирование солидарного общества.

Более того, данная тематика требует более длительного и глубокого мониторинга данной проблемы. Это поможет выйти на новый уровень социального развития и формирования личности нового типа, не подверженной старым ограничениям, а формирующей новые реалии собственной реализации и развития в новых условиях цифрового мира современной России.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 25–28.
2. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 152–156.
3. Ардашев Р.Г. Особенности сознания и психологического здоровья в условиях виртуализации // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 141–144.
4. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
5. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 56–63.
6. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
7. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32–38.
8. Головчин М.А. Влияние интернет-активности на жизнь в эпоху цифровизации общества и экономики: на данных регионального исследования // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 3. С. 1356–1369. DOI: 10.21202/1993–047X.13.2019.3.1356–1369
9. Головчин М.А. Проявления цифровой социализации в молодежной среде: на данных пилотного опроса старшеклассников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 5. С. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13
10. Голубева Н.А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологи-

- ческом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150.
11. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 1. С. 40–49.
 12. Дудина О.В. К вопросу о структуре цифровой социализации в контексте современного образования // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2021. № 3 (112). С. 161–166.
 13. Ершова Р.В. Цифровая социализация личности в эпоху глобальных перемен // Прикладная психология на службе развивающейся личности. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет. 2019. С. 49–54
 14. Морозова А. Типология пользователей социальной сети // Мультимедийная журналистика / под ред. В.П. Воробьева. Минск: Издательский центр БГУ. 2018. С. 225–229
 15. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
 16. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 10–25.
 17. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
 18. Собкин В.С., Федотова А.В. Сеть как пространство социализации современного подростка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308
 19. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической

парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308

DIGITAL SOCIALIZATION OF YOUTH

Kuznetsova E.A.

Baikal College of Industrial Technologies and Service

The article shows the features of the digital socialization of modern youth, shows social and personal risks, highlights the features of the virtual development of the consciousness of a young person. The types of digital socialization and their impact on the identities of young people, as well as on the features of the formation of everyday behavioral, educational and professional characteristics of young people are distinguished.

Keywords: socialization, digitalization, youth, identity, information socialization, cyber socialization, digital socialization.

References

1. Ardashev R.G. Metamorphoses of Consciousness: Images of Identity in Virtual Space // Social Reality of Virtual Space. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, ISU, 2020. S. 25–28.
2. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 152–156.
3. Ardashev R.G. Features of consciousness and psychological health in the conditions of virtualization // Humanistic and ecological resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among the youth. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation: thematic collection of articles. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 141–144.
4. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly). 2021. No. 5. S. 31–34.
5. Ardashev R.G. Transformation of consciousness after the pandemic: new facets of virtuality // Social reality of virtual space. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 56–63.

6. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
7. Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society // Sociology. 2022. No. 6. S. 32–38.
8. Golovchin M.A. The influence of Internet activity on life in the era of digitalization of society and the economy: on the data of a regional study // Actual problems of economics and law. 2019. V. 13. No. 3. S. 1356–1369. DOI: 10.21202/1993–047X.13.2019.3.1356–1369
9. Golovchin M.A. Manifestations of digital socialization in the youth environment: based on data from a pilot survey of high school students // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2022. V. 15. No. 5. S. 237–256. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.13
10. Golubeva N.A. Features of the digital identity of adolescents and youth in the modern technological society. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Psychology. Pedagogy. Education". 2020. No. 1. P. 130–150.
11. Grevtseva G. Ya. Digital socialization of personality in the educational environment // Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical Sciences. 2022. No. 1. P. 40–49.
12. Dudina O.V. On the issue of the structure of digital socialization in the context of modern education // Bulletin of the Chechen State Pedagogical University. AND I. Yakovlev. 2021. No. 3 (112). pp. 161–166.
13. Ershova R.V. Digital socialization of personality in the era of global change // Applied psychology in the service of a developing personality. Kolomna: State Social and Humanitarian University. 2019, pp. 49–54
14. Morozova A. Typology of social network users // Multimedia journalism / ed. V.P. Vorobyov. Minsk: BSU Publishing Center. 2018, pp. 225–229
15. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference. Grozny – Makhachkala, 2020, pp. 303–307.
16. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // Social reality of virtual space. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 10–25.
17. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // Sociology. 2020. No. 5. S. 163–176.
18. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Network as a space of socialization of a modern teenager // Consultative psychology and psychotherapy. 2019. V. 27. No. 3. S. 119–137. DOI: 10.17759/cpp.2019270308
19. Soldatova G.U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world // Social psychology and society. 2018. V. 9. No. 3. S. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308

Коррупция на спортивных соревнованиях: оценка общественного мнения

Туркова Валентина Николаевна,

старший преподаватель кафедры юриспруденции
Института экономики, управления и права
Иркутского национального исследовательского
технического университета
E-mail: v_turkova87@mail.ru

В статье проводится анализ общественного мнения о взятках и коррупции на спортивных соревнованиях. Приводятся результаты количественного опроса (n=1200) и качественного фокус-группового исследования (n=36) оценки зрителей спортивных соревнований и самих спортсменов о распространенности коррупции на спортивных соревнованиях. В результате автор приходит к выводу, что зрители больше информированы о коррупциях в спорте чем сами спортсмены из-за вовлеченности в информационные потоки СМИ и сети Интернет.

Ключевые слова: коррупция, спорт, общественное мнение, взятка, зрелища, игра.

Спорт привлекает внимание общественности своим азартом, яркостью, глубиной проживания эмоций. Особенно это касается зрелищных видов спорта, где исход поединка не ясен до последних минут. Отдельные виды спорта собирают стадионы болельщиков, транслируются в топовое время по основным телеканалам, онлайн трансляциям и т.д. для того, чтобы удержать внимание зрителей, удержать интригу и сделать соучастником игры.

Эти процессы усиливают социальную идентичность, уровень патриотизма, повышают самосознание и гражданственность. Поэтому, спортивные соревнования необходимы для сплочения общества, формирования гордости за свою страну, свой народ, отдельных людей – достигших значимых побед. Спортивные соревнования становятся примером реализации и успеха личности, команды, страны. И определяют перспективы социального развития, жизненных миров и жизненных стратегий целых последующих поколений.

В советское время – всей страной болели за хоккеистов, фигуристов, футболистов, создавали дворовые спортивные команды, шли в спортивные секции чтобы походить на своих спортивных кумиров. Потому что игра – всегда манит своей динамичностью, активностью, яркостью, большим количеством страстей и вовлеченности множества людей (как участников, так и зрителей) в сам процесс.

Это все делает спортивную сферу притягательной для незаконных соглашений, коррупционных схем, когда побеждают не в честной игре, а в спланированной постановке. Или же осуществляются какие-либо иные действия, приводящие к тому, что завершение спортивных соревнований происходит так, как необходимо определенным лицам или кругам лиц, а не реальным победителям.

Неоднократные скандалы во время спортивных соревнований мирового уровня – тому яркие свидетели. Начиная от любых олимпийских игр, заканчивая дружескими матчами или показательными боями или выступлениями в разных видах спорта.

Коррупция в спортивной сфере может проявляться в махинациях со строительством спортивных объектов (необоснованное завышение цен строительства, хищение бюджетных или внебюджетных средств в форме мошенничества), в злоупотреблениях со стороны чиновников и административного персонала международных спортивных организаций при выборе городов для проведения Олимпийских игр (подкуп организаторов конкурсов и других выборных процедур в области спорта), в подкупе спортсменов, спортивных судей, тренеров, руководителей команд и других участников или организаторов спортивных соревнований для оказания нужного влияния на их результаты (организация договорных матчей, манипулирование результатами спортивной деятельности). Применительно к международному спорту коррупция означает нарушение принципов честной игры (Fair Play) [7].

С одной стороны, общественность жаждет зрелищ – и скандалы подогревают интерес, привлекая внимание болельщиков и простых обывателей к разворачивающимся событиям. Эти иррациональные стратегии поведения подробно исследованы Р.Г. Ардашевым [1–5] и автором [13] в более ранних работах. Но с другой стороны – подобные скандалы приводят к обесцениванию самих соревнований, унижению спортсменов и подмене смысла состязаний, где побеждает сильнейший, на информационную атаку и формирование напряженного интереса к спортивным мероприятиям, но очень далеким от самого спорта. Игра перестает быть игрой, и становится инструментом политики или экономики [6, 8–12, 14].

Наше исследование проводилось в 2023 году через платформу опросов www.google.ru, в нем приняли участие 600 человек, в возрасте от 18 до 65 лет,

55% женщин и 45% мужчин, проживающих в разных регионах РФ.

Отдельно мы провели опрос среди спортсменов (n=600) разного уровня, в возрасте от 18 до 65 лет, 55% женщин и 45% мужчин.

Также мы провели 4 фокус-группы (n=36), направленные на более подробное раскрытие проблематики коррупции в спортивных соревнованиях. Участниками фокус-групп были как обычные зрители спортивных соревнований, так и сами спортсмены.

36% зрителей спортивных соревнований уверены, что на спортивных соревнованиях всегда есть коррупционные махинации, среди спортсменов таких 20%; 45% зрителей говорят о том, что коррупционные схемы на спортивных соревнованиях регулярно бывают, и также считает 35% спортсменов; точно не знают о взятках на спортивных соревнованиях 19% зрителей и 45% спортсменов. Иными словами, 81% россиян предполагает наличие разнообразных коррупционных махинаций в спортивных соревнованиях, среди спортсменов таких 62%.

Это позволяет нам говорить, что зрители больше подвержены конструированию общественного мнения через разнообразные СМИ, чем сами спортсмены. И то, что транслируется по ТВ или в сети Интернет далеко не всегда соответствует действительности. Но все же, более половины спортсменов также указывают на наличие коррупционных схем – это позволяет говорить о наличии данной проблемы и высоком уровне ее распространения в среде спортивных соревнований.

Вовремя фокус-группового исследования, участники группового интервью данное положение вещей комментировали, акцентируя внимание на том, что спорт в меньшей степени становится спортом – чем мы более высокий уровень соревнований рассматриваем. Он становится бизнесом, политикой, разменной монетой, но далеко не спортивным соревнованием.

Спорт – это игра с большими ставками, большой спорт – с очень большими. Поэтому нет ничего удивительного, что кто-то лоббирует свои интересы и зара-

бываает на этом, забывая изначальную идею спортивных соревнований. (Т.А., спортивный журналист, 42 года).

Спорт – это политика. И важно в каком ты лагере, а не за в какой команде играешь. Ну или с кем ваш тренер дружит. Соревнования – это договорённость тех, кто имеет власть, влияние и деньги. А спортсмены – это куклы, играющие свои роли в кукольном театре под названием – спортивные соревнования. (Д.Е., бывший спортсмен-хоккеист, учитель физкультуры, 49 лет).

Мотивами коррупции на спортивных соревнованиях выступают личные амбиции (20% зрителей и 50% спортсменов), вопросы экономического мотива (45% зрителей и 22% спортсменов) и политических интриг (35% зрителей и 28% спортсменов).

Личная победа через взятку, наверное, это крайний случай даже для спортсмена, только если это последний шанс выступить на каком-то уровне соревнований. Хотя, и такие горе-спортсмены встречаются. Чаще, мне кажется, это все-таки решение какой-то группы, которая может надавить на тренера, самого спортсмена или его близких. (Н.А., студент-политолог, спортивный болельщик, 22 года).

Я думаю, можно скорее тренера в нечестной с позиции финансовых выгод игре можно заподозрить, чем самого спортсмена, взявшего взятку для того, чтобы проиграть. Лично для меня так пазл не может сложиться даже умозрительно, хотя в жизни всякое бывает. (О.Т., бывший спортсмен, учитель физкультуры, спортивный болельщик, 40 лет).

Коррупция и взяточничество вызывают резкое негативное отношение у 25% зрителей, среди спортсменов близкий показатель 27%; неприятный осадок у 55% зрителей и 58% спортсменов, легкую зависть и восхищение, что кто-то так смог (20%), 13% среди спортсменов; 5% зрителей затруднились с ответом, среди спортсменов таких только 2%.

Отношение к взяткам как моя личная позиция резко отрицательное. Но от этого они не перестанут быть частью нашей

жизни – особенно в спорте. Поэтому, я скорее смирился с неизбежным злом. (Н.Е., тренер по боксу, 41 год).

Неприятно, когда всплывают истории со взятками и коррупцией в спорте, но это часть нашей жизни. Тут скорее надо смириться. Бороться против этого невозможно. Стремление побеждать любыми способами – заложено в нашей природе. (А.А., спортсмен-биатлонист, 23 года).

Чем старше респондент, тем более негативно он оценивает коррупцию и взятки в спорте, чем моложе – тем более лоялен и терпим к подобным действиям. Для людей старшего возраста (55 лет и старше) – коррупция допустима лишь в 7%, для представителей среднего возраста (36–55 лет) – 38%, для представителей младшего возраста (18–35 лет) – 38%. То есть, молодые люди более лояльны и терпимы к данным стратегиям незаконного поведения, как по моральным, так и по правовым нормам России. Эти показатели идентичны и для зрителей, и для спортсменов.

Эти данные указывают на мировоззренческие особенности, ментальные установки и ожидания, которые характерны разным поколениям. Их нужно учитывать, при конструировании социального моделирования общественно значимых структур профилактики коррупции в спорте, формирования нового типа мировоззрения, основанного на таких механизмах социализации, то позволят говорить об социальных установках на антикоррупционную спортивную культуру начиная с детства, заканчивая преклонными годами, вне зависимости от того – является ли спортсменом человек или только зритель спортивных мероприятий.

Сами давали взятки в спортивных соревнованиях 12% спортсменов и 15% зрителей, знают о том, что это делали их знакомые – 23% спортсменов и 25% зрителей, не имеют таких знакомых – 65% спортсменов и 60% зрителей.

У моих знакомых была ситуация, когда они давали взятку тренеру, чтобы он включил ребенка в сборную для участия в играх более высокого уров-

ня. И ребенок играл – для него это был шанс изменить жизнь, и он изменил. Потом поступил учиться в зарубежный вуз со спортивной стипендией, после его завершения ушел из спорта, но стал работать в сфере спортивной журналистики и до сих пор его вижу на экранах ТВ. Эта взятка помогла ему выстроить свою карьеру. Так что не всегда, взятка несет зло. (О.Л., спортивный тренер в фигурном катании, 60 лет).

Я знаю случай, когда игры сливались из-за полученной взятки, слишком большие деньги были на кону. Да, игра проиграна – но никто не остался в накладе, кроме самолюбия спортсмена ничто не пострадало. Да и он получил приличную награду за это. А зрители даже не поняли, что все было разыграно по нотам. (Н.А., бывший спортсмен, сейчас бизнесмен, 50 лет).

Интересно, что дают взятки в основном представители среднего возраста (36–55 лет) – 80% и 20% молодых людей (18–35 лет), среди представителей старшей группы (56 лет и старше) таких не обнаружилось. Представителям старшего возраста принципы не позволяют, молодежь – боится, а люди среднего возраста – готовы пойти на все, чтобы получить желаемое.

Иногда, победа слишком желанна, чтобы заморачиваться по поводу моральности и этичности. Действия – определяют нас. История не судит победителей, какими бы они ни были. Поэтому да, для себя, а тем более для своего ребенка – многие идут на взятки и иные коррупционные схемы, чтобы получить желаемый статус, войти в круг и т.д. (М.А., тренер по футболу, 40 лет).

Когда остается только один шанс на победу, после тебя спишут по возрасту или травмы, а желанная цель так и не достигнута – то инструментом достижения поставленной цели могут стать не только легальные способы, но и коррупция и взятки. Это как жизненный этап, чтобы начать жить дальше – надо поставить красивую точку – победой. Моя подруга именно так завершила спортивную карьеру – ушла победителем, правда пришлось подсуетиться чтобы им стать,

используя нелегитимные практики. (Б.А., спортивный юрист, 44 года).

Наибольшее количество взяток в спортивных соревнованиях находится среди групповых и наиболее раскрученных видов спорта (футбол, хоккей) – 44% зрителей и 50% спортсменов, парных видов спорта (бокс, карате) – 38% зрителей и 30% спортсменов, одиночных (легкая атлетика, гимнастика) – 18% зрителей и 20% спортсменов. Мы полагаем, данное распределение субъективно и опирается на личные интересы и информированность в том виде спорта, что более нравится респонденту.

Где больше зрителей, где больше раскрученных имен и брендов, финансирующих тренировки, переезды, питание и прочие необходимые вещи спортсменам – тем больше взяток в этой среде может быть. Причем на разных этапах: от того, чтобы попасть в сборную, до итога спортивных соревнований. (М.Н., тренер по хоккею, 48 лет).

Где есть азарт, интрига и неочевидный результат – там всегда будет больше взяток и скандалов. Это привлечение внимания. Это реклама, пиар и способ заработка денег на своем или чудом скандале. Это дело навыка и привычки – использовать любой повод для увеличения собственной известности. (А.Л., спортивный журналист, 32 года).

Знают о правовых и социальных последствиях реализации коррупционных схем в спорте – 17% опрошенных зрителей и 30% спортсменов, знают о том, что никаких последствий после реализации коррупционной схемы не было – 70% зрителей и 50% спортсменов, 13% зрителей и 20% спортсменов затруднились с ответом. Эти данные говорят о том, что антикоррупционная деятельность не столь эффективна. А также в СМИ и сети Интернет распространяется в разы больше информации о факте коррупции или конкретно взятки, а не о правовых и социальных последствиях для всех участников данной схемы, что формирует установки безнаказанности и допустимости подобного поведения.

Те, кто дает или берет взятку – не думает о правовых последствиях. Это эф-

фект вседозволенности и надежда на то, что никто не узнает. Последствия бывают серьезными: дисквалификация, снятие с должности, отстранение от участия в соревнованиях, запрет участия в будущих соревнованиях и многое другое. У меня есть знакомые, которые пострадали именно указанными мной способами. Кто-то не знал, кто-то надеялся на авось и что пронесет – но не пронесло... (О.Д., спортсмен-бодибилдер, 25 лет).

Знать о том, что взятки и коррупция – это плохо, знают все. Но не все считают, что это как-то коснется их, повлияет на жизнь, карьеру. У меня несколько примеров из окружения, кого поймали на взятке во время спортивных соревнований и в результате разрушенная жизнь. Кто-то спился, кто-то ушел в другую сферу, но своих целей не смог достигнуть и реализоваться на новом месте не смог и старое уже никогда не примет. (Т.Е., спортивный аналитик, 37 лет).

На вопрос о том, как противостоять коррупции в спорте предложения звучали двух типов: репрессивных мер (жестко наказывать – 40% зрителей и 30% спортсменов) и превентивных мер (заниматься профилактикой и просвещением, пропаганда соревновательного эффекта и ценности победы в состязании – 60% зрителей и 70% спортсменов).

Кого поймали на взятке – надо наказывать и максимально громко освещать этот вопрос в СМИ и сети Интернет. Но все же, это не будет иметь такого эффекта как если заниматься в обществе пропагандой спорта как игры, спорта как способа жизни, спорта как соревнования, приносящего радость и удовлетворенность собой, жизнью, обществом. Это мировоззренческие установки, которые формируются через разные сферы, но та, что дает максимум эмоций – спортивные согревания, на мой взгляд может стать одной из самых действенных и ярких. (Д.Д., спортивный журналист, бывший спортсмен-гимнаст, 54 года).

Борьба с коррупцией в спорте должна начинаться не со скандала, а с воспитания будущего спортсмена, формирования его мировоззрения и нацелен-

ности на честную игру и достойную победу. Впрочем, проигрывать тоже надо уметь и надо учить проигрывать с достоинством сильным противникам для формирования новых ориентиров для социальных достижений и успехов в спорте. (О.Р., тренер-биатлонист, 51 год).

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают то, что взятки и коррупция на спортивных соревнованиях имеет место быть. Об этом говорят и спортсмены, и зрители. Понимание причин, мотивов и механизмов осуществления этих нелегитимных практик у изучаемых групп отличаются. Для спортсменов – это личный мотив – победы любой ценой, для зрителей – это в большей степени результат политики и финансовых интересов заинтересованных групп и в меньшей степени спортсменов. Данное понимание вызвано скорее влиянием СМИ и сети Интернет, нежели чем объективными условиями и реальным пониманием вещей.

Коррупция в спорте как деструктивное явление негативно сказывается на имидже спорта и искажает смыслы спортивной деятельности. Поэтому необходимо применять не только репрессивные, но и превентивные меры борьбы с этим явлением. Для этого проводить информационно-просветительскую работу как среди спортсменов (с самого раннего возраста), та и среди зрителей и просто обывателей. Когда в обществе будет общепринята установка на негативное восприятие коррупции и взятки, то и в конкретной сфере – спорте ей не будет места.

Литература

1. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Проблема взяточничества на спортивных соревнованиях в аспекте социологического анализа // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 106.
2. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Спортивные достижения студентов в структуре социального успеха // Теория и практика физической культуры. 2022. № 12. С. 90.
3. Ардашев Р.Г., Туркова В.Н. Особенности бессознательных стратегий

- спортивных достижений студентов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 9. С. 38.
4. Ардашев Р.Г. Бессознательные образы антикоррупционной политики России // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2021. С. 15–19.
 5. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 44–49.
 6. Бутусов А.В. Политический характер информационных войн в сфере спорта // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки 2018. Т. 4, № 14. С. 76–79
 7. Захарова Л.И. Борьба с коррупцией в сфере спорта: опыт совета Европы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 139–143.
 8. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 41–48.
 9. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127–131.
 10. Полюшкевич О.А. Современное прочтение социологии морали // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 5. С. 50–58.
 11. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В. Этические основы противодействия коррупции. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2019. 192 с.
 12. Попов М.Л., Ибрагимов Г.М., Хакимова Г.М. Спорт высших достижений как предмет конфликта международных и российских субъектов спортивной индустрии // Наука и спорт: современные тенденции. № 1 (Том 14), 2017. С. 26–33.
 13. Туркова В.Н. Цена и ценность взятки на спортивных соревнованиях // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 216–219.
 14. Юдина А.В. Спорт как инструмент политического противостояния: к вопросу о государственной политике в сфере физической культуры и спорта // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Том 12. № 6. С. 194–204.

CORRUPTION IN SPORTS COMPETITIONS: ASSESSMENT OF PUBLIC OPINION

Turkova V.N.
Irkutsk National Research Technical University

The article analyzes public opinion about bribes and corruption in sports competitions. The results of a quantitative survey (n=1200) and a qualitative focus group study (n=36) of assessing the spectators of sports competitions and the athletes themselves on the prevalence of corruption in sports competitions are presented. As a result, the author comes to the conclusion that the audience is more informed about corruption in sports than the athletes themselves due to their involvement in the information flows of the media and the Internet.

Keywords: corruption, sport, public opinion, bribe, spectacle, game.

References

1. Ardashev R.G., Turkova V.N. The problem of bribery at sports competitions in the aspect of sociological analysis // Theory and practice of physical culture. 2023. No. 2. P. 106.
2. Ardashev R.G., Turkova V.N. Sports achievements of students in the structure of social success // Theory and practice of physical culture. 2022. No. 12. P. 90.
3. Ardashev R.G., Turkova V.N. Features of unconscious strategies of students' sports

- achievements // *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury*. 2022. No. 9. P. 38.
4. Ardashev R.G. Unconscious Images of Russia's Anti-Corruption Policy // *Anti-Corruption Practice: Problems and Achievements*. Materials of the XI All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2021. S. 15–19.
 5. Ardashev R.G. Irrational ideas of youth about anti-corruption culture in Russia // *Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society*. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 44–49.
 6. Butusov A.V. The political nature of information wars in the field of sports // *Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences* 2018. V. 4, No. 14. P. 76–79
 7. Zakharova L.I. Fighting corruption in the field of sports: the experience of the Council of Europe // *Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA)*. 2015. No. 8. pp. 139–143.
 8. Polyushkevich O.A. Moral and game in modern society // *The problem of correlation between natural and social in society and man*. 2022. No. 13. S. 41–48.
 9. Polyushkevich O.A. Moral choice in the structure of prosocial behavior // *The problem of correlation between the natural and the social in society and man*. 2020. No. 11. P. 127–131.
 10. Polyushkevich O.A. Modern reading of the sociology of morals // *Humanitarian vector*. 2021. V. 16. No. 5. S. 50–58.
 11. Polyushkevich O.A., Zhuravleva I.A., Druzhinin G.V. Ethical foundations for combating corruption. Tutorial. Irkutsk, IGU, 2019. 192 p.
 12. Popov M.L., Ibragimova G.M., Khakimova G.M. Sport of the highest achievements as a subject of conflict between international and Russian subjects of the sports industry // *Science and sport: modern trends*. No. 1 (Vol. 14), 2017. S. 26–33.
 13. Turkova V.N. The price and value of a bribe at sports competitions // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2023, pp. 216–219.
 14. Yudina A.V. Sport as an instrument of political confrontation: on the issue of state policy in the field of physical culture and sports // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2017. Volume 12. No. 6. pp. 194–204.

Социальные факторы стоматологического здоровья детей школьного возраста

Черноморченко Никита Сергеевич,

ассистент кафедры стоматологии факультета стоматологии и медицинских технологий Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: nik85041@gmail.com

Соколович Наталия Александровна,

доктор медицинских наук, профессор кафедры стоматологии факультета стоматологии и медицинских технологий Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: lun_nat@mail.ru

В статье исследуются социальные факторы, оказывающие влияние на стоматологическое здоровье детей школьного возраста. Работа базируется на материалах эмпирического исследования, реализованного в виде опроса родителей детей-пациентов стоматологических клиник Санкт-Петербурга и Тюмени. В статье актуализируется проблематика влияния социальных факторов на здоровья населения в целом и детей в частности. Рассматриваются такие факторы стоматологического здоровья детей, как посещение стоматолога, внимание будущих матерей на здоровье зубов ребёнка во время беременности, наблюдение за прорезыванием зубов, гигиена полости рта, правильное питание. Отдельно рассматриваются аспекты, связанные с аномалиями прикуса, а также вопросы информированности и просвещения. Делается вывод о необходимости развития системы школьных стоматологических кабинетов и формирования региональных программ профилактики стоматологических заболеваний.

Ключевые слова: стоматология, ортодонтия, социальные факторы, профилактика, гигиена, здоровьесбережение, социализация, дети, школьники, родители.

Введение

Заболевания полости рта представляют собой одну из самых распространенных медицинских проблем во всем мире, а кариес – самым часто встречающимся заболеванием. По мере усиления урбанизации и изменения условий жизни, основные болезни полости рта продолжает расти. Это связано, в первую очередь, с недостаточным поступлением в организм фтора на фоне распространения дешевых продуктов питания с высоким содержанием сахаров, а также ограниченной доступностью (в первую очередь, финансовой) квалифицированной стоматологической помощи. Несмотря на развитие профилактической и терапевтической стоматологии, заболевания полости рта продолжают наносить тяжёлый урон социально незащищенным группам, усиливая социальное неравенство [3].

Здесь очень важно сделать одно примечание. С этиологической точки зрения, заболевание пародонта постоянно связывают с взаимодействием между микробной биопленкой и локальным иммунным ответом человека. Фактически известно несколько факторов, влияющих на вариации этого взаимодействия, в их числе, как генетические, так и системные элементы. Однако, обращение только к этим факторам как к причинам заболеваний полости рта не увенчались успехом в снижении бремени заболеваний полости рта. Таким образом, существующие научно-практические подходы не могут в полной мере объяснить социальные различия в здоровье полости рта [8].

Учитывая вышеизложенное, взаимосвязь между социальными факторами и иммунными процессами при заболеваниях полости рта стала предметом растущего интереса и изучения. Действительно, в то время как социальные модели заболеваний полости рта объясняются различиями в поведенческих, социальных, экономических и эко-

логических факторах, многое остаётся неизученным с точки зрения того, как социальное взаимодействие преобразуется в биологические процессы. Несмотря на консенсус в отношении того, что эти факторы являются ключевыми детерминантами заболеваний полости рта, психосоциальные и биологические механизмы, посредством которых социальные обстоятельства провоцируют заболевания полости рта, остаются неясными и заслуживают изучения.

Такое неравенство побудило несколько международных учреждений, например, Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и Международную ассоциацию стоматологических исследований (IADR), призвать к более глубокому пониманию причинно-следственных связей заболеваний полости рта с учётом социальных факторов.

Отдельно следует отметить роль стоматологического здоровья в контексте качества жизни. Являясь междисциплинарным понятием, качество жизни характеризуется, в первую очередь, уровнем удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей. Согласно определению ВОЗ, этот термин охватывает физическое, психологическое, эмоциональное и социальное здоровье человека, основанное на его восприятии своего места в обществе [5]. По мнению академика В.К. Леонтьева, здоровые зубы выполняют три важнейшие функции в установлении и поддержании высокого качества жизни человека. Во-первых, это главное условие качественного питания человека. Во-вторых, высокая эстетическая роль состояния зубов. В-третьих, здоровые зубы являются символом и индикатором благополучия человека [2]. Добавим, что зубы являются неотъемлемой частью полноценной речи, что делает их важным фактором процесса межличностной коммуникации. Таким образом, стоматологическое качество жизни оказывает колоссальное влияние на психический и социальный статус человека в обществе.

В контексте вышесказанного особое значение приобретает стоматологическое здоровье в детском возрасте. Так,

детский кариес сопутствует множеству различных проблем со здоровьем. Являясь постоянным источником инфекции, он создаёт нагрузку на иммунитет и повышает уязвимость перед инфекционными и простудными заболеваниями. Зачастую возникают заболевания желудочно-кишечного тракта. Другим следствием проблем с зубами является формирование негативных пищевых установок: ребёнок начинает есть и привыкает к продуктам, которые легче пережёвывать. Это в результате может привести к авитаминозу, дефициту микроэлементов и, как следствие, отставанию в физическом и интеллектуальном развитии. Ещё одна проблема проявляется в том, что кариес молочных зубов ведёт к разрушению формирующихся постоянных зубов. Преждевременное удаление молочных зубов может стать причиной неправильного прикуса, а это хронические головные боли, нагрузка на шейный отдел, нарушение мозгового кровообращения, нагрузка на височно-нижнечелюстной сустав с последующим развитием артрита.

Таким образом, кариес остаётся социальной, политической, поведенческой и медицинской проблемой, которую можно контролировать только путем понимания социальных процессов в окружающей ребёнка среде. В этой связи исследование различных социально-экономических аспектов стоматологического здоровья детей является актуальной научно-практической задачей.

Методы

Весной 2023 года авторами статьи было инициировано и проведено социологическое исследование, основной целью которого выступила оценка влияния различных социальных факторов на стоматологическое здоровье детей школьного возраста. Основным методом сбора эмпирических данных выступил анкетный опрос, который был реализован посредством сервиса «Google Forms». Выбор данного метода сбора информации был обусловлен его преимуществами: возможность оперативного прохождения опроса при помощи смартфона; строгая

регламентация процедуры, позволяющая выборочно устанавливая обязательные для ответа вопросы, тем самым, свести число пропусков к нулю и получить структурированные результаты; отсутствие эффекта интервьюера и анонимность респондентов, повышающие искренность ответов. Ссылка на прохождение опроса предоставлялась родителям или иным лицам, сопровождающих пациентов-детей в стоматологический кабинет, непосредственно в медицинском центре.

Количество опрошенных составило 411 человек. При определении объёма выборки мы опирались на методические рекомендации В.А. Ядова [7, с. 118], который, приводит таблицу для определения её объёма. Значение, равное 400, репрезентирует генеральную совокупность практически с бесконечной численностью, с ошибкой выборки 5% и доверительным интервалом 95%. Онлайн-калькуляторы для расчёта выборки на специализированных исследовательских сайтах, которые мы также рассматривали, выдают те же значения.

Респондентами выступили жители двух крупных городов: Санкт-Петербурга и Тюмени. Их выбор был обусловлен задачами исследования, одна из которых предполагала осуществление сравнительного анализа большого столичного города с одним из типичных с точки зрения развития медицины, городов России. В настоящей работе данное сопоставление не вошло, поэтому информация о географическом разделении выборки носит справочный характер.

Обработка и анализ данных исследования осуществлялись в программном комплексе IBM SPSS Statistics 22. Для анализа данных использовались, в основном, частотные распределения и таблицы сопряжённости. Частоты позволили очертить и описать общие тенденции в ответах респондентов, а таблицы сопряжённости изучить возможное влияние на ответы социально-демографических характеристик респондентов и других факторов. Наличие либо отсутствие взаимосвязи между переменными фиксировалось при помо-

щи статистического критерия хи-квадрат Пирсона.

Результаты и обсуждение

В исследовании приняли участие родители детей в возрастном диапазоне 6–14 лет, а распределение по отдельным возрастам в выборке оказалось достаточно равномерным (от 8% до 16,5%). Соотношение детей респондентов по полу составило 57,7% девочек и 42,3% мальчиков. Возрастные характеристики самих респондентов выглядят следующим образом: 30 лет и младше – 8,8%, 31–35 лет – 17,8%, 36–40 лет – 36%, 41–45 лет – 14,6%, 46–50 лет – 2,9%, 51 и старше – 20%. Распределение по полу: 15,3% мужчин и 84,7% женщин. Приведённое распределение интересно довольно высокой долей респондентов старших возрастов. Исходя из этих данных можно утверждать, что вопросами здоровья каждого пятого ребёнка занимаются их бабушки. Действительно, на вопрос, кем ребёнок-пациент приходится респонденту, вариант «близкий родственник» отметили 24,1%. Родителей в выборке оказалось 72%, и лишь единицы оказались опекунами (1,7%) или приёмными родителями (2,2%).

Как уже было сказано выше, опрос проводился в двух крупных российских городах, в каждом из которых было опрошено примерно равное количество респондентов: в Тюмени – 48,7%, Санкт-Петербурге – 51,3%. Ответы на вопрос о материальном положении семьи ребёнка распределились нормальным образом. Больше всего в выборке оказалось респондентов со средним уровнем дохода: тех, кому средств в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг – 31,1%. «Соседние» варианты, характеризующие тех, кому денег хватает почти на всё и тех, кому хватает лишь на повседневные траты, выбрали 24,8% и 24,1% соответственно. «Крайние» варианты выбирали очень редко: испытывающих нехватку средств даже на повседневные траты оказалось 1,2%, а тех, кто ни в чем себе не отказывает – 6,1%.

Характеризуя общее состояние здоровья, большинство респондентов отметили, что в целом их ребёнок здоров (66,4%). Треть указали, что ребёнок часто болеет (31,4%), а в единичных случаях имеет хроническое заболевание (1%) или инвалидность (1,2%). На вопрос о частоте посещения врача-стоматолога, большинство (41,6%) отметили, что ходят регулярно, не реже одного раза в год. Доля тех, кто ходит нерегулярно, по мере необходимости, а к моменту проведения опроса посетили врача несколько раз, составила 37,2%. Для 7,8% опрошенных визит оказался первым, а 12,4% указали, что ходят достаточно часто в связи с существованием потребности в лечении.

Посещение стоматолога

Частота посещения стоматолога для детей является важным аспектом поддержания здоровья полости рта. Согласно рекомендациям Министерства здравоохранения, детям следует посещать стоматолога один раз в шесть месяцев (оптимально один раз в три месяца). Регулярные визиты к позволяют выявить на ранних стадиях и предотвратить такие проблемы как заболевания дёсен и кариес. Посещения стоматолога также дают возможность обучать детей и их родителей правилам гигиены полости рта.

Дети, которые регулярно посещают стоматолога, с большей вероятностью сохраняют хорошее здоровье полости рта на протяжении всей своей жизни. Однако частота посещений стоматолога мо-

жет варьироваться в зависимости от индивидуальных потребностей и риска стоматологических проблем. При определении того, как часто ребенку следует посещать стоматолога, следует учитывать такие факторы, как возраст, диета, стоматологический анамнез и общее состояние здоровья. Независимо от частоты, для детей важно установить позитивные и комфортные отношения со своим стоматологом, чтобы поддерживать хорошие привычки гигиены полости рта.

Лечение детей у стоматолога сопряжено с множеством трудностей и неудобств, связанных с необходимостью затрачивать время на походы к врачу, психологическим дискомфортом ребёнка, зачастую принимающему крайние формы, а также дороговизной лечения. Лечение у стоматолога-ортодонта может быть значительно более обременительным. Ответы на вопросы анкеты о готовности респондентов к подобным сложностям, показали, что в большинстве случаев респонденты отвечают утвердительно. Исключение составляет лишь финансовый аспект. Так, к длительному лечению готовы 91,7%, к регулярному посещению стоматолога-ортодонта (1 раз в 1,5–2 месяца) – 80%, к посещению стоматолога с целью предварительной санации полости рта – 92,2%, к возможному посещению смежных специалистов – 75,4%. А вот готовность к дорогостоящему лечению выразили лишь 25,5%, очевидно, что для остальных 74,5%, финансовая составляющая является критически важным вопросом.

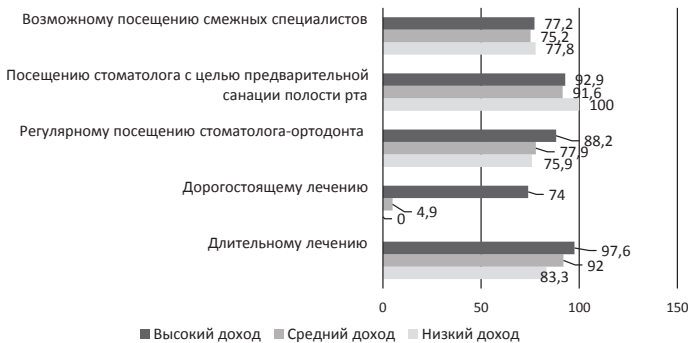

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о готовности респондентов к сложностям в ходе лечения стоматологических заболеваний детей (%)

Распределение ответов на данный вопрос в разрезе уровня благосостояния респондентов показало, что дорогостоящим лечением готовы воспользоваться лишь респонденты с высоким доходом. В то же время небогатые респонденты пытаются компенсировать отсутствие возможности лечения профилактическими мероприятиями, в частности, предварительной санацией полости рта (рис. 1.). Представленные данные свидетельствуют о существовании неравенства в доступе к качественной стоматологической медицине.

Беременность

Формирование основных систем организма плода происходит, когда будущая мать может не подозревать о своей беременности. В этот период наиболее велик риск влияния негативных факторов на развитие органов и тканей ребёнка, поскольку женщина не уделяет данному аспекту необходимого внимания.

Так, первые два месяца беременности являются наиболее критичными с точки зрения возможности возникновения и развития аномалий лицевого скелета, челюстей и зубов у плода. Например, зачатки молочных зубов появляются уже на 6–7 неделе беременности, а после их закладки начинается процесс минерализации, требующий поступления в организм кальция и необходимых микроэлементов. Таким образом, собственное правильное питание будущей матери во время беременности является залогом крепкого здоровья ее ребенка в целом, включая, здоровье зубов. Недостаток таких витаминов и микроэлементов, как кальций, витамины А и Д, белок, дефицит калорий, особенно в период беременности от 14 недель до 4 месяцев, может привести к дефектам полости рта. Согласно исследованиям, отсутствие или нехватка витаминов В6 или В12 – может быть фактором риска расщепления губ (заячья губа) и расщелины неба (волчья пасть).

В связи с вышесказанным, профилактику стоматологических заболеваний будущего ребёнка необходимо осуществлять ещё на этапе планирования бере-

менности. В ходе самой беременности также очень важно наблюдаться у специалистов различного медицинского профиля в женских консультациях, чтобы избежать будущих проблем.

На вопрос о том, планировалась ли беременность данного ребёнка, подавляющее большинство (88,6%) ответили утвердительно, 8,8% – отрицательно. Наблюдение во время беременности в женской консультации прошли 96,6% женщин, 2,9% не ответили на вопрос и лишь 0,7% указали, что не наблюдались. Плановые роды произошли у 88,6% матерей детей-пациентов, а запоздалые или преждевременные у 10,5%. Во всех трёх вышеприведённых вопросах незначительная часть (2,7%) пропустили ответы. Вероятно, это респонденты, не являющиеся родителями ребёнка, о котором шла речь и не имеющие информации на этот счёт.

Прорезывание зубов

У большинства младенцев первые зубы прорезываются в возрасте от 6 до 7 месяцев. Часто этот процесс может начаться значительно раньше или позже, в зависимости от ряда факторов, среди которых генетические особенности, заболевания, характер питания и даже географический регион проживания. В нашем исследовании подавляющее большинство респондентов (96,1%) отметили, что прорезывание зубов происходило в срок.

Первое посещение стоматолога рекомендуется осуществить ещё до начала прорезывания зубов, в первые месяцы жизни ребенка. Такой визит необходим для составления индивидуального плана профилактики болезней зубов и десен, консультаций по вопросам гигиены, а также для изучения состояния уздечки языка. В ходе прорезывания молочных зубов посещение детского стоматолога обязательно. Он поможет предотвратить появление негативной симптоматики и осложнений в период прорезывания. Регулярное посещение врача позволяет обнаружить любые заболевания полости рта на раннем этапе, и провести их безболезненное лечение. Профилактиче-

ские осмотры и лечение без боли и страха формируют у ребенка положительное отношение и к стоматологам, и вообще к врачам. В результате у него возникает понимание ценности своего здоровья и важности правильного ухода за ним. Практически три четверти опрошенных (74%) в нашем исследовании посетили врача стоматолога после прорезывания у ребёнка зубов, соответственно, каждый четвёртый (26%) этого не сделал, что представляется довольно значительной цифрой. Рентген-мониторинг прорезающихся зубов проводился у детей более чем половины респондентов: 54% на соответствующий вопрос ответили положительно, а 46% – отрицательно.

Гигиена

Вопросы гигиены играют большую роль в профилактике стоматологических заболеваний детей. Формирование санитарно-гигиенических навыков должно быть дифференцированным по целям и содержанию в зависимости от возраста пациента. Основная форма такого воспитания заключается в обучении с периодическим повторением. При этом существенная роль отводится личному примеру родителя или другого авторитетного для ребенка агента социализации. В раннем возрасте при соответствующем подходе гигиенический навык легко трансформируется в устойчивую привычку [6].

В нашем исследовании ключевым агентом, формирующим гигиенические навыки, оказались родители (49,6%). Каждый пятый указал что обучению ребёнка уходу за зубами осуществляли бабушка или дедушка (20,9%). Роль врача-стоматолога на профилактическом осмотре в этом процессе отметили 15,8%, а ещё для 8% наставником выступили старшие дети в семье – братья или сёстры. В единичных случаях (0,7%) респонденты указали, что обучение не проводилось, а 1,5% выбрали вариант «другое», отметив, что обучал педиатр либо ребенок обучался самостоятельно.

Вопрос об информированности респондентов относительно дополнительных средств гигиены, помимо «стан-

дартных» зубной пасты и щётки, показал, что подавляющее большинство знакомо с лечебными зубными пастами (94,4%) и зубной нитью (90%). Ирригатор отметили 21,2%, а резиновые щётки-напальчники – 19,5%. Довольно много респондентов (около четверти) указали свой вариант, где чаще всего упоминались гели, ополаскиватели, жевательная резинка.

Стоматологическое просвещение населения является важнейшим компонентом программ профилактики заболеваний полости рта. Оно должно предшествовать и осуществляться параллельно с обучением гигиене. Ключевая цель просветительских мероприятий – формирование личной ответственности и мотивации к поддержанию здоровья, через предоставление сведений и знаний об основах здоровьесберегающего поведения и правилах выработки соответствующих привычек. Согласно результатам нашего исследования, на лекциях стоматолога в школах и детских садах присутствовали лишь 20,9% детей респондентов. Больше половины ответили на данный вопрос отрицательно (57,2%), а 21,9% затруднились ответить, по-видимому, не обладая информацией о том, проводились ли такие мероприятия в образовательных учреждениях их детей.

Питание

Питание ребёнка представляет собой один из основных аспектов в профилактике стоматологических заболеваний. Полноценный и разнообразный рацион, включающий в себя продукты богатые клетчаткой и микроэлементами – это основа здоровых дёсен и зубов. Для правильного развития челюстям обязательно нужна нагрузка. Пища должна быть достаточно жёсткой, чтобы её требовалось пережевывать, а в ежедневном рационе должна присутствовать сырая морковь, яблоко или груша. На вопрос о том, принимает ли ребёнок жёсткую и грубую пищу, утвердительный ответ дали 77,1% опрошенных. 10% ответили отрицательно, а 12,9% затруднились с ответом. Аналогичное распределение

ответов было получено на вопрос об употреблении рыбы, молочных продуктов, фруктов и овощей. Полученные данные свидетельствуют, что далеко не все родители осуществляют контроль за питанием детей.

Ортодонтия

Отдельный блок вопросов нашей анкеты касался ортодонтических аномалий. Ортодонтия – это направление в стоматологии, связанное с изучением причин возникновения, диагностикой, лечением и профилактикой зубочелюстных аномалий, которые проявляются в виде неправильного прикуса или неправильного расположения зубов. На возникновение ортодонтических нарушений влияют ряд факторов, которые на первый взгляд не имеют отношения к стоматологии. К их числу относятся, например, сидячий образ жизни, плохая осанка, вредные привычки, вялое жевание, плохая гигиена полости рта, повышенная нагрузка на нервную систему, ранняя потеря молочных зубов и т.д.

Говоря об обычной цели визита респондента с ребёнком к стоматологу, почти половина указала на профилактический осмотр (49,6%). Чуть меньше респондентов (41,1%) посещают врача по причине уже существующих проблем с зубами, требующих решения. Это острая боль, плановое лечение, или консультация по состоянию здоровья полости рта. С целью коррекции аномалии окклюзии в кабинет обращаются 6,6%, а с заболеваниями слизистой полости рта – 2,7%.

Рекомендацию респонденту посетить с ребёнком врача-ортодонта чаще всего опрошенные получают от своего лечащего врача-стоматолога (47%). Чуть более четверти (27%) принимают такое решение самостоятельно, а пятая часть (19,5%) по совету лечащего врача-стоматолога. Значительно реже подобную рекомендацию можно получить от медицинского работника в школе и детском саду (1,9%) или родственников и знакомых (1,9%). Все остальные респонденты, выбравшие в этом вопросе

вариант «другое», указали, что получили рекомендацию от логопеда.

Чаще всего к стоматологу-ортодонту респонденты приводят детей с проблемой неправильно расположенных зубов (скученность, ротации и проч.) – 42,6%. Практически столько же (41,8%) нуждаются в исправлении прикуса. Ночное апноэ, которое проявляется в форме нарушения дыхания или храпа является причиной обращения для 5,8%, а неправильное глотание и атрофия мышц лица – для 4,4%. Выбравшие вариант «другое» (5,4%) указывали в качестве причин: боль, потребность в консультации, плановую санацию, пломбы, профилактику, стираемость зубов, хруст и щелканье сустава.

В нашем исследовании проблемы с прикусом ребёнка респонденты чаще всего стали отмечать в возрасте 7 лет (рис. 2).

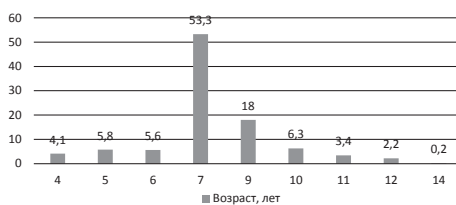

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о возрасте начала проблем с прикусом у ребёнка (%)

Сложные патологии прикуса, связанные с нарушением носового дыхания во сне, это фактор, провоцирующий ЛОР-заболевания. Это подтверждают и результаты нашего опроса: большинство детей-пациентов наблюдаются или наблюдались у врача ЛОР профиля (61,8%). Хронические воспаления носоглотки и гайморовых пазух при обострениях вынуждают принимать антибиотики. При этом точно установить связь с неправильным прикусом может не каждый врач.

Возникновение зубочелюстных аномалий и деформаций у детей часто связано с вредными привычками. Их негативный эффект может проявляться в развитии смещения нижней челюсти, нарушении положения зубов, измене-

нии формы зубных рядов, нарушении прикуса. С возрастом такие изменения закрепляются и могут приводить к лицевой асимметрии, заболеваниям пародонта, височно-нижнечелюстных суставов, осанки. Устранение вредных привычек в ортодонтии является важной составляющей в исправлении прикуса, однако сложность борьбы с ними заключается в их автоматизме и произвольности. Факторы убеждения зачастую оказываются неэффективными, а других универсальных способов устранения не существует. Устранение вредных привычек требует внимательности к ребёнку и терпения, а также информированности о последствиях их влияния.

Привычка грызть ручки и карандаши в нашем исследовании оказалась наиболее распространённой, на неё указало почти две трети опрошенных (65,5%). На втором месте по распространённости оказалась привычка сутулиться во время ходьбы и при положении сидя (48,7%), на третьем – дыхание ребёнка ртом (39,7%). Значительно реже отмечались такие варианты, как ночной храп – 22,4%, сосание большого или указательного пальца (12,7%), а также неправильное положение языка при глотании жидкой пищи (язык между верхними и нижними резцами) – 8,8%.

Потеря молочного зуба у ребёнка сопровождается смещением соседних зубов. Вследствие дефицита места для постоянного зуба формируется неправильный прикус. На вопрос о том, было ли у ребенка раннее удаление молочных зубов и по какой причине было проведено удаление, больше половины указали на осложнение кариеса (55%), четверть на подвижность зубов (26%), а 11,9% – на травму. Ещё 7,1% выбрали вариант «другое», указывая при этом, что удаление не проводилось.

Беседу о профилактике у ребёнка патологического прикуса, как выяснилось из результатов опроса, проводил с респондентами в основном стоматолог (94,2%). Педиатр (38,7%), а также медсестра или фельдшер делали это реже (48,9%). Преподаватели проводят подобные беседы крайне редко (1,5%).

Выводы и рекомендации

Проведённое исследование продемонстрировало недостаточное внимание взрослых членов семьи к здоровью детей. Это проявляется в таких аспектах, как гигиена, питание, мониторинг состояния зубов ребенка, образовательная и просветительская работа. Как следствие, на первое место выходят проблемы не профилактического характера, а лечебного. В сложившейся ситуации трудно обвинить родителей, поскольку младшему школьному возрасту ребёнка обычно соответствует период максимальной социально-экономической активности и чрезмерной занятости родителей. Это период интенсивного продвижения и пик деловой карьеры, а также время потребительских кредитов и ипотеки.

Решение этой проблемы видится нам в развитии такой формы медико-социальной защиты детей, как школьные стоматологические кабинеты. Они позволяют оказывать детям необходимую помощь в рамках системы обязательного медицинского страхования по месту учёбы [4, с. 19]. Наряду с лечением, а также решением проблем детской стоматологической диспансеризации и плановой санации, школьные стоматологические кабинеты способны осуществлять и просветительскую работу. Важно и то, что младший школьный возраст – это наиболее благоприятное время для выработки и закрепления правильных привычек, которые в сочетании с обучением способны привести к положительным результатам [Ошибка! Источник ссылки не найден.].

Профилактическая работа и оперативное лечение неосложненного кариеса, являющегося наиболее распространённым стоматологическим заболеванием среди детей, не только эффективны с медицинской точки зрения, но и имеют долгосрочный социально-экономический эффект. Затраты на их проведение значительно ниже тех, которые неизбежно возникают в виде последствий игнорирования: лечения осложнений, удаления, протезирования, ортодонтического ле-

чения и имплантации. Иными словами, предупреждение и лечение стоматологических заболеваний школьников ведет к снижению потребности в квалифицированной и дорогостоящей помощи в будущем. Таким образом, минимальные потери учебного времени, без отвлечения от работы их родителей делают школьные стоматологические кабинеты незаменимым инструментом для решения медицинских и социальных задач государства и общества. Кроме того, их распространение будет способствовать снижению неравенства в доступе к стоматологической медицине.

Другим направлением социальной политики могло бы стать создание региональных программ формирования стоматологического здоровья детей, на которую могли бы ориентироваться все агенты социализации: родители, педагоги, врачи-стоматологи. Важен именно региональный характер таких программ, учитывающий местные географические, климатические особенности, качество водопроводной воды, культуру питания, и др. В нашем исследовании региональная специфика не рассматривалась, однако значимость представляется нам определяющей. Программа должна предназначаться для учащихся начальной школы поскольку именно в этот возрастной период проходит начальный этап смены молочных зубов на постоянные. Кроме того, возраст 7 лет, как показало наше исследование, является началом возникновения проблем с прикусом.

Литература

1. Гончарик И. Г., Ларинская А.В. Оценка эффективности образовательной стоматологической программы «Здоровые зубы – Залог здоровья в целом», на примере детей младшего школьного возраста г. Хабаровск // *Universum: медицина и фармакология: электрон. научн. журн.* 2014. № 4 (5). URL: <https://7universum.com/ru/med/archive/item/1227> (дата обращения: 08.05.2023).
2. Леонтьев В.К. Зубы и качество жизни. Труды V съезда Стоматологической Ассоциации. – М., 1999. С. 60–67

3. Охрана здоровья полости рта // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/oral-health> (дата обращения 08.05.2023)
4. Сабанов В.И., Романчук Е.В. Пути совершенствования организационной работы детского врача стоматолога в условиях школьного стоматологического кабинета // *Медицинский альманах.* 2014. № 2 с. 18–21.
5. Талалушкина Ю.Н. Опыт ООН в исследовании качества жизни населения // *Экономический журнал.* 2013. № 3. С. 46–53.
6. Холодкова О.Г. Динамика эмоционального компонента ценностных отношений в младшем школьном возрасте // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология.* 2012. № 6 (265). С. 53–58.
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2000. 596 с.
8. Goma N, Glogauer M, Tenenbaum H, Siddiqi A, Quiñonez C. Social-Biological Interactions in Oral Disease: A 'Cells to Society' View. *PLoS One.* 2016 Jan 11;11(1): e0146218. doi: 10.1371/journal.pone.0146218.

SOCIAL FACTORS OF DENTAL HEALTH OF SCHOOLCHILDREN

Chernomorchenko N.S., Sokolovich N.A.
Saint Petersburg State University

The article examines the social factors that affect the dental health of school-age children. The work is based on the materials of an empirical study, implemented in the form of a survey of parents of children-patients of dental clinics in St. Petersburg and Tyumen. The article actualizes the problem of the influence of social factors on the health of the population in general and children in particular. Such factors of children's dental health as visits to the dentist, the attention of expectant mothers to the health of the child's teeth during pregnancy, monitoring of teething, oral hygiene, proper nutrition are considered. Separately, aspects related to malocclusion, as well as issues of awareness and education, are considered. The conclusion is made about the need to develop a system of school

dental offices and the formation of regional programs for the prevention of dental diseases.

Keywords: dentistry, orthodontics, social factors, prevention, hygiene, health protection, socialization, children, schoolchildren, parents.

References

1. Goncharik I.G., Larinskaya A.V. Evaluation of the effectiveness of the educational dental program "Healthy teeth – a guarantee of health in general", on the example of children of primary school age in Khabarovsk // *Universum: medicine and pharmacology: electron. scientific magazine* 2014. No. 4 (5). URL: <https://7universum.com/ru/med/archive/item/1227> (date of access: 05/08/2023).
2. Leontiev VK Teeth and quality of life. Proceedings of the V Congress of the Dental Association. – M., 1999. S. 60–67
3. Oral health // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/oral-health> (Accessed 05/08/2023)
4. Sabanov V.I., Romanchuk E.V. Ways to improve the organizational work of a pediatric dentist in a school dental office // *Medical Almanac*. 2014. No. 2 p. 18–21.
5. Talalushkina Yu.N. Experience of the United Nations in the study of the quality of life of the population // *Economic Journal*. 2013. № 3. pp. 46–53.
6. Kholodkova O.G. Dynamics of the emotional component of value relations in primary school age. *Vestnik SUSU. Series: Psychology*. 2012. No. 6 (265). pp. 53–58.
7. Yadov V.A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. M.: Dobrosvet, 2000. 596 p.
8. Goma N, Glogauer M, Tenenbaum H, Siddiqi A, Quiñonez C. Social-Biological Interactions in Oral Disease: A 'Cells to Society' View. *PLOS One*. 2016 Jan 11;11(1): e0146218. doi: 10.1371/journal.pone.0146218.

Отношение к предпринимателям и восприятие бизнеса в России

Амбрушкевич К.В.

аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: ambrushkevichk@mail.ru

В статье рассматривается отношение населения России к предпринимателям и предпринимательской деятельности. Актуальность работы обусловлена большим вниманием, уделяемым государством вопросам развития в стране малого и среднего бизнеса. Эмпирические данные, на которых базируется статья, представлены вторичными данными: результатами всероссийских репрезентативных опросов, реализованных ведущими отечественными социологическими центрами. В статье изучаются такие аспекты, как интерес населения к предпринимательской деятельности, причины нежелания заниматься собственным делом. Рассмотрены сферы, в которых потенциальные предприниматели хотели бы открыть своё дело. Определён портрет типичного предпринимателя. Выделены факторы и личностные качества, которые россияне считают наиболее значимыми в становлении преуспевающего предпринимателя. Анализируется специфика ответов на вышеупомянутые вопросы в различных социально-демографических группах. Рассмотрено отношение россиян к предпринимательству как виду деятельности и профессии. Изучена динамика предпринимательской активности, а также барьеры и факторы успеха в предпринимательстве. Констатированы изменения, произошедшие за тридцать лет замеров мнений россиян по предпринимательской тематике. Сделан вывод о характере эволюции предпринимательства за данный период и необходимости дальнейшей поддержки малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: предпринимательство, бизнес, государство, социологическое исследование, политика.

Актуальность

В условиях рыночной экономики предпринимательство не только играет ключевую роль в достижении экономического успеха государства, но и выполняет ряд важнейших социальных функций. Предприниматели – это люди, которые генерируют новые идеи, видят возможности и превращают их в пользу для личного и общественного благосостояния. Развитие предпринимательства способствует формированию особого социального слоя – независимых, самостоятельных граждан, взвешивающих риски и способных принимать ответственные решения. По состоянию на 10 января 2023 года в России зарегистрировано чуть менее 6 млн субъектов малого и среднего предпринимательства [3], что составляет около 4% от численности всего населения. Можно констатировать, что в настоящее время остаётся большой потенциал развития предпринимательства в стране.

Сегодня государство пытается преодолеть ряд серьёзных препятствий, стоявших на пути отечественного предпринимательства на протяжении последних трёх десятилетий постплановой российской экономики: коррупцию, несовершенства нормативно-правовой базы, чрезмерную бюрократию, формализм, избыточное давление фискальных органов, и др. Оценивая текущее состояние, можно смело сказать, что большинство упомянутых проблем активно решаются, что позволило перейти к популяризации предпринимательства среди широких слоёв населения [9].

Базовой государственной программой по продвижению предпринимательства является национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Его реализация запланирована до конца 2024 года, а цель – увеличение численности занятых в сфере МСП до 25 млн человек [4]. В рамках проекта реализуется ряд

масштабных мероприятий, среди которых образовательные программы, форумы, грантовая поддержка, проведение различных конкурсов, предоставление инфраструктуры для бизнеса и др. Так, для молодёжи, проявляющей интерес к предпринимательской деятельности, на базе центров «Мой бизнес» в ряде регионов России проводятся занятия в «Школах предпринимательства». Проект помогает сформировать навыки поиска и оценки бизнес-проекта, протестировать идею и доработать ее. Действующие предприниматели делятся с участниками своим опытом и дают рекомендации по реализации бизнеса. Примером площадки, созданной для обсуждения актуальных проблем, является ежегодный международный бизнес-форум «Слёт успешных предпринимателей», который на протяжении десяти лет проводится в г. Тюмени.

Таким образом, сегодня можно констатировать наличие существенных усилий, прилагаемых государством и обществом для вовлечения в предпринимательскую деятельность населения. Очевидно, что конечный результат в виде действующих компаний и предприятий – это вопрос средне- и долгосрочной перспективы. Далеко не все инициативы заканчиваются бизнесом, и даже опытные и успешные предприниматели создают компанию, стабильно приносящую доход, не с первого раза [10, 11]. Тем не менее, важно своевременно диагностировать текущую ситуацию в сфере установок населения на предпринимательскую деятельность, выявлять наиболее существенные факторы, оказывающие влияние на их формирование. Иными словами, социологическое изучение связки «предпринимательство – население» является актуальной научно-практической задачей, решение которой предоставляет обратную связь для более эффективной государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

Методика исследования

В работе автор опирался на вторичные данные: результаты исследований, реа-

лизованных ведущими российскими социологическими центрами по общероссийской выборке и отдельными учёными – в различных регионах страны. Кроме того, использовались статистические сведения: данные международных организаций, Федеральной службы государственной статистики (Росстат). Отдельные аспекты изучаемой проблематики анализировались с привлечением экспертных мнений, транслируемыми в открытых источниках (электронных СМИ).

Результаты и обсуждение

Представляется, что обсуждение отношения населения к предпринимательству следует начать с характеристики общего фона – социально-демографического портрета ориентированных на предпринимательство граждан, а также отражения данной проблематики в общественном мнении россиян в целом. Здесь представляют интерес результаты мониторинга отношения населения к предпринимательству, который Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит уже на протяжении 30 лет¹. Ниже приведём результаты последней волны мониторинга, проведённой в 2022 году, в ряде случаев сопоставив их с данными 1992 года [7].

Отвечая на вопрос о желании стать предпринимателем, каждый десятый респондент указал, что у него уже есть своё дело (10%). Хотели бы открыть бизнес 23%, а не хотят 65%. За тридцать лет число владельцев своего дела увеличилось более чем в три раза, а доля желаю-

¹ До 2017 г. опросы проводились методом квартирных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов. С 2017 года мониторинг тыл продолжен в рамках ежедневного опроса «ВЦИОМ-СПУТНИК». Формализованное телефонное интервью, при котором интервьюер задает вопросы и фиксирует ответы. Тип выборки: Стратифицированная двухосновная случайная, построена на основе полного списка телефонных номеров (стационарных и мобильных), задействованных на территории РФ. География исследования: не менее 80 регионов, 500 городов и ПГТ, 100 сел.

щих, напротив, снизилась на 8%. Характеризуя социально-демографическую специфику современных предпринимателей, отметим, что мужчины (13%) встречаются здесь в два раза чаще, чем женщины (6%). Также предприниматели, чаще встречаются в возрастной когорте 25–44 лет (15%) и проживают в Санкт-Петербурге (15%) или Москве (14%). Чуть меньше владельцев малого бизнеса в Центральном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах (по 12%), а самые низкие значения характерны для Приволжского и Северо-Кавказского округов (6–7%).

Интерес к открытию бизнеса также чаще проявляют мужчины – 29% (у женщин соответствующее значение составляет 19%) и молодёжь до 35 лет (43–48%). Треть, среди стремящихся к предпринимательству – респонденты с низким уровнем достатка (32%), а пятая часть оценивают своё материальное положение как среднее (22%) и высокое (21%). Примечательно что в Северо-Кавказском федеральном округе, где наименьшее количество предпринимателей, самая высокая доля (почти половина) респондентов хотят открыть своё дело (48%). Участники опроса, не выразившие интереса к предпринимательской деятельности – это, чаще всего, женщины (73% против 56% мужчин), респонденты старше 60 лет (87%), а также граждане со средним специальным образованием (72%). Также отметим, что подавляющее большинство (85%) не стремящихся к собственному делу, являются активными телезрителями.

За три десятилетия мониторинговых исследований портрет типичного предпринимателя практически не изменился. Мужской пол, наличие высшего образования, проживание в крупном городе или столице – ключевые факторы, определяющие интерес к собственному бизнесу. Исключение составляет возраст: в 1992 году молодые люди в возрасте 25–34 лет встречались в два раза чаще (6% против 3% среди всего населения). Среди желающих открыть свой бизнес, конкретные действия в виде регистрации, поиске средств производства

и финансирования осуществляют лишь 15%. Это в три раза чаще, чем в 1992 году. Для половины предпринимательство остаётся только в планах – не предпринимает никаких усилий 50% респондентов, а ещё треть (34%) планирует начать реальные действия в ближайшее время.

Отвечая на вопрос о сфере, в которой потенциальные предприниматели хотели бы открыть своё дело, респонденты чаще всего выражали желание заняться розничной торговлей: открыть свой магазин (20%). Каждый седьмой участник опроса (13%) ориентируется на автомобильный бизнес, а каждый девятый (11%) на собственное производство. Сельское хозяйство, строительство и сферу услуг в индустрии красоты отметили по 9%; швейное производство и общественное питание – по 6%; услуги в сфере образования и индустрию гостеприимства – 5%. Реже всего из предложенных вариантов респонденты отметили ИТ-сферу (3%), а 9% указали свой вариант. Не вдаваясь в детали, отметим, что выбираемые варианты бизнеса имеют гендерную, географическую и возрастную специфику.

Исследуя причины нежелания респондентов заниматься собственным делом, выяснилось, что основной и самой значительной преградой является возраст и состояние здоровья (39%). На втором месте – отсутствие капитала для бизнеса (28%), третьем – отсутствие интереса к бизнесу (22%). Другими, распространёнными факторами оказались: отсутствие необходимых знаний и способностей (20%); сложности, с которыми сопряжено открытие своего дела (19%), недоверие государству (12%). Другие варианты отмечались значительно реже: «страх нарушения закона» (7%), «опасения нападения преступников» (4%), «принципиальная неприязнь к частным предприятиям» (4%); «боязнь осуждения окружающих» (1%). Свой вариант указали 14% респондентов. В 1992 году первые пять строчек рейтинга включали в себя те же варианты, хотя и в другой последовательности. На первом месте – отсутствие капитала, втором – не тот возраст либо отсутствие здоровья, тре-

твом – отсутствие способностей и/или знаний, четвёртом и пятом – отсутствие интереса и нежелание преодолевать сложности. Специфика ответов в различных социально-демографических группах оказалась предсказуемой. Ключевой аргумент пожилых россиян – возраст и состояние здоровья, респондентов с низким уровнем доходов – недостаток финансов, а молодых участников опроса – нехватка компетенций. Отметим, что другие распространённые причины нежелания заниматься предпринимательством у молодёжи – это отсутствие интереса и неуверенность в том, что государство в будущем не закроет частные предприятия – именно их респонденты 18–34 лет отмечали чаще остальных.

Рассуждая факторах, способствующих становлению преуспевающего предпринимателя, наибольшую значимость россияне отводят личным качествам человека, таким как настойчивость и предприимчивость (45%). С большим отрывом следуют «Связи, знакомства» (19%), далее следует вариант «деньги» (17%). Склонность к риску отметили 5%, свой вариант указали 6%, а затруднились с ответом на вопрос 8%. Заметным различием с результатами аналогичного исследования тридцатилетней давности является оценка роли материального фактора: в 1992 году респонденты решающую роль отводили деньгам (35%), далее следовали личностные качества (27%), следом «связи, знакомства» (19%). Примечательно, что о важности личностных качеств чаще говорят респонденты с опытом предпринимательской деятельности и молодёжь, на важность денег чаще указывают те, кто только планирует своё дело, а незаинтересованные в предпринимательской деятельности считают главным фактором успешного предпринимателя связи и знакомства.

Комментируя изменения, произошедшие за тридцать лет замеров мнений россиян по рассматриваемой тематике, эксперты выделяют три условные группы предпринимателей. Первую группу можно обозначить как «врождённые»

предприниматели. Для них своё дело представляет собой самостоятельную и одну из ключевых ценностей жизни. Единственным приемлемым способом получения дохода и самореализации для таких людей является работа на себя. Как и любые другие предприниматели, они могут сталкиваться с трудностями, терпеть убытки, закрывать свой бизнес. Однако взамен неудавшихся проектов такие люди открывают новые, продолжая реализовывать свои идеи независимо от внешних факторов. Ко второй группе относятся «ситуационные» предприниматели, решающие с помощью собственного бизнеса определённые задачи: дополнительный заработок, реализация внезапно возникшей идеи, желание сменить сферу деятельности и др. Третья группа – «вынужденные» предприниматели – люди, для которых формальная регистрация в качестве юридического лица, самозанятого или индивидуального предпринимателя, единственный способ решить насущные проблемы. Это, например, фрилансеры; работники, трудовая книжка которых не позволяет официально устроиться ещё на одну работу или специалисты тех сфер, где работа вне статуса предпринимателя невозможна в принципе (репетиторы, ведущие праздников, бэбиситтеры и т.п.). Таких работников можно отнести к предпринимателям только по формальному признаку [2]. В отечественной научной литературе выделяют и другие типологии [6], однако представленная позволяет лучше продемонстрировать эволюцию предпринимательства за последние тридцать лет.

Отношение к наличию своего бизнеса неустойчиво, и с более высокой вероятностью может измениться у представителей второй группы – «ситуационных» предпринимателей. Собственное дело для них – волевое решение, которое не зависит ни от эмоций, ни от внешних обстоятельств. В отличие от «вынужденных» предпринимателей, «ситуационные» могут гораздо легче отказаться от бизнеса и сменить род деятельности, при этом, в отличие от «врождённых»,

они не будут испытывать какого-либо морального долженствования.

Именно «ситуационные» предприниматели, по мнению экспертов, составляют большинство и за последние три десятилетия значительно изменили свои взгляды. В переходный период 90-х годов собственный бизнес представлялся чуть ли не главным источником благосостояния и достойного образа жизни на фоне общей социально-экономической нестабильности. Сегодня же деятельность предпринимателя ассоциируется, скорее, с тяжёлым и кропотливым трудом, бюрократическими сложностями, решением широкого спектра проблем, а после пандемии коронавируса и санкционных ограничений, ещё и нестабильностью.

Существующее положение дел усугубляется тем, что нормативно-правовая база в сфере предпринимательства в России ещё в полной мере не институционализирована в силу длительного отсутствия опыта развития предпринимательских отношений в советский период. Ключевыми проблемами сегодня являются антимонопольное регулирование, доступ малого и среднего бизнеса к системе госзакупок, вопросы налогообложения [1]. Не случайно сегодня государство пытается реализовать реформу в сфере МСП, выстроенную по принципу регуляторной гильотины, преследующую цель провести инвентаризацию обязательных для бизнеса требований на предмет их соответствия современным реалиям [5].

Другой метаморфозой общественно-го сознание стало представление россиян об источнике основных финансовых потоков в стране. В нулевые годы предприимчивому населению казалось, что в частном секторе сконцентрированы значительные объёмы средств и финансовых потоков, а работая на себя человек имеет возможность добиться значительного успеха. Однако после череды социально-экономических кризисов и пандемии в общественном сознании все сильнее утверждается мнение, что деньги в России есть только у государ-

ства и крупных окологосударственных компаний и корпораций.

Говоря об отношении россиян к предпринимательству, как явлению, целесообразно рассмотреть результаты ещё одного исследования ВЦИОМ, направленного на выявление отношения к бизнесу [8]. На прямые вопросы о том, как респонденты относятся к малому и крупному бизнесу были получены отличающиеся между собой ответы. Данные показывают, что к малому и среднему бизнесу население относится более благоприятно, чем к крупному. Сумма ответов «Хорошо» и «Скорее хорошо» в 2019 году при ответе на соответствующий вопрос составила 89%. Сумма тех же ответов на вопрос об отношении к крупному бизнесу составила 67%. Хорошее отношение к крупному бизнесу демонстрируют возрастные группы 18–24 лет (88%) и 25–34 лет (79%) а также респонденты с хорошим и очень хорошим материальным положением (75%). Соответственно, группы, плохо относящиеся к крупному бизнесу – это пожилые люди, старше 60 лет (41%), а также люди с плохим и очень плохим материальным положением. Подобное распределение в различных социально-демографических группах можно встретить и по отношению к малому бизнесу.

Приведённые результаты можно объяснить тем, что в старшие возрастные когорты, являются свидетелями приватизации в 90-е годы крупных советских предприятий. По мнению подавляющего большинства населения, заучерная приватизация оказалась крайне несправедливой, а владельцами советского наследия оказались руководители этих предприятий. Оказавшись в выгодной ситуации, они добивались нужных решений на собраниях акционеров и выкупали акции у рядовых работников по низкой цене. У молодёжи же, по большей части, отсутствуют негативные ассоциации, связанные с крупным бизнесом, а зачастую имеет место обратная ситуация, когда крупные бизнесмены и главы корпораций являются ориентиром для начинающих предпринимателей.

Рассматривая ответы респондентов на вопрос о том, можно ли сегодня в нашей стране вести честный бизнес отметим в целом положительную динамику. Если в 2007 году лишь пятая часть (21%) считала, что это возможно, то к 2017 году эта доля выросла практически в 2 раза (до 41%). В 2019 году это значение составило 34%, однако здесь свою роль могла сыграть пандемия COVID-19. Также, примечательно, что в 2007 году была высока доля затруднившихся с ответом на этот вопрос – 10%, в 2017 и 2019 респондентов выбравших этот вариант оказалось 3% и 4% соответственно.

Более половины участников опроса полагают, что деятельность российских предпринимателей и бизнесменов в настоящее время идёт скорее на пользу (52%), а 22% – определённно на пользу, 13% считают, что скорее во вред, 3% – определённно во вред, а 10% затруднились с ответом. Общественная польза от деятельности предпринимателей, по мнению респондентов, проявляется, в первую очередь, в содействии занятости населения и создании рабочих мест (28%). На втором месте по популярности оказался вариант «отчисление налогов, пополнение бюджета» (13%), на третьем – доступность товаров и услуг (12%). Далее в рейтинге следует указание респондентов на развитие экономики, рост ВВП (9%), а также на создание собственной продукции, импортозамещение (7%). По 5% отметили такие варианты, как «Снижение цен вследствие конкуренции», «Улучшение жизни», «Качественная продукция», «Благотворительность, меценатство».

Отношение к предпринимательству как профессии можно определить исходя из ответов на вопрос, который традиционно присутствует в мониторинговых опросах ВЦИОМа. Формулировка вопроса: «Насколько Вы доверяете представителям следующих профессий?», а один из вариантов – «предприниматель, бизнесмен». Анализ ответов на данный вопрос показывает, что отношение к предпринимательству в российском обществе остаётся не устойчивым. Доля респондентов, которые скорее или полно-

стью доверяют за период 2010–2019 колебалась в пределах 21–32%, а тех, кто скорее или полностью не доверяют 45–37%. То есть, несмотря на снижение недоверия, доля не доверяющих по-прежнему превышает тех, кто доверяет. Также обращает на себя внимание существенный рост респондентов, затруднившихся с ответом на этот вопрос (51%). Отметим, что по уровню доверия предприниматели стоят приблизительно в одном ряду с политиками и работниками гос. органов. Два других вопроса, характеризующих предпринимательство как профессию, предлагали респондентам выбрать из списка три наиболее престижных профессии и три наиболее доходных. Ответы россиян показывают, что за период с 2006 по 2018 год, наблюдалось стабильное снижение престижности деятельности предпринимателя с 10% в 2006 году до 4% в 2018 году. Похожая ситуация и с оценкой доходности: в 2006 году одной из наиболее доходных эту профессию считали 20% респондентов, в 2009–13%, в 2012–14%, а в 2018–11%.

На вопрос о том, какую профессию (род занятий) респонденты желали бы своим подрастающим детям, внукам, вариант «предприниматель, бизнесмен» стабильно находится на третьем месте. В 2010 году этот вариант выбрали 3,51%, а в 2018–3,4%. Первые две строчки в общественном мнении россиян принадлежат врачам и учёным, а на 4-м месте, сразу за предпринимателями, располагаются работники государственных органов, администрации.

К числу главных трудностей, с которыми сталкиваются люди при открытии собственного бизнеса, россияне чаще всего относят высокие налоги (25%), бюрократию (22%), а также высокие затраты (16%). Именно эти барьеры упоминали респонденты, отвечая на соответствующий открытый вопрос анкеты (всего допускалось не более 5 ответов от одного участника опроса). Также в ответах упоминались коррупция (9%), различные административные преграды и деятельность фискальных органов (8%). По 7% респондентов указали на труд-

ности, связанные с банковской системой (проблемы с получением кредитов, высокие проценты). Беспредел со стороны чиновников и правоохранительных органов, как и конкуренцию отметили по 5% опрошенных, а несовершенства законодательной системы и отсутствие начального капитала по 4%

Ещё один вопрос был посвящён факторам, которые могли бы подтолкнуть человека к созданию своего дела. Вопрос носил открытый характер и предполагал возможность дать от 1 до 5 ответов респондентам, у которых в настоящее время нет своего бизнеса. Чаще всего упоминались повышение уровня жизни (12%) и необходимость наличия стартового капитала либо финансовой подушки (12%). Этот парадоксальный факт свидетельствует о том, что создание своего дела для многих – это вопрос не заработка для выживания, а самореализация. Для 6% таким толчком может стать совершенствование системы налогообложения. По 5% указали на процент кредитования и состояние здоровья (возраст). Варианты, связанные с поддержкой со стороны государства, стабильность и уверенность в завтрашнем дне, а также указание на политику (как внешнюю, так и внутреннюю) выделили по 4% опрошенных. Далее следуют варианты: появление адекватной бизнес-идеи, безвыходная в материальном плане ситуация, экономическая ситуация в стране (по 3%). На реализацию личных амбиций, как толчок для открытия своего дела указали 2%. Такое же количество упомянуло возникновение личных причин, получение соответствующего образования и исчезновение коррупции.

Выбирая из предложенных вариантов наиболее важные условия для ведения бизнеса, более половины респондентов отметили деньги, стартовый капитал (53%). На правильно подобранную команду указала треть участников опроса (34%), а на особые личные качества и предпринимательский талант – четверть (24%). Желание работать в интересах людей демонстрируют 22% респондентов. Далее, с большим отрывом

следуют такие варианты, как «связи» (14%), «опыт» (13%), «знания и соответствующее образование» (13%), «умение создавать качественный продукт» (13%), «оригинальная бизнес-идея» (12%), «наличие партнёров» (11%). Десятая часть указала на удачу (10%) и веру в успех (9%). Выбрали свой вариант и затруднились с ответом по 6% респондентов.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что за постсоветский период истории предпринимательство в нашей стране институционализировалось не в полной мере. Отсутствуют ясные «правила игры» между предпринимателями и государством, чётко выстроенные механизмы работы и поведения. Эволюция представлений населения о предпринимательстве как об окне возможностей (в 1990-е годы), через ощущение экономического шока с усилением стереотипов о коммерсантах, как беспринципных дельцах (в 2000-е), к образу полезной и поддерживаемой государством деятельности (в начале 2010-х) привела в 2020-х к разочарованиям, связанным с утратой чувства стабильности. Именно этим можно объяснить снижение интереса населения к предпринимательской деятельности, показанное выше.

Тем не менее, сегодня остаётся треть экономически активного населения, заинтересованных в предпринимательстве: 10% уже имеют своё дело, а 23% хотели бы его открыть. Это те люди, кто мог бы внести существенный вклад в благополучие страны и именно им должна оказываться государственная поддержка при открытии своего дела и на первых этапах его развития.

Относительно отношения россиян к предпринимательству, можно сделать вывод, что оно различается в зависимости от масштаба бизнеса. Отношение к малому и среднему предпринимательству у населения заметно лучше, что можно объяснить процессами приватизации, в результате которых отечественный крупный бизнес и был сформирован. Также можно обозначить наличие тренда на улучшение отношения к ма-

лому и среднему предпринимательству на протяжении последнего десятилетия. Доверие к предпринимательству как профессии в нашей стране ещё в полной мере не сформировано: несмотря на рост доверия, число не доверяющих по-прежнему превышает доверяющих.

Другой тенденцией, согласно результатам исследований, можно считать снижение уровня предпринимательской активности. Доля желающих заняться своим делом снижается, а тех, кто считает такую перспективу нежелательной – растёт. Среди тех, кто в настоящее время владеет собственным бизнесом, чаще встречаются мужчины среднего возраста с высшим образованием, проживающие в крупных городах. Основными факторами успеха в бизнесе россияне считают наличие стартового капитала, хорошей команды, а также личных качеств. Основные барьеры, мешающие открытию бизнеса, по мнению россиян – это бюрократия и административное давление. За анализируемый период наблюдения рейтинг этих факторов остался неизменным.

Литература

1. Белоусов А.Л. Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства // *Russian Journal of Economics and Law*. 2020. № 1. с. 5–21.
2. Даниил Ермолаев. От «малинового пиджака» до самозанятого: предпринимательство в России глазами россиян. 11 ноября 2022 // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/expertise/ot-malinovogo-pidzhaka-do-samozanjatogo-predprinimatelstvo-v-rossii-glazami-rossijan> (дата обращения: 07.02.2023).
3. Единый реестр малого и среднего предпринимательства // Сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: <https://ofd.nalog.ru>. (дата обращения 07.02.2023).
4. Малое и среднее предпринимательство // Сайт «Национальные проекты России». URL: <https://национальные-проекты.рф/projects/msp> (дата обращения 05.02.2023)
5. Механизм «регуляторной гильотины» // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/mehanizm_regulyatornoy_gilotiny/ (дата обращения 07.02.2023).
6. Пономарев О.Б. Психотипы предпринимателей и комплексное представление о предпринимательской деятельности // *Российское предпринимательство*. – 2016. – Т. 17. – № 9. – С. 1105–1118. – doi: 10.18334/rp.17.9.35239
7. Пора предпринимать? Мониторинг 1992–2022. Аналитический обзор ВЦИОМ от 09 ноября 2022 // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (дата обращения: 07.02.2023).
8. Отношение к предпринимателям и восприятие бизнеса в России. Результаты исследования // Сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/Predprinimatelstvo2019.pdf (дата обращения 10.02.2023)
9. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // *Социология*. 2021. № 2. С. 60–67.
10. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // *Социология*. 2020. № 2. С. 306–313.
11. Пружинин А.Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // *Социология*. 2018. № 4. С. 151–154.

ATTITUDE TOWARDS ENTREPRENEURS AND PERCEPTION OF BUSINESS IN RUSSIA

Ambrushkevich K.V.

Tyumen Industrial University

The article deals with the attitude of the population of Russia towards entrepreneurs and entrepreneurial activity. The relevance of the work is due to the great attention paid by the state to the development of small and medium-sized businesses in the country. The empirical data

on which the article is based are represented by secondary data: the results of all-Russian representative surveys carried out by leading Russian sociological centers. The article examines such aspects as the interest of the population in entrepreneurial activity, the reasons for the reluctance to engage in their own business. The areas in which potential entrepreneurs would like to open their own business are considered. The portrait of a typical entrepreneur is defined. The factors and personal qualities that Russians consider the most significant in becoming a successful entrepreneur are highlighted. The specificity of the answers to the above questions in various socio-demographic groups is analyzed. The attitude of Russians to entrepreneurship as a type of activity and profession is considered. Studied the dynamics of entrepreneurial activity, as well as barriers and success factors in entrepreneurship. The changes that have taken place over thirty years of measuring the opinions of Russians on entrepreneurial topics are stated. The conclusion is made about the nature of the evolution of entrepreneurship over this period and the need for further support for small and medium-sized businesses.

Keywords: entrepreneurship, business, government, sociological research, politics.

References

1. Belousov A.L. Audit of measures to support small and medium-sized businesses // *Russian Journal of Economics and Law*. 2020. № 1. With. 5–21.
2. Daniil Ermolaev. From the “crimson jacket” to the self-employed: entrepreneurship in Russia through the eyes of Russians. November 11, 2022 // *VTsIOM website*. URL: <https://wciom.ru/expertise/otmalinovogo-pidzhaka-do-samozanjatogo-predprinimatelstvo-v-rossii-glazami-rossijan> (date of access: 02/07/2023).
3. Unified register of small and medium-sized businesses // *Website of the Federal Tax Service of the Russian Federation*. URL: <https://ofd.nalog.ru> (accessed 02/07/2023).
4. Small and medium business // *Website “National projects of Russia”*. URL: <https://nationalprojects.rf/projects/msp> (accessed 05.02.2023)
5. Mechanism of the “regulatory guillotine” // *Sat of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation* URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/mechanizm_regulyatornoy_gilotiny/ (accessed 07.02.2023).
6. Ponomarev O.B. Psychotypes of Entrepreneurs and a Comprehensive View of Entrepreneurial Activity // *Russian Journal of Entrepreneurship*. – 2016. – T. 17. – No. 9. – S. 1105–1118. doi:10.18334/rp.17.9.35239
7. Time to take action? Monitoring 1992–2022. Analytical review of VTsIOM dated November 09, 2022 // *VTsIOM website*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pora-predprinimat-monitoring-1992-2022> (date of access: 02/07/2023).
8. Attitude towards entrepreneurs and perception of business in Russia. Research results // *VCIOM website*. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2019/Predprinimatelstvo2019.pdf (accessed 10.02.2023)
9. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving the Future // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 60–67.
10. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital // *Sociology*. 2020. No. 2. S. 306–313.
11. Pruzhinin A.N. Human capital of oil companies // *Sociology*. 2018. No. 4. S. 151–154.

Оценка перспектив модернизации социальной структуры китайского общества: на примере взглядов российского философа В.Н. Шевченко

Го Синьюй,

аспирант, Институт марксизма Фуданьского университета, Китай
E-mail: beladm09@mail.ru.

Долгое время научный и обыденный национальный дискурс западных государств под влиянием пропаганды описывали путь развития Китая часто в искажённом, необъективном и порой даже оскорбительном варианте. Российская политическая философия в противовес заняла более объективную позицию в оценке достижений КНР, оценив более удачный опыт реализации социалистического пути государственного развития. В.Н. Шевченко, как один из представителей этого научного подхода, много времени занимается анализом китайского опыта с целью не только его теоретического обоснования, но и возможного использования в качестве основы для определения Россией собственного варианта развития. Обосновывая национальный характер китайского научного социализма, эффективность выбранного пути развития и подчёркивая определённое историческое сходство Китая и России во многих аспектах, Шевченко выдвигает идею о том, что России, возможно, следует внимательнее отнестись к поиску собственных национальных особенностей, беря во внимание пример КНР.

Ключевые слова: КПК, китайская модернизация, социализм китайского образца, Россия и Китай, В.Н. Шевченко, И. Валлерстайн.

Последние три десятка лет методология российской модернизации в основном выстраивалась с оглядкой на опыт развитых западных стран, не принимая в полной мере во внимание китайскую модель модернизационных преобразований. Глобальные перемены и немалые достижения в Китае последних десятилетий не могли ни привлечь внимание всего мира. Благодаря успешному пути модернизации по собственному образцу, Китаю удалось, как ни одной другой стране, преодолеть кризис, с которым столкнулся весь мир в последние годы. Осознавая всю сложность международной обстановки и реальные риски кризисного положения, Китай, тем не менее, понимает выигрышность некоторых предпринимаемых им действий в этих условиях и настроен сохранить своё первенство. Сформулировав новую политико-экономическую парадигму, в основе которой сохранение и повышение уровня жизни собственного народа, КПК и глава государства Си Цзиньпин определили стратегию управления страной в целом, а также конкретные задачи по развитию различных сфер государственной жизни на ближайшее время: «Недаром многие полагают, что, если XIX в. был веком унижения империализмом, XX в. стал веком возрождения китайской нации, а XXI в. будет веком её триумфа. Залогом этого является политическая стабильность, высокий экономический рост, продолжающийся даже в кризис, инновационная модель развития» [1, 3].

На 20-ом съезде КПК Генеральный секретарь ЦК Си Цзиньпин ещё раз подчеркнул, что китайская модернизация – это социалистическая модернизация, которая обладает как общими характеристиками модернизационных мероприятий в различных странах мира, так и китайской спецификой, базирующейся на собственных национальных реалиях [2].

Статья написана при поддержке Фонда общественных наук КНР: Грант 20&ZDO11. Изучение российского марксизма XXI века.: Промежуточный результат Гранта (2020BZX011) г. Шанхая по общественным наукам. Исследование современного российского марксизма.

Особенности китайской модернизации привлекают внимание исследователей многих стран мира, в том числе и российских ученых, пытающихся вычислить основы современного развития китайской цивилизации.

Российский учёный В.Н. Шевченко много времени работает над заявленной проблематикой. В своих статьях «Социализм с китайской спецификой. Опыт марксистского анализа» [3], «Исторический опыт социалистического Китая и теория формаций К. Маркса» [4] и «Значение исторического опыта современного Китая для России и других государств-цивилизаций» [5] и др. исследователь анализирует особенности социализма восточного типа (в первую очередь, китайского), указывая при этом на широко распространённые в российских научных и политических кругах заблуждения в этой области – «капиталистическое прикрытие», «идеологическое избегание» и «квазисоциализм».

В.Н. Шевченко даёт характеристику социалистической природе модернизации китайского типа, также анализирует её значение и перспективы как с точки зрения развития мировой экономической и политического процесса, так и с позиции исторических преобразований китайской цивилизации.

Теория существования мировой системы, предложенная американским социологом Иммануилом Валлерстайном (Immanuel Wallerstein), является не только важной вехой в политической экономике, но и методологическим руководством для изучения хода мировой истории в широкой перспективе. В.Н. Шевченко, используя концептуальные методы Валлерстайна, рассматривает китайскую модернизацию с точки зрения общемировых тенденций и закономерностей развития.

Китай самостоятельно выбрал путь социалистического развития

По мнению В.Н. Шевченко, сегодня человеческое общество вступило в новую стадию развития, предыдущая же стадия, результатом которой стало построение большого количества национальных

государств, в целом подошла к концу. Важной особенностью этого нового этапа является активный поиск и исследование самобытных путей развития для каждой из стран в соответствии с закономерностями её цивилизационного пути.

В настоящее время на этом новом этапе сформировалось несколько самобытных моделей развития – модернизационный путь иранского государства, с учётом сохранения теократических принципов управления, или динамичный путь развития с социал-демократической ориентацией в Индии и Бразилии, или самобытный путь построения социализма в Китае. Последний вариант цивилизационного прогресса с его уникальными достижениями особенно привлекает Шевченко.

Разделение труда в условиях глобализации привело страны мира к взаимосвязанной и взаимозависимой интеграции, но степень этой взаимозависимости различна. Некоторые страны и Россия, в частности, став в какой-то момент чрезмерно зависимыми от мировой капиталистической системы и, в соответствии с объективным законом накопления капитала, постепенно превращаются в периферию капитализма [2, 170]. Согласно мир-системному подходу Валлерстайна, схема современного глобального устройства выглядит следующим образом: развитые страны доминируют в капиталистическом пространстве, благодаря своему мощному и эффективному государственному аппарату, манипулируя мировой торговлей и финансовыми рынками через неравное разделение труда и обмена, а периферийные страны остаются в подчинённом положении эксплуатируемых и поработаемых. В сложившихся условиях Китай не позволяет загнать себя в ловушку подчинённого положения перед мировой капиталистической элитой, не копирует модели и образцы развития других стран, он сам становится элитой, выбирая самостоятельный, автономный путь модернизации с учётом своих национальных особенностей. Преодолевая трудности, КНР постоянно анализирует собственные результаты и корректирует дальней-

шие шаги, результатом чего является объективное признание китайского государства полноправным субъектом глобальной экономики наряду с США [3, 9].

Собственный путь модернизации не только способствовал преобразованию Китая, но и предоставил человечеству новый вариант цивилизационного прогресса для подавляющего большинства развивающихся стран – модель выхода из нищеты, а также придал жизнённость международному коммунистическому движению и даже подарил надежду марксизму на реальную возможность воплощения в современных условиях. Китайское общество уверено, что именно благодаря следованию марксистской парадигме, социализм приобретает совершенно новую перспективу в XXI веке: достижения Китая позволяют отстаивать жизнеспособность некапиталистического пути развития для современных западных государств [4, 23].

Модернизация китайского типа сквозь призму исторической традиции

В.Н. Шевченко настаивает на подробном исследовании источников исторического наследия и идеологического обеспечения китайской модернизации, сочетая их с уникальными цивилизационными характеристиками. По его мнению, недостаточно обсуждать китайскую модель, осуществляемую в течение последующих за реформами общества 30 лет, необходимо брать во внимание и предыдущие 30 лет, учитывая результаты национальной трансформации с новейших времен Китая.

Шевченко интересуется китайский путь с позиций более длительного периода времени и на макроуровне. По утверждению учёного, социализм с китайской спецификой не может быть понят без обращения к формационному пониманию смысла истории, только в этом случае можно объективно обсуждать социалистическую и коммунистическую перспективу [5, 173].

В истории Китая никогда не было капиталистической традиции, и что со-

циалистический путь, считает Шевченко, является неизбежным выбором для дальнейшего развития Китая. В своей статье «Значение исторического опыта современного Китая для России и других государств-цивилизаций» [5] он цитирует книгу А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», в которой упоминается о Китае как самой процветающей стране в XVIII в.: «Китай страна гораздо более богатая, чем любая часть Европы, и разница между ценой средств существования в Китае и Европе очень велика» [5, 23–24]. По мнению Адама Смита, изобилие Китая было достигнуто благодаря рынку, в который включилось всё хозяйство страны; средневековый Китай представлял собой образец государства, идущего в направлении экономической зрелости естественным путём к изобилию.

В.Н. Шевченко подвергает критике мнение некоторых ученых, считающих Китай капиталистической страной по причине существования рынков, банков и частной собственности. Исследователь обращает внимание на то, что рынок, банковская система, частная собственность не достались современной стране в наследство от капиталистического Китая [3, 174]. Хотя Китай пережил ряд потрясений, включая две опустошительные войны, Синьхайскую революцию, освободительную войну против Японии, с самого начала своего основания КНР начала подражать советской модели социалистического строительства, сознательно сочетая некапиталистические традиции страны с марксистскими идеями. Переход к строительству социализма с китайской спецификой явился вместе с тем и восстановлением движения по утерянному ранее национальному, некапиталистическому пути развития [5, 25]. Китай погрузился во тьму внутренних и внешних проблем, китайский народ страдал от последствий многих военных конфликтов, разрушений природных условий, а также из-за отсутствия необходимых для восстановления экономики средств. Правительство и народ предпринимали различные попытки противостояния трудностям, но и восста-

ние тайпинов, и Реформы года у-суй, и Синьхайская революция – всё это закончилось неудачей. Так постепенно китайское общество пришло к убеждению, что социализм с индивидуальным национальным подходом может стать единственно верной моделью для развития страны.

По мнению В.Н. Шевченко, весь ход китайской истории представляет собой периодическую смену хаоса «воюющих царств» – сяокан («малое процветание») централизованным государством – датун («великое единение»), затем установление гармонии между центром империи и периферией и снова наступление хаоса «воюющих царств» [3, 171].

Видный государственный деятель Дэн Сяопин в 1970–1980-е годы выделил стратегическое значение эпохи сяокан в строительстве социализма, поскольку Китай на тот момент собирался повторить этот социально-исторический цикл в своём развитии и сосредоточить усилия на достижении целей «малого процветания».

Нам представляется такое видение и соответствующие ему действия не совсем объективными. В 1945 году во время обсуждения в Яньане правильности политики коммунистической партии и подчинённости власти народу, председатель Мао Цзэдун сказал патриоту-демократу Хуан Яньпэю, что компартия Китая нашла новый путь к демократии, и это позволит «выпрыгнуть» из-под определяющего влияния исторической «цикличности» [2]. С тех пор, на протяжении почти 70 лет, партия всегда говорит об ответственности перед китайским обществом за правильность своих ответов на исторические вызовы внутренней и внешней ситуаций, о применении «закона исторических циклов» с целью уберечься от промахов в отношении реализации идей истинной демократии, идеи тройного представительства, поддержания прогрессивно мыслящих членов партии и решительного наказания коррупции. Нынешний глава КНР и генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин также неоднократно подчёркивал в последние годы важность усиления кон-

троля внутри партии, наказаний против коррупции ещё с самых её истоков, постоянного укрепления чувства исторической ответственности коммунистов. Такая позиция придаёт уверенности в том, что китайский народ и КПК будут и далее следовать выбранному пути, признавая его единственно верным для своей нынешней страны и китайской цивилизации в целом. Утверждению избранного пути способствует также доминирующая идеология традиционной китайской культуры – конфуцианство, играющее важную роль в процессе модернизации Китая. Принципы гармонии и стабильности, проповедуемые конфуцианством, считаются важным фактором, способствующим экономическому развитию Китая и преодолению политических кризисов и беспорядков.

Несмотря на огромные временные и пространственные различия между китайским конфуцианством и марксизмом, в некоторых аспектах они взаимопроникают друг в друга и интегрируются. Например, в отношении общества будущего Маркс определял важным условием свободного развития всех свободное развитие каждого. Только когда каждый человек достигнет свободного и всестороннего развития, общество сможет создать структуру более высокого уровня, отличного от капитализма. По мнению Шевченко, эта идея Маркса схожа с идеей китайского конфуцианства «Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в её края не поселиться?» [6, 40]. Именно благодаря этой совместимости конфуцианство стало «органическим питанием» для развития современного китайского социалистического общества, и сегодня Китай решительно выступает за возвращение к традиционной цивилизации и национальное возрождение. В этом смысле, как пишет В.Н. Шевченко, путь китайского социалистического развития – это «движение по социалистическому пути оказывается дорогой, ведущей к реализации многовековой китайской мечты о возрождении китайской нации и вместе с тем гуманистических ценностей, заложенных в марксизме» [3, 175].

В.Н. Шевченко, подмечая особенности традиционной китайской культуры и уникальный теоретический «темперамент» китайской модернизации, объективно характеризует преимущества китайского пути. Успешная практика социалистического строительства в период модернизации общества во многом обусловлена сочетанием в ней особенностей китайской цивилизации, универсальных общемировых ценностей и положений теории Маркса. Идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, важные идеи «тройного представительства» Цзян Цзэминя, научная концепция развития и идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху – всё это новаторские теоретические достижения китаизации марксизма, которые при этом успешно решают многие практические проблемы современного Китая.

В духовную сферу социалистической страны, по мнению Шевченко, должны быть включены три компонента: современной марксизм, прагматическая идеология и осмысление культурно-цивилизационных особенностей страны. Несмотря на различия между этими компонентами, они тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга, а возможные противоречия между ними могут быть разрешены через гармоничное соединение трёх в одном, или через проявленность одного во всех трёх.

Взгляды Шевченко на прагматизм как важный идеологический компонент Китая представляется нам несколько односторонним. Социализм с китайской спецификой – это продукт сочетания универсальных истин марксизма и конкретной практики Китая, что делает реальной реализацию модернизационных мероприятий по решению практических проблем в развитии и строительстве китайского общества. Рассуждать об утилитарном прагматизме китайцев без какой-либо теоретической основы, опоры на национальные традиции и идеалы – это поверхностное, одностороннее и необъективное толкование социализма с китайской спецификой. Это может быть даже опасным, поскольку увлечение такими идеалами может перерасти

в погоню только за экономическими и материальными интересами, выдвигание в качестве цели обогащение немногих людей, в принятие принципов спекуляции и быстрого успеха – за объективно обусловленные действия, при этом будут полностью игнорироваться основополагающие интересы и потребности широких слоев населения. Всё это представляет собой отход от основных принципов социализма, что чётко осознаётся руководством страны: «нельзя рассматривать марксизм как догму или прагматическое отношение» – предупреждает Генеральный секретарь Си Цзиньпин [7].

Китай и Россия: сходство как основа, на которую можно опираться

Современная Россия в очередной раз оказалась на развилке дорог в вопросе, какой путь развития более перспективным для страны. Российская наука также сосредоточила усилия на выработке теоретического фундамента для решения этой важной проблемы. Проанализировав китайскую модернизацию с точки зрения её уникальности, В.Н. Шевченко увидел перспективу в выборе социалистического пути развития с учётом национальных особенностей конкретного государства. Отстаивая идею определённого схождения между Китаем и Россией, учёный предложил возможность заимствования Россией исторического опыта Китая.

Главное сходство между двумя цивилизациями В.Н. Шевченко видит в том, что в истории Китая и России не было капиталистической традиции, а значит, социалистический путь становится для них неизбежным выбором для успешного развития. Учитывая, что в истории России существуют эпизоды заимствования капиталистических принципов и достижений, всё же капитализм никак нельзя считать естественным и органически законным продуктом предшествующей российской истории [5, 28]. Исходя из этого, учёный высказывает глубокую озабоченность нынешним положением и позицией России в качестве подчиненной и отсталой страны, находящейся на периферии мировой капитали-

стической системы. Сегодняшняя Россия не имеет достаточной экономической, финансовой и культурной основы для дальнейшего прогресса, она также не может рассчитывать на помощь Запада, потому что Западу никогда не была нужна сильная процветающая Россия. Эти положения практически не менялись в истории – ни во времена Российской империи, ни во времена Советского Союза, это остаётся верным и сегодня [8, 10]. Отсюда напрашивается вывод о том, что для России пути к центральному положению в мировой капиталистической системе вряд ли осуществимы. Да и целесообразность ориентации России на капиталистический путь развития вызывает большие сомнения. Эти обстоятельства подводят Шевченко к утверждению: для России после неудачных попыток взаимодействия с западным капитализмом вероятным сценарием становится необходимость заново открыть свой собственный путь развития и двигаться по нему вперёд.

Россия и Китай – общий опыт строительства социализма

Россия и Китай не только имеют схожие исторические традиции и особенности развития, но и в недалеком прошлом осуществляли практику социалистического строительства. Несмотря на многочисленные различия между тогдашним Советским Союзом и сегодняшним Китаем, в теоретических изысканиях и практике построения социализма оба государства имеют некоторый схожий опыт. Например, советский социализм не был чисто марксистским и также имел определённые национальные особенности. В своей статье «Россия: историческая судьба «Второго мира»» В.Н. Шевченко отмечает, что судьба социализма с марксистским уклоном в России сложилась иначе, чем в Западной Европе [9, 14]. Социализм советского периода фактически не соответствовал европоцентристской модели посткапиталистического социализма Карла Маркса [10]. Советской социалистической системе даются разные оценки со стороны как западных учёных и политиков, так и в российских кругах.

Однако несомненно, что советские лидеры, как и китайские, исследовали различные пути и модели развития своей страны, пытались постоянно корректировать свои действия, о чём свидетельствует, например, попытки реализовать новую экономическую политику.

В начале социалистического строительства обе страны отходили от своих исторических традиций: большевики критиковали антисоциальную роль православной церкви, а конфуцианство воспринималось китайскими коммунистами как основа феодальной имперской системы. Но схожее прошлое сегодня нашло, к сожалению, отражение в совершенно разных результатах, и об этом много размышляет В.Н. Шевченко в своих работах.

Успешность внедрения китайского социализма Шевченко связывает с тем фактом, что традиционное китайское конфуцианство было в итоге использовано в качестве органического питательного вещества для развития китайского модернизации. Хотя в России нет конфуцианства, сложившаяся ещё в древности система сельских общин и обусловленный ею общинный характер русской жизни и русского народа, также выступают за приоритет коллективного над личным, что очень близко к основной конфуцианской идее «дорожить миром». Русская общинная традиция породила особый национальный дух, который когда-то воспринимался народниками как естественная почва для русского социализма и русского прогресса. Шевченко соглашается с точкой зрения народников, утверждая, что их взгляды имеют большое значение для понимания природы социализма и решения вопроса о пути национального развития, который может выбрать страна. Общинность и товарищество являются, по мнению Шевченко, социальной основой для выбора Россией социалистического пути: идея социализма как свободного, справедливого и коллективистского (солидарного) общественного строя глубоко укоренена в культуре русского народа, всех народов России [8, 17]. Таким образом, схожесть исторического опыта и цивилиза-

ционных характеристик России и Китая, позволяют Шевченко настаивать на выводе: у России нет выбора – либо она обретает социалистическую перспективу, которая делает её в обозримой перспективе вновь великой державой, либо расколота по многим параметрам – культурным, социальным, этническим – она медленно, но неизбежно будет и дальше деградировать, уходить на далекую периферию мировой истории [8, 19].

Конечно, мировая история доказала, что нет одной, универсальной модели развития для всех народов, и ни один народ не сможет добиться большого выигрыша, скопировать «образец» другой страны. В.Н. Шевченко воспринимает историю как урок и лишь напоминает российскому обществу об удачной на сегодняшний момент попытке китайской модели развития, которую невозможно однозначно скопировать, поскольку полное копирование практики других стран способно нанести лишь серьёзный вред государственному строительству и международному коммунистическому движению в целом, ибо в мировой истории уже был неоднозначный опыт внедрения догматической советской модели.

Научный подход Шевченко вызывает большой интерес и уважительное отношение у китайской научной общности, несмотря на критическое отношение к некоторым выводам учёного. Тем не менее, исторический оптимизм и надежду вселяют слова В.Н. Шевченко: «Сегодня на всех уровнях говорят о наступлении новой исторической эпохи. Девиз новой современности – двигаться вперёд всем вместе, но каждый идёт своей дорогой, своим путём» [11, 108].

Литература

1. Ковалёв М.М. Китай в XXI веке: обгоняющая модернизация: монография / М.М. Ковалёв, Лю Цзэпин. Минск: Изд. Центр БГУ, 2011. 172 с.
2. Си Цзиньпин. Доклад на XX Всеитайском съезде Коммунистической партии Китая. 16 октября 2022. URL: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruS-Jlsd23-20221025.pdf> (дата обращения: 13.06.2023).
3. Шевченко В.Н. Социализм с китайской спецификой: Опыт марксистского анализа // Свободная мысль. 2015. № 6. С. 165–178
4. Шевченко В.Н. Исторический опыт социалистического Китая и теория формаций К. Маркса // Философские науки. 2019. Т. 62. № 12. С. 7–34.
5. Шевченко В.Н. Значение исторического опыта современного Китая для России и других государств цивилизаций // Философские науки. 2016. № 8. С. 17–34.
6. Конфуций. Луньей. Изречения. М.: Эксмо, 2015. 416 с.
7. Си Цзиньпин. Речь на симпозиуме по работе философии и общественных наук. // Жэньминь жибао. 18 мая 2016 г. URL: <http://russian.people.com.cn/> (дата обращения: 12.06.2023).
8. Шевченко В.Н. Модернизация или национальный путь развития России? // Социология власти. 2010. № 6. С. 6–20.
9. Шевченко В.Н. Россия: историческая судьба «Второго мира» // Философские науки. 2014. № 7. С. 7–24.
10. Шевченко В.Н. Теория формаций Маркса и исторический опыт социалистического Китая // Новый социализм – XXI век. Информ.-дискус. портал. URL: <http://novsoc.ru/> (дата обращения: 13.06.2023).
11. Шевченко В.Н. Возвращение Китая на национальный путь развития в эпоху глобализации: значимость и выводы для России // Век глобализации. 2018. № 3. С. 106–119.

ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR THE MODERNIZATION OF THE SOCIAL STRUCTURE OF CHINESE SOCIETY: ON THE EXAMPLE OF THE VIEWS OF THE RUSSIAN PHILOSOPHER V.N. SHEVCHENKO¹

Guo Xinyu
Fudan University, China

¹ The article was prepared with the support of the Social Science Foundation of the People's Republic of China: Grant 20&ZDO11 "Studying Russian Marxism of the 21st Century"; Intermediate result of the Shanghai Social Sciences Grant (2020BZX011) "Studying Contemporary Russian Marxism".

For a long time, the scientific and everyday national discourses of Western states, under the influence of propaganda, described the path of China's development often in a distorted, biased and sometimes even offensive version. Russian political philosophy, in contrast, took a more objective position in assessing the achievements of the PRC, assessing the more successful experience of implementing the socialist path of state development. Shevchenko, as one of the representatives of this scientific approach, spends a lot of time analyzing the Chinese experience in order not only to theoretically substantiate it, but also to use it as a basis for determining Russia's own development option. Justifying the national character of Chinese scientific socialism, the effectiveness of the chosen path of development and emphasizing certain historical similarities between China and Russia in many aspects, Shevchenko puts forward the idea that Russia, perhaps, should be more attentive to the search for its own national characteristics, taking into account the example of the PRC.

Keywords: CPC, Chinese modernization, Chinese-style socialism, Russia and China, V.N. Shevchenko, I. Wallerstein.

References

1. Kovalev M.M. China in the 21st century: overtaking modernization: monograph/M.M. Kovalev, Liu Zeping. Minsk: Ed. BSU Center, 2011. 172 p.
2. Xi Jinping. Report at the XX All-China Congress of the Communist Party of China. October 16, 2022. URL: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSJIsd23-20221025.pdf> (accessed date: 13.06.2023).
3. Shevchenko V.N. Socialism with Chinese specifics: Experience of Marxist analysis// Free thought. 2015. № 6. S. 165–178
4. Shevchenko V.N. Historical experience of socialist China and theory of formations of K. Marx//Philosophical sciences. 2019. T. 62. № 12. S. 7–34.
5. Shevchenko V.N. Significance of the historical experience of modern China for Russia and other states of civilizations//Philosophical sciences. 2016. № 8. S. 17–34.
6. Confucius. Lunyu. Sayings. M.: Eksmo, 2015. 416 p.
7. Xi Jinping. Speech at a symposium on the work of philosophy and social sciences // People's Daily. May 18, 2016. URL: <http://russian.people.com.cn/> (accessed date: 12.06.2023).
8. Shevchenko V.N. Modernization or the national path of development of Russia? // Sociology of power. 2010. № 6. S. 6–20
9. Shevchenko V.N. Russia: the historical fate of the "Second World"//Philosophical Sciences. 2014. № 7. S. 7–24.
10. Shevchenko V.N. The theory of Marx formations and the historical experience of socialist China//New socialism – XXI century. Inform.-discus. portal. URL: <http://novsoc.ru/> (accessed date: 13.06.2023).
11. Shevchenko V.N. China's return to the national path of development in the era of globalization: significance and conclusions for Russia//The age of globalization. 2018. № 3. S. 106–119.

Демографические проблемы новой реальности России

Салтыкова Юлия Анатольевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры
«стратегического и финансового менеджмента»
Иркутского государственного университета
E-mail: sokolk@mail.ru

Курганская Ольга Викторовна,

кандидат технических наук, доцент кафедры
«стратегического и финансового менеджмента»
Иркутского государственного университета
E-mail: olgakurg@gmail.com

В статье представлен анализ демографических процессов России в периоде между переписями населения 2010 и 2021 гг. и по настоящее время. Устойчивое сокращение численности населения в последние годы свидетельствует о демографическом кризисе, который в случае закрепления тенденции еще на несколько лет может перерасти в демографическую катастрофу. Стагнация и незначительные показатели роста компенсировались только за счет мигрантов, при том, что титульная нация страны ежегодно снижается, превышая показатели смертности над рождаемостью. Однако в последние 4 года, иммиграционный процесс не покрывает естественную убыль и отток населения из страны. С учетом статистической погрешности и недостоверности информации, сложившаяся ситуация принимает серьезней оборот, не только с социально-экономической, но и геополитической позиции.

Ключевые слова: демографический кризис, депопуляция, миграционный процесс, информативность Росстата.

Существует несколько демографических проблем, с которыми столкнулась Россия в период 2010–2021 годов:

1. Низкий уровень рождаемости. В России продолжает снижаться уровень рождаемости, что может привести к серьезным демографическим последствиям в ближайшие десятилетия. Это связано с изменением социально-экономической ситуации в стране, сменной ценностей и изменением роли женщин в обществе.

2. Снижение населения. Население России продолжает сокращаться, что может привести к серьезным проблемам в экономическом и социальном развитии страны. Эта ситуация связана с тем, что большое количество людей уходят из страны в поисках лучшей жизни или не возвращаются после учебы за границей.

3. Старение населения. В России стареет население, что также может привести к серьезным демографическим последствиям в ближайшие десятилетия. Это связано с тем, что уровень рождаемости снижается, а продолжительность жизни растет.

4. Миграция. В России существует проблема миграции, связанная с тем, что большое количество людей уезжают из страны в поисках работы и лучшей жизни, а также с тем, что в Россию приезжают мигранты из разных стран мира.

Все эти демографические проблемы требуют серьезного внимания со стороны правительства и общества, чтобы сохранить устойчивое экономическое и социальное развитие страны.

Начнем с основного. Состояние населения в России за последние десятилетия требует особого внимания со стороны ученых, общества и государства. Численность населения России на 1 января 2023 г., представленная Росстатом, по предварительной оценке, составила 146,425 млн чел. Согласно данным Отдела народонаселения Организации Объ-

единённых Наций (WPP), который является основным источником оценок населения Всемирным банком, поскольку для многих стран он обеспечивает наиболее надежные, полные и внутренне непротиворечивые наборы демографических данных, текущее население России составляет 144, 563 млн чел. По прогнозу WPP на 1 июля 2023 г. составит 144, 444 млн чел., а к 2050 г. около 128 млн чел, сместив страну по этому показателю с 9-го на 17-е место [10].

Принимая во внимание значимое расхождение цифр, а это около 2 млн чел., необходимо отметить, что методология демографических оценок и прогнозов ООН основана на оценке всех доступных источников о населении, размере и уровне рождаемости, смертности и международной миграции для 237 отдельных стран или территорий, составляющих все население мира. Качество демографических оценок и прогнозов зависит от наличия надежных и своевременных демографических данных, включая данные, собранные с помощью систем регистрации актов гражданского состояния и статистики естественного движения населения, переписей населения, регистров населения и обследований домохозяйств. Основным источником подсчетов для этой цели является перепись населения, проводимая, разумеется, собственными силами. Большинство стран проводят перепись при-

мерно раз в десятилетие. Пандемия COVID-19 нарушила планы и проведение переписей населения начиная с 2020 г., а также функционирование систем регистрации и отчетности во многих странах, что негативно сказалось на корректности подсчета численности населения в целом.

Последняя перепись населения в России была проведена в осенний период 2021 г. и показала, что в 28 регионах население выросло, а всего в России насчитали 147,2 млн чел. Ее результаты становятся фундаментом для оценки численности населения, однако количество постоянного населения пересчитывается исходя из данных системы ЗАГС о рождаемости/смертности и миграционного учета. Данные Всемирного банка¹, представляют этот показатель в 143,449 млн чел., отличаясь в – 3,9 млн чел. [9].

В таблице 1 представлена численность России за 13-летний период. Указанный временной интервал был выбран исходя из периода между двумя переписями – в 2010 г. и в 2021 г., и изменение количества жителей по их результатам составило 1,4%. Однако, учитывая данные национальной и международной статистики народонаселения, этот показатель может быть неинформативен и не играет роли в анализе демографических процессов.

Таблица 1. Численность населения России в период 2010–2023 гг., млн чел.

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1142,856	1142,865	1143,056	1143,347	1143,666	1146,267	1146,544	1146,804	1146,880	1146,780	1146,748	1147,182	1146,980	1146,425

Составлено на основе данных Росстата

Устоявшуюся отрицательную динамику численности, а точнее убыль,

¹ Оценки численности населения Всемирного банка составляются из трех основных источников: Отдел народонаселения Организации Объединённых Наций (WPP), отчетов переписи населения и других публикаций национальных статистических управлений и демографической статистики Евростата [8].

можно наблюдать с 2019 г. по 2023 г., исключения составляет 2021 г. (таблица 2). Для объективности анализа были представлены также данные ООН, которые не подтверждают статистику Росстат, но тем не менее, не опровергают наметившуюся тенденцию, называемую депопуляцией, что не может не вызы-

вать опасения не только по демографическим, но и по экономическим соображениям. При этом уместно и сказать,

что и с геополитической точки зрения такое положение подчеркивает его остроту.

Таблица 2. Темп роста численности населения России по данным Росстат и ООН, %

год	2018	2019	2020	2021	2022	2023 (прогноз)
Росстат	0,05	-0,06	-0,02	0,29	-0,013	-0,37
WPP [7]	0,2	0,06	0,09	0	-0,1	-0,17

Рассчитано на основе данных Росстата

Нереально идти по пути экономического роста с убывающим числом населения. Даже при положительных значениях динамики числа жителей в наблюдаемом периоде с 2010 по 2023 гг., линейная линия тренда – нисходящая, что свидетельствует об устоявшемся процессе депопуляции (рис. 1). И только 2015 г. отличается высоким положительным ростом 1,81% численности. Однако эта ситуация объясняется благодаря вхождению Крыма в состав РФ, что подтверждается численными расчетами. Остальные годы этого пе-

риода положительный рост обеспечивала в основном иммиграция граждан из стран СНГ.

Внешняя причина расхождения данных ООН и официальной статистикой Росстата является еще одной задачей исследования, однако в целом ответ не является сложным вопросом, поскольку известно, что статистическими службами проводятся и закрытые исследования, касающиеся демографии и реальной численности и других важных и «острых» аспектов экономико-политической ситуации.

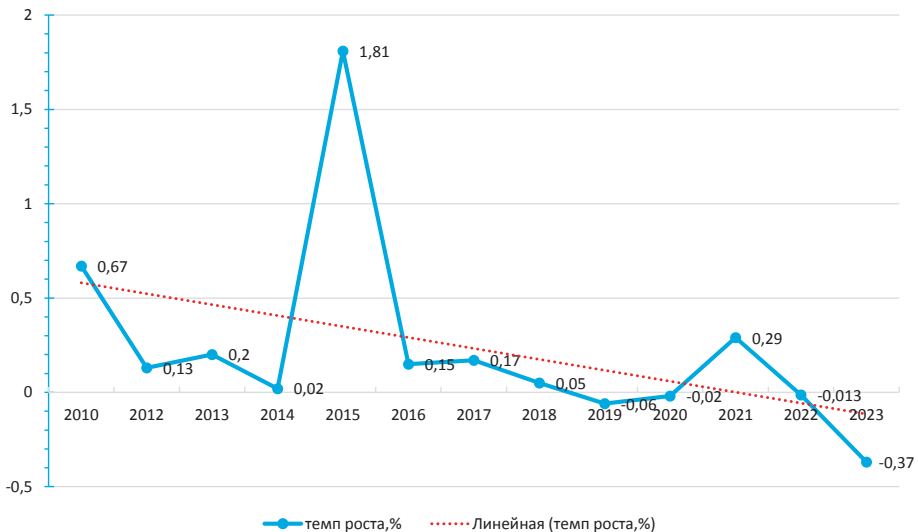

Рис. 1. Динамика численности населения в период 2010–2023 гг., %

Рассчитано на основе Росстат

Важно отметить и другие внешние источники, как например, Центральное

разведывательное управление, также приводит данные о численности насе-

ления России с отрицательным отклонением. Эксперты отмечают, что ЦРУ не только агентурная разведка, но еще и организация, которая имеет мощную аналитическую базу, построенную на разведывательных данных, которые, возможно, обнажают закрытые исследования.

Однако, есть и внутренние причины, определявшие неточность исследований в области численности населения. Так, например, социолог Высшей школы экономики О. Моляренко в своем исследовании [4] приводит ряд факторов, определяющих недостаточную достоверность и информативности статистики, которые возникают на этапе сбора данных и их поступления в информационные системы.

Первый фактор, наиболее значимый, на наш взгляд, связан с упрощением моделей социально-экономических процессов для их измеримости с целью внесения в информационные системы. Именно упрощение социально-экономических процессов за счет уменьшения числа их наблюдаемых параметров приводит к искажениям данных статистических исследований.

Второй фактор – непреднамеренные технические ошибки в процессе сбора первичных данных, которые при этом носят систематический характер. Этот фактор, разумеется, традиционен присутствию такого рода исследованиям, однако это не делает его ничтожным. А намеренная фальсификация данных в целях улучшения показателей социально-экономического характера страны является наиболее жестким, по мнению автора исследования, третьим блоком причин расхождения официальной статистики и реального положения.

Таким образом, можно утверждать, что точность данных и результатов статистических наблюдений может быть подвергнута обоснованной критике. Однако общее совпадение трендов в данных из различных источников может служить достаточно надежным подтверждением наличия тренда к снижению популяции.

На изменения численности населения оказывают влияние два фактора:

естественные изменения, связанные с рождаемостью и смертностью постоянного населения, и изменения, связанные с миграцией населения. Основной причиной убыли населения является естественная волнообразная динамика численности населения. Компенсация естественной убыли осуществляется за счет иммигрантов. По данным ООН, в 2020 г. в нашей стране насчитывались 11,6 млн иммигрантов, или около 8% населения страны, перепись 2021 г. констатировала около 350 тыс. человек, временно находящихся на территории РФ, и не менее 10 млн человек постоянно проживающих мигрантов [2].

Как отмечает академик РАН А. Аганбегян: «социально-экономическая ситуация последнего десятилетия – это семилетняя стагнация 2013–2019 гг. и трехлетний кризис 2020–2022 гг. поставили перед страной два главных, жизненно важных вызова – необходимость сокращения катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и необходимость перехода к устойчивому социально-экономическому росту» [1].

С 2020 г. растущая депопуляция населения переросла в демографический кризис под влиянием обоих факторов. Особое место следует отвести коронавирусной пандемии, ставшей причиной многих негативных последствий, что в целом соответствует общемировой тенденции. Во всем мире COVID-19 стал огромным потрясением для здоровья, экономики и повседневной жизни и еще предстоит полностью оценить влияние пандемии на жизнь и благополучие людей, как бомбы замедленного действия. Усиленный рост смертности при максимальном снижении рождаемости по экономическим соображениям, а именно снижением реальных доходов и отсутствием экономической определенности, страха будущих родителей и неизвестности влияния вируса и на состояние здоровья ребенка сложили неблагоприятную картину естественного движения численности населения России (рис. 2)

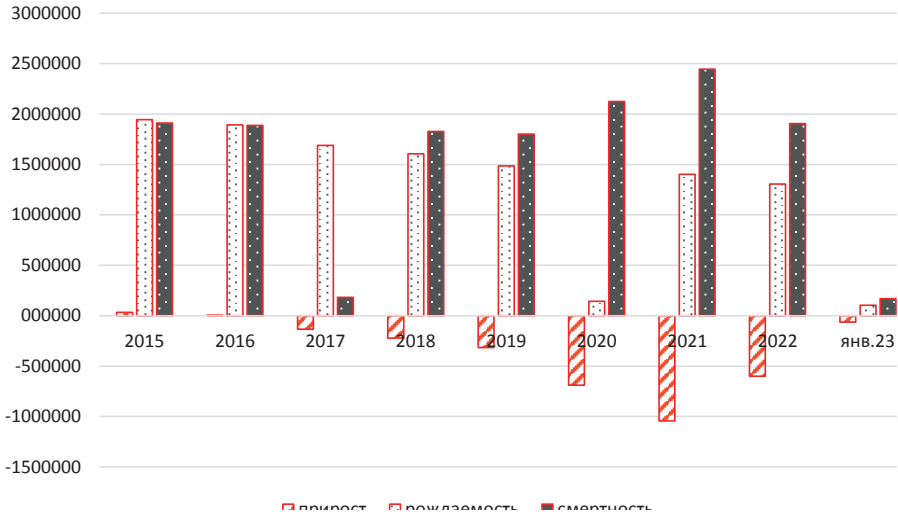

Рис. 2. Естественное движение населения России с 2015–2022 гг., чел.

Составлено на основе данных Росстата

Диаграмма показывает, что с 2017 г. в стране закрепились тенденции превышения смертности над рождаемостью, причем максимальное значение было установлено в 2021 г., превышая 1 млн чел. Если рассчитать среднемесячное значение убыли за 2021 и 2022 гг., то 86,8 тыс. и 49,9 тыс. соответственно, то показатель убыли в 64219 за январь 2023 г. является высоким и неутешительным, но предположить прогноз на конец года по нему будет неинформативно.

С 2022 г. ситуация осложнилась экономической нестабильностью и введением режима специальной военной операции, повлекшей ряд значимых движений в социально-экономической жизни наиболее экономически активной части населения, которые будут накопительным отрицательным эффектом влиять на демографическую картину, а именно потерей мужского экономически активного населения детородного возраста. Отток экономически устойчивой, высококвалифицированной категории людей, эмигрировавшей по личным, политическим убеждениям семьями, или граждан, опасющихся быть мобилизованными сложно достоверно сосчитать, т.к. находящиеся за пределами

РФ, они не все сняты с регистрационного учета и теоретически входят в состав населения. Согласно данным издания Forbes Russia, в 2022 г. 50% сделок по продаже жилья на вторичном рынке по всей России совершались через нотариальную доверенность, в отличие от предыдущих годов, например, 20% – в 2021 г., 15% – в 2020 г., 8% – в 2019 г. 5% – в 2018 г. [7], то возвращение если не всей, то, по крайней мере, части этой категории находится под вопросом. За всю историю наблюдений за рынком недвижимости, доля продаж в 50% стала рекордной. Эксперты отмечают, что резкий рост востребованности сделок с жильем через посредников объясняется отъездом многих россиян за рубеж, к тому же юристы агентств продаж сталкиваются не только с доверенностями, подтвержденными российскими нотариусами, но и зарубежными специалистами и консульством РФ за рубежом. Важно отметить, что сделки с недвижимостью можно оформлять дистанционно с использованием электронных подписей продавца и покупателя, однако этот процент сделок невелик, и вычислить долю продаж собственниками из-за рубежа невозможно.

Понимая, что иммиграционный прирост если не восполняет убыль, то хотя бы в определенной степени компенсирует ее, правительством РФ приняты послабления в отношении въезда и срока нахождения трудовых мигрантов, поскольку эта категория является основной составляющей притока. Среди основных источников миграции можно выделить страны центрально азиатских республик – Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Следует отметить, что такая миграция определяется в первую очередь невысоким уровнем жизни в указанных странах. Облегченная миграционная процедура со странами СНГ в целом объясняется также намерением РФ восстановить своё влияние в территории постсоветского пространства. Согласно методическим материалам Росстата с 2021 г. по истечении срока 9 месяцев пребывания независимо от места прежнего жительства эти граждане из категории временных переходят в категорию постоянных [3]. В противном случае такие мигранты, согласно действующему законодательству, снимаются с регистрационного учета, соответственно, считаются выбывшими, даже если фактическое местонахождение их в РФ.

Также коронавирус усугубил демографическую ситуацию и тем, с 2020 г. почти на год остановился процесс иммиграции в виду закрытия границ, что также повлияло на баланс численности. Основным донором была Украина – около 47%, а на втором месте – страны Центральной Азии – около 41% [2]. Информативнее рассматривать соотношение между числом прибывших и выбывших, которое имеет тенденцию к снижению: если в 2015 г. это показатель составлял 1,8 раза, то в 2019 г. – 1,7 раза, а в 2020 г. число прибывших и выбывших практически сравнялось [2]. Кроме того, наличие нелегальных мигрантов не отражает реальную картину миграционного сальдо, и способствуют развитию теневого сектора экономики, демпингу заработных плат, а также неуплате налогов, при этом пользуясь социальными гарантиями государства, в частности, на бесплатную медицинскую помощь в случае неотлож-

ной и экстренной ситуации, вызова скорой помощи. В случае рождения ребенка медицинская помощь матери и ребенку до года оказывается бесплатно.

Значимость международных миграционных процессов для социально-экономического развития РФ обуславливает их активное изучение, в том числе оценке баланса доходов и расходов для бюджета страны и не перекладывание расходов по социальным обязательствам на плечи граждан РФ. Грамотная миграционная политика, эффективно выстроенная система контроля, учета за деятельностью мигрантов способна помочь экономике от нежелательных экономических потерь.

Однако важнейшая задача для улучшения демографической ситуации России заключается в снижении естественной убыли населения с переходом в прибыль. Необходимо создавать условия для семей, способствующие увеличению рождаемости, стимулировать экономический рост в стране, преодолеть внешнюю конфронтацию с другими странами, усилить подконтрольность расходов бюджета с ориентацией в большей степени на социальные нужды, позитивные преобразования в сферах здравоохранения с целью создания условий повышения для преодоления отрицательной динамики народонаселения.

Демографические последствия спада населения в России в период 2010–2021 годов могут быть серьезными и влиять на различные аспекты жизни в стране. Некоторые из возможных последствий включают в себя:

1. Снижение трудового потенциала. Сокращение населения может привести к уменьшению трудового потенциала в стране. Это может означать уменьшение производственной силы, ухудшение качества труда и недостаток кадров в различных сферах экономики.

2. Дефицит государственных доходов. Спад населения может увеличить давление на бюджет, так как меньшее количество налогоплательщиков будет платить налоги. Это может привести к дефициту государственных доходов и затруднениям в организации финан-

сирования различных программ и социальных услуг.

3. Увеличение расходов на социальную защиту. С уменьшением численности населения может возрасти число людей, нуждающихся в различных формах государственной поддержки и социальной защиты, таких как пенсии и медицинская помощь, что может привести к увеличению расходов бюджета.

4. Риски демографического устойчивости. Сокращение численности населения может привести к риску демографической неустойчивости, так как это может привести к уменьшению числа молодых людей, которые будут поддерживать старшее поколение.

Чтобы минимизировать эти риски, необходимо предпринимать меры для стимулирования рождаемости, привлечения мигрантов и создания условий для удержания талантливых кадров в стране [11].

Невозможно точно предсказать, будет ли население России продолжать сокращаться после 2021 года, однако уже на данный момент существуют определенные тенденции, которые могут указывать на уменьшение численности населения в будущем.

Низкий уровень рождаемости является одной из основных причин, по которым сокращается население России. Это связано с изменением ценностей и образа жизни, изменением роли женщин в обществе, а также экономическими и социальными проблемами.

Кроме того, существует высокий уровень миграции, когда многие люди часто уезжают за границу в поисках работы или лучшей жизни, а также происходит приезд мигрантов в Россию. Это также может повлиять на изменение демографической структуры страны.

Введение мер поддержки материнства и детства, оказание финансовой помощи многодетным семьям, развитие программ по повышению здоровья и уменьшению младенческой смертности могут помочь в борьбе с сокращением численности населения и повышении уровня рождаемости в будущем [12].

Но в целом, чтобы решить проблему сокращения населения, требуется не только финансовая помощь и меры поддержки, но и изменение социально-экономической ситуации в стране, социального моделирования общественного развития, повышения уровня и качества жизни и т.д.

Как именно восстанавливать численность населения после 2021 года зависит от многих факторов и может различаться в каждой стране. Однако многие эксперты и ученые выделяют некоторые общие меры, которые могут помочь в этом процессе:

1. Рождаемость. Одна из основных причин снижения численности населения – низкая рождаемость. Поэтому стимулирование рождаемости может быть эффективным способом восстановления населения. Это может быть достигнуто через различные меры, такие как налоговые льготы или другие финансовые условия для семей с детьми, а также оказание поддержки в социальной сфере, чтобы уменьшить нагрузку на родителей.

2. Миграция. В некоторых странах миграция может стать другим способом восстановления численности населения. Так, например, может быть увеличено число попадающих в страну иммигрантов или беженцев. Это может дополнительно улучшить экономику и дать новые возможности для развития.

3. Повышение продолжительности жизни. Другим фактором, влияющим на численность населения, является продолжительность жизни. Развитие медицинских наук и улучшение условий жизни должны продолжаться, чтобы увеличивать продолжительность жизни.

4. Сокращение миграции. Одним из способов восстановления численности населения может стать сокращение миграционных потоков, если факторы, вызывающие их (войны, кризисы, низкая экономическая рост, климатические изменения) будут снижены.

5. Развитие экономики. Экономический рост и улучшение условий жизни могут увеличить количество перспективных молодых людей и создать более

благоприятные условия для рождения детей.

Безусловно, эти меры не являются полным списком всего, что можно сделать для восстановления численности населения, но они представляют собой некоторые из подходов, которые могут оказаться наиболее эффективными, в зависимости от конкретной страны и региона.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Два главных вызова, стоящих перед Россией: сокращение катастрофически высокой смертности при восстановлении сохранности народа и переходе к устойчивому социально-экономическому росту // Экономическое возрождение России. 2022. № 1(71). С. 14–30.
2. Миграционный атлас Российской Федерации / С.В. Рязанцев, В.С. Белозеров, Н.А. Щитова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: Итд «Перспектива», 2022. 232 с.
3. Методологические пояснения. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabankhtm> (дата обращения: 20.03.20223).
4. Моляренко О.А. Формирование государственной статистики: взгляд «снизу» // ЭКО. 2019. № 10, С. 8–34.
5. Такая статистика: Почему официальные данные расходятся с российской реальностью URL:// <https://iq.hse.ru/news/314111372.html> (дата обращения 1.04.2023).
6. Эксперты оценили как рекордную долю продаж россиянами квартир по доверенности. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/483824-eksperty-ocenili-kak-rekordnuu-dolu-prodaz-rossianami-kvartir-po-doverennosti> (дата обращения 10.04.2023).
7. People.Worldbank. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/themes/people.html> (дата обращения 11.04.2023).
8. Population, total. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения 11.04.2023).
9. Russia Population 2023 (Live). URL: <https://worldpopulationrview.com/coun->

tries/russia-population (дата обращения: 30.03.2023).

10. Иванов Р.В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 166–172.
11. Полюшкевич О.А. Социальное моделирование информационно-аналитическими данными: истина в потоке или результате? // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 343–345.

DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF RUSSIA'S NEW REALITY

Saltykova Yu.A., Kurganskaya O.V.
Irkutsk State University

The article presents an analysis of demographic processes in Russia in the period between the population censuses of 2010 and 2021 and up to the present. The steady decline in the population in recent years indicates a demographic crisis, which, if the trend continues for several more years, may develop into a demographic catastrophe. Stagnation and insignificant growth rates were compensated only by migrants, despite the fact that the country's titular nation is declining annually, exceeding the mortality rate over the birth rate. However, in the last 4 years, the immigration process does not cover the natural decline and outflow of the population from the country. Taking into account the statistical inaccuracy and unreliability of information, the current situation takes a serious turn, not only socio-economic, but also geopolitical position.

Keywords: demographic crisis, depopulation, migration process, informativeness of Rosstat.

References

1. Aganbegyan A.G. Two main challenges facing Russia: reducing the catastrophically high mortality while restoring the safety of the people and the transition to sustainable socio-economic growth // Economic revival of Russia. 2022. No. 1(71). pp. 14–30.
2. Migration Atlas of the Russian Federation / S.V. Ryzantsev, V.S. Belozero, V.

- N.A. Shchitova [and others]; FNISC RAS. M.: Itd "Perspective", 2022. 232 p.
3. Methodological explanations. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabankhtm> (date of access: 20.03.20223).
 4. Molyarenko O.A. Formation of state statistics: a view from below // EKO. 2019. No. 10, P. 8–34.
 5. Such statistics: Why official data diverges from Russian reality
 6. Experts assessed as a record share of sales of apartments by Russians by proxy. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/483824-eksperty-ocenili-kak-rekordnuu-dolu-prodaz-rossianami-kvartir-po-doverennosti> (accessed 04/10/2023).
 7. People.Worldbank. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/themes/people.html> (Accessed 04/11/2023).
 8. Population, total. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (accessed 04/11/2023).
 9. Russia Population 2023 (Live). URL: <https://worldpopulationrview.com/countries/russia-population> (accessed 03/30/2023).
 10. Ivanov R.V. Cultural, social and natural spaces of modern man // The problem of correlation between natural and social in society and man. 2017. No. 8. S. 166–172.
 11. Polyushkevich O.A. Social Modeling with Information and Analytical Data: Is the Truth in the Flow or in the Result? // In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 343–345.

Социальная активность молодежи в условиях неопределенности

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье проводится анализ социальных практик молодежи, вовлеченных в процесс социальной активности в условиях неопределенности. Приводятся результаты количественного ($n=1200$) и качественного исследований ($n=56$), позволившим выявить основные сферы реализации социальной активности и процессы увеличения уверенности в себе и завтрашнем дне.

Ключевые слова: социальная активность, молодежь, условия неопределенности, сила разума, эмпатия, волонтеры.

Условия неопределенности рожают новые стратегии поведения, формируют новые пространства реализации и социального моделирования общественного развития. В это время рождаются и апробируются новые модели социального развития и внутренней динамики, которая в будущем может перерасти в основной вектор развития или же стать нежизнеспособным вариантом социального воспроизводства общества.

Механизмы, условия и возможности социальной активности молодежи в условиях неопределенности, вызванной экономическими санкциями, СВО, цифровизацией и т.д. качественно меняются. С одной стороны, социальная активность стала более ограниченной из-за указанных внешних процессов, с другой – появились новые возможности для реализации социальной активности в цифровом пространстве и новых практиках активности в реальном взаимодействии.

Условия неопределенности создают дополнительную психологическую нагрузку для молодых людей, заставляя отдаляться от привычного круга взаимодействия. Позитивный аспект этого то, что из-за поиска новых ориентиров формируются новые онлайн и офлайн взаимосвязи, новые контакты и коммуникации. Негативный аспект этого то, что повышается уровень тревожности и неопределенности, неуверенности в себе и своем будущем. Понижается уровень социального благополучия.

Помимо этого, происходит усиление эмоционального взаимодействия в кругу семьи (как негативного, так и позитивного характера). Молодые люди более активно проявляют себя в виртуальном мире (не просто общаются в социальных сетях, играют в сетевые игры, смотрят фильмы и слушают музыку, но стараются зарабатывать, участвуя новым навыкам, которые в будущем становятся их социальным или материальным капиталом).

Условия неопределенность понижают уровень физической активности (молодежь больше сидит дома и находится в виртуальном мире, чем раньше). Результатом этого становится более длительный сон и более поздний отход ко сну, что изменяет и нарушает биологические ритмы.

Молодые люди становятся более чувствительными, склонными к депрессии и апатии если не находят для себя социальной отдушины, проявления социальной активности в любом варианте. Направление этой энергии в сферу профессиональных практик (Р.В. Иванов [9–16], О.А. Полодькевич [17–22], П.А. Трескин [23–25]), позволяет найти для себя разнообразные ниши социального служения (волонтерская и добровольческая деятельность). Если же данная реализация по каким-то причинам не произошла, мы можем фиксировать процессы фрустрации, которые приводят к протестному самовыражению, зачастую основанному на иррациональных мотивах и суждениях (Р.Г. Ардашев [1–5], И.А. Журавлева [6–8]).

Умение адаптироваться к новым, постоянно меняющимся условиям становится ресурсом молодых людей или приводит к стагнации тех, кто цепляется за прошлое, уже не работающие схемы социального взаимодействия и социальной коммуникации. Условия неопределенности – для одних это старт, для других социальный и личностный ступор развития. Изучение данных процессов стало мотивом для проведения нашего исследования.

Особенности исследования

Исследование проводилось в 2022 году через онлайн платформу опросов, в нем приняли участие 1200 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщин и 45% мужчин; 55% имеют высшее образование, 30% незаконченное высшее, 10% средне-специальное и 5% среднее образование. Состоят в браке 35%, 15% в разводе, остальные 50% никогда не состояли в официальном браке. 72% респондентов проживают в городах и 28% в селах.

Выборка многоступенчатая – по полу, возрасту, социальной активности (вовлеченность в общественную работу, волонтерское или добровольческое движение или самостоятельные инициативы социальной активности).

Из статистических методов использовали t-критерий Стьюдента, данные обрабатывались стандартным пакетом SPSS.

Также мы провели 4 фокус-группы с представителями основных выделенных нами групп молодежи, в них приняло участие 35 человек, из них 60% девушек и 40% юношей в возрасте от 18 до 35 лет.

Анализ результатов исследования

Изучая социальную активность молодежи, мы просили участников исследования оценить социальную активность до наступления ситуации неопределенности (респонденты самостоятельно определялись – когда этот момент для них лично наступил) и сейчас, когда мы в ней находимся (т.е. выступает субъективным показателем).

Формы и выраженность социальной активности существенно не изменились, но внутри самого процесса, проявления и акценты, а также формы социальной активности молодых людей перестроились. Что им кажется важным и значимым, имеющим перспективы в будущем или сиюминутным. Это позволяет говорить о трансформации мировоззренческих установок и как следствие жизненных ориентиров и жизненных траекторий (см. таблицу).

Социальная активность помогает в трех направлениях.

Первое – чувствовать себя нужным. Это включается социально-психологический фактор. До времени неопределенности это направление было актуально для 32% молодых людей, после для 49%.

Занимаешься социальной активностью, и понимаешь, что не все так плохо – у других гораздо хуже. Главное помогать там, где самому интересно, а не где заставляют. (Д.Н., 21 год, студент специальности юриспруденция).

Быть полезным, нужным – это основа уверенности в себе и социальной реализации. Так можно избежать одиночества

и пустоты, безысходности и безрадостности дней. (Н.Г., 22 года, студент специальности социология).

Таблица 1. Социальная активность молодежи до и во время социальной нестабильности

Формы социальной активности	Выраженность социальной активности		
	До ситуации неопределенности	Во время ситуации неопределенности	t-критерий Стьюдента
Образовательная (самим учиться)	3,4	3,3	-0,8
Образовательная (учить других)	3,2	3,9	-0,9
Досугово-воспитательная	2,9	3,3	5,8*
Религиозная	2,1	2,5	4,6*
Просветительская	3,1	3,9	-0,5
Экологическая	3,3	3,5	-0,7
Социально-политическая	3,2	3,4	-0,7
Национально-культурная	2,8	3,2	6,6*
Бытовая (помощь другим в быту)	2,6	3,8	5,7*
Протестная	2,4	2,5	-0,3
Виртуальная	2,3	4,2	-0,9
Финансовая (перечисление средств)	2,7	3,2	-0,6

* $P \leq 0,001$

Второе – заниматься полезным для общества делом (проявлять социальную эмпатию и вовлеченность). До времени неопределённости это направление было актуально для 38% молодых людей, после для 25%.

Быть полезным членом коллектива или общества – это цель моей жизни, так как без этого смысла не представляю, что я из себя могу представлять? (Ю.Д., 20 лет, студент специальности филология).

Приносить благо в мир, приносить в мир красоту – через занятия тем, что самого увлекают, это и есть настоящее счастье. (В.В., 21 год, студентка специальности социально-культурная деятельность).

Третье – заниматься полезным для себя делом (формирование социального капитала, способного улучшить качество жизни в будущем). До времени неопределённости это направление было актуально для 30% молодых людей, после для 26%.

Любая социальная активность – это вложение в самого себя. Новые знакомства, связи, коллаборации дают то, что не даст ни одно официальное сотрудничество и партнерство. Совместная социальная активность в сфере волонтерства рождает более крепкие социальные связи и перспективные знакомства. (Т.А., 24 года, студент специальности политология).

Социальные связи, возникшие через волонтерскую деятельность, дают больше эффекта и социальных последствий для карьеры и личных связей, вхождения в новые круги, чем самая лучшая спортивная или научная работа в университете. Социальный активизм – залог социального благополучия в будущем. (М.Ю., 23 года, студент специальности государственное и муниципальное управление).

Таким образом, ситуация нестабильности и неопределенности приводит к тому, что на социально-психологическом уровне молодым людям требуется больше включенности в происходящие про-

цессы, чтобы не оставаться наедине со своим беспокойством и тревогой. Социальная активность выступает спасающим механизмом адаптации и социализации в непростых условиях.

Это не одно и то же с тем, что молодые люди занимаются социальной активностью для построения социальных лифтов, карьеры, социальных связей, так как формирование социального капитала через четкий расчет – это рационализация любого действия, которое выводит на новый уровень социальные коммуникации и перспективы взаимодействия. Прагматичность – как черта четверти молодых людей вступает одним из показателей современной молодежи

Безусловно, служение социальным интересам само по себе ориентирует молодых людей на процессы консолидации и социальной встроенности в общественные процессы, но не является

гарантом социального благополучия и качества жизни. Проявление альтруизма может быть формой проявления морали и морального поведения, а также конструирования социально приемлемого поведения, для развития социальной идентичности и солидарности обществ (О.А. Полюшкевич [22]).

По формальным показателям, социальная активность молодежи остается. Но качественное содержание и смыслы социальной активности существенно сместились. Некоторые формы социальной активности перенеслись из реального пространства в виртуальное (например, досугово-воспитательная, образовательная (учим других), просветительская. Виртуальная сама по себе возросла в два раза. Это все влечет за собой изменение социально-психологического самочувствия молодых людей. Данные зависимости отражены в таблице 2.

Таблица 2. Зависимость между социальной активностью и формой социально-психологического самочувствия

Формы социальной активности	Социально-психологические характеристики								
	Компенсаторные формы активности			Фрустрация			Личные ресурсы		
	виртуальная активность	замещение активности	диссимуляция активности	эмоциональное напряжение	тревожность, депрессивность	фиксация негатива и проблем	готовность к новому	вовлеченность в процесс жизни	готовность играть в жизнь
Образовательная (самим учиться)	0,15	0,42	0,53	0,47	0,43	0,42	0,41	0,43	0,44
Образовательная (учить других)	0,23	0,37	0,52	0,49	0,44	0,41	0,42	0,42	0,42
Досугово-воспитательная	0,53	0,42	0,47	0,38	0,41	0,38	0,39	0,41	0,42
Религиозная	0,23	0,33	0,41	0,36	0,38	0,37	0,42	0,41	0,38
Просветительская	0,53	0,28	0,38	0,41	0,42	0,39	0,41	0,45	0,41
Экологическая	0,43	0,26	0,44	0,42	0,44	0,42	0,44	0,46	0,43
Социально-политическая	0,36	0,37	0,41	0,38	0,39	0,37	0,43	0,42	0,44
Национально-культурная	0,27	0,53	0,36	0,37	0,41	0,39	0,37	0,38	0,37
Бытовая (помощь другим в быту)	0,54	0,42	0,39	0,44	0,42	0,37	0,39	0,39	0,39
Протестная	0,53	0,39	0,38	0,36	0,44	0,42	0,37	0,37	0,38
Виртуальная	0,36	0,47	0,42	0,39	0,39	0,44	0,41	0,39	0,41
Финансовая (перечисление средств)	0,44	0,41	0,43	0,42	0,42	0,41	0,42	0,41	0,38

Полученная регрессионная модель позволила объяснить 65% вариаций зависимой переменной и сделать вывод о глубинных трансформациях установок молодых людей. Ситуация нестабильности весьма существенно поменяла структуру жизненных ориентиров и выборов современной молодежи, определила ее новые формы реализации и социализации, показала внутреннюю наполненность смыслами, далекими от молодежи, жившей в период до социальных трансформаций. Время перемен накладывает свой отпечаток от социальной наполненности жизни людей, живущих во время его расцвета. Распределение между компенсаторными и личными ресурсами, а также фрустрацией примерно равны (33,5%, 35,2% и 31,3% соответственно).

Образовательная (самим учиться) – формирует ориентиры того, чему можно научиться и где себя реализовать в будущем. Ориентир на формирование долгосрочных планов и формирование жизненных перспектив с учетом новых условий неопределенности.

В наше время всегда надо учиться, без этого нельзя оставаться востребованным, так как слишком быстро меняется мир и если мы не будем осваивать новое, то останемся на его задворках. (Н.Н., 21 год, студент специальности социология).

Все знать невозможно, но можно учиться всю жизнь. Сегодня внедряется программа – «образование через всю жизнь», она показывает, что уже недостаточно раз получить знания и жить за их счет все время, сегодня важно постоянно совершенствоваться, учиться, стремиться, только тогда можно быть на своем месте. (О.Г., 24 года, студент специальности философия).

Образовательная (учить других) – это инструмент формирования уверенности в себе, способ получения социальной и частично финансовой независимости.

Я собираю группы, и сама учу тому, что хорошо умею – плести браслеты из бисера, у меня есть несколько учеников и в социальных сетях провожу мастер классы. Это не большие деньги,

но на карманные расходы мне хватает. (Е.Н., 18 лет, студентка специальности социальная работа).

Я провожу мастер-классы по ораторскому мастерству, делаю это и бесплатно, и платно – это сфера, где я реализую себя, помогаю другим поверить в себя и нахожу новые интересные знакомства. (О.П., 24 года, студент специальности журналистика).

Досугово-воспитательная – позволяет занять свободное время и сформировать мировоззрение и убеждения, определить морально-этические рамки развития личности.

Помогая тем, кому тяжело, например подросткам в тяжелой жизненной ситуации, я как волонтер помогаю им наполнить свою жизнь теплом и светом несмотря на то, что вокруг тяжелые условия для выживания. (М.А., 25 лет, студент специальности психология).

Воспитывая ценности созидания и любви – мы раскрываем грани своей личности, помогая тем, кому нужна сейчас помощь – мы делаем этот мир лучше. И не важно кто это: люди, животные или природа. Главное, чтобы твоя деятельность откладывалась в душе каждого. (Л.Л., 22 года, студент специальности социальная работа).

Религиозная – формирует духовные и мировоззренческие ориентиры, опирающиеся на религиозные нормы.

Вера в душе – это надежда на лучший мир и лучшую жизнь для всех живых. Если с этой мыслью помогать другим, то все будет получаться и лучше, и быстрее. Я помогаю при Михайло Архангельском храме и вижу, как благодаря моим усилиям жизнь тех, с кем я работаю – улучшается. (Т.А., 25 лет, студент специальности социальная работа).

Ценности, которые есть в религиозных книгах, раскрываются потенциалом в душе – даруют надежду и веру в лучшее. Надо принимать то, что есть и стремиться к лучшему. Я помогаю при Кришнаитском храме и еще никогда не видела, что усилия тех, кто искренне просит и тех, кто искренне помогает не оправдывались и мольбы не были услышаны.

ны. Служение у всех свое. (М.О., 25 лет, студент специальности культурология)

Просветительская – ориентирована на просвещение широких масс населения о самом широком спектре вопросов: от культурно-исторического наследия до инновационных технологических прорывов, от морально-этического воспитания до выживания в экстремальных условиях и т.д.

Рассказывая о том, как выжить в лесу – я не только делюсь своими знаниями и опытом, я реально даю шанс людям выжить, я им служу через те знания и опыт, что у меня есть, а у них пока нет. (Д.Д., 25 лет, студент специальности государственное и муниципальное управление).

Я провожу культурные прогулки по нашему городу. Делаю экскурсии для всех желающих. Это наш опыт, наша история, наша жизнь и ее надо знать. (С.А., 25 лет, студент специальности история).

Экологическая – направлена на сохранение и охрану экологического пространства региона или планеты.

Моя социальная активность предполагает вовлеченность в процессы природоохранной деятельности, сбор средств на акции, организацию людей. Я – волонтер эко организации и еще ни разу не пожалела, что тут работаю. (Г.Д., 30 лет, специалист экологической организации).

Сохранение эко-баланса – условие выживания человечества. Моя миссия – стоять на страже природы, гармонизации мира. (О.П., 32 года, специалист экологической организации).

Социально-политическая – предполагает социальную вовлеченность молодых людей в политические процессы города и региона, а также страны.

Быть не безразличным гражданином – это задача любого молодого человека. Проявляя инициативы и активность, я знакомлюсь с теми, кто мне поможет выстроиться в будущем карьеру, а также делаю процесс принятия политических решений более прозрачным и легитимным. (О.Н., 30 лет, помощник депутата законодательного собрания).

Социальная ответственность предполагает гражданскую инициативу и ответственность. Я это не забываю никогда и любой мой шаг подчинен этому принципу. Я знаю свои права и обязанности, но и могу и хочу проявлять инициативу для изменения социально-политического пространства моего муниципалитета (О.Г., 29 лет, государственный служащий).

Национально-культурная – позволяет сохранять традиции и опыт предков в памяти народа и конкретных отдельных его представителей.

Знать традиции своего народа – это основа личного развития, передавая этот опыт другим – мы расширяем возможности духовного возрождения среди жителей России. (Ф.А., 28 лет, преподаватель в университете).

Культурный потенциал любого сообщества таит в себе возможность идентичности и разотождествления, солидарности и дезинтеграции – вопрос только в векторе применении силы и потенциале дальнейшего развития. (С.С., 27 лет, аналитик).

Бытовая (помощь другим в быту) – ориентирована на помощь отдельным социальным группам, обделенным в быту.

Во время пандемии я была волонтером и помогал покупать и приносить продукты пенсионерам. Сейчас продолжаю это делать. Втянулся. И не могу представить своей жизни без этого. (Г.Г., 34 года, экономист).

Жить в условиях социальной изоляции трудно и я начала помогать людям еще во время пандемии. А сейчас пришло время на проверку – насколько это надо им, насколько я реально им помогаю или же не будет меня и все порушится? (Л.Н., 35 лет, специалист банка).

Протестная – ориентирована на недовольство властью, бизнесом, образованием и любыми другими социальными институтами.

Если человек не может найти дело по душе, то он начинает винить в этом других. Прежде всего власть, бизнес, родню. И эта социальная неустроенность рождает протесты, которые мало к че-

му приводят, но являются частью жизни многих людей. (Н.Н., 26 лет, студент специальности маркетинг).

Быть всегда против – это своего рода философия, которая задает рамки и определяет формы и перспективы социального развития. (А.В., 35 лет, врач).

Виртуальная – предполагает развитие социальной активности в цифровом мире.

Виртуальность входит в нашу жизнь семимильными шагами, поэтому надо там находить новые формы, условия и схемы социального развития. (Р.А., 30 лет, юрист).

Виртуализация жизни рождает новые мысли в повседневности и дает социальный контекст общественного развития. (А.А., 22 года, студент специальности юриспруденция).

Финансовая (перечисление средств) – предполагает пассивное участие в социальных акциях, но предполагает перечисление средств для работы НКО в городе или регионе.

Сбор средств для волонтеров и среди волонтеров – это вторя по численности деятельность молодых людей, связанных с волонтерским движением или работой общественной организации. (А.А., 19 лет, студент специальности журналистика).

Получение финансового подкрепления становится основой социального развития мира и личности, что этот сбор средств организовала. Дьявол кроется в деталях и если мы хотим изменить мир, то стоит начинать с себя».

Таким образом, социальная активность молодежи в условиях неопределенности обладает не ясной структурой, противоречащими убеждениями, размытием традиционных схем и формированием новых механизмов социального моделирования общественного развития. Каждая из выделенных нами сфер социальной активности обладает потенциальным механизмом развития и требует комплексной и всесторонней поддержки (финансовой, ресурсной, информационной, рекламной и проч.). Более того, эта сфера социальной активности молодежи может претендовать на то,

чтобы с ней проводили мониторинг, каждые полгода – представители других социальных институтов, что позволит выйти на новый уровень и социально активно и благополучно развить в себе.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 23–26.
2. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
3. Ардашев Р.Г. Сознание горожан в постпандемическом обществе // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 125–128.
4. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
5. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч.. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, 2021. С. 76–79.
6. Журавлева И.А. Оценка развития государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–74.
7. Журавлева И.А. Социальные проблемы реализации государственной политики в сфере среднего профессионального образования // Социология. 2023. № 1. С. 5–20.
8. Журавлева И.А. Проблемы российской системы высшего образования:

- качественный анализ // Социология. 2022. № 2. С. 134–142.
9. Иванов Р.В. Активизация участия молодежи в волонтерской деятельности // Социология. 2022. № 1. С. 101–122.
 10. Иванов Р.В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 36–41.
 11. Иванов Р.В. Гражданская активность населения в публичном пространстве Иркутска // Социология. 2020. № 5. С. 145–151.
 12. Иванов Р.В. Индивидуальный терроризм в России на основе анализа терактов 2018–2021 гг. // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 216–218.
 13. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
 14. Иванов Р.В. Направления реализации государственных проектов по развитию патриотического воспитания в региональных образовательных учреждениях // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 209–213.
 15. Иванов Р.В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. № 1. С. 93–102.
 16. Иванов Р.В. Трансформация идентичности в процессе социализации молодежи // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 8. С. 38–42.
 17. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 65–68.
 18. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение в постпандемическом обществе // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, 2021. С. 20–23.
 19. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
 20. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2022. С. 675–678.
 21. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики экологического активизма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2021. С. 199–203.
 22. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79–85.
 23. Трескин П.А. Социальное самочувствие участников общественных организаций // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 98–104.
 24. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
 25. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 1. С. 10–14.

родского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.

SOCIAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the social practices of young people involved in the process of social activity in conditions of uncertainty. The results of quantitative (n=1200) and qualitative studies (n=56) are presented, which made it possible to identify the main areas of social activity and the processes of increasing self-confidence and the future.

Keywords: social activity, youth, conditions of uncertainty, power of mind, empathy, volunteers.

References

1. Ardashev R.G. New life worlds of Russians after COVID-19 // *Modern Society in the Conditions of Socio-Economic Uncertainty. XV International Scientific Conference "Sorokin Readings-2021"*. Moscow, 2021. S. 23–26.
2. Ardashev R.G. Features of the development of the consciousness of citizens in a pandemic society // *Sociology*. 2022. No. 1. S. 79–86.
3. Ardashev R.G. Consciousness of citizens in a post-pandemic society // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Third regional scientific-practical conference*. Irkutsk, 2021, pp. 125–128.
4. Ardashev R.G. Virtualization in the new meaningful life orientations of Russians // *Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers*. Irkutsk, 2021, pp. 130–134.
5. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock*. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, 2021, pp. 76–79.
6. Zhuravleva I.A. Evaluation of the development of state educational policy (expert analysis) // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 63–74.
7. Zhuravleva I.A. Social problems of the implementation of state policy in the field of secondary vocational education // *Sociology*. 2023. No. 1. S. 5–20.
8. Zhuravleva I.A. Problems of the Russian system of higher education: a qualitative analysis // *Sociology*. 2022. No. 2. S. 134–142.
9. Ivanov R.V. Activation of youth participation in volunteer activities // *Sociology*. 2022. No. 1. P. 101–122.
10. Ivanov R.V. Virtual socialization of youth: socio-philosophical analysis // *Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference*. Irkutsk, 2022, pp. 36–41.
11. Ivanov R.V. Civil activity of the population in the public space of Irkutsk // *Sociology*. 2020. No. 5. P. 145–151.
12. Ivanov R.V. Individual terrorism in Russia based on the analysis of terrorist attacks in 2018–2021 // *In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference*. Irkutsk, 2021. S. 216–218.
13. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 92–105.
14. Ivanov R.V. Directions for the implementation of state projects for the development of patriotic education in regional educational institutions // *In Search of Social Truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich*. Irkutsk, 2022, pp. 209–213.
15. Ivanov R.V. Regional youth policy: expert analysis // *Sociology*. 2021. No. 1. S. 93–102.
16. Ivanov R.V. Transformation of identity in the process of socialization of youth // *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2022. No. 8. S. 38–42.
17. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Social solidarity through pro-social practices of civil activists and volunteers // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich*. Irkutsk, 2022, pp. 65–68.
18. Polyushkevich O.A. Prosocial behavior in a post-pandemic society // *Global challeng-*

- es and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference. In 2 parts. Vologda, 2021. S. 20–23.
19. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 129–135.
 20. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of volunteers of public organizations // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VII International Scientific and Practical Internet Conference*. Vologda, 2022, pp. 675–678.
 21. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of environmental activism // *Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony among the youth. Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation: thematic collection of articles*. Irkutsk, 2021. S. 199–203.
 22. Polyushkevich O.A. Moral and social identity in pro-social practices // *Sociology*. 2023. No. 1. S. 79–85.
 23. Treskin P.A. Social well-being of participants in public organizations // *Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers*. Irkutsk, 2022, pp. 98–104.
 24. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // *Sociology*. 2020. No. 1. S. 352–357.
 25. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social lift // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2022. No. 3 (67). pp. 154–158.

Теория социального действия Т. Парсонса: через призму неуплаты налогов и несоблюдения налогового контроля

Палащенко Егор Викторович,

аспирант Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: ypalashchenko@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ применения теории социального действия Т. Парсонса для рассмотрения такого явления как неуплата налогов и дисфункция налогового контроля. В статье рассматриваются теоретические рамки и практические возможности изучения данной темы, определяются социальные перспективы развития экономической социологии и социологии управления в аспектах неуплаты налогов и нарушения налогового контроля. В качестве примера приводятся результаты собственного исследования о реализации социального действия в вопросах несоблюдения налогового контроля.

Ключевые слова: социальное действие, неуплата налогов, налоговый контроль, Парсонс, несоблюдение налогового контроля, дисфункция социального института, институт налогов экономическая социология, социология управления.

Неуплата налогов редкая для социологического анализа тема изучения. С одной стороны, это потому, что налоги, их начисление, уплата или невыплата является прерогативной экономических практик. С другой, затрагивает не только рядового представителя бизнеса (ответчающего за выплату налогов), но затрагивает работу социальных институтов, регулирующих стабильное функционирование любого государства. Такая ситуация понятна – налогообложение связано с финансовым функционированием государства. И как следствие, доминирующими подходами изучения данного явления с позиции экономики и права. Но эти подходы лишь в очень ограниченной мере позволяют раскрыть социальную природу данного явления.

Статистика показывает, что неуплата налогов с каждым годом растет. Стало быть, реализуемые на уровне государства юридические и экономические санкции против неуплаты налогов не являются эффективными, поэтому необходима другая методология понимания, изучения и трансформации этого деструктивного социального действия. В результате неэффективности налоговых институтов – можно говорить о несоблюдении налогового контроля как социального явления уже не только теми, кто должен выплачивать налоги, но и теми, кто контролирует этот процесс. А это свидетельство неэффективности социального института налогового контроля.

Чтобы рассматривать данные процессы, необходимо поставить фокус исследования на экономической социологии и социологии управления. Первой, потому что отношение к финансам и встроенность социально-экономическую сферу общества или не готовность соблюдать правила и нормы той группы, к которой принадлежишь – выступает базовым условием для социального анализа. Второй, потому что это процесс социального

управления и на более низком уровне – организационного управления прослеживаются механизмы эффективного или не эффективного социального моделирования общественным развитием.

Социально-экономический и социально-управленческий анализ практик несоблюдения налогового контроля и невыплаты налогов необходим для более глубокого изучения и понимания сущности данного явления и разработки эффективной стратегии решения этих проблем, основанных не столько на репрессивных, сколько на превентивных мерах. Социологический анализ практик ухода от налогов частично рассмотрен в фискальной социологии (В. Волков [9], Э. Панеях [14], В. Туркова [24]), их подход базируется на понимании конкуренции и борьбы за налогоплательщика между государством и теневыми структурами рынка. Институциональный подход предлагает другой метод анализа уклонение от уплаты налогов как формы адаптации к меняющимся социальным правилам и нормам, своего рода стратегия адаптации, но с использованием негативных инструментов социального взаимодействия (В. Радаев [18], М. Павенкова [10], В. Скуденков [20–23]).

Эти процессы происходят под воздействием внешних иррациональных процессов, приводящих к трансформации системы (Р. Ардашев [1–8]), особенности просоциального поведения в сфере дарообмена (О. Полюшкевич [16,17]) и непосредственно несоблюдение налогового режима (А. Санина [19], Е. Палащенко [11–13]).

По нашему мнению, уклонение от уплаты налогов можно рассматривать еще в одном направлении – как социальное действие. Основоположник данного подхода Т. Парсонс [15]. Его подход анализа социальных действий, в условиях меняющегося мира, достаточно хорошо показывает то, как разрушающиеся или более гибкие нормы и правила порождают отклонение от заданного необходимого условия – соблюдения налогов. И как это деструктивное действие может влиять на социальную структуру. Важно

отметить, с позиции социологии управления, что социальные действия обладают самоорганизацией и тяготеют к восстановлению равновесия в социальной системе. И если налоги не уплачиваются, налоговый контроль не эффективен – стало быть данная форма нарушения правил – делает систему равновесной. Проблема не в конечных исполнителях, а нарушении правил и норм налогового функционирования в обществе.

Опираясь на теорию Т. Парсонса, можно говорить о целенаправленном, регулируемом и мотивированном действии. Иными словами, тот кто неуплачивает налоги целенаправленно, мотивированно и осознанно не платит все или часть налогов. Это действие сочетает в себе как личные мотивы, так и способы адаптации к внешним раздражителям, которые обусловлены его социальной ролью и статусом.

Данные рассуждения стали основой для нашего исследования.

Особенности исследования

Исследование проходило в виде экспертного опроса (n=18), в котором приняли участие предприниматели, имеющие стаж предпринимательской деятельности более 5 лет, в возрасте от 30 до 60 лет, 12 мужчин и 6 женщин, все имеют высшее образование, 80% два высших образования, 20% ученую степень.

Экспертный опрос проводился через платформу zoom, продолжительность каждого интервью час-час сорок. Опрос состоял из 10 вопросов, внутри которых эксперты могли самостоятельно заострять свое внимание на тех или иных вопросах несоблюдения налогов и неэффективности налогового контроля.

Обсуждение результатов исследования

Как правило, статусно-ролевая система общества как раз и поддерживается слаженной работой по соблюдению социальных норм и рамок отдельных представителей сообществ и целых социальных групп. В нашем случае – обусловлена функционированием достаточно боль-

шой, хотя и разрозненной группой тех, кто не платит налоги и тех, кто не эффективно осуществляет налоговый контроль. Иными словами, каждый участник обеспечивает институционально-ролевое поведение, свойственное представителям его группы для соответствия ожиданиям и формам адаптации в том или ином социальном институте, соблюдая свои ценности и нормы, помогающие ему ориентироваться в своей среде.

В нашем мире, быть предпринимателем – это не просто работать на себя, это выполнять кучу разных функций и обязанностей, это своего рода придуманный мир, в котором важно не нарушать внутреннего баланса. Если происходит сбой – то вся система рухнет. Так вот – неуплата налогов – это тоже часть той роли, которую играет тот или иной предприниматель, если он изменит свое поведение и вдруг начнет платить налоги и выплачивать только белую зарплату – он быстро разорится, так как не будет соответствовать своей социальной роли. (М.А., предприниматель, 52 года, Иркутск).

Уплата налогов – это не просто выполнение роли, но и способ поддержания включенности в сообщество, поддержания работы более крупных социальных институтов. Неуплата налогов, соответственно, приводит к разрушению базовых условий социальных коммуникаций. Окружающим людям необходимо знать, что ожидать от окружения, на что рассчитывать – при соблюдении норм, соответствующих их социальным ролям и при их нарушении.

Быть вне закона, только потому что ты не платишь налоги или не прозрачно это делаешь – это исключение из определенного круга других предпринимателей. Да, это не мешает вести дела на повседневном, обычном уровне, но станет своего рода стеклянным потолком при желании попасть в другой круг или другие ниши или сферы бизнеса. Уплата налогов – это формальный повод войти в сообщество, а вот удержаться в нем или нет – это дальнейшая управленческая и экономическая политика предпринимателя. (В.А., предприниматель 27 лет, Красноярск).

Конструируя роль предпринимателя – как сам предприниматель, так и его окружение формируют установки: какое поведение от него ожидать, какие действия будут попадать в роль предпринимателя. Это может быть «управление бизнесом», «контроль персонала», «взаимодействие с клиентами», «уплата налогов» или же «неуплата налогов», «коррупционные схемы», «передел бизнеса», «криминал» и т.д. Социальная роль отражает ожидаемое, т.е. правильное поведение.

Это также сочетается с институциональными ролями предпринимателя, такими как «собственник», «предприниматель», «директор» и т.д. Эти роли предполагают как права, так и обязанности человека, выполняющего роль предпринимателя.

Любой предприниматель – это портрет человека, соответствующего тем установкам, которые предъявляются к предпринимателям его ниши, его страны, сферы деятельности и т.д. Это подтверждение своей социальной роли через яркие ярлыки «успешности», «важности», «крутого управления», «налогового несоблюдения или соблюдения» и т.д. (Д.А., предприниматель 50 лет, Хабаровск).

Модальная личность предпринимателя формируется тогда, когда он работает по закону, платит белую зарплату, отчисляет налоги, т.е. выполняет все требования социальной роли. Это идеальный тип предпринимателя, который считает себя обязанным жить и делать все как надо, как требует от него его социальная роль, в результате чего он становится «хорошим руководителем», «честным бизнесменом», «примерным налогоплательщиком» и проч. Это типичное поведение для сообщества предпринимателей и их общественного восприятия.

Но сложность в том, что в российском обществе существует несколько видов ценностно-мировоззренческих стандартов и норм поведения. Ролевые ожидания могут не совпадать между представителями разных социальных групп. Например, для одних – неуплата налогов – это нарушение социальных

норм, то для других – это способ адаптации к меняющимся условиям; для одних – это преступление, для других – способ развития бизнеса; для третьих – это рутинная форма взаимодействия с органами власти.

Для того чтобы заниматься бизнесом в нашей стране для большей части предпринимателей надо отказаться от своих убеждений и установок, сколько бы мне ни говорили о том, что благодаря своим убеждениям я создал свой бизнес – я никогда не поверю. Так как только через преодоление себя, своих ограничений, страхов и преубеждений, сформированных обществом можно добиться успеха и быть по-настоящему успешным предпринимателем. Зачастую мораль и ценности не имеют ничего общего с реальным успехом и реализацией себя в бизнесе. (Л.А., предприниматель 60 лет, Иркутск).

Парсонс выделяет важность интегрированности в социальную структуру. Если социальное действие слабо интегрировано в систему, то оно может приводить к социальным противоречиям. Например, символы признания перестают быть социально значимыми (люди имеют достижения и успехи, но не признаются окружением или признаются те, у кого нет достижений, но есть что-то другое (связи, деньги и проч.). Или же, погнавшись за внешним успехом (деньги, досуг, более статусный отдых и личные аксессуары), человек (предприниматель) идет на компромисс с собственной совестью, убеждениями, ценностями и нормами. В результате получается ценностный и ролевой конфликт. Хотя и признается, что частные интересы всегда выше общественных.

На примере вопроса по налогам это может выглядеть следующим образом: те, кто платят налоги не могут обеспечить достойную зарплату сотрудникам или обновить оборудование, а те, кто не платит налоги – платят более высокую зарплату (за счет серых или черных схем) и обновляет оборудование, также не выплачивая налоговые сборы за растаможивание товаров через взятки должностным лицам.

Стремление добиться социальных маркеров достатка, признания, уважения и известности становится поводом для того, чтобы не обращать внимание на такие условия социального благополучия как честность, справедливость, законность, послушность. Зачастую, действие обычного права противоречит букве закона.

В начале бизнеса, предприниматель ради успеха жертвует своим временем, ценностями и идеями для получения желанного статуса – независимости, успешности, востребованности. В более поздние периоды жертвует тем же временем ради общественного мнения о том, какой ты успешный и крутой. Несоблюдение налогов этот факт лишь подчеркивает, создавая условия для альтернативной реализации в обществе. (М.А., предприниматель, 40 лет, Новосибирск).

Также не стоит сбрасывать личные мотивы неуплаты налогов: чем меньше отдавать государству, тем больше останется предприятию или лично его руководителю или собственнику. Это то, что Парсонс называл *эгоистическим интересом*. Он всегда включается, когда человек, выполняющий определенную социальную роль вступает во взаимодействие с кем-бы то ни было. Это позволяет подчеркнуть значимость своей социальной роли и возможностей ее укрепления в общественном воспроизводстве.

Первая задача предпринимателя – заработать денег. Вторая – сохранить заработанные деньги. Результатом реализации этих задач становится внутреннее чувство удовлетворения от того, что я делаю и для чего. (О.А., предприниматель, 42 года, Иркутск).

Эгоистический интерес дает несколько аспектов социального действия и социального взаимодействия, помогающих встроиться в систему интеракций. Но более точно это понятие применительно к налоговым сборам и налоговому контролю может раскрываться через другой термин – *удовлетворение*.

Поэтому, предлагаем рассматривать именно удовлетворение как субъективный показатель уплаты или неуплаты налогов и эффективного или деструктивного налогового контроля:

- самоуважение (основанное на качественном и *правильном* выполнении своих социальных ролей);
- признание (получение признания со стороны референтной группы);
- прагматичность (восприятие как инструмента достижения своих целей);
- удовольствие (эмоциональное подключение к реализации социального действия);
- эмоциональная привязанность и групповая идентичность (восприятие *своих* и *чужих*).

В обществе всегда будут нормы и правила, а также принципы и механизмы отклонения от них. Тенденции отклонения от норм иллюстрируют систему мотивированных действий, обеспечивающих воспроизводство системы и активизацию наиболее жизнеспособных личностей и сообществ.

Уклонение от уплаты налогов и неэффективный налоговый контроль могут стать примерами отступления от модальных характеристик личности предпринимателя, знающих, но осознанно отклоняющихся от норм налогового поведения предпринимателя, также как и выбор альтернативных нормативных систем социального воспроизводства.

Сегодня *просто платить налоги* не является нормой, не является критерием соответствия социальному действию. А осознание необходимости уплаты налогов, понимания для чего – это нужно, как происходит дальнейшее распределение и для чего нужны налоги государству позволяет говорить об осознанном социальном действии, где уплата налогов выступает осознанным социальным актом.

Если ты платишь налоги – не значит, что иных нарушений закона нет. Более того, оплата налога без понимания того, для чего и почему это надо – также не дает спокойствия. Только осознанные действия могут привести к желаемому результату: стабильному развитию предпринятия. (Н.Е., предприниматель, 45 лет, Новосибирск).

Налоговый контроль выступает дополнительным поводом для уплаты налогов. Налоговый контроль выступает гарантом для общества в том, что его

функционирование будет поддерживаться через налоговые поступления от предпринимателей. Это становится нормой и убеждением, когда не возникает сомнений в своей социальной идентичности и солидарности сообществ; понимание, но возможно, не признание той модели поведения, от которой отказывается человек; отсутствие поощрения девиантных действий.

Выводы

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выявить социальные факторы воздействия на неуплату налогов и нарушение норм налогового контроля (экономические и юридические причины становятся лишь вторичными элементами, при первичном анализе социальны).

Теория Т. Парсонса, может быть, одним из ключевых элементов анализа экономической социологии и социологии управления при анализе такого явления как неуплата налогов и нарушение норм налогового контроля.

Налоговые отношения выступают одним из элементов социальной роли предпринимателя, вне зависимости от того, говорим мы о соблюдении или нарушении налогового законодательства.

В целом, процесс изучения неуплаты налогов и дисфункции налогового контроля позволит выявить основные противоречия, особенности и перспективы развития общества. Механизмы экономической социологии, социологии управления и фискальной социологии становятся прямым инструментом изучения и мониторинга рассматриваемых социально-экономических и социально-управленческих интересов личности, сообществ и общества в целом.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II

- Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 58–64.
3. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
 4. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 112–115.
 5. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
 6. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
 7. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей. Под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург, 2020. С. 44–49.
 8. Ардашев Р.Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2020». Москва, 2020. С. 13–15.
 9. Конкуренция за налогоплательщика. Исследования по фискальной социологии/ Под ред. В. Волкова. М.: МОНФ, 2000.
 10. Павенкова М.В. Налоговая система как институт социального управления: Дис... канд. социол. наук: 22.00.08. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. 169 с.
 11. Палащенко Е.В. Несоблюдение налогового контроля в дискурсе печатных СМИ // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2023. С. 184–187.
 12. Палащенко Е.В. Несоблюдение налогового контроля как социальная угроза стабильности общества // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 296–300.
 13. Палащенко Е.В. Представления о налогах и налоговом контроле: анализ печатных СМИ // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 269–272.
 14. Панях Э. Издержки легальной экономической деятельности и налоговое поведение российских предпринимателей // Конкуренция за налогоплательщика. Под ред. В. Волкова. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. <http://ecsocman.edu.ru>.
 15. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002.
 16. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение: интерпретация теории дарообмена М. Мосса // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 125–128.
 17. Полюшкевич О.А. Просоциальное поведение: подарки в современном мире // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 119–126.
 18. Радаев В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 6. С. 253–261.
 19. Санина А.Г. Налоговые девиации: стратегии преодоления (Социально-

- управленческий аспект) // Современное управление. Специальный ежемесячник современных концепций и методов менеджмента. ООО «Интерсоциоинформ». 2007. № 5. С. 7–9.
20. Санина А.Г. Уклонение от уплаты налогов как социальный феномен и проблема управленческой практики // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради: Научный журнал. Санкт-Петербург, 2006. № 5 (23). С. 73–76.
 21. Скуденков В.А. Влияние экономического кризиса на готовность населения нарушать закон // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 104–108.
 22. Скуденков В.А. Динамика экономических притязаний в условиях пандемии // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 90–97.
 23. Скуденков В.А. Мифы о социальном и экономическом капитале в процессах формирования гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2017. С. 94–100.
 24. Туркова В.Н. Взятка как социальное действие (на основе системной теории Т. Парсонса) // Социология. 2022. № 5. С. 62–68.

T. PARSONS' THEORY OF SOCIAL ACTION: THROUGH THE PRISM OF NON-PAYMENT OF TAXES AND NON-COMPLIANCE WITH TAX CONTROL

Palashchenko E.V.
Irkutsk State University

The article provides a comprehensive analysis of the application of Talcott Parsons' theo-

ry of social action to consider such a phenomenon as tax evasion and tax control dysfunction. The article discusses the theoretical framework and practical possibilities for studying this topic, determines the social prospects for the development of economic sociology and sociology of management in the aspects of tax evasion and violation of tax control. As an example, the results of their own research on the implementation of social action in matters of non-compliance with tax control are given.

Keywords: social action, non-payment of taxes, tax control, Parsons, non-compliance with tax control, social institution dysfunction, tax institution economic sociology, sociology of management.

References

1. Ardashev R.G. Irrational space of legal ideas of Russians // Mission of confessions. 2020. V. 9. No. 2 (43). pp. 255–258.
2. Ardashev R.G. The irrationality of the legal consciousness of Russians // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, IGU, 2020. S. 58–64.
3. Ardashev R.G. Irrationality of public consciousness // Humanitarian vector. 2020. V. 15. No. 2. S. 76–84.
4. Ardashev R.G. The irrationality of public consciousness: an analysis of everyday practices // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. Irkutsk, IGU, 2020, pp. 112–115.
5. Ardashev R.G. The irrationality of public opinion: fears of interaction with representatives of authorities // Mission of confessions. 2020. V. 9. No. 3 (44). pp. 340–344.
6. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
7. Ardashev R.G. Irrational ideas of youth about anti-corruption culture in Russia // Anti-corruption culture and youth in Russia and China: modern state, business, society. Digest of articles. Edited by A.V. Petrova, O.P. Gorkova, Yin Shasha, Yang Yunke. St. Petersburg, 2020, pp. 44–49.
8. Ardashev R.G. The conflict of the irrationality of the consciousness of modern man // Traditional and new social conflicts in the

- XXI century. Collection of materials XIV International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2020". Moscow, 2020. S. 13–15.
9. Competition for the taxpayer. Studies in Fiscal Sociology / Ed.V. Volkov. M.: MONF, 2000.
 10. Pavenkova M.V. Tax system as an institution of social management: Dis... cand. sociological Sciences: 22.00.08. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2001. 169 p.
 11. Palaschenko E.V. Non-compliance with tax control in the discourse of print media // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2023, pp. 184–187.
 12. Palaschenko E.V. Non-compliance with tax control as a social threat to the stability of society // Methodology for preventing threats in the XXI century. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 296–300.
 13. Palaschenko E.V. Ideas about taxes and tax control: analysis of print media // In Search of Social Truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 269–272.
 14. Paneyakh E. Costs of legal economic activity and tax behavior of Russian entrepreneurs // Competition for the taxpayer. Ed.V. Volkov. M.: Moscow Public Scientific Fund, 2000. <http://ecsocman.edu.ru>.
 15. Parsons T. About social systems. M.: Academic project, 2002.
 16. Polyushkevich O.A. Prosocial Behavior: An Interpretation of the Theory of Gift Exchange by M. Moss // Social Consolidation and Social Reproduction of Modern Russian Society: Resources, Problems and Prospects. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, IGU, 2020, pp. 125–128.
 17. Polyushkevich O.A. Prosocial Behavior: Gifts in the Modern World // The Problem of the Correlation between the Natural and the Social in Society and Man. 2021. No. 12. P. 119–126.
 18. Radaev V. Deformalization of rules and tax evasion in Russian economic activity // Questions of Economics. 2001. No. 6. S. 253–261.
 19. Sanina A.G. Tax deviations: coping strategies (Social and managerial aspect) // Modern management. Special monthly magazine of modern management concepts and methods. Intersocioinform LLC. 2007. No. 5. S. 7–9.
 20. Sanina A.G. Tax Evasion as a Social Phenomenon and the Problem of Management Practice // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. Postgraduate notebooks: Scientific journal. St. Petersburg, 2006. No. 5 (23). pp. 73–76.
 21. Skudencov V.A. The impact of the economic crisis on the willingness of the population to break the law // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, IGU, 2020, pp. 104–108.
 22. Skudencov V.A. Dynamics of economic claims in a pandemic // Health Philosophy: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 90–97.
 23. Skudencov V.A. Myths about social and economic capital in the processes of formation of civil society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, IGU, 2017, pp. 94–100.
 24. Turkova V.N. Bribe as a social action (on the basis of the system theory of T. Parsons) // Sociology. 2022. No. 5. pp. 62–68.

Аномия как причина негативных демографических тенденций

Плетнев Александр Владиславович,

доцент кафедры философии и социологии,
Санкт-Петербургский университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации
E-mail: Vengler.vin@rambler.ru

Демографические тенденции снижения рождаемости и старения населения являются актуальной проблемой для большинства обществ западного типа. В России эта проблема осознается населением и признается государственными органами. На законодательном уровне были предприняты усилия для стимулирования рождаемости. При этом для эффективного решения проблем демографии и семьи необходимо выделить причины указанных проблем. В социологической теории причиной демографического и семейного кризиса признается социальная аномия. Аномия приводит к эрозии и противоречиям в сфере семейных ценностей, что в свою очередь способствует разрушению института семьи. Социально-экономической причиной возникновения аномии стал переход к рыночной экономике и демократической политической системе в конце XX века. При этом на российское общество воздействуют глобальные факторы семейной аномии, характерные для всего мира. К таким факторам относится распад традиционной модели нуклеарной семьи, замене её иными моделями брачного поведения. Среди социологического сообщества существуют различные оценки новых моделей семьи. При этом эмпирические данные свидетельствуют, что отказ от традиционной модели семьи оказывает деструктивное влияние на демографические показатели. В целом представленная статья содержит теоретический и эмпирический анализ динамики демографических тенденций в современном российском обществе.

Ключевые слова: аномия, ценности, демография, семья, рождаемость, институт брака.

Введение

Существенное влияние на демографические показатели и уровень самоубийств оказывает брачная аномия. Это влияние было выделено еще Дюркгеймом в его книге «Самоубийство»: «существенным фактором предохранения от самоубийства людей, состоящих в браке, является все-таки семья, т.е. сплоченная группа, образуемая родителями и детьми» [8, с. 222–223]. Как отмечает Дюркгейм, семейные связи и необходимость заботы о родственниках являются сдерживающим фактором от совершения самоубийств. По мере уменьшения уровня самоубийств размеры семей увеличиваются. Брачная аномия, которая наоборот ведет к разрушению семей и увеличению числа разводов, способствует соответственно увеличению уровня самоубийств.

Брачная аномия, о которой писал Дюркгейм, свойственна всему современному обществу западного типа [10]. Для того, чтобы отследить ее динамику, в данной работе будут рассмотрены изменения в сфере брачных отношений и проанализированы статистические показатели количества браков и разводов.

Теоретическое изучение брачной аномии

В постсоветском обществе произошли серьезные изменения в сфере семейно-брачных отношений, следствием которых являются ослабления института брака и изменения характера семьи. Изменение брачного поведения индивидов можно объяснить как влиянием общемировых тенденций, так и влиянием специфических для российского общества процессов [11]. По оценкам ряда исследователей, чьи выводы были обобщены в работе Д. Поповой, «середина 1990-х гг. стала поворотным пунктом трансформации традиционных моделей брачно-семейного поведения. Люди, родившиеся в 1970-х гг., чаще начинают семейную

жизнь не с брака, а с совместного проживания, реже вступают в брак» [13, с. 163].

Все социологи, работающие над изучением проблем семьи в современном российском обществе, признают постепенное ослабление традиционных норм брака и соответственно наличие в этой сфере аномии. При этом «среди специалистов нет единого мнения относительно процесса трансформации семьи и семейно-брачных отношений. Два основных направления, которые можно условно выделить, это: консервативно-кризисный и либерально-прогрессистский (эволюционный) подходы» [4, с. 101]. Необходимо отметить, что представители этих двух подходов расходятся именно в оценке ситуации, поскольку по-разному отвечают на вопрос о том, есть ли альтернатива традиционному браку или новые формы семейных отношений – это не более чем распад традиционной семьи.

Сторонники консервативно-кризисного подхода (А.И. Антонов, В.М. Медков, Р.Г. Яновский, В.Н. Архангельский) называют изменения, происходящие в сфере семьи и брака, институциональным кризисом семьи и оценивают их исключительно негативно. Представители данного направления считают традиционную, патриархальную семью своеобразным идеалом семейных отношений, который на протяжении веков доказал свою эффективность и жизнеспособность. По их убеждению на данный момент «невыполнение семьей своих функций (репродуктивной и социализационной) свидетельствует о глубокой институциональной дисфункции. Наблюдаются и структурные изменения в семье – различные составляющие (брак, родительство, дети, домохозяйство) как бы приобретают самостоятельное значение» [14, с.138]. С точки зрения сторонников консервативно-кризисного подхода новые формы брачных отношений, появляющиеся в современном обществе, возникают в результате распада традиционного института брака. В рамках указанного подхода отвергается представление о том, что в современном обществе традиционная семья

постепенно заменяется новыми формами семейных отношений, более адекватными условиям современной общественной жизни. В частности, согласно Архангельскому «в этом случае смешиваются уровни восприятия семьи, уровни ее исследования. Когда заходит речь о кризисе, то имеется ввиду кризис семьи как социального института. Когда же говорят об изменении форм семьи, то обсуждается лишь изменение ее форм как малой группы, т.е. при этом остается оценка институционального кризиса семьи» [9, с. 52].

Институциональный кризис семьи, по мнению представителей данного направления, является также основной причиной депопуляции в современном российском обществе. По сути кризис семьи заключается в том, что «разрушается сама ценность семейного образа жизни... прелесть и очарование семейности исчезают» [3, с.157], а теплота эмоциональных и личностных связей в семье все больше сменяется отчуждением личности. Одним из проявлений ослабления семейных традиций и эрозии норм брака является преобладание малодетных семей и девальвация ценности продолжения рода [1, с. 97].

Сторонники данного направления не ограничиваются вынесением безоснованных суждений на основе имеющихся фактов. Напротив, они пропагандируют интерпретацию происходящих изменений как кризиса семьи, «прямо заявляя о своей приверженности интересам института семьи и экзистенциальному сохранению общества... пытаются пробудить общественное мнение, привлечь внимание общественных движений и политических партий, а также предостеречь правительство от новой угрозы, нависшей над национальной безопасностью страны... Судьба отдельных наций и человечества в целом зависит от их способности вернуть понятие человеческого благополучия изъятые оттуда блага семейного образа жизни» [2, с. 85]. Таким образом, речь идет не просто о кризисе семьи как социального института, а о кризисе фамилистической цивилизации.

Сторонники эволюционного подхода рассматривают перемены, происходящие в сфере семьи и брака, не как кризис, а как процесс постепенного изменения. По их убеждению, происходит эволюция семьи, благодаря которой появляются новые формы семейных отношений, более подходящие для современного общества. Этот процесс по сути является позитивным, а его негативные последствия рассматриваются ими как временные явления.

Один из представителей данного подхода, известный специалист в области социологии семьи, С. Голод прогнозирует, что «брак и семья в ближайшие десятилетия будут трансформироваться в том же направлении... Сохранится нынешний плюрализм моделей, при этом привилегированное место займет «семья-клуб». Новое социально-экономическое положение женщины, ее равенство с мужчиной, исчезновение кардинальных различий между мужскими и женскими ролями в семье – все это, вероятно, еще более утвердится» [6, с. 111]. Согласно Голоду, изменение семейных отношений в России, как и в западных странах, происходит путем смены типов семьи. Современные типы семейных отношений постепенно заменяют традиционные.

Голод выделяет следующие типы семьи в порядке их появления [7, с.99–108]:

- Патриархальная семья. Наиболее традиционный тип семьи, в которой муж является «главой семьи».
- Детоцентристский тип семьи. В семье такого типа возвышается роль частной жизни каждого из ее членов и высшей ценностью являются дети.
- Супружеская семья. Эту семью можно назвать кооперацией, поскольку она не основывается на родстве или деторождении, как предыдущие типы. В супружеской семье родители не приносят свои личные интересы в жертву интересам детей. Главным мотивом, скрепляющим семью, является эротизм.

К перечисленным типам семьи необходимо добавить «гражданские браки» (этим словом называют официально

не оформленные брачные отношения), повторные браки после развода и прочие формы семейных отношений.

Сторонники данной парадигмы также не забывают отметить и негативные последствия крайне быстрой эволюции семейных отношений в России, которая происходит во многом под влиянием западного общества. Прежде всего, негативным следствием изменения семейных отношений является очевидное ослабление брака. Другим негативным следствием описанных изменений является сосуществование в обществе различных типов семейных отношений, которое не может не приводить к нормативным конфликтам. Зачастую «заимствованные нововведения переносятся на неподготовленную почву, порождая причудливый и нередко не самый удачный сплав старого и нового. Такого сомнительного сплава много еще в личной и семейной жизни россиян, демографической и семейной революциям у нас еще предстоит пройти свои завершающие стадии» [5, с.19].

Несмотря на все разногласия, представители этих двух подходов едины во мнении, что в современном обществе традиционные нормы брака разрушаются или изменяются. А это в свою очередь является предпосылкой для возникновения нормативной неопределенности и нормативного вакуума, которые понимаются в данной работе как социальная аномия. Далее будет выделено несколько показателей, свидетельствующих о развитии аномии в сфере семейных отношений.

Эмпирическое изучение брачной аномии

Динамику брачной аномии и изменение отношения общества к институту брака можно проследить, анализируя количество официально зарегистрированных браков и разводов (рис. 1).

Приведенные статистические данные показывают резкое снижение количества официально зарегистрированных браков в начале 90-х годов. С середины 90-х годов и до начала нового века количество зарегистрированных браков

стабилизируется на своих минимальных значениях, после чего идет незначительный рост этого показателя. Увеличение количества браков свидетельствует

об усилении этого социального института и подтверждает наличие позитивной тенденции, которая может привести к ослаблению брачной аномии.

Рис. 1. Количество браков и разводов по годам [12]

Однако в длительной перспективе не стоит ждать возвращения количества официально зарегистрированных браков на тот высокий уровень, который был характерен для стабильного советского периода. В связи с изменениями в семейно-брачных отношениях и вообще в условиях жизни люди все больше будут предпочитать «гражданский брак» и другие формы совместного сожительства. В современной России «в отличие от советского времени отсутствуют барьеры в виде партийного или профсоюзного комитета, чье вмешательство могло создать для нежелающего супруга значимые издержки (прежде всего в карьере, но также в заграничных поездках, что было эквивалентно допуску к недоступным на родине благам). Молодым же людям сегодня нет нужды регистрировать брак, чтобы решить вечную проблему социализма – поиска места для совместного ночлега. Замещение же формального брака «гражданской репетицией» может свидетельствовать, скорее, о более серьезном, нежели у старших, отношении нового поколения к этому институту» [15, с. 102]. Если гражданский брак предшествует заключению формального брачного союза, то его

наличие свидетельствует об уменьшении аномии в сфере брачных отношений. При этом индивиды, вступившие в гражданский брак, зачастую не планируют официально оформлять свои отношения, и гражданский брак служит для них альтернативой браку в традиционном смысле этого слова. Но гражданский брак никак нельзя назвать полноценной заменой браку, регламентированному как традицией, так и законом. В ситуации, когда один из партнеров может быстро и без особого труда расторгнуть брачные отношения, брак не будет восприниматься супругами как абсолютно надежный, заключенный на всю жизнь. Такая форма брачных отношений способствует развитию социальной аномии и аномии на уровне личности. Как отмечал Дюркгейм, при ослаблении брака «исчезает спокойствие, моральная уравновешенность, составлявшие преимущество человека, состоящего в браке. На их месте появляется известное состояние беспокойства, мешающее человеку дорожить тем, что у него есть» [8, с. 321]. Если следовать логике Дюркгейма, назвавшего брак, ослабленный появлением практики разводов, браком второго сорта, то гражданский брак необ-

ходимо назвать браком третьего сорта, еще более способствующим развитию брачной аномии.

Другой количественный индикатор уровня брачной аномии – количество разводов демонстрировал свои максимальные значения в начале 2000-х годов. Значения этого показателя в последние годы чуть выше, чем они были во время двух десятилетий перед перестройкой. Но необходимо принять во внимание тот факт, что количество официально заключенных браков сейчас существенно меньше, чем в советский период. Сопоставление динамики браков и динамики разводов позволяет сделать вывод, что в советское время брачные союзы были намного более прочными.

Хотя анализ изменения количества браков и разводов позволяет достаточно точно проследить динамику брачной аномии, недостаток этих индикаторов заключается в том, что они никак не учитывают влияние брачной аномии на институт гражданского брака и иные формы совместного сожительства. В связи с этим необходимо рассмотреть индикатор, который затрагивал бы все формы брачных и семейных отношений. Таким индикатором может служить количество детей, оставшихся без попечения родителей. Дети могут оказаться без родительской опеки в случае распада официально зарегистрированного брака, гражданского брака или в случае отказа от ребенка единственным родителем (рис. 2).

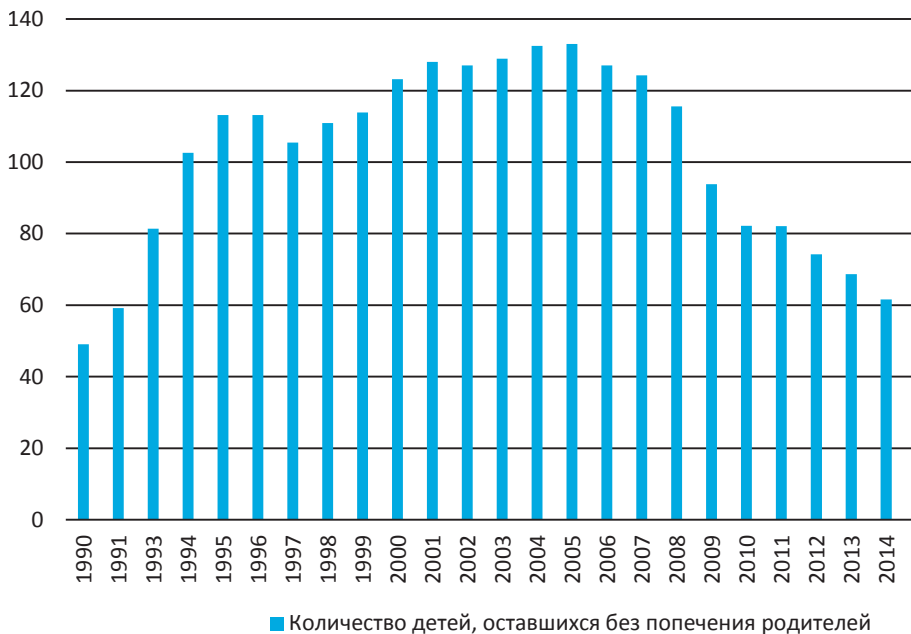

Рис. 2. Количество детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение года (в тысячах человек) [12]

Начало 90-х годов XX века характеризуется более чем двукратным ростом числа детей, оставшихся без попечения родителей. Если в 1990 году таких детей было выявлено 49,1 тысячи, то всего через пять лет в 1995 это число возросло до 113,2 тысяч. Совершенно очевидно, что настолько быстрый рост этого по-

казателя не может быть обусловлен одной только аномией в брачной сфере. В тот же период российская экономика переживала тяжелейший кризис, который заставил многих людей отказаться от своих детей. Такие последствия социальной аномии, как рост преступности, увеличение частоты проявлений других

видов девиантного поведения не могли не сказаться на желании родителей растить ребенка и на их способности это сделать. После 2005 года количество детей, оставшихся без попечения родителей, постепенно снижается. Если тенденция к снижению значений этого индикатора сохранится в ближайшие годы, то у исследователей появятся основания сделать вывод об уменьшении влияния аномии в брачной сфере.

Заключение

Брачная аномия является крайне важной и актуальной проблемой. Россия сталкивается с демографическими проблемами, включая сокращение населения, низкий уровень рождаемости и старение населения. Изменение отношения к браку в сочетании с экономическими факторами способствовало уменьшению количества браков и более позднему деторождению. Меняющиеся семейные структуры и ценности могут также влиять на отношения между поколениями, социализацию детей и общую социальную структуру сообществ. Это также может привести к усилению социальной изоляции и проблемам в обеспечении ухода и поддержки для стареющего населения. Данное обстоятельство еще больше усугубляет демографические проблемы и создает трудности для социально-экономического развития страны. Проведенное исследование позволяет охарактеризовать ситуацию как кризис семьи. Представления о замене традиционной семьи новыми формами является деструктивными и необоснованными. Теоретическое исследование причин брачной аномии может быть крайне полезно для разработки социальных программ по поддержке семьи, рождаемости и детства.

Литература

1. Антонов А.И. Возродить семейную жизнь // Социологические исследования, 1992. № 10. С. 96–100.
2. Антонов, А.И. Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 80–87.
3. Антонов А. Сбережем семью – сохраним Россию // Дружба народов. 2001, № 1, с. 151–161.
4. Бурова С.Н. Демидова А.В. Тенденции исследования семьи в советский и постсоветский периоды (по материалам журнала «социологические исследования» 1975–2006 гг.) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 142–151.
5. Вишневецкий А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // Мир России: Социология, этнология. 1999. Т. 8, № 4. С. 5–21.
6. Голод С.И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный культурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.
7. Голод С.И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. – 1996. – № 3–4. – С. 99–108.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд: Пер. с фр. / Изд. подгот. Вал. А. Луков: СПб.: Союз, 1998. – 496 с.
9. Кризис семьи и депопуляции в России: круглый стол// Социологические исследования. 1999. № 11. С. 50–57.
10. Культурный ассимилятор. Тренинг адаптации к жизни в Санкт-Петербурге / Н.А. Головин, И.Ю. Гуляева, А.С. Воронина [и др.]. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Петрополис», 2009. – 400 с.
11. Плетнев А.В. Динамика выхода современного российского общества из состояния аномии: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Плетнев Александр Владиславович. – Санкт-Петербург, 2012. – 27 с.
12. По материалам Департамента воспитания и социализации детей Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/> (Доступно в Интернет 26.05.2023).
13. Попова Д.О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто

в авангарде? // Опубликовано в книге: Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малеевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. -М.: НИСП, 2009. с. 163–184.

14. Федотова Ю.В. Проблема понимания кризиса семьи // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С. 137–141.
15. Яновский К. Кризис института семьи в постиндустриальном обществе: анализ причин и возможности преодоления. – М.: ИЭПП, 2007. – 243 с.

ANOMIE AS A CAUSE OF NEGATIVE DEMOGRAPHIC TRENDS

Pletnev A.V.

Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia

Demographic trends of declining fertility and population aging are an urgent problem for most Western-type societies. In Russia, this problem is recognized by the population and recognized by state bodies. Efforts have been made at the legislative level to stimulate the birth rate. At the same time, in order to effectively solve the problems of demography and family, it is necessary to identify the causes of these problems. In sociological theory, social anomie is recognized as the cause of demographic and family crisis. Anomie leads to erosion and contradictions in the sphere of family values, which in turn contributes to the destruction of the institution of the family. The socio-economic cause of the anomie was the transition to a market economy and a democratic political system at the end of the XX century. At the same time, Russian society is affected by global factors of family anomie, characteristic of the whole world. Such factors include the disintegration of the traditional model of the nuclear family, its replacement by other models of marital behavior. There are various assessments of new family models among the sociological community. At the same time, empirical data show that the rejection of the traditional family model has a destructive effect on demographic indicators. In general, the presented article contains a theoretical and empirical analysis of the dynamics of demographic trends in modern Russian society.

Keywords: anomie, values, demography, family, fertility, institution of marriage.

References

1. Antonov A.I. To revive family life // Sociological research, 1992. № 10. p. 96–100.
2. Antonov A.I. Demographic future of Russia: depopulation forever? // Sociological research. – 1999. – № 3. – p. 80–87.
3. Antonov A. We will save the family – we will save Russia // Friendship of peoples. 2001, № 1, p. 151–161.
4. Burova S.N. Demidova A.V. Trends in family research in the Soviet and post-Soviet periods (based on the materials of the journal “Sociological research” 1975–2006) // Sociological Research. 2008. № 12. p. 142–151.
5. Vishnevsky A.G. Demographic modernization of Russia and its contradictions // The World of Russia: Sociology, ethnology. 1999. Vol. 8, № 4. p. 5–21.
6. Golod S.I. Prospects of a monogamous family: comparative intercultural analysis // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2003. Vol. VI. № 2. p. 106–119.
7. Golod S.I. Modern family: pluralism of models // Sociological Journal. – 1996. – № 3–4. – p. 99–108.
8. Durkheim E. Suicide. A sociological study: Trans. from the French / Ed. podgot. Val. A. Lukov: Spb.: Soyuz, 1998. – 496 c.
9. Family crisis and depopulation in Russia: round table// Sociological research. 1999. № 11. p. 50–57.
10. Cultural assimilator. Training of adaptation to life in St. Petersburg / N.A. Golovin, I.Y. Gulyaeva, A.S. Voronina [and others]. – St. Petersburg: Publishing House “Petropolis”, 2009. – 400 p.
11. Pletnev A.V. The dynamics of the exit of modern Russian society from the state of anomie: specialty 22.00.04 “Social structure, social institutions and processes”: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences / Pletnev Alexander Vladislavovich. – Saint Petersburg, 2012. – 27 p.
12. Based on the materials of the Department of Education and Socialization of Children of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/> (Available on the Internet on 05/26/2023).
13. Popova D.O. Transformation of family values and the second demographic transition in Russia: who is in the vanguard? // Published in the book: Parents and children, men and women in the family and society / Under the scientific editorship of S.V. Zakharov, T.M. Maleeva, O.V. Sin-

- yavskaya; Independent Institute of Social Policy. – M.: NISP, 2009. p. 163–184.
14. Fedotova Yu.V. The problem of understanding the family crisis // Sociological research. – 2003. – № 11. – p. 137–141.
 15. Yanovsky K. The crisis of the institution of the family in post-industrial society: an analysis of the causes and the possibility of overcoming. – M.: IEPP, 2007. – 243 p.

Этническая идентичность современной молодежи (на примере г.о. Самара)

Пустарнакова Анна Александровна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: aa.pustarnakova@yandex.ru

Малаканова Ольга Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: malakanova@mail.ru

Гатаулина Галина Владимировна,

магистрант кафедры социологии и культурологии, программы «Межэтнические отношения в современной России», Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
E-mail: 22gretta87@mail.ru

В статье анализируется этническое самосознание современной молодежи крупного города Самары. Молодежь – чрезвычайно активная и одновременно очень чувствительная часть нашего общества, обладающая огромным социальным потенциалом. Особое значение в современном обществе занимает воспитательная работа с молодежью, развитие патриотизма и любви к своему народу. В связи с этим актуальным является изучение этнического самосознания современной молодежи, выявление ее чувств, мотивов, жизненных устремлений, приоритетов.

На основе данных качественного исследования, проведенного с помощью метода интервью, было показано, что большинство информантов доброжелательно и с уважением относятся к русским, говорят о необходимости сохранения и передачи знаний о традициях и обычаях своего народа. Задумываются о своей этнической идентичности молодые люди, когда контактируют с представителями других этнических групп или посещают национальные мероприятия. В процессе повседневного взаимодействия с коллегами или одноклассниками этническая идентичность практически никак не проявляется.

Ключевые понятия: идентичность, этническая идентичность, молодежь, самосознание молодежи.

Изучение этнической идентичности современной молодежи является актуальным в связи с решением достаточно широкого круга проблем: от поиска путей культурно-исторической преемственности в воспитании подрастающего поколения до решения вопросов самоидентификации на фоне социально-политических процессов, происходящих как в российском обществе, так на международной арене.

Проблема этнического самосознания обнаруживает себя, как правило, в кризисные, переломные периоды жизни общества. Современное этнокультурное состояние России, всех народов, проживающих на ее территории, и русских, в частности, заключается в том, чтобы понять и познать себя. Л.М. Дробижева пишет, что «для граждан страны их идентичность важна для социально-психологического состояния, осознания себя и представлений о целях в будущем. Для одних это ощущение общности связанности с прошлым, для других – общности интересов в настоящем и будущем» [1].

Идентичность определяется нами как системное личностное качество, характеризующееся многокомпонентностью и динамичностью, которое формируется в результате идентификации (отождествления) индивида с конкретной общностью на основе сознательного или бессознательного принятия им своей уникальности, поддержания собственной цельности и субъектности, в подверженном изменениям внешнем мире [2].

Этническая идентичность входит в структуру социальной идентичности. Она является выражением представлений человека о себе как о члене этнической группы. К определяющим признакам этнической идентичности принято относить: язык, происхождение, историческая память, культура, гражданство, ценности и нормы, внешность. Этническую идентичность мы понимаем как много-

компонентное личностное образование, связанное с переживанием своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других этнических групп в результате когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенного этноса.

Этническая идентичность – это не только принятие определенных групповых представлений, готовность к сходному образу мыслей и разделяемые этнические чувства. Это также построение системы отношений и действий в различных этноконтактных ситуациях. Таким образом субъект определяет свое место в многонациональном обществе и усваивает способы поведения внутри и вне своей группы. Чем больше членов этнической группы разделяют общую идентичность, тем больше вероятность совместных действий в ее защиту [3].

Согласно подходам таких исследователей, как Ж. Пиаже, К. Кларк, Г. Олпорт, И. Снежкова, Т. Титова, существует ряд объективных факторов, которые влияют на субъекта в процессе его социализации и формирования его идентичности. Это такие факторы как: семейное окружение, особенности национальной культуры, ее нормы, обычаи и традиции, особенности педагогических условий, в которых находится человек в процессе социализации, религия. Каждый из данных факторов имеет свое специфическое этнокультурное содержание и характер. Кроме того, на данный процесс существенное влияние оказывает актуальное состояние этноса, те процессы, которые происходят в нем в данный исторический момент и актуализируют значимость этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаков. Влияние данных факторов преломляется через сознание индивида и оформляется в виде некоторого образа себя, как представителя своей группы. Данный образ складывается из когнитивного компонента (кто я, кто мы, кто другие), эмоционального компонента (как я к этому отношусь) и поведенческого (как должно себя вести, будучи...) [4].

Молодежь имеет подвижные границы своего возраста, зависящие

от социально-экономического развития общества, уровня культуры, условий жизни. Нижняя возрастная граница определяется 14 годами, когда наступает физическая зрелость и человек может заниматься трудовой деятельностью (период выбора учиться или работать). Верхняя граница определяется достижением экономической самостоятельности, профессиональной и личной стабильности (создание семьи, рождение детей).

В течение становления личности молодого человека происходит формирование его ценностных ориентиров. В связи с тем, что окружающий мир постоянно и стремительно меняется, ранее казавшиеся незыблемыми ценности подвержены разрушению, поиск молодыми людьми своей идентичности, складывающейся системы ценностей, становятся все более актуальными, поскольку определяют способность к адаптации к быстро меняющемуся обществу.

Таким образом, к молодежи можно отнести и 14-летнего подростка, и 35-летнего возможно уже состоявшегося человека. При том, что они могут отличаться различными ценностными ориентирами, их объединяют возрастные рамки, обозначенные законодательством.

Под молодежью понимается социально-демографическая группа, которая выделяется на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств, определяемых общественным строем, культурой, закономерностями социализации и воспитания данного общества. Возрастные границы указанной социальной группы размыты и различаются в зависимости от конкретных подходов. В России сегодня к молодежи относят людей в возрасте от 14 до 35 лет [5].

В нашем исследовании мы обращаемся к изучению молодежи г.о. Самара в возрасте от 18 до 35 лет. Молодежь школьного возраста мы не рассматривали в связи с тем, что молодые люди этого возраста еще не полностью определились со своими представлениями

о своем этносе и государстве, они еще не имеют полноценных гражданских прав и зависимы от родителей в материальном и мировоззренческом смысле.

Наше исследование было выполнено в рамках качественной методологии, применялся метод полуструктурированного интервью, что позволило обратиться к изучению внутреннего мира информантов, получить данные об их мыслях, чувствах и действиях в отношении изучаемых нами идентичностей. Выборочная совокупность формировалась исходя из следующих значимых характеристик: проживания в г. Самара, представленность социально-демографической группы по полу и возрасту. Всего в рамках исследования было получено 20 интервью от информантов в возрасте от 18 до 35 лет. Все информанты идентифицируют себя с русской этнической группой.

В соответствии с задачами исследования, были изучены три компонента этнической идентичности-когнитивный (знания о своей этнической группе), эмоциональный (чувства, которые испытывают люди по поводу своей этнической принадлежности), поведенческий (действия, которые человек совершает, будучи представителем определенной этнической группы).

Что касается знаний и представления о своей этнической группе можно отметить, что большинство опрошенных информантов знают такие традиции (праздники) своего народа, как Масленица, Рождество, Пасха (16 информантов); по 2 человека назвали Крещение, Яблочный спас, день Ивана купала, День народного единства, День Победы, 2 информанта сказали, что знают свадебные обычаи.

Большинство из всех опрошенных ответили, что сейчас важно сохранять и передавать знания о традициях и обычаях своего народа (18 человек), только 2 человека считают, что это не имеет значения. Информанты, у которых есть дети, отметили, что важно детей воспитывать в среде многонационального государства, рассказывать им, что существует много разных народов, и что со всеми нужно жить в мире, не разде-

лять и не допускать угнетение одного народа другим: *«Я считаю, что ребенку нужно передавать традиции русского народа, рассказывать о разных народах, о том, что люди все равны, независимо от национальности»* (жен; 31).

Что касается посещения национальных мероприятий и соблюдения национальных традиций, то большинство опрошенных посещают только масленичные гулянья в парках или на площадях города, либо празднуют праздники в кругу семьи. По данным интервью, можно сказать, что этнические традиции переплетаются с религиозными или на них основаны. Влияние религии на этническую идентификацию зависит от возраста информантов, информанты из числа студентов считают его не таким значительным, только 3 человека сказали, что религия влияет на этническую самоидентификацию, но молодые люди, которые работают и имеют семью (7 человек) уверены, что религия оказывает существенное влияние на этническую самоидентификацию. *«Я думаю, что религия для понимания своей этнической идентичности – это главное, на первом месте»* (жен; 35).

Большинство информантов (18 человек) ответили, что отношение к русским, как к народу не меняется, оно остается на хорошем, доброжелательном уровне. Чувства, вызываемые принадлежностью к своему народу, информанты описывают так: 11 человек испытывают чувство гордости, восхищения; 2 человека – положительные чувства, 7 человек – нейтральные, ровные чувства, *«просто как данность»*.

При ответе на вопрос, о том при каких обстоятельствах информант вспоминает о принадлежности к своей этнической группе, большинство информантов (9 человек) вспоминают об этом, когда посещают какие-либо мероприятия, концерты, например, парад на День Победы, Масленицу, так как разные народы ведут себя по-разному на таких мероприятиях; 5 человек вспоминают о своей принадлежности, когда видят людей другой этнической группы и когда их об этом спрашивают; 2 информанта – не дума-

ют об этом вообще, 2 человека никогда об этом не забывают и 2 информанта вспоминают о своей этнической идентичности, когда путешествуют в другие страны.

Также в исследовании мы хотели узнать, важен ли этнический аспект при ежедневном взаимодействии людей, на учебе или работе. Большинство информантов (16 человек) ответили, что это не важно, главное, чтобы человек был хорошим и в работе выполнял свои обязанности: «*При общении все равны для меня*» (жен; 18). 2 человека ответили, что не сталкивались с людьми другой этнической группы во время обучения или работы, а 2 информанта отмечают, что общение с другими этническими группами значимо и дает им новые знания, либо это было бы интересно: «*Интересно знать что-то о других*» (муж; 18).

На вопрос, боятся ли информанты представителей какой-либо этнической группы, практически все ответили, что не боятся, некоторые отметили, что это стереотипное мышление, и самое главное в человеке не национальность, а воспитание: «*Не боюсь, дело не в национальности, а в воспитании*» (жен; 21).

На вопрос, кем важнее быть, русским или россиянином, информанты дали следующие ответы: 10 человек – россиянином: «*Больше россиянином, чем русским, так как в многонациональной стране считать себя только русским сложнее, чем россиянином*» (жен; 22). 6 человек – русским: «*для меня важнее быть русским, это мои корни*». 2 человека хотели бы быть русским-россиянином: «*Русским- россиянином, для меня важно, чтобы понятия россиянин и русский не разделялись, то есть не важно ты, там я не знаю, азербайджанец в России или русский в России, чтобы это было одинаковыми правами и возможностями обладали*» (жен., 35), 2 информанта ответили, что все равно, важно быть человеком.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что для молодежи этническая идентичность наряду с гражданской идентичностью остается одним из компонентов социальной

идентичности личности, молодым людям важно себя чувствовать и частью этнической группы (русскими), и частью государства (россиянами). Опрошенные информанты подчеркивают, что живут в многонациональном государстве (и в многонациональном городе Самара), поэтому важно не забывать о толерантности, о доброжелательном и уважительном отношении к представителям различных этнических групп.

Литература

- 1 Дробижина, Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества / Л.М. Дробижина // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 4. – С. 7–22.
- 2 Коренева, В.В. Сущность и содержание позитивной этнической идентичности / В.В. Коренева, С.И. Осипова // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 7. – С. 134–137.
- 3 Баранов, Н.А. Этничность и этническая идентичность / Н.А. Баранов // nicbar [сайт Николая Баранова]. – 2016. – URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-etnopolitologiya/287-lektsiya-2-etnichnosti-etnicheskaya-identichnost> (дата обращения: 22.05.2023)
- 4 Циткина, А.А. Этническая идентичности в структуре этнического самосознания личности / А.А. Циткина // Форум молодых ученых. – 2017. – № 4 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnosti-v-strukture-etnicheskogo-samosoznaniya-lichnosti> (дата обращения: 22.03.2023).
- 5 Аскаров, Р.Р. Молодежь как социально-демографическая группа и её ценностные ориентации / Р.Р. Аскаров, Т.В. Коротаева // cyberleninka.ru: научная электронная библиотека. – Скиф. – 2023. – № 1 (77). – С. 263–267. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-sotsialno-demograficheskaya-gruppa>

i-eyo-tsennostnye-orientatsii (дата обращения: 23.01.2023).

ETHNIC IDENTITY OF MODERN YOUTH (ON THE EXAMPLE OF G.O. SAMARA)

Pustarnakova A.A., Malakanova O.A., Gataullina G.V.
Samara National Research University named after
Academician S.P. Korolev

The article analyzes the ethnic identity of modern youth of the large city of Samara. Young people are an extremely active and at the same time very sensitive part of our society, which has a huge social potential. Of particular importance in modern society is educational work with young people, the development of patriotism and love for one's people. In this regard, it is relevant to study the ethnic self-awareness of modern youth, to identify their feelings, motives, life aspirations, and priorities. Based on the data of a qualitative study conducted using the interview method, it was shown that the majority of informants treat Russians kindly and with respect, they talk about the importance of preserving and transmitting knowledge about the traditions and customs of their people. Young people think about their ethnic identity when they come into contact with representatives of other ethnic groups or attend national events. In the process of everyday interaction with colleagues or classmates, ethnic identity is practically not manifested in any way.

Keywords: identity, ethnic identity, youth, self-awareness of youth.

References

- 1 Drobizheva, L.M. The dynamics of civil identity and its resource in the positive integration processes of Russian society / L.M. Drobizheva // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. – 2017. – No. 4. – P. 7–22.
- 2 Koreneva, V.V. Essence and content of positive ethnic identity / V.V. Koreneva, S.I. Osipova // Modern pedagogical education. – 2022. – No. 7. – P. 134–137.
- 3 Baranov, N.A. Ethnicity and ethnic identity / N.A. Baranov // nicbar [Nikolai Baranov's website]. – 2016. – URL: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-etnopolitologiya/287-lektsiya-2-etnichnost-i-etnicheskaya-identichnost> (date of access: 22.05.2023)
- 4 Tsitkina, A.A. Ethnic identity in the structure of ethnic self-consciousness of the individual / A.A. Tsitkin // Forum of Young Scientists. – 2017. – No. 4 (8). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-identichnosti-v-strukture-etnicheskogosamosoznaniya-lichnosti> (date of access: 03/22/2023).
- 5 Askarov, R.R. Youth as a socio-demographic group and its value orientations / R.R. Askarov, T.V. Korotaeva // cyberleninka.ru: scientific electronic library. – Skif. – 2023. – No. 1 (77). – P. 263–267. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-kak-sotsialno-demograficheskaya-gruppa-i-eyo-tsennostnye-orientatsii> (Date of access: 01/23/2023).

Теории дара и поля П. Бурдьё как методология исследования музеев

Романов Виталий Дмитриевич

аспирант (кафедра социальных технологий),
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Северо-Западный институт управления
E-mail: vromanov-20-01@edu.ranepa.ru

Исследования музеев традиционно содержат самые разносторонние точки интереса, объекты изучения – от анализа музейных коммуникаций, стратификаций посетителей до исследований фондов и охраны наследия. В данной статье представлены методологические основы социологического исследования музейного поля. Фокус исследования направлен на изучение одной из социальных практик, которая осуществляется между музеями и другими агентами – дарениями. Поскольку экономико-культурные различия музейных институций весьма значительны, автор считает необходимым использование концепции полей Пьера Бурдьё для комплексного анализа практик и поля в целом. В статье автор рассматривает методологические принципы, которые П. Бурдьё применял для изучения множества социальных полей и агентов. Например, П. Бурдьё считал важным анализировать социальные поля через трёхуровневую модель: 1) отношение изучаемого поля к другим полям; 2) структура и отношения внутри поля; 3) габитусы участников. Автор статьи обосновывает релевантность применения данного подхода как в целом к «производству культуры» в различных социальных полях России, так и отдельным практикам, в частности, к анализу дарительных практик в музеев.

Ключевые слова: социальные поля, теория дара, практики, производство культуры, социология музеев

Введение

В социальном пространстве производства культуры (как и в мире в целом) институции обладают разным объёмом экономического и культурного капитала [17]. Обладание имуществом, владение определённым языком описания мира, вхождение в определённые партнёрские сети – всё это делает одни культурные институции похожими или отличными от других [10]. В музейной среде, как и любом другом социальном пространстве, существует разнообразная соперничество между многочисленными культурными пространствами, музеями и выставочными учреждениями. Респектабельные и влиятельные музеи и галереи мира – это учреждения с многотысячными и миллионными фондами, высокими доходами и расходами; в свою очередь малые культурные институции имеют более скромные средства для того, чтобы «делать» культуру. В совокупности и те, и другие учреждения и организации участвуют в предоставлении интеллектуальных и досуговых услуг, создавая искусство и проводя лекции, нередко по наитию рассуждая: «культура – не про деньги». При этом сегодня влияние и успех отдельных агентов культурного производства или институции определяется «доступностью для маркетинга, их способностью генерировать богатство» [9, с. 228], не пытаясь противостоять устоявшемуся мифу. Внутренняя докса не снимает скрытые противоречия и неравенство, которые существуют в реальности, которые отражаются в разнице показателей экономической прибыли или культурного признания. В этом смысле задача социального учёного состоит в последовательном описании общественных, экономических положений агентов (или институтов) внутри своего поля, а также изучении их взаимоотношений к другим полям. Одна из наиболее многосоставных социологических концепций для разностороннего изучения

общественных институтов была предложена французским социологом Пьером Бурдьё [12, 125]. Цель статьи – знакомство с возможностями применения концепции полей Пьера Бурдьё к социологическому анализу музейных институций в г. Москве.

Этапы и уровни исследований в концепции полей

Первостепенно следует отметить, что подход П. Бурдьё к исследовательской методологии включает три параллельных этапов: 1. конструирование объекта исследования; 2. анализ поля; 3. объективация участников. Конструирование объекта, следуя бурдьёзианскому подходу – внутренний процесс калибровки научного языка исследователя об объекте, поскольку реляционный анализ поля должен фиксироваться не на отдельных институтах, классах «ущемлённых» или «доминирующих». Напротив, Бурдьё считает главным улавливать и фиксировать сами отношения между агентами, пространство и дистанцию между участниками поля [13, 508]. Таким образом, исследователю необходимо на всех этапах трудиться над мышлением об объекте, чтобы не привести исследование по ложному пути.

Следующий этап – изучение поля, которое Бурдьё описал, используя в основе трёхуровневый анализ: во-первых, анализ позиции изучаемого поля по отношению к полю власти. Т.е. на этом уровне изучаемое поле анализируется во взаимосвязи с другими полями, в частности, с признанным полем власти. Во-вторых, анализ объективной структуры отношений между позициями, которые занимают агенты. Здесь собирается и анализируется структура изучаемого поля и борющимися в его пространстве агенты, которые обладают определенным капиталом. В-третьих, анализ габитуса агентов, то есть диспозиции (предустановки) агентов [16]. Один из важных методов сбора данных в исследовательских проектах Бурдьё и его коллег был анализ ответственности [1; 2]. Исследователь создаёт список институтов или агентов, внося их в таблицу. Каждый из агентов ана-

лизируется, выявляются его качества, свойство как участника поля. Эти свойства могут быть описаны в терминах наличия и отсутствия: например, того или иного капитала, принадлежности к субполю и т.д. Так вырисовывается картина поля, в котором тяготение к одним или отличие от других агентов или институтов иллюстрирует социальную структуру поля на определённом историческом промежутке.

Наконец, третьим этапом является «объективация объективирующего субъекта» – процесс, который избавляет исследователя от привилегий, которые он обычно обретает в ходе выявления предпосылок и знаний об агентах. Исследователям общества необходимо установить внутренние механизмы рефлексии по отношению к собственному исследовательскому полю и производству знаний. Соблюдение принципов, которые Бурдьё предлагает учёным, должно избавить от многих схоластических предопределённостей, которые обыкновенно делают результаты и выводы исследований предсказуемыми и ангажированными [7].

Анализ музейного поля

Изучение музеев в эпистемологическом смысле задаёт исследователю несколько базовых с точки зрения Бурдьё положений для рефлексии. Во-первых, необходимо напоминать себе, что конкретные практики и положения вещей образуют поля, а не наоборот. Кроме того, музейные институции отличаются в самоназваниях и самоописании. Подходы к определению музеев, описанию «музейности» – отдельные направления музеологических исследований [3]. В условиях стремительно возросшего числа частных музеев в России за последние десятилетия, стал актуален вопрос, как определить границы «музейности»? Традиционные классификации (по статусу, по профилю, характеру фондов) выдвигают определения, которые так или иначе исключают агентов, вводя дискурсивные ограничения на слово «музей». Куда более гибкий, и вместе с тем созвучный концепции анализа практик и габитусов

Бурдьё – это, к примеру, подход к классификации, который основан на видах «жизнедеятельности» (или практиках) [4, 28–29]. Подтвердить принадлежность к полю можно как раз с помощью анализа соответствий агентских свойств, который показал бы, насколько одна или другая институция попадает в поле. Данный подход не требует непрерывных дополнительных историзаций музеев, как это делает, например, международные ассоциации культур. Наличие исключительных характеристик, малое количество общих признаков для агентов (например, отсутствие собственных фондов, работы по сохранению и изучению наследия), отсутствие у институции социальных связей с другими участниками музейного поля являются основаниями для исключения такого агента из дальнейшего исследования. Таким образом, внимание к внутреннему устройству поля музеев, к свойствам агентов, позволит описать приближённую к действительности конфигурацию музейных институций.

Практики дарения

В истории музеев, музеологических исследованиях традиционно прослеживались биографии музейных предметов. Изучения могут касаться как материальных, так искусствоведческих (ценностных) сторон «судьбы» предметов [15]. Такой подход применяется в искусствоведении, этнологии, археологии и других смежных дисциплинах. Дополнительная рамка, которую мы задаём в рамках социологического исследования музейного поля Москвы, лежит в несколько иной плоскости взгляда на «попадание» предметов в музейные коллекции. Если точнее, то нас интересует, какие социальные отношения вокруг дара существуют в музейном поле, какие существуют вариации обмена предметами или тем, что институции именуют «даром». Практики пополнения коллекций через разные дарения (благотворительность, дни пожертвований, совместные взаимные выставки между музеями, возврат экспонатов), требуют отдельного изучения, поскольку музейные дары почти не описаны с позиций социальных от-

ношений участников практик [5]. Свою весьма противоречивую интерпретацию дара предложил Бурдьё. История примирения его концепции поля и трактовки теории дара была весьма витиеватой [18], поэтому не будем подробно останавливаться на эволюции идей. Начиная с конца 1980 гг., Бурдьё начинает отмечать «двойственную» природу дара; дарения, по его мнению, происходят благодаря усвоенному практическому знанию с одной стороны, и интериоризации групповых диспозиций и коллективного габитуса с другой. Иными словами, дарение не совершается спонтанно в любом обществе и от рождения, а происходит между людьми, которые знают о бескорыстности, и где бескорыстность является одобряемым знанием.

По Бурдьё индивидуальная и общественная вера в безвозмездность порождают экономику, «противоположную» рыночной. Его подход к дару не раз критиковался за чрезмерную «экономичность» бескорыстности, которая, как ни крути напоминает коллективное лицемерие (чего так боялся Бурдьё). Парадоксальным образом, проведя объективацию объективирующего дар Пьера Бурдьё, некоторые авторы отмечали [14], что сам исследователь испытывал теплые чувства к теме доверия, организационной культуры, филантропии, в деятельности которых он находил альтернативу рыночным механизмам неолиберальных экономик [8]. Сегодня на смену идее о единой теории дарения пришли куда более гибкие подходы к анализу бескорыстных жертв [18]. Так, например, одни авторы находят возможным совершение дарения вне «обмена», без получения ответа [11]. С другой стороны, исследователи утверждают, что в силу разности структур дарительных практик, сама единая теория дара становится проблемой [6].

Заключение

Не выступая апологетом бурдьёзианской трактовки дара, автор статьи находит важным сохранение методологического принципа и последовательности, которую предложил Бурдьё, и на этапе из-

учения дарительных практик. Чтобы описать устройство дарения в поле музейных институций, необходимо, следовать этапам анализа самого поля и задавать практикам дара вопросы «двойного назначения». Во-первых, конкретные практики дарения должны быть описаны агентами, сопоставлены с экономическими и культурными положениями в поле. Если дарительные практики в музеях – часть жизнедеятельности, то объемы и характер взаимодействий, отношений вокруг даров укажут на различия или сходства дарений среди отдельных музейных институций. Во-вторых, необходимо заключить, чем именно для изучаемого поля музеев являются практики дарения – доксом, табу, неререфлексируемой практикой или всем вместе взятым. Насколько распространено знание о дарении и музейной безвозмездности, как именно оно трактуется в пространстве поля и межинституциональном общении позволит сделать заключения о степени укоренённости дарения для данного поля. Конечно, для интерпретации непосредственно дарительных практик подход Бурдьё, построенный на «двойственном обмане» дара, так и не стал универсальным и надёжным социологическим камертоном. Но с процедурной точки зрения мы находим, что анализ взаимосвязи внутренних агентных и внешних конвенциональных представлений о даре – это допустимый и уместный исследовательский шаг. В этом смысле методология Пьера Бурдьё, даже с учётом критических замечаний учёных об унифицированной теории, о заикленности на экономизме и личных интересах участников дара, остаётся приемлемой и актуальной для современных исследований агентов и институций (и для изучения дара в том числе).

Литература

1. Бурдьё П. Поле литературы // НЛО. 2000, № 45. С. 22–87.
2. Бурдьё П. Homo academicus; пер. с фр. С.М. Гавриленко, О.М. Журавлева, Д.Ж. Кондова, Е.В. Кочетыговой, О.О. Николаевой, Н.В. Савельевой; под науч. ред. Е.В. Кочетыговой и Н.В. Савельевой. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
3. Сапанжа О.С. Российская музеология в XXI в.: к вопросу о структуре и направлениях научных исследований // Общество: философия, история, культура. 2020, № 1 (69). С. 80–86.
4. Шехватова Е.В. Частный музей в музееведческой классификации // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020, № 1 (36). С. 24–32. <https://doi.org/10.24411/2310-1679-2020-10103>.
5. Alberti S. Objects and the Museum // Isis, № 96 (4), 2005. Pp. 559–571.
6. Beatty S. & Kahle L. & Homer P. Personal values and gift-giving behaviors: A study across cultures // Journal of Business Research. 1991, № 22. Pp. 149–157. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(91\)90049-4](https://doi.org/10.1016/0148-2963(91)90049-4).
7. Bourdieu P. L'objectivation participante // Actes de la recherche en sciences sociales. 2003, 150. Pp. 43–58. <https://doi.org/10.3917/arss.150.0043>.
8. Bourdieu P. The essence of neoliberalism: utopia of endless exploitation // Le Monde Diplomatique, December. 1998.
9. Caust Jo. The Arts, Governments and Money. The International Journal of the Humanities: Annual Review. 2007, № 4. Pp. 227–234. [10.18848/1447-9508/CGP/v05i03/42010](https://doi.org/10.18848/1447-9508/CGP/v05i03/42010).
10. Chang X.; Wu Z.; Chen Y.; Du Y.; Shang L.; Ge Y.; Chang J.; Yang G. The Booming Number of Museums and Their Inequality Changes in China. Sustainability 2021, 13, 13860. <https://doi.org/10.3390/su132413860>.
11. Elder-Vass D. Free gifts and positional gifts: Beyond exchange. European Journal of Social Theory. 2015, 18(4). Pp. 451–468.
12. Flemmen M., Jarness V. and Rosenlund L. Social space and cultural class divisions: the forms of capital and contemporary lifestyle differentiation. The British Journal of Sociology. 2018, 69. Pp. 124–153. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12295>.

13. Grenfell Michael & James David. Change in the field—changing the field: Bourdieu and the methodological practice of educational research // *British Journal of Sociology of Education*. 2004, 25(4), Pp. 507–523. 10.1080/014256904200026989.
14. Kauppi N. The Sociologist as Moraliste: Pierre Bourdieu's Practice of Theory and the French Intellectual Tradition // *Substance*. 2000, 29(3). Pp. 7–21.
15. Kopytoff I. *The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 1986.
16. Mohr J.W. Bourdieu's Relational Method in Theory and in Practice: From Fields and Capitals to Networks and Institutions (and Back Again). In: D. Pelteau, F., Powell, C. (eds) *Applying Relational Sociology*. Palgrave Macmillan, New York. 2013. https://doi.org/10.1057/9781137407009_5.
17. Piketty T. *Capital in the Twenty First Century*. Harvard University Press. 2014.
18. Silber Ilana F. Bourdieu's Gift to Gift Theory: An Unacknowledged Trajectory. *Sociological Theory*. 2009, 27(2). Pp. 173–90. <http://www.jstor.org/stable/40376130>.

P. BOURDIEU'S THEORIES OF GIFT AND FIELD AS A METHODOLOGY FOR STUDYING MUSEUMS

Romanov V.D.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-Western Institute of Management

Museum studies traditionally contain the most diverse points of interest, the objects of study – from the analysis of museum communications, stratification of visitors to the study of collections and heritage protection. This article presents the methodological foundations of the sociological study of the museum field. The focus of the research is aimed at studying one of the social practices that take place between museums and other agents – gift-giving. Since the economic and cultural differences of museum institutions are quite significant, the author considers it necessary to use Pierre Bourdieu's concept of fields for a comprehensive analysis

of practices and the field as a whole. In this article, the author examines the methodological principles that Bourdieu applied to the study of multiple social fields and agents. For example, Bourdieu considered it important to analyze social fields through a three-level model: 1) the relationship of the field under study to other fields; 2) the structure and relations within the field; and 3) the habitus of the participants. The author substantiates the relevance of applying this approach both to the «production of culture» as a whole in various Russian social fields and to individual practices, in particular to the analysis of donation practices in museums.

Keywords: social fields, gift theory, practices, cultural production, museum sociology.

References

1. Alberti S. Objects and the Museum // *Isis*, No. 96 (4), 2005. Pp. 559–571.
2. Beatty Sh. & Kahle, L. & Homer, P. Personal Values and gift-giving Behaviors: A Study Across cultures // *Journal of Business Research*. 1991, № 22. Pp. 149–157. [https://doi.org/10.1016/0148-2963\(91\)90049-4](https://doi.org/10.1016/0148-2963(91)90049-4).
3. Bourdieu P. Homo academicus; translated from French by S.M. Gavrilenko, O.M. Zhuravlev, D.J. Kondov, E.V. Kochevtygova, O.O. Nikolaeva, N.V. Savelyeva; Ed. by E.V. Kochetygova and N.V. Savelyeva. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2018. (In Russian).
4. Bourdieu P. L'objectivation participante // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2003, 150. Pp. 43–58. <https://doi.org/10.3917/ars.150.0043>.
5. Bourdieu P. The essence of neoliberalism: utopia of endless exploitation // *Le Monde Diplomatique*, December. 1998.
6. Bourdieu P. The field of literature // *New Literary Observer*. 2000, № 45. Pp. 22–87. (In Russian).
7. Caust Jo. The Arts, Governments and Money. *The International Journal of the Humanities: Annual Review*. 2007, № 4. Pp. 227–234. 10.18848/1447-9508/CGP/v05i03/42010.
8. Chang X.; Wu Z.; Chen Y.; Du Y.; Shang L.; Ge Y.; Chang J.; Yang G. The Booming Number of Museums and Their Inequality Changes in China. *Sustainability* 2021, 13, 13860. <https://doi.org/10.3390/su132413860>.
9. Elder-Vass D. Free gifts and positional gifts: Beyond exchangism. *European Journal of Social Theory*. 2015, 18(4). Pp. 451–468.

10. Flemmen M., Jarness V. and Rosenlund L. Social space and cultural class divisions: the forms of capital and contemporary life-style differentiation. *The British Journal of Sociology*. 2018, 69. Pp. 124–153. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12295>.
11. Grenfell Michael, James D. Change in the field-changing the field: Bourdieu and the methodological practice of educational research // *British Journal of Sociology of Education*. 2004, 25(4), Pp. 507–523. <https://doi.org/10.1080/014256904200026989>.
12. Kauppi N. The Sociologist as Moraliste: Pierre Bourdieu's Practice of Theory and the French Intellectual Tradition // *Substance*. 2000, 29(3). Pp. 7–21.
13. Kopytoff I. *The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process*. Cambridge; New York: Cambridge University Press. 1986.
14. Mohr J.W. Bourdieu's Relational Method in Theory and in Practice: From Fields and Capitals to Networks and Institutions (and Back Again). In: D pelteau, F., Powell, C. (eds) *Applying Relational Sociology*. Palgrave Macmillan, New York. 2013. https://doi.org/10.1057/9781137407009_5.
15. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Harvard University Press. 2014.
16. Sapanzha O.S. Russian museology in the XXI century: to the question of the structure and directions of scientific research // *Society: Philosophy, History, Culture*. 2020, № 1 (69). С. 80–86. (In Russian).
17. Shekhvatova E. Private museum in museological classification // *Culture and education: scientific-informational journal of universities of culture and arts*. 2020, № . 1 (36). С. 24–32. <https://doi:10.24411/2310-1679-2020-10103>. (In Russian).
18. Silber Ilana F. Bourdieu's Gift to Gift Theory: An Unacknowledged Trajectory. *Sociological Theory*. 2009, 27(2). Pp. 173–90. <http://www.jstor.org/stable/40376130>.

Роль современных некоммерческих организаций в цифровом развитии институтов гражданского общества

Трескин Петр Андреевич,

старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, директор МАУ «ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ – «Дзержинские ведомости» – общественно-политическая городская газета)
E-mail: treskin-ne@ya.ru

В статье рассматриваются особенности развития современных некоммерческих организаций в условиях развития институтов гражданского общества. Приводятся результаты авторского качественного исследования, проведенного методом экспертного и фокус-группового интервью с руководителями и участниками некоммерческих организаций России. Выявлены основные проблемы некоммерческого сектора, обозначены риски работы в современных условиях, выделены перспективы развития некоммерческих организаций в цифровом мире и обозначен потенциал и перспективы развития в гражданском обществе в целом.

Ключевые слова: некоммерческие организации, общественные организации, институты гражданского общества, социальное развитие, социальный потенциал, третий сектор, цифровой мир, виртуальность

Институты гражданского общества и некоммерческие организации (НКО) являются важными элементами социального и политического ландшафта, формирующими гражданское общество и гарантирующими эффективное функционирование демократических институтов. Несмотря на то, что гражданское общество и НКО часто используются взаимозаменяемо, существует несколько ключевых различий между ними.

Институты гражданского общества – это все группы и организации, которые не находятся под контролем правительства, но которые используют свои ресурсы и силы для проведения общественной деятельности в интересах общества в целом. Это может включать в себя общественные движения, профсоюзы, религиозные организации, активистские группы и другие.

НКО являются одним из ключевых элементов гражданского общества, представляющим собой организации, которые не имеют прибыльной цели и работают на благо общества. Они занимаются решением социальных проблем и поддержкой разных категорий населения. Это может быть организация для защиты прав животных, фонд для борьбы с бедностью и бездомностью, благотворительный

Многие иррациональные процессы складываются в базовые условия для новых возможностей – виртуализация и цифровизация общества создает новые модели мышления и поведения (Р.Г. Ардашев [1–4]), формируются новые формы коммуникации и социального взаимодействия (А.С. Ким [5], О.А. Полюшкевич [10–14], А.Ю. Поджидаева [6–9], А.Н. Пружинин [15,16]) и в этих условиях формируются новые технологии адаптации и социальной реализации некоммерческих организаций России (П.А. Трескин [17–28]).

Некоммерческие организации являются важной составляющей гражданского общества. Они играют жизненно важную роль в достижении разнообразных целей, таких как защита прав человека, защита окружающей среды, борьба с коррупцией, и т.д. Вот некоторые ключевые причины, по которым значимость НКО в гражданском обществе:

- Защита прав человека. НКО играют важную роль в защите прав человека и обеспечении справедливости в обществе.
- Защита окружающей среды. НКО заняты в борьбе с загрязнением окружающей среды и охраной ресурсов.
- Обеспечение благополучия. НКО занимаются обеспечением благополучия людей, например, предоставление материальной и моральной поддержки нуждающимся, налаживание питания для нуждающихся детей и т.д.
- Развитие сообщества. НКО вносят вклад в социальное и экономическое развитие общества. В частности, они помогают экономически отстающим районам повышать свой экономический уровень.
- Поддержка менее обеспеченных слоев общества. НКО помогают бороться с бедностью и безработицей, особенно в семьях с низким доходом, в том числе через предоставление образовательных программ и средств культуры.
- Участие в общественном управлении. НКО участвуют в различных общественных процессах и обеспечивают гражданский контроль за деятельностью правительства и частных организаций.

В целом, НКО играют ключевую роль в гражданском обществе, благодаря своей деятельности на благо общества и возможности граждан участвовать в общественных делах они создают пространство социального взаимодействия и выхода на новый уровень общественного воспроизводства.

Работа некоммерческих организаций в современной России представляет со-

бой важный элемент социальной жизни страны. В России действует более 200 000 НКО, представляющих различные секторы общества: от защиты прав животных до создания условий для социальной адаптации людей с ограниченными возможностями.

Однако, работа НКО в России не всегда проходит гладко. В последние годы правительство ввело ограничения в отношении некоторых видов деятельности НКО, связанных, например, с политикой, религией или зарубежным финансированием. Также были введены новые требования к организациям, которые принимают деньги из-за границы, что привело к закрытию нескольких крупных международных НКО в России.

Тем не менее, многие некоммерческие организации продолжают работать, улучшая качество жизни людей в России, в том числе, оказывая помощь беженцам, борясь за права животных, организуя мероприятия по сохранению исторического наследия, решая проблемы, связанные с экологией и многими другими. В последнее время, некоторые НКО также используют новые технологии для повышения эффективности своей работы и привлечения новых партнеров.

Следует отметить, что российские НКО столкнулись с рядом ограничений и проблем, но при этом многие из них по-прежнему продолжают свою работу, служа интересам различных категорий населения и общества в целом.

Особенности исследования

Исследование проводилось качественными методами, т.к. мы стремились выявить глубинные условия и перспективы развития некоммерческих организаций в России. Для этого провели экспертный опрос руководителей НКО и фокус-групповое исследование работников некоммерческих организаций России.

Экспертный опрос в форме полуструктурированного интервью (n=24), проводился через платформу zoom, длился 1,5–2 часа по 10 блокам вопросов, включенных в гайд. Экспертами выступали руководители некоммерческих

организаций, работающие в своем секторе более десяти лет. Возраст участников составил от 35 до 65 лет, 60% женщин и 40% мужчины, проживающие в разных регионах РФ.

Фокус-групповое интервью проводилось в форме групповой беседы по формату полуструктурированного интервью (n=54, 6 фокус-групп по 9 человек в каждой). Участниками фокус-групп были сотрудники и волонтеры некоммерческих организаций, работающие в данном секторе более трех лет. Возраст участников составил от 20 до 50 лет, 55% женщин и 45% мужчины, проживающие в разных регионах РФ (Нижний Новгород, Ярославль, Одинцово, Новосибирск, Тюмень, Иркутск). В одном городе – одна фокус-группа.

Анализ результатов исследования Основные проблемы некоммерческого сектора

Эксперты и участники фокус-групп (руководители и рядовые сотрудники некоммерческих организаций) выделил схожие проблемы некоммерческого сектора, актуальные для современной России (см. рис. 1).

Рис. 1. Основные проблемы некоммерческого сектора современной России (можно было отметить несколько вариантов, поэтому сумма больше 100%)

1. Ограниченный бюджет (33%). Некоммерческие организации обычно не имеют прибыли, исключая некоторые пожертвования и гранты. Поэтому они ограничены в своих возможностях в планировании и ведении своих программ.

Для реализации социальных проектов всегда не хватает денег. Поэтому это и личные средства и возможности найти спонсоров и убедить тех, ко может по-

мочь – в том, что это сделать надо. (Н.О., менеджер прорвам реабилитационного центра для женщин, попавших в трудную жизненную ситуацию, Новосибирск).

Быть мастером на все руки – не означает уметь привлекать финансы для реализации поставленных задач. Поэтому, это целое искусство – нахождение спонсоров и партнеров, заинтересованных в реализации данных проектов. (С.В., руководитель экологической некоммерческой организации, Ярославль).

2. Высокие затраты на административные расходы (20%). НКО также несут затраты на административные расходы, включая зарплату персонала, аренду офисных помещений, страхование, налоги и другие немаловажные расходы.

Некоммерческая организация хоть не зарабатывает денег, но они нам нужны для бытового повседневного выживания. Взять на безвозмездную аренду помещение в администрации – это пол дела, там нужен ремонт, обслуживание, технические средства для организации непосредственной работы и реализации мероприятий. Эти затраты не покроешь дополнительной деятельностью или спонсорской помощью – она не регулярна и не прогнозируема. Поэтому, проблем хватает. (Н.Н., руководитель национально-культурного центра, Тюмень).

Умение быть администратором важно в коммерческой фирме, а в общественной – это талант от Бога, так как тут нет ни финансовых, ни материальных, ни каких-то еще возможностей, а есть только голый энтузиазм и желание перепрыгнуть самого себя. На том и живем. (М.Б., руководитель центра национально-этнических особенностей лепки из глины, Иркутск).

3. Низкая осведомленность общественности (39%). Проблема низкой осведомленности общественности о целях деятельности НКО является одной из главных проблем этого сектора. Это может привести к тому, что они не получают необходимую поддержку и не привлекают финансирование.

Социальная реклама не столь ярко приветствуется СМИ, а платить за ком-

мерческую у большинства некоммерческих организаций просто нет средств. Поэтому об организации узнают те, кто столкнулся с какой-то проблемой и целенаправленно начинает искать тех, кто реально может помочь. Или же срабатывает сарафанное радио, но оно также обладает ограниченным спектром действия. (М.М., волонтер добровольческого экологического отряда, Одиноцво).

В нашем обществе мало осознанного интереса к общественной деятельности, особенно в правозащитной сфере. Это говорит о низкой правовой культуре и правовой грамотности населения. Интересоваться начинают, когда лично их коснется какая-то беда, в другом случае – если за руку не приведешь или не скажешь, что такие есть и нужно им помочь – никто ничего делать не будет. (Т.К., руководитель правозащитной некоммерческой организации, Нижний Новгород).

4. Зависимость от грантов и пожертвований (35%). Большинство НКО зависят от грантов и пожертвований, что может ограничивать их свободу действий и программы.

Гранты дают возможность выживать. Фонд Президентских грантов, Губернское собрание – это все здорово. Но что делать тем, кто не выиграл эти гранты? До следующего этапа или года конкурсов надо как-то дожить, а вот на что – это актуальный вопрос, который могут решить не все и очень многие общественные организации сворачивают свою деятельность, на одних идеях не удержишь людей. (А.К., руководитель добровольческого движения Ирида, Иркутск).

Очень малое количество некоммерческих организаций может позволить себе жить на те пожертвования, что получает от компаний или простых людей. Как правило это приуроченные к какому-то событию или человеку (помощь кому-то) суммы, а есть еще и повседневности, где людям также надо выживать. И это самое тяжелое – не непосредственная работа, не оказание своих прямых услуг, а поддержание условий и возможностей для объединения людей,

организации их работы. (Г.А., религиозный просветительский центр, Тюмень).

5. Недостаток эффективной организационной структуры (20%). НКО часто сталкиваются с проблемой неэффективности организационной структуры, что может привести к неэффективности и неудаче в их миссии.

Сложности в управлении талантливыми и эмпатичными людьми, которые далеко не всегда структурированы и могут правильно все понимать раскрывают особенности управлением некоммерческой организацией. Это целое искусство – организовать людей так, чтобы они делали что надо, и большая часть из них за это бы не получила зарплату. Работать продуктивно, эффективно и организованно за идею – могут не все. И тут по-настоящему проявляется талант руководителя некоммерческой организации. (А.А., член добровольческой организации «Твори добро», Новосибирск).

В общественных организациях часто нет постоянной организационной структуры, есть лидеры, есть идеи, есть проекты – а вот того, чтобы их это объединяло может и не быть. Поэтому, большинство проектов общественников либо разовые, и далеко не все регулярные, так как на это требуется системность, которой в большинстве НКО-шек нет. (С.В., руководитель общества инвалидов войны, Тюмень).

6. Конкуренция (15%). НКО могут столкнуться с жесткой конкуренцией организаций, работающих в сфере общественных наук, государства и бизнеса.

Некоммерческие организации не могут конкурировать с коммерческими, образовательными, религиозными, научными, но существующими за счет государства или непосредственно занимающиеся бизнесом в одной с ними сфере. И поэтому заведомо проигрывают в результатах взаимодействия. Спасением может стать только межсекторное партнерство и возможность выходить на уровень социального взаимодействия. (С.Ю., руководитель культурно-религиозного центра, Иркутск).

Соперничать с бизнесом никакая некоммерческая организация не сможет.

Вариант один – стать партнером. Либо продолжать конкурировать, но между собой, а не между разными социальными институтами. (С.М., руководитель общества слепых, Ярославль).

7. Бюрократия (25%). НКО сталкиваются с проблемой бюрократии, что может привести к низкой эффективности и продуктивности.

Бюрократия – это черта всей нашей системы. Но если государственные организации или коммерческие находят как ее обойти, находя новых сотрудников или ища обходные схемы, то общественники могут попросту не справиться, реально не понимая того, для чего она нужна, чтобы осуществлять свою деятельность. Это философский вопрос, но вопрос, который регулирует социальное развитие общества. (Н.О., руководитель союза писателей, Иркутск).

Многие общественные организации падают под давлением бюрократии, не справляясь с ее жерновами. Бюрократия – бич общественного сектора, так как туда приходят эмпатические и творческие люди, а не крючкотворцы. Это прямо противоположные векторы взаимодействия. (В.В., руководитель центра по творческому развитию детей, Новосибирск).

Таким образом, основные проблемы некоммерческого сектора достаточно типичны, хотя и обладают разными уровнями социального возникновения, развития и потенциального моделирования социального уклада и социальной активности.

Риски работы некоммерческих организаций в гражданском обществе

Некоммерческие организации могут столкнуться с рядом рисков при работе в гражданском обществе. Эти риски могут быть как внутренними, связанными с управлением и оперативной деятельностью организации, так и внешними, связанными с политическим и социальным контекстом (см. рис. 2).

Внутренние риски включают:

1. Финансовые риски (35%). Неумение управлять финансами может привести к дефицитам бюджета, задержкам в оплате счетов и другим неблагоприятным последствиям.

Рис. 2. Внутренние и внешние риски некоммерческих организаций

Внутренний потенциал финансового напряжения может сказаться на имидже и позиционировании организации, умении соблюдать требуемые нормы и правила. Для этого нужна целенаправленная и последовательная работа. (Т.К., руководитель зеленого студенческого движения, Тюмень).

Механизмы финансовой грамотности и соблюдения всего того, что необходимо чтобы не нарушить законы достаточно жесткие, но требуют подготовки и внимательности. Это не всегда получается качественно и эффективно организовать. (А.А., центр помощи детям инвалидам, Новосибирск).

2. Управленческие риски (33%). Некомпетентность в управлении НКО может привести к неэффективности и недостаточной продуктивности.

Умение управлять – это навык, который не возникает просто так. Это возможность роста, но и бремя ответственности. Далеко не все с этим справляются. И многие общественные организации закрываются, не сумев найти необходимый баланс эффективного управления и стратегического развития. (С.Ю., руководитель центра патриотического воспитания подростков и молодежи, Ярославль).

Быть хорошим человеком не означает быть хорошим руководителем. В общественные организации чаще приходят энтузиасты, которые хотят если не изменить мир, то улучшить. Система управления предполагает совершенно другой набор качеств, который необходим для эффективной реализации в третьем секторе. (Н.Н., волонтер добровольческого движения студентов Нижнего Новгорода).

3. Кадровые риски (20%). Недостаток опытных и квалифицированных сотрудников может отрицательно сказаться на работе организации.

Для управления волонтерами – надо ставить хороших организаторов. Опытные кадры, харизматичные лидеры не на любом углу находятся. Поэтому, если не смог удержать такого человека – то рискует вся организация не успеть, не сделать, не смочь ... (М.А. руководитель волонтерского отряда вожатых, Иркутск).

Квалифицированные кадры, как и в любой сфере – нужны и востребованы. Вопросов два – где найти и как удерживать. Поэтому, костяк любой общественной организации держится на лидерах-энтузиастах, а все остальные – это приходящие и уходящие люди, решающие свои личные или социальные задачи, но не видящие себя в данном качестве в будущем. Клады для общественных организаций не возникают просто так – их надо растить и готовить. Сегодняшние волонтеры – завтра потенциальные руководители и лидеры общественного мнения, фарватеры – общественных организаций и новаторы развития институтов гражданского общества. (Л.А., руководитель сообщества подотрядов Сибири, Иркутск).

4. Законодательные риски (12%). НКО могут столкнуться с проблемами, связанными с нарушением законодательства, что может привести к санкциям и штрафам.

Реформирование общественного сектора в 2012 году стало переломным для многих общественных организаций. Сегодня принимаемые поправки или новые нормативно-правовые акты также ставят под удар работы некоторых некоммерческих структур. Это принцип выживания сильнейших разрушает историю третьего сектора в России. Но, наверное, он же закладывает новые принципы работы гражданского общества. (С.А., волонтер движения «Твори добро», Новосибирск).

Законодательные реформы постоянно ограничивают возможности общественных организаций, не давая им воз-

можности дополнительного роста и выхода на новый уровень. Справляются с аким внешним прессингом не все и поэтому, за последние десять лет общественный сектор в России переродился, многие ушли с рынка, кто-то вновь возник, но в целом – это уже не то пространство общественных организаций, что было 15–20 лет назад. (С.В., директор женского движения, Иркутск).

Внешние риски включают:

1. Политические риски (25%). Политическая нестабильность может отрицательно сказаться на деятельности НКО, особенно если она связана с популярной оппозиционной деятельностью.

Быть руководителем правозащитной организации – это всегда быть под ударом. Так как добрая половина наших проектов направлена на выявление проблем власти и ее представителей на местах. (Т.К., руководитель правозащитной некоммерческой организации, Нижний Новгород).

Наша организация регулярно взаимодействует с органами власти и не всегда по положительным моментам. Много боли и страдания, но решать вопросы надо – прятать нельзя. Но и прилетать от власти тоже может. Не все аналогичные организации в других городах смогли выжить, многие закрывались за последние годы. Прессинг власти не все могут преодолеть. (А.А., член Союза солдатских матерей, Иркутск).

2. Риски свободы слова (22%). НКО, особенно те, которые занимаются просветительской деятельностью, могут стать объектом насилия и преследований со стороны правительства или сторонников разных идеологий.

Быть не таким как все хоть и модно, но не безопасно. Наши волонтеров – избивали, пугали, грабили. Говорить правду о том, что мы все разные – требует внутренней силы. И она есть не у всех. (И.А., руководитель молодежного творческого прорыва, Новосибирск).

Наши проекты не всегда радуют представителей власти, поэтому много раз не разрешали проводить собрания, организовывать шествия. А цель то благая – чтобы помнили историю своего го-

рода его жители. (А.П., руководитель проекта прогулок по Иркутску, Иркутск).

3. Риски безопасности (18%). НКО, занимающиеся конфликтными и чувствительными темами, могут столкнуться с риском физического насилия и угрозами безопасности для своих сотрудников.

Наши пикеты по захоронениям атомных отходов не раз заканчивались драками. Это скорее провокация была. Но сказать, что у нас безопасное движение – я не могу. (Н.Н., волонтер экологического общественного движения, Одинцово).

Иметь право на религиозное, культурное, национальное самовыражение – это право каждого. Но не всегда наши акции принимают представители других конфессий, культур, народов – каждая вторая заканчивается дракой. (Г.Ю., руководитель таджикского национально-культурного центра, Иркутск).

4. Риски зависимости от финансирования (35%). НКО, которые полагаются на финансирование извне, могут оказаться под угрозой при изменении политической обстановки или при сокращении финансирования со стороны доноров.

Риски зависимости от внешних источников информации являются проблемой доброй половины общественных организаций. Пока изменить ситуацию мало кому удастся, но надежда есть на изменение законодательства, на формирование новых моделей управления, на оптимизацию и послабление контроля для некоммерческого сектора со стороны надзорных органов и т.д. (А.А., руководитель помощи талантливым детям, Иркутск).

Быть социально активным, не значит быть финансово безупречным для налоговой или какой-то другой надзорной системы, даже для некоммерческой организации. Поэтому тут необходима дополнительная подготовка, повышение квалификации и дополнительные усилия. (В.Е., руководитель центра ветеранов-десантников, Одинцово).

Перспективы развития некоммерческих организаций в цифровом мире

Технологии играют важную роль в развитии некоммерческих организаций в цифровом мире. Ниже представлены некоторые технологии, которые могут помочь НКО в достижении своих целей и увеличении их влияния в виртуальном обществе (см. рис. 3).

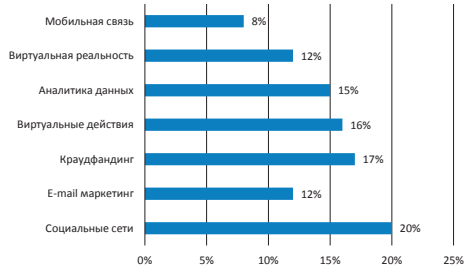

Рис. 3. Перспективы развития некоммерческих организаций в цифровом мире

1. Социальные сети и мессенджеры (20%). Социальные сети, такие как Vkontakte, Telegram, предоставляют НКО возможности для привлечения новых сторонников, объединения сообщества и распространения информации.

Сегодня социальные и мессенджеры выступают пространством коммуникаций, позволяющих регулировать и управлять сообществами. Особенно если мы говорим о социальных акциях, мероприятиях – без этих технических средств просто не обойтись. (М.И., член волонтерского движения, Новосибирск).

Великая сила социальных сетей пока не изучена – но именно они мотивируют волонтеров, именно они собирают активность, именно они формируют новые смыслы и ценности деятельности. Поэтому будущее некоммерческих организаций – именно в социальных сетях. (А.А., руководитель помощи талантливым детям, Иркутск).

2. E-mail маркетинг (12%). Электронная почта может быть использована НКО для регулярного информирования своих сторонников и доноров о новостях и достижениях, а также для сбора пожертвований.

Мессенджеры и электронная почта – ресурс, на который еще 20 лет назад никто не обращал внимания. А сегодня, в мире онлайн общения – E-mail взаимо-

действие основа социального продвижения. (В.В., руководитель центра по творческому развитию детей, Новосибирск).

Без E-mail рассылки нет уверенности в том, что о вашей акции станет известно тем, кто должен прийти или вы можете потерять еще одного спонсора. Информация в наше время – это все! (А.П., руководитель проекта прогулок по Иркутску, Иркутск).

3. Краудфандинг (17%). Краудфандинг – это метод, позволяющий НКО получать средства, привлекая малые пожертвования от большого количества людей в Интернете.

Многое зависит от социальной рекламы, яркости подачи материала, но как инструмент сбора средств краудфандинг – один из лучших методов для выживания современной общественной организации. (Г.А., религиозный просветительский центр, Тюмень).

Краудфандинг, помимо грантовой помощи один из самых действенных механизмов социального развития любой организации третьего сектора. И только благодаря цифровому миру возможно его активное использование. (М.М., волонтер добровольческого экологического отряда, Одинцово).

4. Виртуальные действия (16%). НКО могут использовать интерактивные действия, такие как знакомства, трансляции в живом режиме, вебинары и т.д., для увеличения своей доступности и привлечения внимания к своей деятельности.

Продвижение в социальных сетях через живое общение, онлайн трансляции, постоянный интерактив – это новая жизнь некоммерческих организаций, вне зависимости от того, чем именно они занимаются. Виртуальные действия – это зона новых возможностей любой общественной организации. (М.Б., руководитель центра национально-этнических особенностей лепки из глины, Иркутск).

Виртуальные технологии продвижения социально ориентированных общественных организаций работают точно также как и коммерческие аккаунты, только нацелены на привлечение волонтеров, финансов и реализацию задуманных проектов, но через социаль-

ную активность в виртуальном мире. Новый мир – новые возможности. (С.А., волонтер движения «Твори добро», Новосибирск).

5. Аналитика данных (15%). Аналитика данных может помочь НКО в понимании, как эффективно они достигают своих целей и какие ресурсы им нужны для улучшения их деятельности.

Хороший анализ того – кто ваша целевая аудитория по участникам-волонтерам, спонсорам, как находят клиенты – дает большое поле для раскрытия возможностей перспективного развития, новых решений и позиционирования в современном обществе. (И.А., руководитель молодежного творческого прорыва, Новосибирск).

Анализ того, кто и как приходит, на какую информацию как откликается может дать нейросеть, искусственный интеллект анализирует и прогнозирует – формирует и управляет поведением больших групп населения. И будущее общественных организаций в использовании возможностей нейросети в собственных целях развития. (А.К., руководитель добровольческого движения Ирида, Иркутск).

6. Виртуальная реальность (12%). Использование виртуальной реальности позволяет НКО создавать сильные и убедительные повествования о своих целях и работе, что может увеличить количество поддержки и пожертвований.

Виртуальный мир – это мир возможностей. Общественные организации получают возможность заново построить свой мир, формируя его под себя, привлекая СВОЮ аудиторию и давая ей именно то, что необходимо. (А.А., центр помощи детям инвалидам, Новосибирск).

Цифровая реальность стала обыденностью для всех предприятий. Для тех, кто не смог ее принять – она стала точкой конца, для тех, кто воспользовался ее возможностями – точкой новой жизни, где каждая организация находит свое место, свою нишу и может манипулировать своим социальным развитием. (Н.Н., волонтер добровольческого движения студентов Нижнего Новгорода).

7. Мобильная связь (8%). НКО могут использовать мобильные приложения и SMS, чтобы поддерживать связь со своими сторонниками и донорами, рассылать уведомления о мероприятиях и пожертвованиях.

Мобильная связь – это механизм достучаться до нужного человека, будь то клиент, спонсор или волонтер. Это средство мобильной коммуникации, которое решает трудности взаимодействия позволяя всегда быть на связи. (Н.Н., волонтер экологического общественного движения, Одинцово).

Жизнь без сотового телефона и мобильной связи сегодня невозможна. Многие общественные организации используют его и в качестве собственного продвижения. Контакты тех, кто есть в твоём мобильном телефоне – иногда определяют то, насколько ты будешь успешен в реализации того или иного социального проекта. (С.В., руководитель общества инвалидов войны, Тюмень).

Технологии могут помочь НКО расширить свой охват и увеличить эффективность своей деятельности, что в конечном итоге может привести к улучшению общества и нашей жизни в целом. Цифровое пространство пронизывается технологическими возможностями. И будущее НКО именно в возможностях их применения.

Помимо этого, по мнению экспертов, некоммерческие организации имеют огромный потенциал и перспективы развития в гражданском обществе. Ниже приведены некоторые из них:

1. Увеличение числа НКО. Существует увеличение числа некоммерческих организаций в гражданском обществе, что свидетельствует о росте интереса общества к проблемам, решаемым этими организациями.

2. Укрепление сектора НКО. Различные государственные и негосударственные организации стимулируют и помогают НКО в развитии, что способствует укреплению уровня их влияния в обществе.

3. Возросшая глобализация. Увеличивающаяся глобализация и международные связи означают, что НКО могут

иметь более широкий географический охват и больший доступ к ресурсам.

4. Стимулирование гражданского участия. НКО стимулируют гражданское участие, помогая людям стать частью процессов общественной жизни, а не только реципиентами.

5. Лоббирование интересов. НКО находятся в лучшем положении для лоббирования интересов групп и людей, которые обычно не имеют своих представителей в правительственных или бизнес-структурах.

6. Экспертность. НКО могут обладать высокой экспертизой в своих областях деятельности, что позволяет им предоставлять качественные консультации и рекомендации правительству и другим заинтересованным сторонам.

7. Развитие технологий. НКО могут воспользоваться возможностями, которые предоставляет развитие технологий, таких как социальные сети, чтобы повысить свою видимость и эффективность работы.

Эти данные позволяют нам говорить о новых возможностях развития третьего сектора в условиях цифрового развития институтов гражданского общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Аффект через призму общественных настроений // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2021. № 12. С. 85–90.
2. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
3. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 193–197.
4. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической

- интернет-конференции: в 2 ч.. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, Вол НЦ РАН, 2021. С. 76–79.
5. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Социальная солидарность через просоциальные практики гражданских активистов и волонтеров // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2022. С. 65–68.
 6. Поджидаева А.Ю. Гражданско-цифровое просвещение как одно из ведущих направлений реализации социальных и гражданских инициатив НКО в развитии гражданского общества // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 115–119.
 7. Поджидаева А.Ю. Место и роль НКО в структуре гражданского общества и специфика их деятельности в России: категориальный анализ понятий // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией М.Г. Тирских, Г.В. Дружинина. Иркутск, 2022. С. 110–116.
 8. Поджидаева А.Ю. Особенности реализации социальных и гражданских инициатив НКО как факторов развития гражданского общества в России // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 443–445.
 9. Поджидаева А.Ю. Тенденции развития гражданских инициатив в современной России // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 133–137.
 10. Полюшкевич О.А. Женские НКО в условиях реформ государственного управления некоммерческим сектором // Социология. 2019. № 5. С. 179–188.
 11. Полюшкевич О.А. Межсекторное взаимодействие женских некоммерческих организаций Сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 246–263.
 12. Полюшкевич О.А. Общественный договор как инструмент консолидации общества // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2012. № 1 (9). С. 75–80.
 13. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики волонтеров общественных организаций // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических изменений. Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции. Вологда, 2022. С. 675–678.
 14. Полюшкевич О.А. Социальная адаптация женских НКО в условиях изменения государственного управления некоммерческих организаций // Трансформация социального мира в современную эпоху. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2019. С. 128–134.
 15. Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю. Модели легитимации развития человеческих ресурсов некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 144–153.
 16. Пружинин А.Н., Поджидаева А.Ю. Социальное предпринимательство через призму корпоративной социальной ответственности и развития человеческого капитала // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 471–477.
 17. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Эк-

- Legis: правовые исследования. 2019. № 4. С. 37–39.
18. Трескин П.А. Виртуализация работы некоммерческих организаций: стратегические возможности и общественная оценка // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 126–131.
 19. Трескин П.А. Изменение места и роли некоммерческих организаций в цифровую эпоху // Социология. 2019. № 4. С. 163–167.
 20. Трескин П.А. Медийная представленность некоммерческих организаций в Байкальском регионе // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 183–186.
 21. Трескин П.А. Межсекторное социальное партнерство // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 124–128.
 22. Трескин П.А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154–158.
 23. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 64. С. 263–277.
 24. Трескин П.А. Особенности удаленной работы: опыт адаптации некоммерческих организаций // Социология. 2022. № 1. С. 154–162.
 25. Трескин П.А. Роль некоммерческих организаций в социально-политическом пространстве Байкальского региона // Социология. 2018. № 2. С. 131–137.
 26. Трескин П.А. Уровень доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций // Социология. 2019. № 1. С. 163–166.
 27. Трескин П.А. Участие общественных организаций в регулировании общественных отношений в регионе // Социология. 2020. № 1. С. 352–357.
 28. Трескин П.А. Цифровизация работы НКО как социальная угроза и/или перспектива развития // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 353–356.

THE ROLE OF MODERN NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE DIGITAL DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

Treskin P.A.

Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky

The article discusses the features of the development of modern non-profit organizations in the context of the development of civil society institutions. The results of the author's qualitative research conducted by the method of expert and focus group interviews with leaders and participants of non-profit organizations in Russia are presented. The main problems of the non-profit sector are identified, the risks of working in modern conditions are identified, the prospects for the development of non-profit organizations in the digital world are highlighted, and the potential and prospects for development in civil society as a whole are outlined.

Keywords: non-profit organizations, public organizations, civil society institutions, social development, social potential, third sector, digital world, virtuality.

References

1. Ardashev R.G. Affect through the prism of public moods // The problem of the correlation between the natural and the social in society and man. 2021. No. 12. S. 85–90.
2. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // Sociology. 2021. No. 3. S. 53–61.
3. Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // Civilizational shifts in the development of a modern city. Collection of scientific papers. Scientific ed-

- itor T.I. Rake. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 193–197.
4. Ardashev R.G. Change of consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. materials of the VI International Scientific and Practical Internet Conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, Vol NTs RAS, 2021, pp. 76–79.
 5. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Social solidarity through pro-social practices of civil activists and volunteers // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2022, pp. 65–68.
 6. Podzhidaeva A. Yu. Civil-digital education as one of the leading directions for the implementation of social and civil initiatives of NGOs in the development of civil society // Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference. Irkutsk, 2022, pp. 115–119.
 7. Podzhidaeva A. Yu. The place and role of NGOs in the structure of civil society and the specifics of their activities in Russia: a categorical analysis of concepts // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the IV All-Russian scientific-practical conference with international participation. Under the general editorship of M.G. Tirsikh, G.V. Druzhinin. Irkutsk, 2022, pp. 110–116.
 8. Podzhidaeva A. Yu. Features of the implementation of social and civil initiatives of NGOs as factors in the development of civil society in Russia // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021, pp. 443–445.
 9. Podzhidaeva A. Yu. Trends in the development of civil initiatives in modern Russia // In Search of Social Truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 133–137.
 10. Polyushkevich O.A. Women's NGOs in the context of reforms in public administration of the non-profit sector // Sociology. 2019. No. 5. S. 179–188.
 11. Polyushkevich O.A. Intersectoral interaction of women's non-profit organizations of the Siberian Federal District // Public Administration. Electronic Bulletin. 2018. No. 70. S. 246–263.
 12. Polyushkevich O.A. The social contract as a tool for the consolidation of society // Science of man: humanitarian research. 2012. No. 1 (9). pp. 75–80.
 13. Polyushkevich O.A. Prosocial practices of volunteers of public organizations // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the VII International Scientific and Practical Internet Conference. Vologda, 2022, pp. 675–678.
 14. Polyushkevich O.A. Social adaptation of women's NGOs in the context of changing public administration of non-profit organizations // Transformation of the social world in the modern era. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2019. S. 128–134.
 15. Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu. Legitimation Models for the Development of Human Resources of Non-Commercial Organizations // Sociology. 2022. No. 1. S. 144–153.
 16. Pruzhinin A.N., Podzhidaeva A. Yu. Social entrepreneurship through the prism of corporate social responsibility and development of human capital // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023, pp. 471–477.
 17. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // ExLegis: legal research. 2019. No. 4. S. 37–39.
 18. Treskin P.A. Virtualization of the work of non-profit organizations: strategic opportunities and public assessment // Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 126–131.
 19. Treskin P.A. Changing the place and role of non-profit organizations in the digital era // Sociology. 2019. No. 4. S. 163–167.
 20. Treskin P.A. Media representation of non-profit organizations in the Baikal region // In search of social truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 183–186.
 21. Treskin P.A. Intersectoral social partnership // Social consolidation and social re-

- production of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023, pp. 124–128.
22. Treskin P.A. Youth non-profit organizations as a modern social lift // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). pp. 154–158.
 23. Treskin P.A. Public organizations as the social capital of the region // Public administration. Electronic Bulletin. 2017. No. 64. S. 263–277.
 24. Treskin P.A. Features of remote work: the experience of adaptation of non-profit organizations //Sociology. 2022. No. 1. S. 154–162.
 25. Treskin P.A. The role of non-profit organizations in the socio-political space of the Baikal region // Sociology. 2018. No. 2. P. 131–137.
 26. Treskin P.A. The level of confidence of the population of the Baikal region in the activities of public organizations // Sociology. 2019. No. 1. S. 163–166.
 27. Treskin P.A. Participation of public organizations in the regulation of public relations in the region // Sociology. 2020. No. 1. S. 352–357.
 28. Treskin P.A. Digitalization of NPO work as a social threat and/or development prospect // Threat Prevention Methodology in the 21st Century. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 353–356.

Южнороссийский регион в пространственном измерении: теоретические и практические аспекты социологического исследования

Узунов Владимир Владимирович,

доктор политических наук, директор Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Целью исследования является оценка состояния южнороссийского региона в координатах пространственного подхода. Методологическую базу составили теоретические положения пространственного подхода и глубинный потенциал междисциплинарных наработок. В статье использованы результаты эмпирических исследований, проводимых в регионах Юга России научно-исследовательскими коллективами (ФНИСЦ РАН, ЮФФ ФНИСЦ РАН). Состояние Юга России на современном этапе сложно назвать благополучным по ряду причин, связанных с влиянием факторов полиэтничности и поликонфессиональности, регионального неравенства, противоречивых тенденций архаизации и модернизации, невысоких темпов социально-экономического развития и т.д., что отражается на статусе региона и качестве жизни его населения, привлекает к нему внимание как к региону, потенциально опасному для прогрессивного и безопасного развития регионального пространства России. Тем не менее, основные проблемы регионального развития, согласно эмпирическим данным, не связаны с сугубо межэтническими конфликтами и проблемами, а локализованы в пространстве социально-правовых и экономических отношений. С ними в общественном сознании жителей Юга России связывается благополучие региона и социальная справедливость в организации и восприятии социальных отношений.

Ключевые слова: пространственный подход, социальное пространство, регион, региональное пространство, южнороссийский регион.

Введение: Пространственный подход и его значение для региональных исследований

Пространственный подход получил достаточно широкое распространение в исследовании регионов. Развивается он в границах так называемой «пространственной науки», которая представляет собой широкое и автономное междисциплинарное направление, включающее в том числе и регионологию [9; с. 76].

В социологической науке теория социального пространства обнаруживает свои концептуальные основания в классических трудах П. Сорокина, в которых первоочередное внимание уделяется социальным отношениям как отличающим социальное пространство от несоциального, не имеющего множества отношений и их вариаций, совокупность которых называется названа им социальной вселенной [11]. Здесь уместно обратиться также к идеям основоположника социологии пространства Г. Зиммеля, который вывел формулу: пространство социально только потому, что оно освоено человеком, а, следовательно, определяется зонами деятельности человека и взаимодействием людей, наполняющим это пространство и придающим ему социальное значение [14; с. 329].

Эта мысль и стала ключевой в теории социального пространства П. Сорокина, которым были выделены такие характеристики социального пространства, как его объективность, иерархизированность как отражение системы связей и отношений между людьми многомерность, подразумевающая наличие множества пространств, дифференцирующихся по различным основаниям и критериям в системе социальных координат, также базирующихся на деятельностной стороне социальных отношений [11; с. 297].

Но чаще всего в социологических исследованиях региона в пространственной парадигме используется подход, развивающий теоретические взгляды П. Сорокина в границах теории «полей» П. Бурдьё [3], описывающего социальное поле как многомерное пространство в сочетании позиций социальных агентов, имеющих различный уровень капитала (экономического, политического, культурного и др.) и доступ к нему, что и структурирует социальные «подпространства», образуя пространственный ландшафт каждого региона.

Современные исследователи отмечают, что в пространственном измерении региона акцент следует делать на коммуникативно деятельностном аспекте [2; с. 34]. Деятельность социальных акторов в региональном социальном пространстве реализуется в пространстве единства подпространств, среди которых наиболее значимыми выступают экономическое, политическое, социокультурное, но иногда ученые представляют и более расширенный вариант этих подпространств, включая в них и образовательное, и религиозное, и этническое, и семейное, и профессиональное подпространства. Для нас же важно, что связи и взаимодействия между этими подпространствами (в терминологии П. Бурдьё – полями) обеспечивают целостность и единство регионального социального пространства, а индикатором этой целостности и единства выступают социальные смыслы, формирующиеся в пространстве выделенных подпространств. Эти смыслы формируются «в глубинах неоднородности массового сознания, ценностных ориентациях, парадигмах поведения людей, в мировоззренческих и поведенческих стереотипах» [10; с. 60]. Их исследование позволяет выделить общее и особенное, объективное и субъективное, преимущества и проблемы в пространстве развития регионального социума в контексте включенности в него основных субъектов социального пространства региона.

Именно социальные общности, как полагает Г.Е. Зборовский, придают региону свой уникальный облик, определя-

ющего как сильный или слабый, инновационный или традиционный, дотационный или депрессивный и т.д., а за этими коннотациями стоит деятельность множества социальных сообществ, осваивающих региональное пространство на основе имеющихся у региона социальных ресурсов [6].

Нам глубоко импонирует мысль В.А. Сердюковой о том, что основная цель научного изучения региона заключается в выявлении влияния, которое региональный социум оказывает на идейно-смысловое пространство региона в контексте формирующихся в нем идей, ценностей, представлений у социальной общности того или иного региона [10; с. 60]. Иными словами, речь идет о том, что составляет в плане идейно-смыслового наполнения социальная общность конкретного региона, и эта задача не из простых, если учитывать социокультурные, этнические, территориальные, демографические, экономические, конфессиональные, политические, профессиональные и иные основания, по которым социальная общность идентифицируется с эмпирически фиксируемым и самостоятельным типом социальной системы [6; с. 17].

Социальные общности характеризуются многообразием, но наибольшей яркостью, а также сложность придают им этнокультурные характеристики. В ситуации полиэтничности многие общностнообразующие признаки, связанные с идентификационными процессами, ресурсным обеспечением и распределением, формированием моделей поведения и типичных условий жизнедеятельности, выстраиваются в сложной конфигурации взаимозависимости и определяют тот или иной формат социальных практик. Среди них наибольшую значимость имеют солидаристские практики, определяющие уровень сплоченности и согласия как внутри общностей, так и между ними.

Данное обстоятельство требует наличие общих, разделяемых общностью ценностей, установок, интересов как основания для формирования региональной идентичности. Без региональной

идентичности, которая выступает центрообразующим социальную общность признаком, эффективное региональное развитие в принципе невозможно, поскольку она находится в основе интегративных, солидаристских и консолидационных практик, наряду с другими элементами, образующими социальную общность. К ним относят важные для формирования пространства понимания и взаимодействия в регионе традиции, нормы и модели поведения, обычаи, правила, принимаемые социальными общностями [6; с. 17].

В регионах с пестрым этнокультурным составом, спецификой конфессиональной структуры региональных сообществ интегративные процессы протекают в собственной логике и динамике, но, будучи включенными в единое пространство региональных процессов в России, влияют на ход и характер социокультурного развития общества, а, следовательно, представляют интерес для науки и практики.

Пространственный подход. Состояние и проблемы южнороссийского региона в контексте пространственного подхода

Ю.А. Жданов называл Юг России «солнечным сплетением Евразии», подразумевая такую важную особенность данного региона, как готовность и умение к диалогу культур, что, видимо, связано с некой исторической миссией этого региона, находящегося на пересечении не только культур, пограничных зон, религий, но и цивилизаций.

Можно согласиться с мнением о том, что на Юге России сформировалась своеобразная «пограничная культура», включающая в себя целостные общности, история которых формировалась на пересечении цивилизационных миров и картин мира, простирающихся в пространстве между исламским, христианским, буддийским и языческим мирами, во многом далекими друг от друга, но их включение в пространственные связи обеспечило формирование пограничной культуры, синтезирующей в се-

бе элементы как близкородственных, так и дистантных культур. Будучи, как правило, гетерогенными, пограничные культуры имеют такие неперенные черты и свойства, как полиморфность, лабильность, толерантность, способность к энергичному восприятию, усвоению и переработке чужеродных относительных своей культурной специфики культурных ценностей и готовность «делиться» своими культурными ценностями и достижениями, не замыкаясь на собственных культурных мирах [1].

В силу этих свойств народы, Юг России в лиц его народов стал играть роль неких мостов, соединяющих различные культуры и цивилизации, а сама граница стала для этого региона символом двойного значения – с одной стороны, разделяющей культуры и народы, а с другой – соединяющей, связывающей проживающие по ее рубежам народы [7; с. 262].

В этом случае граница приобретает социокультурный смысл, отражая представления о дихотомической структуре жизненного мира, имманентно включающая структуры «свой»/«чужой» в том пространстве, которое формирует граница, сама становящаяся пространственной. Но пограничье имеет и конфликтный потенциал в силу отношений в пространстве «свой»/«чужой», а отсюда формирует зона напряжения, опасностей и тревог, которые тоже становятся частью социокультурного пространства пограничного региона, в условиях удаленности от «своего» мира, от центра, вынужденного полагаться на собственные силы в условиях меньшей защищенности, нежели другие регионы государства.

Ученые обращают внимание на опасность фронтального положения региона, поскольку, в случае радикального изменения «идентификационного кода» большей части населения этого региона, опасность может угрожать всей стране [5; с. 103] – для нее этот регион станет носителем «чужих» идентификационных установок и ценностей. Такой радикальный формат идентификационной стратегии населения фронтальных регионов, в принципе, возможен при определенных

условиях, поскольку они являются зоной амбивалентностей – в ней парадоксальным образом переплетается «свое» и «чужое».

Этими и другими обстоятельствами южнороссийский регион привлекает к себе пристальное внимание ученых различных отраслей знания (политологов, культурологов, философов, регионоведов, географов), в том числе и социологов, активно использующих междисциплинарный потенциал пространственного подхода в его изучении.

Значительное влияние на развитие регионов России оказывает фактор региональных неравенств. В.В. Маркин указывает на то, что эти неравенства так или иначе накладываются на специфику этнокультурного разнообразия региональных сообществ и становятся фактором вызовов и рисков социетального уровня с глубокими и острыми проявлениями, прежде всего, по линии различий в ключевых показателях экономического и социального развития региона, уровня и качества жизни населения, его социального самочувствия и восприятия реальности [8; с. 126].

Региональные неравенства порождают разнообразные риски для пространственного развития региона, в совокупности своей угрожающие дезинтеграционными процессами, в результате которых возможна реакция региональных сообществ и этногрупп в виде социального дистанцирования, роста конфликтов и социальной напряженности на почве экономического неблагополучия, снижения уровня жизни и т.д. А в условиях полиэтничных региональных пространств вступают в силу рискованные факторы, связанные с разбалансировкой межэтнических отношений и, соответственно, эскалацией конфликтов и противоречий на этнической почве.

Однако так происходит не всегда. Многое зависит от механизмов регуляции рынка труда, и здесь в условиях Юга России включаются неформальные механизмы, которые позволяют не выходить ситуации из-под контроля и выливаться в глубокие противоречия между представителями разных этнических групп.

Так, в подтверждение этих слов приведем результаты исследования ФНИСЦ РАН, которые продемонстрировали возможность недопущения межэтнических конфликтов в регионах Юга России в ситуации этнической гетерогенности рынка труда. Согласно мнению опрошенных экспертов, опрошенных в Ростовской области и Республике Крым, важная роль в регуляции межэтнических отношений и противоречий, а также сохранении межэтнического согласия в пространстве социально-трудовых и экономических отношений данных субрегионов Юга России принадлежит руководителям диаспор [13; с. 69–70]. Результаты эмпирических исследований, проведенных на территории Крыма группой ростовских ученых, также зафиксировали, что наиболее значимым аспектом для крымчан, независимо от этнической принадлежности, является развитие демократических принципов и укрепление правовых основ в регионе, и именно с этим ассоциируется благополучное и справедливое развитие как Крыма, так России в целом в общественном сознании жителей данного региона [4]. Собственно, это мнение можно распространить на все региональное сообщество Юга России, в котором, согласно результатам эмпирических замеров, ключевыми константами восприятия социально справедливого и благополучного социального порядка выступают социально-правовые и экономические аспекты жизнедеятельности населения [12].

Тем не менее, следует учитывать вероятность возникновения рисков в социальном пространстве Юга России, в котором множество этнокультурных миров и народов соединяется с южным темпераментом и особой ментальностью.

Заключение

Оценивая состояние Юга России в координатах пространственного подхода, следует выделить ряд факторов, определяющих проблемный фон развития данного региона. Прежде всего речь идет о влиянии таких факторов, как полиэтничность и поликонфессиональность данного региона, наличие внутриреги-

ональных неравенств, невысоких темпов социально-экономического развития, распространение неформальных правил и норм в разрешении социальных проблем и вопросов правового, экономического характера и т.д., что отражается на статусе региона и качестве жизни его населения, а также привлекает к нему внимание как региону, потенциально опасному для прогрессивного и безопасного развития регионального пространства.

Пространственный подход, активно используемый в современной регионалистике, предполагает целостный взгляд на развитие регионального пространства государства, в котором социальная ткань региональных взаимодействий не может не реагировать на негативные или позитивные импульсы в каждом из региональных кластеров, а потому значительный интерес, проявляемый к Югу России, далеко не праздный, а продиктованный как значимостью (геополитической, социокультурной, природно-климатической и т.д.) данного региона в пространственных координатах всего регионального сообщества страны, так и рисками, которые имманентно и реально содержатся в южно-российском регионе и угрожают остальному региональному пространству России.

Литература

1. Бадмаев В.Н. Пограничность социокультурного пространства Юга России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 2. С. 82–85.
2. Бузин В.Н. Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 4. С. 23–34.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
4. Верещагина А.В., Бинева Н.К., Войтенко В.П. Социальная справедливость в развитии полиэтничного регионального пространства Республики Крым: результаты массового опроса // Социология. 2021. № 6. С. 22–31.
5. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
6. Зборовский Г.Е. Региональное социальное пространство как социологический феномен // Социум и власть. 2010. № 4. С. 11–20.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
8. Маркин В.В. Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123–133.
9. Маркин В.В., Нелюбин А.А. Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 75–90.
10. Сердюкова В.А. Социокультурное пространство региона: единство или отсутствие регионального социума? // Экономика. Социология. Право. 2016. № 4. С. 62–65.
11. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Соломонова. М., 1992. 543 с.
12. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Бедрик, Н.К. Бинева, А.В. Верещагина, В.П. Войтенко, Н.И. Чернобровка; отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: РУСАЙНС, 2021. 180 с.
13. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации: результаты исследования [Электронное издание] / [М.Ф. Черныш и др.]; Отв. редактор М.Ф. Черныш. Электрон. текст. дан. (объем 0,95 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2016. – 103 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD ROM).

14. Чернявская О.С. Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329–335.

THE SOUTH RUSSIAN REGION IN SPATIAL DIMENSION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Uzunov V.V.

Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The purpose of the article is to assess the state of the South Russian region in the coordinates of the spatial approach. The methodological basis was formed by the theoretical provisions of the spatial approach and the deep potential of interdisciplinary developments. The article uses the results of empirical studies conducted in the regions of the South of Russia by the staff of FCTAS RAS. Due to the influence of factors of polyethnicity and polyconfessionality, regional inequality, contradictory trends of archaization and modernization, low rates of socio-economic development, the state of the South of Russia at the present stage can hardly be called prosperous. This affects the status of the region and the quality of life of its population, draws attention to it as a region potentially dangerous for the progressive and safe development of the regional space of Russia. The main problems of regional development, according to empirical data, are not related to purely interethnic conflicts and problems, but are localized in the space of socio-legal and economic relations. The well-being of the region and social justice in the organization and perception of social relations are associated with them in the public consciousness of residents of the South of Russia.

Keywords: spatial approach, social space, region, regional space, South Russian region.

References

1. Badmaev V.N. Borderline socio-cultural space of the South of Russia // Bulletin of the Maikop State Technological University. 2010. No. 2. pp. 82–85.
2. Buzin V.N. Social space in sociological discourse // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2010. No. 4. pp. 23–34.
3. Bourdieu P. Social space: fields and practices / Translated from French; Ed. of trans-

- lation, comp. and afterword by N.A. Shmatko. M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. 576 p.
4. Vereshchagina A.V., Bineeva N.K., Voitenko V.P. Social justice in the development of the multiethnic regional space of the Republic of Crimea: results of a mass survey. 2021. No. 6. pp. 22–31.
5. Zadorin I.V. Regions of the “frontier”: territorial identity and perception of “specialness” // *Politiya*. 2018. No. 2 (89). pp. 102–136.
6. Zborovsky G.E. Regional social space as a sociological phenomenon // *Society and power*. 2010. No. 4. pp. 11–20.
7. Lotman Yu.M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2010. 704 p.
8. Markin V.V. Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling // *Humanities of the South of Russia*. 2015. No. 4. pp. 123–133.
9. Markin V.V., Nelyubin A.A. Social modeling of spatial transformations. Monitoring of regional authorities // *Russia is reforming. Yearbook* / Ed. by M.K. Gorshkov. Issue 8. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2009. pp. 75–90.
10. Serdyukova V.A. Socio-cultural space of the region: unity or absence of regional society? // *Economy. Sociology. Right*. 2016. No. 4. pp. 62–65.
11. Sorokin P.A. *Man, civilization, society* / Edited by A.Y. Solomonov. M., 1992. 543 p.
12. Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening of the all-Russian identity of the population of the South of Russia: monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Bedrick, N.K. Bineeva, A.V. Vereshchagina, V.P. Voitenko, N.I. Chernobrovkina; ed. Yu.G. Volkov. M.: RUSAINS, 2021. 180 S.
13. Sociocultural and sociostructural factors of interethnic tension in the regions of the Russian Federation: research results [Electronic edition] / [M.F. Chernysh et al.]; Editor-in-chief M.F. Chernysh. Electron. text. dan. (volume 0.95 MB). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2016. – 103 p. 1 electron. opt. disc 12 cm. (CD ROM).
14. Chernyavskaya O.S. Social space: a review of theoretical interpretations // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Sociology. Psychology. Philosophy*. 2008. No. 5. pp. 329–335.

Исследование качества жизни китайских мигрантов в России

Чжан Цзяньвэнь,

старший преподаватель кафедры страноведения и культуры России, Хэйхэский университет, КНР
E-mail: 5644060@qq.com

Цзян Дань,

доцент кафедры страноведения и культуры России, Хэйхэский университет, КНР
E-mail: 1060396560@qq.com

Ключевые слова: качество жизни; оценка; китайцы; Россия; исследование; эмпирические методы; система интегральных показателей; индикаторы.

Статья посвящена рассмотрению такого понятия, как «качество жизни» применительно к китайским мигрантам, проживающим на территории России. Исследование построено на основе эмпирических методов, путём построения выборочной совокупности целевой аудитории для получения информации посредством наблюдения, интервью и анкетного опроса. Измерение оценки качества жизни представителей Китая, проводилось авторами с помощью таких показателей, как экономическое положение, особенности среды обитания, культурная сторона жизни и социальное взаимодействие русских и китайцев. По итогам исследования резюмируется, что, в целом, качество жизни граждан КНР в России находится на удовлетворительном уровне. Существующие проблемы следует рассматривать не только в экономической плоскости, и в более широком, социально-политическом поле.

Ключом к решению проблем китайской миграции могло бы стать укрепление сотрудничества и взаимосвязь двух государств, в связи с чем, возникает необходимость выстраивания доверия и укрепления контактов между китайским и русским народами.

Для повышения эффективности двустороннего сотрудничества, с целью аккультурации и исключения противоречий целесообразно объединение усилий:

- со стороны России, следует уделить особое внимание разработке комплексных государственных программ на долгосрочную перспективу, опирающихся на рациональный подход в развитии и предоставлении больших возможностей для китайских мигрантов;
- со стороны Китая, следует сделать акцент на повышении имиджа рабочей силы, путём повышения качества подготовленности китайских граждан, отправляющихся в Россию. Авторы отмечают, что проведенное исследование может способствовать выработке совместной стратегии России и Китая по управлению качеством жизни граждан двух государств.

Данная статья публикуется в рамках научно-исследовательского проекта основного операционного расхода вузов в провинции Хэйлунцзян 2022 г. на тему «Исследование качества жизни китайцев в России в новое время». Проект: 2022-KYYWF-0383.

Термин «качество жизни» был предложен американским экономистом Д.К. Гэлбрейтом ещё в 1960 году, который охарактеризовал «качество жизни» как комфорт, удобство и духовное наслаждение или удовольствие, получаемые людьми от жизни [1].

Понятие «качество жизни» весьма многогранно, и в настоящее время представляет собой объект пристального исследования ученых из разных областей науки.

Качество жизни показывает, насколько эффективно человек может удовлетворить свои материальные, интеллектуальные, социальные и духовные потребности, насколько качественно он может развиваться культурно и физически [2].

Каждая личность испытывает определенный дискомфорт из-за низкого качества жизни и получает моральное удовлетворение, если качество жизни находится на высоком уровне. Человеку свойственно стремление улучшать свой жизненный уровень: учиться, работать, добиваться успехов в карьере, признавать в обществе и пр.

Важно подчеркнуть, что термин «качество жизни» находится за рамками классического знания и требует исследований в контексте прикладной науки. Понятие витальности, социальной и индивидуальной субъектности позволяет выявить квинтэссенцированные характеристики качества жизни населения различных категорий, в том числе представителей различных этнических групп [3].

Данная доктрина создает вспомогательные основания для мировосприятия человека как социокультурного существа, пребывающего в меняющейся естественной и социокультурной среде, а также позволяет определить значение качества жизни индивидуума для общества, меры повышения его уровня, активного включения человека в жизнь общества, обеспечения доступности услуг в различных сферах жизнедеятельности для всех категорий населения, включая этнические группы [4].

Интенсивный рост миграционных потоков стал одним из источников всех глобальных проблем, затронувший все

страны мира в той или иной мере. Ярко выраженный этнополитический и этносоциальный характер миграции в России является причиной значительных изменений в социально-экономическом и общедемографическом развитии страны в целом.

На текущий момент приток китайских мигрантов является немаловажным каналом интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион, что придает российско-китайскому стратегическому партнёрству практическое значение [5].

Проблема миграции между Китаем и Российской Федерацией приобретает значительные геополитические, демографические и социально-экономические последствия. Для КНР миграция позволяет снимать напряженность на рынке труда, расширяет сферы влияния, поднимает экономическую эффективность. Для России китайская миграция компенсирует недостаток трудовых ресурсов [6].

С учетом вышесказанного, исследования субъективных оценок качества жизни мигрантов в лице представителей отдельных этнических групп приобретают все большую актуальность, что связано с высокой динамикой развития стратегических партнерских отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией.

Для осуществления эффективной миграционной политики необходимо иметь полное представление о жизни и положении этнических групп в стране. В последние годы присутствие китайских мигрантов в России довольно заметно. Таким образом, возникает необходимость исследования качества жизни граждан Китая в России. При этом оно может быть проанализировано в контексте осмысления развитости жизненного пространства мигрантов и характера его взаимодействия [7].

В рамках данного исследования был проведен социологический опрос китайских мигрантов, проживающих в России. Анкетированием было охвачено 500 респондентов в возрасте от 20 до 45 лет, из которых 300 человек осуществляют трудовую деятельность и 200 студентов.

Для оценки качества жизни китайцев в России была использована система индикаторов, которая включает в себя такие интегральные показатели как:

- уровень доходов;
- качество условий труда;
- качество жилищных условий;
- качество питания;
- степень доступности и качество медицинского обслуживания;
- уровень цен на товары и услуги;
- качество социального обслуживания;
- взаимоотношения с органами власти и местным населением;
- качество работы правоохранительных органов;
- степень безопасности;
- качество культурных и досуговых мероприятий;
- качество экологической среды;
- степень удовлетворенности жизнью.

По результатам опроса можно заключить, что большая часть представителей Китая осуществляют трудовую деятельность в сфере торговли – 54%, в строительной отрасли задействованы 27% респондентов, в общественном питании – 14%, в других сегментах – 5%.

Как показало исследование, уровень доходов китайских мигрантов в Российской Федерации достаточно высок. 30% респондентов указали, что зарабатывают хорошо в пределах 700–800 долларов в месяц, 19% мигрантов зарабатывают порядка 500–600 долларов в месяц, 17% имеют доходы 300–400 долларов. Около 15% мигрантов получают заработную плату от 800 до 1000 долларов в месяц, 12% – 1000–1500 долларов, 5% – 1500–2000 долларов, и, наконец, 2% указали уровень доходов свыше 2000 долларов в месяц. Что свидетельствует об успешной адаптации китайских мигрантов в России.

80% респондентов оказывают материальную помощь родственникам в Китае. 10% опрошенных не оказывают такой помощи, а 5% не помогают в связи с тем, что они считают свой доход низким, ещё 5% сами пользуются помощью родственников.

Значительная часть китайцев, пребывающих в России, в той или иной степе-

ни владеет русским языком или изучает его в данный период времени – 96% респондентов. Практически половина обладает первичными языковыми знаниями, которых оказывается достаточно для бытового общения [8].

К трудностям экономического характера 31% респондентов отнесли высокую арендную плату, дороговизну жизни указали 27%, большие налоги – 12%, высокие экономические риски – 12%, низкую репутацию товаров китайского производства – 12%.

Из многообразия условий, которые создают среду обитания мигранта, особый интерес представляет отношение к нему местных властей и населения [9]. Наиболее распространенной оценкой отношения российских органов власти к китайским мигрантам является нейтральная, которая составила 55%, «доброжелательное отношение» отметили 29%, «не вполне доброжелательное» – 14% и «враждебное» указали 2% респондентов.

По данным опроса китайских студентов на вопрос об организации учебы в российских вузах были получены следующие ответы:

- удовлетворены – 61%;
- не вполне удовлетворены – 35%;
- совершенно не удовлетворены – 2%.

72% китайских студентов вполне удовлетворены условиями своего проживания в России, что составляет большинство опрошенных респондентов.

Со стороны российских студентов китайские обучающиеся, судя по материалам опроса, встречают в основном нейтральное отношение (49%); доброжелательное отношение составило 29%, «не вполне доброжелательное» отметили 22% респондентов.

Анализируя материальное положение китайских студентов, можно заключить, что больше половины студентов (54%) имеют возможность ни в чем себе не ограничивать, и могут позволить себе уезжать домой на праздники. Примерно треть респондентов, так или иначе, совмещает учебу с работой, от случайных подработок до регулярной работы по найму полный рабочий день в каче-

стве торговых служащих, переводчиков, гидов и т.д., что составило 32% от общей массы опрошенных респондентов [10]. Также есть студенты, которые являются владельцами собственного бизнеса (14%).

На вопрос «Как изменилось ваше мнение о России за время пребывания в стране?» было получено преимущественно позитивных ответов о России, как о перспективе успешной учёбы и работы – 57%. Большинство китайцев хотели бы продолжить свою деятельность в России – 62% респондентов, но, необходимо отметить, что 99% не хотят становиться гражданами России.

Общее мнение о России как стране, принимающей мигрантов, сложилось больше положительное (69%), отрицательно ответили 12% респондентов, неопределенно – 14%, затруднились ответить 5%.

Таким образом, по данным, полученным в результате исследования, можно заключить, что, невзирая на разницу между менталитетом, культурой, традициями и обычаями китайцев и русских, качество жизни китайцев в России достаточно благополучно. Значительная часть респондентов связывает с Россией своё будущее в ближайшей перспективе. Это формирует определенный потенциал и возможности для проведения высокоэффективной миграционной политики, выстраивания в стране благоприятной обстановки для приема и обустройства представителей китайского этноса, формирования благожелательного отношения со стороны населения. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при формировании совместной стратегии России и КНР по управлению качеством жизни граждан двух государств.

Литература

- Galbraith, J.K. *The Affluent Society*. N.Y., 1999. – 274 p.
- Зарецкий, А. Д., Иванова Т.Е. *Качество жизни (учебное пособие) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2012. – № 9. – С. 102–107.
- Нехода, Е.В., Рощина И.В., Пак В.Д. *Качество жизни: проблемы измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика.* – 2018. – № 43. – С. 107–126.
- Веремейчик, А.С. *Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах учёных КНР // Ойкумена.* – 2019. – № 1. – С. 50–56.
- Ларин, А.Г. *Китайские мигранты в России. История и современность.* М., 2019. – 512 с.
- Кочергина, А.М. *Статистическое исследование уровня и качества жизни населения РФ // Молодой ученый.* – 2016. – № 4 (108). – С. 413–417. – URL: <https://moluch.ru/archive/108/25954/> (дата обращения: 23.04.2023).
- Портяков, В.Я. *Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока.* – 2020. – № 3. – С. 38–47.
- Цзян Чжаньминь. *Углубленное исследование феномена «китайской миграции» на современном российском Дальнем Востоке // Исследования Сибири.* – 2011. – № 6. – С. 45–47.
- Цуй Япин. *Анализ китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в исторической ретроспективе // Народонаселение и экономика.* – 2023. – № 1 – С. 32–36.
- Вечканов, Г.С. *Качество жизни населения как признак состояния общества // Экономист.* – 2021. – № 7. – С. 45–55.

STUDY OF THE QUALITY OF LIFE OF CHINESE MIGRANTS IN RUSSIA

Zhang Jianwen, Jiang Dan
Heihe University, China

This article is published as part of the research project of the main operating expense of universities in Heilongjiang province in 2022 on the topic “Study of the quality of life of Chinese in Russia in modern times”. Project: 2022-KYY-WF-0383.

The article is devoted to the consideration of such a concept as “quality of life” in relation to Chinese migrants living in Russia. The study is based on empirical methods, by building a sample of the target audience to obtain information through observation, interviews and question-

naires. The authors measured the quality of life of Chinese representatives using indicators such as the economic situation, habitat features, the cultural side of life and social interaction of Russians and Chinese. According to the results of the study, it is summarized that, in general, the quality of life of Chinese citizens in Russia is at a satisfactory level.

The existing problems should be considered not only in the economic plane, but also in the broader socio-political field.

The key to solving the problems of Chinese migration could be strengthening cooperation and the relationship between the two states, which makes it necessary to build trust and strengthen contacts between the Chinese and Russian peoples.

To increase the effectiveness of bilateral cooperation, in order to acculturate and eliminate contradictions, it is advisable to combine efforts: – on the part of Russia, special attention should be paid to the development of comprehensive state programs for the long term, based on a rational approach in the development and provision of great opportunities for Chinese migrants; – on the part of China, emphasis should be placed on improving the image of the workforce by improving the quality of preparedness of Chinese citizens traveling to Russia.

The authors note that the conducted research can contribute to the development of a joint strategy of Russia and China to manage the quality of life of citizens of the two states.

Keywords: quality of life; assessment; Chinese; Russia; research; empirical methods; system of integral indicators; indicators.

References

1. Galbraith, J.K. *The Affluent Society*. N.Y., 1999. – 274 p.
2. Veremeychik, A.S. Issues of modern Chinese migration to Russia in the works of scientists of the People's Republic of China // *Oikumena*. – 2019. – N 1. – P. 50–56.
3. Zaretsky, A. D., Ivanova T.E. Quality of life (textbook) // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. – 2012. – N 9. – P. 102–107.
4. Kochergina, A.M. Statistical study of the level and quality of life of the population of the Russian Federation // *Young scientist*. – 2016. – N 4 (108). – P. 413–417. – URL: <https://moluch.ru/archive/108/25954/> (date of application: 04/23/2023).
5. Larin, A.G. *Chinese migrants in Russia. History and modernity*. Moscow, 2019. – 512 p.
6. Nekhoda, E.V., Roshchina I.V., Pak V.D. Quality of life: measurement problems // *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. – 2018. – N 43. – P. 107–126.
7. Portyakov, V. Ya. New Chinese migrants in Russia: interim results // *Problems of the Far East*. – 2020. – N 3. – P. 38–47.
8. Jiang Zhanmin. In-depth study of the phenomenon of “Chinese migration” in the modern Russian Far East // *Studies of Siberia*. – 2011. – N 6. – P. 45–47.
9. Tsui Yapin. Analysis of Chinese migrants in the Russian Far East in historical retrospect // *Population and Economy*. – 2023. – N 1 – P. 32–36.
10. Vechkanov, G.S. The quality of life of the population as a sign of the state of society // *Economist*. – 2021. – № 7. – P. 45–55.

Исследование влияния эмоционального выгорания на конфликтность педагогов в современных педагогических коллективах

Пожарская Елена Леонидовна,

к.э.н., доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: Pozharskaya.EL@rea.ru

Шукшина Людмила Викторовна,

д.филос.н., профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова)
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Шубина Алла Валерьевна,

преподаватель ГБПОУ «КФКС «Спарта»
Москомспорта
E-mail: allashubina@yandex.ru

В статье рассматривается проблема профессионального выгорания педагогов, так как данная профессия, безусловно, является чрезвычайно важной, ведь от состояния педагогической системы, в том числе от психологического самочувствия конкретных педагогов зависит образовательный уровень подрастающего поколения, а значит интеллектуальный потенциал всего общества, в том числе в таких стратегически важных направлениях как экономическое и культурное развитие. В статье представлено исследование влияния эмоционального выгорания на конфликтность педагогов, на примере колледжа физической культуры и спорта «СПАРТА». Исходя из результатов, представленных в исследовании, можно утверждать, что синдром «выгорания» педагогов имеет свои особенности в смысле специальности и характеризуется рядом факторов, которые влияют на поведение педагогов в конфликтной ситуации.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, конфликтность личности, эмоциональное выгорание, профессиональная фрустрация.

Понятие «профессиональное выгорание» достаточно часто употребляется при рассмотрении особенностей профессиональной деятельности в профессиях, связанных с большим объемом личных социальных коммуникаций. Представители данных профессий – врачи, юристы, психологи, педагоги, социальные работники и другие. Характерной особенностью таких профессия является высокий уровень стресса, а также повышенный уровень ответственности. [3,5,6]

Профессия педагог, безусловно, является чрезвычайно важной, ведь от состояния педагогической системы, в том числе от психологического самочувствия конкретных педагогов зависит образовательный уровень подрастающего поколения, а значит интеллектуальный потенциал всего общества, в том числе в таких стратегически важных направлениях как экономическое, культурное и спортивное развитие. Наличие постоянно действующих стрессовых факторов, присущих данной профессии, неизбежно снижает ее популярность у молодых специалистов, что является значимой проблемой развития сферы образования. Кроме того, наличие выраженного синдрома профессионального выгорания снижает уровень самоотдачи педагогов в процессе осуществления педагогической деятельности, что негативно сказывается на качестве образовательного процесса. [4,7]

По мнению Д.Г. Трунова необходимо относится к «синдрому выгорания (сгорания)» не как к врагам, а как к сигналам, которые мы получаем от самих себя, и которые «говорят», что с нами происходит нечто, стоящее внимания. В настоящее время он так же указывает на то, что «синдром сгорания» это естественный и нормальный процесс.

Эмоциональное выгорание является комплексной защитной реакцией ор-

ганизма на неблагоприятные условия профессиональной деятельности. Возникновение и особенности протекания зависят при этом не только от характера профессии, но и от ряда личностных особенностей специалиста, к числу которых можно отнести особенности восприятия им тех или иных обстоятельств своего профессионального окружения, степень личной вовлеченности в профессиональную деятельность. [1,2,4]

Конфликтность личности – это черта характера, которая способствует частоте конфликта и проникновению в него человека. Конфликт личности определяется действием психологических факторов, таких как особенность темперамента, уровень агрессивности, конкуренция в общении, эмоциональное состояние. А также ряд социальных факторов – условия жизни и труда, окружающая среда и социальная среда, общий уровень культуры. Таким образом, конфликт является сложным показателем, который связан с личными условиями и предпосылками социальной среды. Как представляется, описанные выше явления могут иметь общие корни, предпосылки для своего появления и развития, а также проявляться во взаимной связи друг с другом.

Основными факторами выгорания педагогов являются высокая эмоциональная и личностная включенность в профессиональную деятельность, высокий уровень конфликтности педагогической деятельности, изменение социального статуса учителя в последнее время. Постоянное воздействие этих факторов предопределяет высокий уровень профессионального выгорания, что требует систематической психокоррекционной профилактической работы с педагогами школы [8,9,10].

Целью работы является исследование влияния эмоционального выгорания на конфликтность педагогов, на примере **колледжа** физической культуры и **спорта** «СПАРТА».

Объект исследования – психологические особенности деятельности педагогов.

Предмет исследования – взаимосвязь эмоционального выгорания и по-

ведения в конфликтных ситуациях педагогов.

В процессе исследования были использованы следующие методики: опросник «Психическое выгорание» (К. Маслач и С. Джексон, адаптирован Н.Е. Водопьяновой); исследования особенностей реагирования в конфликтной ситуации К. Томаса, методика на определение уровня социальной фрустрированности (УСФ) (Л.И. Вассерман).

Базой исследования являлся ГБПОУ «**КФКС «Спарта» Москомспорта**. Общий объем выборки – 60 человек, учителя, спортивные педагоги и члены административного состава данного образовательного учреждения.

В ходе проведенной исследовательской работы по изучению профессионального выгорания и его влияния на конфликтность педагогических работников были получены следующие результаты.

Изучение уровня напряженности административно-педагогической и учебно-педагогической деятельности показало, что профессия педагогических работников справедливо относится к категории напряженного труда как по критериям умственной деятельности, режима труда и санитарно-гигиенических условий, так и по критерию работы с информацией.

Прежде всего, приведем результаты обследования обеих групп испытуемых по методике «Психическое выгорание». Данная методика позволяет выделить три уровня эмоционального выгорания: высокий, средний и низкий по каждой из шкал опросника. Результаты по методике эмоционального выгорания представлены в Таблице 1

\ К наиболее склонным к «выгоранию» относятся педагогические работники группы «педагоги» и именно у этих людей проявляются симптомы профессиональной усталости. Среди группы «администрация» нет явного преобладания одного из уровней эмоционального истощения. Тогда как среди испытуемых группы «педагоги» – это уровень средний (56%), следовательно, испытуемые данной группы в большей степени прояв-

ляют чувство эмоциональной усталости и опустошенности, вызванное собственной работой (критерий Манна–Уитни равен 0,048 при p менее 0,05).

Таблица 1. Результаты исследования по методике «Психическое выгорание», (в %)

Уровни выгорания	Администрация	Педагоги
Эмоциональное истощение		
Низкий	33	22
Средний	33	56
Высокий	34	22
Деперсонализация		
Низкий	55	55
Средний	28	45
Высокий	17	–
Редукция личностных достижений		
Низкий	17	–
Средний	50	55
Высокий	33	45

Для большинства испытуемых характерен низкий уровень деперсонализации (группа «администрация» и группа «педагоги» – 55%). Следовательно, в целом испытуемые не проявляют циничного отношения к труду и объектам своего труда. Высокие показатели деперсонализации отсутствуют у испытуемых группы «педагоги», тогда как у группы «администрация» они представлены у 17% респондентов.

Для большинства же испытуемых редукция личностных достижений находится на среднем уровне, следовательно, у большинства испытуемых периодически возникает чувство некомпетентности в своей профессиональной деятельности, осознание в ней неуспеха.

Результаты исследования по опроснику К. Томаса представлены в Таблице 2.

Полученные данные свидетельствуют о преобладании у испытуемых группы «администрация» такого способа реагирования как «сотрудничество» (47%) и «соревнование» (33%). Следовательно, испытуемые группы «администра-

ция» в процессе взаимодействия с окружающими в большей степени стремятся к возможности альтернативы и сотрудничества на основе взаимных интересов, а не добиваются результатов в ущерб интересам других людей.

Таблица 2. Особенности реагирования испытуемых в конфликтной ситуации (в %)

Способы реагирования	Администрация	Педагоги
Соревнование	33	53
Приспособление	–	13
Компромисс	7	7
Избегание	13	13
Сотрудничество	47	14

Большинство испытуемых группы «педагоги» (53%) стремятся добиваться результатов и своих интересов в ущерб интересам других людей. Необходимо заметить, что такой способ реагирования в конфликтной ситуации как «приспособление», «компромисс» и «избегания» не характерен для испытуемых как группы «администрация» (20%), так и группы «педагоги» (33%).

Сопоставление данных об уровне профессионального выгорания и особенностей реагирования педагогических работников в конфликтной ситуации позволяет говорить о том, что чем выше уровень профессионального выгорания, тем в большей степени испытуемые склонны проявлять неадекватные способы поведения в конфликтной ситуации и наоборот, чем в меньшей степени испытуемые проявляют показатели профессионального выгорания, тем в меньшей степени они будут проявлять непродуктивные и неблагоприятные стратегии поведения в конфликтной ситуации. Коэффициент ранговой корреляции равен 0,52 при p менее 0,01.

Результаты исследования по методике на определение уровня социальной фрустрированности показали, что у большинства испытуемых группы «администрация» (61%) преобладает уме-

ренный уровень общей удовлетворенности, тогда как у испытуемых группы «педагоги» преобладает зона неопределенного результата между удовлетворенностью и неудовлетворенностью. Достоверность и значимость таких различий подтверждается методами математической статистики (критерий Манна-Уитни равен 0,018 при $p < 0,01$).

Результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты исследования индекса общего уровня удовлетворенности по шкале «Уровень социальной фрустрированности» (УСФ), в%.

	Администрация	Педагоги
Высокий уровень удовлетворенности	7	6
Умеренный уровень	61	26
Неопределенный уровень	28	56
Умеренно неудовлетворенный	4	12

В равном количестве представлены испытуемые с высоким уровнем общей удовлетворенности – в группе «администрация» 7%, а в группе «педагоги» 6%.

Умеренный уровень общей неудовлетворенности в большей степени представлен у группы «педагоги» (12%), тогда как у группы «администрация» – это всего 4%. Достоверность и значимость различий так же подтверждается (критерий Манна-Уитни равен 0,52 при p менее 0,01).

26% испытуемых группы «педагоги» и 61% группы «администрация» в целом показывают умеренный уровень удовлетворенности.

56% респондентов группы «педагоги» и 28% группы «администрация» проявляют зону неопределенного результата между удовлетворенностью и неудовлетворенностью.

Анализ представленных в Таблице 4 данных свидетельствует о том, что для испытуемых данной выборки вне зависимости от направленности работы характерна умеренная социальная фрустриро-

ванность (критерий Манна–Уитни равен 0,063 при p более 0,01).

Таблица 4. Результаты исследования общего уровня социальной фрустрированности (в %)

	Администрация	Педагоги
Очень высокая	4	0
Высокая	11	33
Умеренная	57	47
Низкая	28	20

Группа «администрация» – 57%, а группа «педагоги» – 47%. Такие испытуемые умеренно проявляют состояние расстройства, подавленности, а препятствия, возникающие на пути к достижению цели, не воспринимаются ими как непреодолимые. При этом 28% испытуемых группы «администрация» и 20% испытуемых группы «педагоги» проявляют низкую социальную фрустрированность.

Достоверные и значимые различия получились по уровню высокой социальной фрустрированности – 11% испытуемым группы «администрация» и 33% испытуемым группы «педагоги» свойственно состояние расстройства, подавленности, препятствия, возникающие на пути к достижению цели, кажутся им не преодолимыми, даже если они таковыми не являются (критерий Манна-Уитни равен 0,044 при p менее 0,01).

Таким образом, у большинства испытуемых данной группы с умеренным уровнем социальной фрустрированности присутствует постоянно действующий психоэмоциональный фактор напряженности. При этом большинство работников считают, что их работа связана с психоэмоциональными перегрузками, а также то, что их работа является физически напряженной. Большинство испытуемых сознательно выбрали свою профессию, следуя либо своим убеждениям, либо продолжая семейные традиции, однако у каждого третьего педагогического работника отношение к профессии в последние годы ухудшилось. 73% испытуемых отмечают удовлетворительными отношения с коллегами по работе.

Наиболее высокая неудовлетворенность материальным положением – 100%, что играет не менее важную роль в психоэмоциональном состоянии – это и жилищно-бытовые условия, это и образ жизни, это и положение в обществе: 56% педагогов не удовлетворены своим положением в обществе (достоверность и значимость результатов подтверждается). Показано, что испытуемые группы «педагоги» в большей степени не удовлетворены своим материальным положением, чем испытуемые группы «администрация», что вполне закономерно, ведь уровень оплаты труда в первой категории традиционно ниже, чем во второй (критерий Манна-Уитни равен 0,038 при $p < 0,01$).

Таким образом, указанные факты свидетельствуют о наличии серьезных предпосылок к профессиональной фрустрации обследованных педагогов из-за ситуации повседневного стресса, возникающего в профессиональной деятельности. Также для обследованных испытуемых характерен повышенный уровень неконструктивных реакций в конфликтных ситуациях. Проведенный корреляционный анализ продемонстрировал на статистически значимом уровне наличие значимых взаимосвязей между данными группами явлений, что подтверждает и анализ литературы по этой проблеме.

Литература

1. Акиндинова И.А. Эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности педагога: проявления и профилактика / И.А. Акиндинова, А.А. Баканова // Педагогические вести РГПУ. – СПб. 2013, № 25, с. 23–29.
2. Ашанина Е.Н., Крийт Е.Е., Пожарская Е.Л. Защитно-совладающее поведение менеджеров высшего образования с различным стажем работы. Проблемы теории и практики управления. 2020. № 6. С. 113–121.
3. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб., 2005.
4. Васякин Б.С., Пожарская Е.Л., Ростеванов А.Г. Социально-психологические факторы, влияющие на профессиональное выгорание сотрудников. Горизонты экономики. 2020. № 1 (54). С. 33–37
5. Водопьянова Н.Е. Синдром «психического выгорания» в коммуникативных профессиях // Психология здоровья / Под. ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: изд-во СПбГУ, 2000.
6. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика, – СПб.: Питер, 2005.
7. Пожарская Е.Л., Дебердеева Н.А. Проблема развития личности преподавателя в процессе его профессиональной деятельности. В сборнике: ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ВУЗЕ. Материалы VII Международной научно-практической очно-заочной конференции. 2019. С. 219–225.
8. Пожарская Е.Л., Дебердеева Н.А. Управление стрессом посредством социально-психологического тренинга, как способа психологической помощи менеджерам в современных экономических условиях. В сборнике: Современный тренинг и коучинг: новые возможности в бизнесе и образовании. Материалы по итогам V Международной научно-практической конференции. Отв. редакторы: Б.С. Васякин, Е.Л. Пожарская, Н.А. Дебердеева. 2020.
9. Пожарская Е.Л., Овсяник О.А., Васякин Б.С., Бережная М.С. Современные здоровьесберегающие психотехнологии по профилактике и предупреждению стресса в деятельности профессорско-преподавательского состава вуза. // Плехановский научный бюллетень. 2018. № 1 (13). С. 81–86.
10. Пожарская Е.Л., Камнева Е.В., Мочалов Е.В., Елдин М.А. Профилактика «эмоционального выгорания» как средство сохранения здоровья преподавателей. Теория и практика физической культуры. 2017. № 9. С. 51–53.

STUDY OF THE INFLUENCE OF EMOTIONAL BURNOUT ON THE CONFLICT OF TEACHERS IN MODERN TEACHING STAFF

Pozharskaya E.L., Shukshina L.V., Shubina A.V.

Plekhanov Russian University of Economics; GBPOU "KFKS "Sparta" of Moskomspor

The article deals with the problem of professional burnout of teachers, since this profession, of course, is extremely important, because the educational level of the younger generation, and hence the intellectual potential of the whole society, including in such strategically important areas as economic and cultural development, depends on the state of the pedagogical system, including the psychological well-being of specific teachers. The article presents a study of the influence of emotional burnout on the conflict of teachers, using the example of the College of Physical Culture and Sports "SPARTA". Based on the results presented in the study, it can be argued that the syndrome of "burnout" of teachers has its own characteristics in the sense of specialty and is characterized by a number of factors that affect the behavior of teachers in a conflict situation.

Keywords: professional burnout, personality conflict, emotional burnout, professional frustration.

References

1. Akindinova I.A. Emotional burnout in the professional activity of a teacher: manifestations and prevention / I.A. Akindinova, A.A. Bakanova // Pedagogical news of the Russian State Pedagogical University. – ST. PETERSBURG. 2013, no. 25, pp. 23–29.
2. Ashanina E.N., Kriit E.E., Pozharskaya E.L. Protective and coping behavior of higher education managers with different work experience. Problems of theory and practice of management. 2020. № 6. S. 113–121.

3. Boyko V.V. Syndrome of «emotional burnout» in professional communication. – SPb., 2005.
4. Vasyakin B.S., Pozharskaya E.L., Rostevanov A.G. Socio-psychological factors affecting the professional burnout of employees. Economic horizons. 2020. No. 1 (54). S. 33–37.
5. Vodopyanova N.E. Syndrome of «mental burnout» in communicative professions // Psychology of health / Pod. Ed. by G.S. Niki-forov. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2000.
6. Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S. Burnout syndrome: diagnosis and prevention, St. Petersburg: Peter, 2005.
7. Pozharskaya E.L., Deberdeeva N.A. The problem of the development of the teacher's personality in the process of his professional activity. In the collection: HUMANITARIAN EDUCATION IN AN ECONOMIC UNIVERSITY. Proceedings of the VII International Scientific and Practical Correspondence Conference. 2019. S. 219–225.
8. Pozharskaya E.L., Deberdeeva N.A. Stress management through socio-psychological training as a way of psychological assistance to managers in modern economic conditions. In the collection: Modern training and coaching: new opportunities in business and education. Materials on the results of the V International Scientific and Practical Conference. Otv. editors: B.S. Vasyakin, E.L. Pozharskaya, N.A. Deberdeeva. 2020.
9. Pozharskaya E.L., Ovsvyanik O.A., Vasyakin B.S., Berezhnaya M.S. Modern health-saving psychotechnologies for the prevention and prevention of stress in the activities of the faculty of the university. Plekhanov Scientific Bulletin. 2018. № 1 (13). S. 81–86.
10. Pozharskaya E.L., Kamneva E.V., Mochalov E.V., Eldin M.A. Prevention of «emotional burnout» as a means of preserving the health of teachers. Theory and practice of physical culture. 2017. № 9. S. 51–53.

Инструменты формирования и развития инновационной корпоративной культуры в организации

Тарутин Никита Вадимович,

аспирант Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства, и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)
E-mail: nv.tarutin@gmail.com

Цель настоящего исследования заключается в разработке инструментов формирования и развития инновационной корпоративной культуры в организации. В работе рассмотрены ключевые отличия традиционной корпоративной культуры от инновационной. Автором выявлены проблемы, которые могут затруднить достижение целей и задач, связанных с внедрением и развитием инновационной корпоративной культуры. В исследовании выделены этапы, которые происходят при формировании инновационной корпоративной культуры в организации. Автором сформулированы ключевые инструменты управления процессами формирования и развития инновационной корпоративной культуры. Руководство организаций может использовать различные инструменты для внедрения и развития инновационной корпоративной культуры, включая обучение и развитие работников, открытую коммуникацию, сбор обратной связи и создание инновационной инфраструктуры. В заключение были выделены ключевые аспекты в деятельности организации, на которые может повлиять инновационная корпоративная культура. Сделан вывод о том, что формирование и развитие инновационной корпоративной культуры является важным фактором для успешного функционирования современных организаций.

Ключевые слова: корпоративная культура; управление инновациями; инновационная корпоративная культура; открытые коммуникации; бизнес-стратегия; конкурентоспособность организаций

Введение

Актуальность настоящего исследования обуславливается тем, что современные рыночные реалии требуют от компаний не только производства конкурентоспособных продуктов и услуг, но и постоянного развития и внедрения инноваций. В данных условиях инновационная корпоративная культура может стать одним из ключевых факторов, обеспечивающих конкурентоспособность компании на рынке. Инновационная корпоративная культура означает, что компания не только создает новые продукты и услуги, но и активно ищет новые способы улучшения своих бизнес-процессов и управления своими ресурсами, а также внедряет новые формы взаимодействия и коммуникации с сотрудниками. Подобный тип организационной культуры, как правило, присущ организациям, ориентированным на будущее: нефтегазовым компаниям, инвестиционным банкам, строительным компаниям, а также в некоторой степени крупным промышленным предприятиям [4].

Большинство современных организаций осознают необходимость внедрения и развития инновационной корпоративной культуры, которая позволяет создать благоприятную среду для реализации новых идей и внедрения передовых технологий. Прогрессивные руководители также рассматривают корпоративную культуру своей организации как мощный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать все подразделения и отдельных лиц на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников, обеспечивать лояльность и облегчать коммуникации.

Однако, для того чтобы корпоративная культура стала фактором конкурентоспособности организации, необходимо ее правильно сформировать и довести до каждого сотрудника. Очевидно, что

создание и поддержание инновационной корпоративной культуры требует значительных усилий и существенное количество времени, а также грамотного управления [3]. Таким образом, цель настоящей статьи заключается в разработке инструментов формирования и развития инновационной корпоративной культуры в организации.

Отличия инновационной корпоративной культуры от традиционной

В широком смысле инновационная корпоративная культура представляет собой совокупность ценностей, норм, традиций и практик, которые способствуют развитию и внедрению новых идей и технологий в организации. Это подход к управлению, который ставит инновации в центр своей деятельности и стремится обеспечить условия для создания новых продуктов, услуг и процессов [8].

Говоря о ключевых отличиях традиционной корпоративной культуры от инновационной, стоит отметить, что традиционная корпоративная культура характеризуется устоявшимися принципами и подходами к управлению организацией, которые обычно связаны с ее историческим развитием и традициями. Также она зачастую бывает довольно консервативной, что может затруднить изменения и инновации внутри организации. В то же время инновационная корпоративная культура организации основывается на открытости, гибкости и способности организации к быстрому изменению.

Коммуникация и обмен идеями между различными отделами и уровнями управления являются основой инновационной корпоративной культуры. Сотрудники поощряются к выражению своих идей, а руководство компании старается создать условия для обмена идеями и мнениями. Также инновационная корпоративная культура организации характеризуется гибкостью и способностью к быстрой адаптации к изменениям [2]. При таком типе корпоративной культуры руководство организации поощряет

новаторство и творчество: сотрудники стараются искать новые способы улучшения продуктов и услуг компании, а руководство компании создает условия для творческой работы и развития идей.

Подчеркнем, что в рамках инновационной корпоративной культуры организация ориентирована на будущее и на развитие: компания стремится к созданию новых продуктов и услуг, а также к развитию новых рынков и технологий. Традиционная корпоративная культура, напротив, может быть ориентирована на сохранение текущих условий и укрепление уже устоявшихся позиций на рынке. Помимо этого, внедряя инновационную корпоративную культуру руководство организации старается распределить власть и ответственность на разных уровнях управления, чтобы стимулировать инициативу и креативность со стороны подчиненных [10]. В традиционной культуре, напротив, руководство может сосредоточить власть и ответственность в руках небольшого числа высших руководителей.

Таким образом, инновационная корпоративная культура организации отличается от традиционной культуры своей гибкостью, открытостью, готовностью к изменениям и ориентацией на будущее. Понимание различий между инновационной и традиционной корпоративной культурами может помочь компаниям определить свои сильные стороны и позволить скорректировать вектор своего развития.

Однако, при формировании и развитии инновационной корпоративной культуры организации зачастую сталкиваются с рядом проблем, которые могут затруднить достижение целей и задач, связанных с инновациями. Так, одной из основных проблем при формировании инновационной корпоративной культуры является отсутствие поддержки со стороны руководства организации [1]. Если высшее руководство не демонстрирует явной поддержки инновационной деятельности, то сотрудники не будут чувствовать себя мотивированными для поиска новых идей или участия в инновационных проектах. Без явной поддерж-

ки и понимания со стороны руководства процессы формирования и развития инновационной культуры могут оказаться труднодостижимыми.

Еще одной проблемой при формировании инновационной корпоративной культуры является отсутствие достаточных ресурсов, поскольку процесс внедрения инноваций требует дополнительных ресурсов (временных, финансовых, человеческих и других). Если организация не готова выделять ресурсы для поддержки инновационных проектов, то попытки формирования и развития инновационной культуры могут оказаться неэффективными и неудачными.

Другой проблемой может выступить то, что сложившаяся организационная культура в рамках организации может быть слишком консервативной, и устоявшиеся стереотипы будут препятствовать формированию инновационной культуры. Сотрудники могут опасаться выдвигать новые идеи, боясь быть отвергнутыми или наказанными, а сами организации могут быть не готовы к изменениям (особенно если они имеют успешную бизнес-модель и высокую рентабельность) [9].

Еще одной проблемой при формировании инновационной корпоративной культуры может стать отсутствие интеграции инноваций в стратегию организации. Очевидно, что инновации должны быть интегрированы в бизнес-стратегию организации и направлены на достижение стратегических целей. Если инновации не интегрируются в стратегию организации, то они могут стать лишь дополнительными затратами, а не инструментом для увеличения прибыли и конкурентоспособности.

Таким образом, для успешного формирования и развития инновационной корпоративной культуры организации должны уделять особое внимание решению вышеуказанных проблем и создавать условия для успешной реализации инновационных проектов.

Этапы и инструменты формирования и развития инновационной корпоративной культуры в организации

Для достижения поставленной в исследовании цели автором были выделены укрупненные этапы, которые происходят при формировании инновационной корпоративной культуры в организации, а именно:

1. Идентификация целей и задач организации.
2. Определение принципов и ценностей организации.
3. Обучение и развитие сотрудников.
4. Разработка и внедрение инновационной корпоративной культуры.
5. Поддержание инновационной корпоративной культуры.
6. Интеграция инновационной корпоративной культуры в бизнес-стратегию организации.

Рассмотрим более подробно содержание каждого из этапов. Первый этап формирования инновационной корпоративной культуры заключается в определении целей и задач компании. Компания должна понимать, чего она хочет достичь и какие ценности и установки ей необходимо привить своим сотрудникам. Важно, чтобы эти цели были четко сформулированы и понятны всем сотрудникам компании. Второй этап связан с определением принципов и ценностей компании, которые будут описывать ее корпоративную культуру. Организация должна определить, какие ценности она считает важными и какие принципы будут лежать в основе ее деятельности. Эти ценности и принципы должны быть ясными и доступными для всех сотрудников компании.

Третий этап заключается в обучении и развитии сотрудников компании. Руководство организации должно обеспечить своих сотрудников необходимыми знаниями и навыками, чтобы они могли применять инновационные методы в рамках своей деятельности. Обучение и развитие должны стать системными и постоянными процессами, которые будут помогать сотрудникам расти и развиваться вместе с компанией. Четвертый этап заключается во внедрении инновационной корпоративной культуры и включает в себя поощрение сотрудников к идеям и экспериментам, а также поддержку их

внедрения. Организация должна создать атмосферу, в которой сотрудники чувствуют себя комфортно для выражения своих идей и их развития.

Пятый этап заключается в поддержке разработанной инновационной культуры. То есть организация должна продолжать создавать условия для роста и развития инновационной культуры, поддерживать сотрудников в их идеях, а также поощрять успешные и инновационные проекты. Компания должна также внедрять системы, которые позволяют оценивать и измерять инновационную культуру внутри компании [5]. Последний этап заключается в интеграции инновационной корпоративной культуры в бизнес-стратегию компании. Как отмечалось ранее в исследовании, инновационная культура должна стать неотъемлемой частью бизнес-стратегии. А сама компания должна постоянно анализировать свой уровень инновационной корпоративной культуры и, при необходимости, вносить коррективы в стратегию, чтобы она соответствовала меняющимся условиям рынка и потребностям клиентов.

Безусловно, для эффективной реализации описанных выше этапов необходимо грамотное и эффективное управление процессами формирования и развития инновационной корпоративной культуры. В этой связи автором были сформулированы инструменты управления процессами формирования и развития инновационной корпоративной культуры.

Одним из способов управления, по мнению автора, может стать создание проектной команды (или структурного подразделения внутри организации), которая будет отвечать за развитие и поддержку инновационной культуры. Такая команда должна иметь достаточный авторитет и ресурсы, чтобы реализовывать инновационные проекты и идеи [7].

Вторым инструментом может выступить интеграция сотрудников в процесс формирования и последующего развития инновационной корпоративной культуры. Необходимо создавать условия, при которых каждый сотрудник компа-

нии может внести свой вклад в развитие организации, а также принимать участие в создании инновационной культуры. Для этого могут использоваться различные инструменты, такие как хаконы, конкурсы на лучшую идею, создание коммуникационных платформ, внедрение системы поощрений и т.д.

Другим важным инструментом для управления процессами развития инновационной корпоративной культуры является мониторинг и анализ результатов. Необходимо отслеживать достигнутые результаты и оценивать эффективность процессов формирования и развития инновационной корпоративной культуры, а также вносить коррективы (в случае необходимости). Это позволит сохранять актуальность и эффективность инновационной корпоративной культуры и обеспечить ее развитие в соответствии с требованиями рынка и самой организации.

Регулярная коммуникация и обратная связь являются не менее важным инструментом управления процессами формирования и развития инновационной корпоративной культуры организации. Коммуникация руководителя с сотрудниками является ключевым фактором в развитии и поддержании инновационной корпоративной культуры [6]. Руководитель должен предоставить возможность для общения сотрудников друг с другом, чтобы обсуждать идеи и решать возникающие проблемы. Иными словами, должны быть созданы всевозможные способы получения обратной связи от всего персонала (официальные и неофициальные; устные и письменные; прямые и опосредованные и т.д.).

Таким образом, управление процессами формирования и развития инновационной корпоративной культуры представляет собой комплексный подход, требующий внедрения и сочетания различных способов и инструментов. Внедрение описанных выше способов и инструментов позволит организациям, по мнению автора, создать более благоприятную среду для реализации инновационных идей и внедрения новых техно-

логий, а также позволит привлекать талантливых и инициативных сотрудников.

Заключение

Резюмируя, инновационная корпоративная культура, по мнению автора, может выступить фактором конкурентоспособности организации в следующих аспектах:

1. Привлечение и удержание талантливых сотрудников: организации с развитой инновационной корпоративной культурой обычно находят и привлекают наиболее талантливых кандидатов, а также могут налаживать более длительные отношения с сотрудниками, поскольку те чувствуют себя частью сообщества и имеют общие ценности с компанией.
2. Повышение эффективности принятия решений и коммуникации: корпоративная культура, основанная на инновационных ценностях и принципах, может помочь сотрудникам быстрее принимать решения и эффективнее действовать в сложных ситуациях.
3. Создание лояльности со стороны клиентов: инновационная корпоративная культура может проявляться в повышении эффективности обслуживания клиентов, удовлетворении их потребностей и ориентации на их интересы. Компании, осознающие это, зачастую обладают высоким уровнем лояльности клиентов, что повышает их конкурентоспособность на рынке.

Таким образом, формирование инновационной корпоративной культуры представляет собой длительный и многогранный процесс, требующий внимания ко многим аспектам деятельности организации. При этом целенаправленное управление корпоративной культурой дает возможность более эффективно развиваться организации, а также предоставляет долгосрочные конкурентные преимущества. В результате внедрения описанных в настоящей работе инструментов управления процессами инновационной корпоративной культуры организация будет более гибкой и готовой к постоянным изменениям, а также будет иметь возможность оперативно

реагировать на возникающие вызовы рынка, сохраняя при этом свою конкурентоспособность.

Литература

1. Власова А.А. К вопросу о тенденциях развития корпоративной культуры в современных организациях // Вестник научных конференций. – 2019. – № 1–3(41). – С. 15–16.
2. Гримашевич О.Н., Жданов С.А. Формирование корпоративной культуры предприятий в современных российских условиях // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2018. – № 3 (72). – С. 55–58.
3. Кочнев В.А., Тарасов А.В. Способы построения и управления корпоративной культурой организации // Вестник евразийской науки. – 2015. – № 6 (31). – С. 112–119.
4. Кудряшов В.С. Основы формирования и развития корпоративной культуры в организации // *Juvenis scientia*. – 2018. – № . 8. – С. 4–8.
5. Миронова Н.А. Теоретические аспекты корпоративной культуры: уровни, содержание и взаимодействие // Московский экономический журнал. – 2019. – № 7. – С. 666–674.
6. Озаркив О.М. Изучение корпоративной культуры: теоретико-методологические основания // *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*. – 2019. – № 3. – С. 101–117.
7. Оржевская А.А., Исабекова О.А. Методы совершенствования корпоративной культуры организации, как фактора инновационной деятельности // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2018. – № .4. – С. 391–400.
8. Родина М.Г. Формирование организационной культуры как механизм поддержания внутренней среды организации // В сборнике: Экономика и государство: проблемы управления и развития. Москва, 2018. – С. 240–247
9. Степанов А.А., Савина М.В. Корпоративная культура – детерминанта активизации инновационного пове-

дения персонала организации // Креативная экономика. – 2019. – Том 13. – № 10. – С. 1929–1942.

10. Тюриков А.Г., Узюмова Н.В. Корпоративная культура как объект социологического анализа // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – № 6. – С. 83–91.

TOOLS FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INNOVATIVE CORPORATE CULTURE IN THE ORGANIZATION

Tarutin N.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The purpose of this study is to develop tools for the formation and development of innovative corporate culture in the organization. The paper considers the key differences between the traditional corporate culture and the innovative one. The author identifies the problems that can make it difficult to achieve the goals and objectives associated with the introduction and development of innovative corporate culture. The study highlights the stages that occur during the formation of an innovative corporate culture in an organization. The author formulated the key tools for managing the processes of formation and development of innovative corporate culture. The management of organizations can use various tools for the introduction and development of an innovative corporate culture, including employee training and development, open communication, feedback collection and the creation of an innovative infrastructure. In conclusion, the key aspects in the organization's activities that can be influenced by an innovative corporate culture were highlighted. It is concluded that the formation and development of an innovative corporate culture is an important factor for the successful functioning of modern organizations.

Keywords: corporate culture; innovation management; innovative corporate culture; open communications; business strategy; competitiveness of organizations

References

1. Vlasova A.A. On the issue of trends in the development of corporate culture in modern organizations // Bulletin of scientific conferences. 2019. Vol. 1–3, No. 41. Pp. 15–16.
2. Grimashevich O.N., Zhdanov S.A. Formation of corporate culture of enterprises in modern Russian conditions // Industry: economics, management, technologies. 2018. Vol. 3, No. 72. Pp. 55–58.
3. Kochnev V.A., Tarasov A.V. Methods of building and managing corporate culture of an organization // Bulletin of Eurasian Science. 2015. Vol. 6., No. 31. Pp. 112–119.
4. Kudryashov V.S. Fundamentals of formation and development of corporate culture in the organization // Juvenis scientia. 2018. No. 8. Pp.4–8.
5. Mironova N.A. Theoretical aspects of corporate culture: levels, content and interaction // Moscow Economic Journal. 2019. No.7. Pp. 666–674.
6. Ozarkiv O.M. The study of corporate culture: theoretical and methodological foundations // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Pravo. 2019. No. 3. Pp. 101–117.
7. Orzhevskaya A.A., Isabekova O.A. Methods of improving the corporate culture of an organization as a factor of innovation activity // International Journal of Applied Sciences and Technologies "Integral". 2018. No. 4. Pp. 391–400.
8. Rodina M.G. Formation of organizational culture as a mechanism for maintaining the internal environment of the organization // In the collection: Economy and the state: problems of management and development. Moscow, 2018. Pp. 240–247
9. Stepanov A.A., Savina M.V. Corporate culture – a determinant of the activation of innovative behavior of the personnel of the organization // Creative economy. 2019. Vol. 13., No. 10. Pp. 1929–1942.
10. Tyurikov A.G., Uzyumova N.V. Corporate culture as an object of sociological analysis // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2019. No. 6. Pp. 83–91.

Специфика коррупционных рисков и их профилактические меры в деятельности госорганов

Усольцева Яна Сергеевна,

аспирант, Институт сервиса и управления,
Тюменский индустриальный университет
E-mail: usolceva.yana@list.ru

В статье изучены мероприятия в части профилактики коррупционных правонарушений, связанные со спецификой деятельности госорганов. Также рассматривается высокая вероятность коррупционных рисков в таком направлении, как контрольно-ревизионная деятельность. Определены основные принципы, по категориям, которыми должны руководствоваться должностные лица органа контроля. Самым важным и основополагающим в деятельности госорганов является проведение антикоррупционного просвещения, доведение информации об ответственности за коррупционные правонарушения, содействие проявлению осознанности госслужащих.

В результате поведенного анализа оценки коррупционных рисков в деятельности госоргана, сделан вывод о том, что целью обеспечения деятельности по предупреждению коррупционных правонарушений в госорганах, а также выявления и устранения причин и условий, способствовавших их совершению, на каждом уровне в организационной структуре сформированы подразделения или назначены ответственные должностные лица занимающие вопросами профилактики коррупционных или иных правонарушений.

Ключевые слова: государственные гражданские служащие, коррупция, противодействие коррупции, Национальный план противодействия коррупции, профилактика коррупционных правонарушений, коррупционный риск, конфликт интересов, кодекс этики, сведения о доходах и расходах.

В настоящее время государственная служба, занимает важную роль в механизме управления государством в целом, в связи с этим во главу угла всех госорганах поставлена задача выполнения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478.

Итоги деятельности по противодействию коррупционных и иных правонарушений послужили основанием для включения в этот план проведение антикоррупционных форумов финансово-экономических органов. Целью проведения данных форумов является создание уникальных дискуссионных площадок для обмена опытом и формирования информационной антикоррупционной среды, являющейся условием для противодействия коррупции.

Арсенал инструментов, предназначенных для работы в части профилактики коррупционных рисков примерно одинаков у всех. Я остановлюсь по подробнее на мероприятиях, связанных со спецификой деятельности госорганов. Для принятия соответствующих мер противодействия коррупции в первую очередь в качестве фундамента закладывается оценка коррупционных рисков. [3]

При выполнении основных функций сотрудниками госорганов рассматривается высокая вероятность коррупционного риска в части совершения несанкционированного перечисления платежей. В рамках исключения данного иска и умысла перечисления бюджетных средств на личные счета сотрудников, в информационных системах исключена любая возможность преднамеренного исправления реквизитов, а также осуществлена реализация невозможности редактирования платежей с целью преднамеренного искажения уже сформированных документов прикладном программном обеспечении.

Также, высокая вероятность коррупционных рисков рассматривается и в таком направлении, как контрольно-ревизионная деятельность. [3] Минимизируя возможности возникновения коррупционных рисков, как со стороны органов контроля, так и в подконтрольной среде, установлены четкие принципы и единые процедуры проведения контрольных мероприятий.

Принципы, которыми должны руководствоваться должностные лица органа контроля имеют комплексный характер и подразделяются на категории:

- общие принципы (этические принципы, принципы независимости, объективности, профессиональной компетентности, целеустремленности и достоверности);
- принципы осуществления профессиональной деятельности (принципы эффективности, риск-ориентированности, автоматизации, информатизации, единства методологии, взаимодействия).

Совершенствование контрольно-надзорных функций в госорганах осуществляется путем:

- осуществления планирования контрольно-надзорной деятельности с применением риск-ориентированного подхода;
- подбора и формирования ревизионных групп с учетом предотвращения и урегулирования конфликта интересов;
- проведение инструктажей перед выходом ревизионных групп на объект контроля;
- рассмотрения результатов проведенных контрольных мероприятий Контрольной комиссией госоргана с обязательным приглашением представителей объектов контроля.

Всё выше сказанное касается процессов, но в каждом процессе задействованы люди. Вот именно здесь и начинается сфера действия сотрудников, ответственных за проведение антикоррупционных мероприятий.

Самым важным в деятельности госорганов, на мой взгляд, является проведение антикоррупционного просвеще-

ния [4], доведение информации об ответственности за коррупционные правонарушения, содействовать проявлению осознанности госслужащих и сознательному отношению к соблюдению установленных норм и правил. В первую очередь профилактические мероприятия начинаются уже на стадии подбора кандидата и назначении его на должность государственной гражданской службы. Это и соответствие квалификационным требованиям, и соблюдение ограничений при приеме на государственную службу и анализ анкетных данных в целях предотвращения конфликта интересов.

В настоящее время, при поступлении на государственную службу проводится обязательное ознакомление с нормативно-правовыми актами в сфере профилактики коррупции. [6] Далее, обязательным условием является включение этих документов в план мероприятий по наставничеству и их изучение в период наставничества. Затем, ежегодно проводятся семинары-совещания по вопросам профилактики и противодействию коррупции с государственными гражданскими служащими, впервые назначенными на должности государственной гражданской службы. Соответственно проводится и проверка знаний норм законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, положений Кодекса этики и служебного поведения служащих в госорганах при проведении аттестации государственных гражданских служащих, при проведении конкурсов, путем проведения тестирования.

Одной из форм доведения информации и просвещения, является разработка Памятки, (Памятка с рекомендациями по антикоррупционному поведению при исполнении служебных обязанностей).

Таким образом, на постоянной основе, по утвержденному плану проводятся обучающие занятия с сотрудниками по антикоррупционным темам. [6] Так, к примеру, в результате ежегодного обзора и изучения методических рекомендаций по вопросам заполнения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного ха-

рактера нарушений, связанных с заполнением справок, среди госслужащих, становится меньше.

В практику работы госорганов, в начале текущего года, перед представлением сведений о доходах, применено проведение обучающих занятий. Это даёт возможность более детально рассмотреть примеры заполнения разделов справки, рассмотреть конкретные примеры, и сотрудники более охотно задают интересующие их вопросы.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что целью обеспечения деятельности по предупреждению коррупционных правонарушений в госорганах, а также выявления и устранения причин и условий, способствовавших их совершению, на каждом уровне в организационной структуре сформированы подразделения или назначены ответственные должностные лица занимающие вопросы профилактики коррупционных или иных правонарушений.

Для достижения этих целей, в числе важнейших задач, должностные лица, занимающие вопросами профилактики коррупционных или иных правонарушений видят:

- дальнейшее совершенствование форм и методов антикоррупционной информационной работы;
- перевод на качественно новый уровень работы подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений; – совершенствование кадровой работы в части ведения дел государственных служащих, в том числе усилению контроля за своевременной актуализацией информации о родственниках и свойственниках, содержащейся в анкетах государственных служащих, в целях выявления возможного конфликта интересов; – принятие мер по повышению эффективности реализации требований законодательства о предотвращении и урегулировании конфликта интересов в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед госорганом в Российской Федерации;

- повышение эффективности контрольной и проверочной антикоррупционной деятельности.

Таким образом, государственная политика в области борьбы с коррупцией должна предусматривать комплексное осуществление правовых, политических, организационных, технических и финансовых мероприятий, обеспечивающих развитие необходимых механизмов, реализация которых позволит создать серьезные предпосылки для коренного изменения ситуации в сфере противодействия масштабным проявлениям коррупции и антиобщественным действиям связанной с ней преступности.

Литература

1. Герасимова, Е.Г. Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления [Текст] / Е.Г. Герасимова // Практика муниципального управления. – 2008. – № 9;
2. Антикоррупционная политика: Учебное пособие / Под ред. Г.А. Сатарова. – М.: РА «СПАС», Фонд ИНДЕМ, 2004. – 368 с.;
3. Правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 64 с.;
4. Государственному служащему о коррупции / автор-сост. Э.И. Атагимова. – М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2015. – 56 с.;
5. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование: Научно-практическое пособие / отв.ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М. – 2016. – 110 с.;
6. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих;
7. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. N 79-ФЗ;

8. Официальный сайт Президента Российской Федерации – <http://www.kremlin.ru>;
9. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – <http://www.duma.gov.ru>;
10. Сайт Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации – <http://www.scli.ru>;
11. Официальный сайт федеральной государственной информационной системы «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации» – https://gossluzhba.gov.ru/page/index/spravki_bk;
12. Сайт Российской газеты – <http://www.rg.ru>;
13. Официальный интернет-портал правовой информации – <http://www.pravo.gov.ru>;
14. Российская Федерация. Законы. О противодействии коррупции: Федеральный закон № 273-ФЗ: [Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года; Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года]. – Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс»;
15. Российская Федерация. Указ. О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента Российской Федерации № 815 от 19 мая 2008 года. Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс».

SPECIFICS OF CORRUPTION RISKS AND THEIR PREVENTIVE MEASURES IN THE ACTIVITIES OF GOVERNMENT AGENCIES

Usolceva Ya.S.

Tyumen Industrial University

The article examines measures in the prevention of corruption offenses related to the specifics of the activities of government agencies. The high probability of corruption risks in such a direction as control and audit activities is also considered. The basic principles are defined,

by categories, which should guide the officials of the control body.

The most important and fundamental in the activities of government agencies is conducting anti-corruption education, bringing information about responsibility for corruption offenses, and promoting awareness of civil servants.

As a result of the behavioral analysis of the assessment of corruption risks in the activities of a state agency, it was concluded that in order to ensure the prevention of corruption offenses in state agencies, as well as to identify and eliminate the causes and conditions that contributed to their commission, divisions were formed at each level in the organizational structure or responsible officials were appointed to deal with the prevention of corruption or other offenses.

Keywords: state civil servants, corruption, anti-corruption, National Anti-corruption Plan, prevention of corruption offenses, corruption risk, conflict of interests, code of ethics, information on income and expenses.

References

1. Gerasimova, E.G. Evaluation of the effectiveness of the activities of local self-government bodies [Text] / E.G. Gerasimova // Practice of municipal management. – 2008. – № 9;
2. Anti-Corruption Policy: Textbook / Edited by G.A. Satarov. – M.: RA “SPAS”, INDEM Foundation, 2004. – 368 p.;
3. Legal foundations of combating corruption in the Russian Federation. – M.: Edition of the State Duma, 2014. – 64 p.;
4. To a civil servant about corruption / author-comp. E.I. Atagimova. – M.: FBU NC-PI under the Ministry of Justice of Russia, 2015. – 56 p.;
5. Conflict of interests in the state and municipal service, in the activities of organizations: causes, prevention, settlement: Scientific and practical manual / ed. by A.F. Nozdrachev. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: IN-FRA-M. – 2016. – 110 p.;
6. Model Code of Ethics and Official Conduct of Civil servants of the Russian Federation and Municipal Employees;
7. Federal Law “On the State Civil Service of the Russian Federation” dated July 27, 2004 N 79-FZ;
8. Official website of the President of the Russian Federation – <http://www.kremlin.ru>;

9. Official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation – <http://www.duma.gov.ru>;
10. Website of the Scientific Center for Legal Information under the Ministry of Justice of the Russian Federation – <http://www.scli.ru>;
11. Official website of the Federal State information System “Unified Information System for Personnel Management of the State Civil Service of the Russian Federation” – https://gossluzhba.gov.ru/page/index/spravki_bk;
12. Website of the Russian newspaper – <http://www.rg.ru>;
13. Official Internet portal of legal information – <http://www.pravo.gov.ru>;
14. Russian Federation. Laws. On Combating corruption: Federal Law No. 273-FZ: [Adopted by the State Duma on December 19, 2008: Approved by the Federation Council on December 22, 2008]. – Text: electronic // SPS “Consultant Plus”;
15. Russian Federation. Decree. On anti-corruption measures: Decree of the President of the Russian Federation No. 815 of May 19, 2008. Text: electronic // SPS «Consultant Plus.

Трансформация губернаторского корпуса в современной России: 2013–2023 гг.

Хлынин Андрей Павлович,

аспирант кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: and.khlynin@mail.ru.

В статье представлены результаты исследования трансформации губернаторского корпуса в России за последние 10 лет, проведенного при помощи анализа биографий глав субъектов в 2013 и 2023 годах (N=172). По результатам исследования выявлены изменения основных социально-демографических, образовательных, карьерных и политических характеристик, отражающих вектор трансформации как внутренней политики «федеральный центр – регионы», так и системы социально-политической стратификации в целом.

Ключевые слова: губернаторы, трансформация, изменения, главы субъектов, биографический метод.

Введение

Региональный уровень власти в России вызывает постоянный интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей, что находит отражение в многочисленных социологических и политических научных публикациях, где особый акцент делается на анализ характеристик глав субъектов, являющихся центрами политической жизни региона. На наш взгляд, актуальность данного рода исследований не исчезает в связи с несколькими факторами. Во-первых, губернаторы обладают двойственной политико-правовой природой, являясь одновременно выразителем интересов региона на федеральном уровне и проводником федеральной политики на региональном уровне. В этой связи фигура губернатора является достоверным индикатором постоянно меняющейся внутренней политики, а именно взаимоотношений «центр-регион». Во-вторых, губернатор, являясь высшим должностным лицом в регионе, является представителем региональной элиты, в связи с чем основные характеристики представителей губернаторского корпуса во многом являются отражением существующей системы социально-политической стратификации.

Методология

В рамках данной статьи мы сделали фокус на исследовании качественных характеристик назначенных глав субъектов, что в нашем понимании является наиболее достоверным индикатором, способным выявить тенденции как внутренней политики, связанной с назначением на должность главы субъекта, так и особенностей социально-политической мобильности и функционированием основных каналов вертикальной мобильности. Для выявления динамики трансформации был составлен инструментарий, направленный на выявление социально-демографических, образо-

вательных, профессиональных и иных характеристик. При помощи данного инструментария были проанализированы биографии глав субъектов по состоянию на 01.01.2013 и 01.01.2023 г. В общей сложности были проанализированы 172 биографии глав всех субъектов Российской Федерации – 83 биографии глав субъектов по состоянию на 2013 год и 89 биографий глав субъектов по состоянию на 2023 год.

Результаты исследования

Одной из характеристик структуры губернаторского корпуса России является колоссальная гендерная диспропорция, выраженная в практически полном отсутствии женщин среди глав регионов. Так, в 2013 году доля мужчин в общей структуре составляла 97,6%, доля женщин, соответственно, достигала 2,4% (губернатор ХМАО Н.В. Комарова и губернатор Мурманской области М.В. Ковтун). В 2023 году проявилась тенденция к еще большему снижению доли женщин – доля мужчин увеличилась до 98,9%, а доля женщин снизилась до предельно возможного уровня в 1,1% (губернатор ХМАО Н.В. Комарова).

В то же время, по данным Правительства РФ, доля женщин среди государственных гражданских служащих органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации с 2016 года за 5 лет увеличилась на 4,7 процентных пункта и составила 74,2% в 2021 году¹. Данное обстоятельство раскрывает региональную специфику женского присутствия в органах власти, а именно – присутствие большого количества женщин на нижних этапах карьерной лестницы, где практически отсутствуют возможности для дальнейшего карьерного роста. Так, по результатам экспертного опроса, проведенного О. Поповой, отмечено, что «основное требование к женщинам в политике – быть хорошим исполнителем, оставаясь на третьих и четвертых пози-

циях. Если же говорить о значимых статусных должностях, то здесь работает старый стереотип, что политика – дело грязное, мужское и женщинам там просто нечего делать»².

Тем не менее, ряд экспертов также отмечает, что женщины все же входят в региональную политическую элиту, занимая весьма значимые позиции – так, например, согласно недавнему исследованию, «с 2014 г. увеличилось число женщин, являющихся вице-губернаторами по внутренней политике (с 9 до 12 человек)»³. Дополнительным подтверждением выдвинутого ранее тезиса являются результаты исследования биографий представителей законодательных органов субъектов России, согласно которым «женщины значительно недопредставлены в региональных законодательных органах, однако их доля растет: если в когорте 1927–1940 годов рождения она составляет менее 10%, то в самой младшей когорте 1981–1990 годов рождения она достигает почти 25%»⁴.

Следующим важным показателем структуры губернаторского корпуса РФ является возраст. В рамках нашего исследования мы решили разделить всю возрастную совокупность глав субъектов на 6 поколений: «величайшее поколение (1903–1923 гг.), молчаливое поколение (1924–1943 гг.), бэби-бумеры (1944–1963 гг.), поколение X (1964–1984 гг.), поколение Y (1985–2003 гг.), поколение Z (2004–2024 гг.)»⁵.

² Попова, О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщина в российском обществе. 2013. № 3 (68) – С. 24

³ Соболев, А.В. Вице-губернаторы по внутренней политике: эволюция института и его современное состояние // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. – С. 231

⁴ Egorov, A., Malinovsky, S. Higher education and regional elite formation in Russia. In Book: Assessing the Contributions of Higher Education. Edited by S. Marginson, B. Cantwell, D. Platonova, A. Smolentseva. Published by Edward Elgar Publishing Limited, 2023. – P. 290

⁵ Колесников, А.В., Малинецкий, Г.Г., Подлазов, А.В., Сиренко, С.Н. Нелинейная модель смены поколений элиты // Известия вузов. ПНД. 2022. № 4. – С. 459

¹ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ [Электронный источник] – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/4> (дата обращения: 15.05.2023)

Выяснилось, что абсолютное большинство региональных глав принадлежат к двум поколениям – поколению бэби-бумеров (поколение В. Путина) и поколению X (поколение М. Мишустина). Так, в 2013 году большинство губернаторов принадлежали к поколению бэби-бумеров (50–69 лет) – 69%, второе место по численности занимали представители поколения X (29–49 лет) – 31%. Через 10 лет в 2023 году структура губернаторского корпуса по возрасту кардинально изменилась – наибольшую долю занимали уже представители поколения X (39–59 лет) – 80%, на второе место сместились представители поколения бэби-бумеров (60–79 лет) – 17%, а на третьем месте впервые в своей истории расположилась группа молодых губернаторов из поколения Y (20–38 лет) – 3%.

Применимо к возрастным характеристикам губернаторов можно наблюдать устойчивую тенденцию к омоложению на протяжении последних 30 лет. Так, если в период с 1991 по 1999 годы, средний возраст руководителя региона составлял 57 лет, то в период с 2000 по 2007 годы средний возраст сократился на 2 года и достиг 55 лет⁶. В 2013 году средний возраст главы региона составил уже 52,92 года, а в 2023 году – 51,45 год. Таким образом, за все время существования постсоветской России средний возраст губернатора субъекта РФ снизился на 6 лет.

Появление молодых «губернаторов новой волны» основная масса экспертов связывает с изменениями в выстраивании кадровой политики федерального центра по отношению к губернаторам. Так, куратором внутренней политики от Администрации Президента С.В. Кириенко в 2017 году была внедрена система отбора кандидатов, подразумевающая прохождение новых институциональных фильтров – конкурса «Лидеры России» и «Школы губернаторов», – в рамках которых личные и профессиональные компетенции будущих

кандидатов верифицируются федеральными кураторами, что призвано минимизировать риск коррупции или некомпетентности кандидатов. Прохождение данного рода фильтров не гарантирует попадания в элиту, однако в дальнейшем является большим карьерным преимуществом – так, по состоянию на 2023 год три новых губернатора (Д.А. Артюхов, В.А. Орлов, Р.В. Бусаргин) являются призерами конкурса «Лидеры России». Таким образом, омоложение губернаторского корпуса является результатом государственной политики и во многом связано с назначением «губернаторов новой волны», базовыми характеристиками которых определены «возраст, профессиональная сфера и образование, в частности, подготовка в «Школе губернаторов», созданной на базе ведущих образовательных центров страны – ВШЭ, РАНХиГС, корпоративного университета Сбербанка и других»⁷.

Образовательные характеристики губернаторов являются важнейшим критерием, влияющим на способность решать сложные задачи руководства регионом. Так, по результатам исследования можно утверждать, что наличие высшего образования является обязательным условием для нахождения в должности главы региона: все 100% губернаторов, занимавших свои должности в 2013/2023 годах, имели минимум один диплом об окончании ВУЗа. Большинство губернаторов не ограничиваются получением одного высшего образования, в связи с чем мы можем констатировать заметный тренд на увеличение количества дипломов об окончании высшего образования у представителей губернаторского корпуса. Так, если в 2013 году 2 диплома об окончании ВУЗа имели 73% губернаторов, 3 и более диплома – 14%, то в 2023 году 2 диплома имело 76%, 3 диплома и более – 34%.

При рассмотрении группы тех, кто имеет 3 и более диплома (2023 год)

⁶ Филатов, А.В. Трансформация губернаторского корпуса постсоветской России (1991–2010 гг.): общие оценки // Вестник ТГУ. 2011. № 5. – С. 23

⁷ ЭИСИ в своем новом докладе представил ТОП-10 губернаторов новой волны // Официальный сайт «Экспертного института социальных исследований» [Электронный источник] – URL: click.ru/34RQ8q (дата обращения: 15.05.2023)

не обнаружено значимых взаимосвязей с переменной возраст, что говорит о том, что получение дополнительного образования происходит между всеми возрастными группами примерно в равной степени. 53% получили третий диплом в РАНХиГС при Президенте РФ, 93% получали образование гуманитарного (в большей степени по специальности «управление») и финансово-экономического профиля. Данные показатели позволяют нам предположить, что получение третьего диплома произошло по большей части в рамках повышения квалификации госслужащего и полностью санкционировано федеральными органами власти.

Тем не менее, огромное значение для карьерной траектории представляет первое образование, являющееся отправной точкой для будущей карьеры человека. Анализ регионального распределения ВУЗов первого образования не выявил какого-либо расширения географии: 38 субъектов России и 1 зарубежное государство в 2013 году и 38 субъектов России и 3 зарубежных государства в 2023 году. Московские и петербургские ВУЗы заметно выделяются на фоне остальных, однако данное обстоятельство несколько сглаживается со временем: если в 2013 году 27% глав субъектов получили первое высшее образование в Москве, 7% – в Санкт-Петербурге, то в 2023 году только 17% губернаторов получили первое высшее образование в Москве, 10% получили образование в Санкт-Петербурге. Представленные выше данные дают нам основание предполагать, что среди губернаторов намечается некоторая тенденция к получению первого высшего образования в регионах, вероятнее всего – по месту жительства.

Если говорить про конкретные ВУЗы получения первого высшего образования, то данный показатель характеризуется огромным разбросом: в 2013 году губернаторы в целом окончили 76 различных ВУЗа (при N=83), в 2023 году – 77 ВУЗа (при N=89). Данное обстоятельство во многом подтверждает точку зрения Н. Колесник об отсутствии элитных

учебных заведений для представителей региональной элиты – «в России не существует сформированного пула элитных вузов в силу того, что представители элитной общности получают образование в различных российских и зарубежных вузах»⁸.

Тем не менее, при рассмотрении общего списка ВУЗов, в которых губернаторы прошли обучение, вывод об отсутствии элитных учебных заведений не кажется таким очевидным. Так, самым распространенным ВУЗом с большим отрывом является РАНХиГС при Президенте РФ: в 2013 году 30% губернаторов имели диплом РАНХиГС, в 2023 году диплом РАНХиГС имело уже 52% губернаторов.

В абсолютном большинстве случаев диплом об окончании РАНХиГС является вторым, реже третьим, что говорит о функционировании системы дополнительного образования (повышения квалификации) глав субъектов, получившую оформление в виде т.н. «Школы губернаторов» – программы обучения, созданной на базе Высшей школы государственного управления РАНХиГС по инициативе Администрации Президента в 2017 году. По словам и.о. ректора РАНХиГС А. Комиссарова, «уже 46 участников программы возглавили регионы нашей страны. Многие заняли позиции заместителей федеральных министров, стали региональными министрами»⁹. Кроме того стоит отметить большое количество региональных филиалов Академии (47) от Калининграда до Петропавловска-Камчатского¹⁰. Таким образом, все вышеперечисленное позволяет нам сделать вывод, что РАНХиГС, не являясь популярным ВУЗом получения первого высшего образо-

⁸ Колесник, Н.В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. Социология. Этнология. 2019. № 4. – С. 43

⁹ «За год мы обучим 6 тыс. управленцев для новых регионов» // Официальный портал газеты Известия [Электронный источник] – URL: clck.ru/34RR4N (дата обращения: 15.05.2023)

¹⁰ Официальный сайт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ [Электронный источник] – URL: <https://www.ranepa.ru/ob-akademii/filialy/> (дата обращения: 15.05.2023)

вания губернаторов, является главным центром подготовки губернаторов в целом и в этой связи претендует на статус «элитного» больше остальных.

Важным показателем образования представителей губернаторского корпуса является его профиль. Сравнительный анализ профилей всех специальностей, полученных губернаторами, подтверждает обнаруженный тренд на снижение доли полученных специальностей инженерно-технического профиля. В этой связи обращает на себя внимание рост доли гуманитарного и финансово-экономического профиля специальностей губернаторов за 10 лет: наиболее распространенным является образование в сфере управления, юриспруденции, экономики и бизнеса. Данное обстоятельство можно связать с отмеченным ранее в научной литературе запросом федерального центра и населения на «губернаторов-администраторов» со свойственными им качествами – «решительностью, высокими амбициями, повышенной сосредоточенностью на исполнении деловых и профессиональных обязанностей»¹¹.

Анализ наличия ученых степеней у региональных глав подтвердил тренд на их снижение. Данное снижение произошло в большей степени за счет снижения доли докторов наук: если в 2013 году 63% губернаторов имели ученую степень (34% – степень кандидата наук, 29% – степень доктора наук), то в 2023 году ученую степень имели только 42% (32% – степень кандидата наук, 10% – степень доктора наук). В этой связи, Р. Смирнов, рассуждая о снижении количества защит диссертаций в последние годы, приходит к выводу о снижении статуса аспирантуры ввиду отсутствия значимых карьерных перспектив после ее окончания: «оставаясь функциональной и эффективной «в себе», т.е. в течение трех лет для каждого отдельного аспиранта, она в недостаточной степени выполняет свою функцию детерминанты соци-

ального роста в перспективе»¹². Таким образом, отсутствие гарантий карьерного роста, высокая трудозатратность написания диссертации и участвовавшие случаи скандалов, связанных с обнаружением заимствований в диссертациях чиновников высокого ранга¹³ во многом обуславливают данный тренд.

Важнейшим показателем мобильности представителей губернаторского корпуса являются их карьерные траектории. Для целей исследования нами было выделено 15 крупных сфер деятельности. Далее мы отбирали 5 основных сфер деятельности карьеры губернатора (основной принцип выделения – продолжительность работы), включая пост главы региона.

Наиболее популярной сферой деятельности для губернаторов ожидаемо оказалась работа в рамках исполнительных органов власти регионального уровня – почти 3 из 4 губернаторов имели опыт государственной службы в регионе. Региональный опыт, на наш взгляд, является большим подспорьем для губернатора, позволяющим лучше понимать специфику региона, его основные проблемы, порядок взаимодействия с федеральным центром, а также заполнить ряд нужных контактов для успешного руководства в дальнейшем. В большинстве случаев опыт государственной службы сопряжен с опытом в рамках государственного (в 2013–62%, в 2023–34%) и частного бизнеса (в 2013–35%, в 2023–56%), а также законодательных органов исполнительной власти в регионе (в 2013–47%, в 2023–39%). Кроме того, несколько увеличилось количество глав регионов, карьера которых началась с государственной службы – 7% в 2013 году до 11% в 2023 году.

Государственный и частный бизнес является самой популярной сферой, с которой губернаторы начинали свой

¹² Смирнов, Р.Г. О показателях социальной мобильности аспирантов // Социологические исследования. – 2021. – № 9. – С. 134

¹³ См., например: Диссертационные скандалы в России // Официальный сайт ИД «Коммерсант» [Электронный источник] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427960> (дата обращения: 15.05.2023)

¹¹ Матюсова, А.И. Губернаторы «нового поколения»: требования к личностным качествам // The Newiman in Foreign policy. 2022. № 64 (108) – С. 7

карьерный путь. Так, если в 2013 году 2 из 3 губернаторов начинали свою карьеру в бизнесе (66%), то в 2023 году начинал свою карьеру в бизнесе только каждый второй (52%). Стоит отметить, что снижение доли бизнеса в большей степени связано со снижением доли государственного бизнеса, что, в свою очередь, в большей степени связано со сменой поколений, а именно – со снижением доли представителей поколения бэби-бумеров, родившихся в СССР и, как правило, начинавших свою карьеру с работы на государственном предприятии. На фоне падения бизнеса отмечается рост доли силовых ведомств (спецслужбы, Вооруженные Силы, правоохранительные органы) – с 7% в 2013 году до 18%, – а также появлением таких сфер, как спорт и медицина (в сумме 2%) как сфер начала карьеры.

Если говорить о профессионализации представителей губернаторского корпуса, имея в виду длительность пребывания в губернаторской должности, то за 10 лет были отмечены некоторые изменения. Во-первых, только 13 губернаторов (16%), занимавших пост главы региона по состоянию на 1 января 2013 года, сохранили свою должность на момент 1 января 2023 года. Данное обстоятельство во многом связано с волной губернаторских отставок в 2010-х годах, получившей в научной литературе название «губнаторопад»: «в 2014, накануне единого дня голосования произведены точечные замены глав 10 регионов. В последующие годы всего с сентября 2014 по март 2019 г. произошло 58 губернаторских отставок. Описанная практика принимает лавинообразный характер в 2016–2018 гг., с осени 2019 г. темпы обновления кадрового состава губернаторов стремительно снижаются»¹⁴. Тем не менее, активное обновление губернаторского корпуса не является процессом только последнего десятилетия: по расчетам Е.В. Реутова, средний коэффициент (в %) сменяемости глав испол-

нительной власти субъектов РФ в период с 2005 по 2012 года составил 58,4%, причем рекордным данный коэффициент стал в 2012 году – 90,5%¹⁵. С 2013 по 2023 состав губернаторского корпуса изменился на 84%.

В 2013 году губернаторы занимали свой пост в среднем 5,4 года, в 2023 году средний срок нахождения в должности среди губернаторов не изменился (5,4 года). Если учитывать тот факт, что, согласно законодательству, срок полномочий высшего должностного лица региона не превышает 5 лет, то около половины губернаторов на момент 2013 и 2023 года занимали свою должность не более 1 срока. За 10 лет несколько снизилась доля «губнаторов-старожилов» – в частности, ушли в отставку Е.С. Савченко, Н.И. Меркушкин, А.Г. Тулеев (20, 18, 16 лет пребывания в должности по состоянию на 2013 год). В целом, доля губернаторов, занимающих свой пост 2 срока и более (10 лет и более), примерно одинакова в 2013 и 2023 годах – 17% и 16% соответственно.

Таким образом, приведенные выше данные обосновывают вывод о динамичности института губернаторства в современной России: губернаторский корпус во многом является открытым социальным образованием, не существует в отрыве от общества и регулярно обновляется новыми кадрами.

Принадлежность к политической партии является важным показателем, оказывающим заметное влияние на формирование губернаторского корпуса. В этой связи ожидаемо, что абсолютное большинство глав регионов состоят в политической партии «Единая Россия» – 92% в 2013 году и 88% в 2023 году. Некоторое снижение доли единороссов обусловлено увеличением доли губернаторов, имеющих иную партийную принадлежность: КПРФ – с 1% до 3%, ЛДПР – с 1% до 2%, Справедливая Россия – до 2%. Таким образом, очевидно, что принадлежность к партии власти является мощ-

¹⁴ Марков, Р.С. Влияние ротации губернаторского корпуса на федеративные отношения в современной России // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 66

¹⁵ Реутов, Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента // Via in tempore. История. Политология. 2012. № 13 (132). – С. 176

ным ресурсом поддержки губернатора. Тем не менее, по мнению экспертов, поддержка губернатора-единоросса исходит не сколько от партии, сколько от «коллективного федерального центра», поскольку Единая Россия «в действительности не определяет кадровую политику и не формирует состав кандидатов в губернаторы, а лишь формально оформляет решения, де-факто принятые в федеральном центре – в Администрации Президента РФ»¹⁶.

Заключение

Таким образом, трансформация губернаторского корпуса в период с 2013 по 2023 год связана с изменением ряда ключевых параметров его представителей:

1. Существование института губернаторов в современной России сопряжено с наличием существенной гендерной диспропорции – доля мужчин более чем в 10 раз превышает долю женщин, причем за 10 лет данная пропорция практически не претерпела изменений.
2. За 10 лет произошла поколенческая трансформация института губернаторов в России: на смену поколению бэби-бумеров пришло поколение X, а также впервые произошел выход на элитные позиции представителей поколения Y.
3. При анализе образовательных траекторий не было выявлено сформированного ядра элитных учебных заведений. Тем не менее, ключевая роль в подготовке глав субъектов принадлежит Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, что во многом является отражением процедуры переподготовки кадров.
4. Анализ карьерных траекторий губернаторов позволил сделать вывод о высоком уровне социальной мобильности ее представителей, имевших опыт работы в достаточно широком диапазоне профессиональных

сфер. Наиболее распространенным каналом элитной мобильности являлась государственная служба и бизнес (частный и государственный).

5. За прошедшие 10 лет значительно возросла институализация рекрутирования губернаторов. Данный факт связан с активным развитием моделей открытого рекрутирования в рамках конкурса «Лидеры России», а также образовательной программы «Школа губернаторов» на базе РАН-ХиГС при Президенте РФ.
6. Губернаторский корпус во многом является открытым социальным образованием, которое регулярно пополняется представителями различных слоев общества.

Литература

1. Диссертационные скандалы в России // Официальный сайт ИД «Коммерсант» [Электронный источник] – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427960> (дата обращения: 05.06.2023)
2. «За год мы обучим 6 тыс. управленцев для новых регионов» // Официальный портал газеты Известия [Электронный источник] – URL: clsk.ru/34RR4N (дата обращения: 05.06.2023)
3. Колесник, Н.В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция / Н.В. Колесник // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 30–48.
4. Колесников, А.В., Малинецкий, Г.Г., Подлазов, А.В., Сиренко, С.Н. Нелинейная модель смены поколений элиты / А.В. Колесников, Г.Г. Малинецкий, А.В. Подлазов, С.Н. Сиренко // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. – 2022. – Т. 30, № 4. – С. 456–479.
5. Кынев, А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями / А. Кынев. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – 1030 с.
6. Марков, Р.С. Влияние ротации губернаторского корпуса на федеративные отношения в современной

¹⁶ Кынев, А.В. Губернаторы в России: между выборами и назначениями / А. Кынев. – Москва: Фонд «Либеральная миссия», 2020. – С. 1016

- России / Р.С. Марков // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 63–69.
7. Матюсова, А.И. Губернаторы «нового поколения»: требования к личностным качествам / А.И. Матюсова // *The Newman in Foreign Policy*. – 2022. – Т. 1, № 64(108). – С. 6–8.
 8. Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ [Электронный источник] – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/4> (дата обращения: 05.06.2023)
 9. Официальный сайт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ [Электронный источник] – URL: <https://www.ranepa.ru/ob-akademii/filialy/> (дата обращения: 05.06.2023)
 10. Попова, О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов / О.В. Попова // *Женщина в российском обществе*. – 2013. – № 3(68). – С. 21–30.
 11. Смирнов, Р.Г. О показателях социальной мобильности аспирантов / Р.Г. Смирнов // *Социологические исследования*. – 2021. – № 9. – С. 132–136.
 12. Соболев, А.В. Вице-губернаторы по внутренней политике: эволюция института и его современное состояние / А.В. Соболев // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2020. – № 1. – С. 224–235.
 13. Реутов, Е.В. «Назначение» губернаторов в России: итоги эксперимента / Е.В. Реутов // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. – 2012. – № 13(123). – С. 174–180.
 14. Филатов, А.В. Трансформация губернаторского корпуса постсоветской России (1991–2010 гг.): общие оценки / А.В. Филатов // *Вестник ТГУ*. – 2011. – № 5. – С. 22–25.
 15. ЭИСИ в своем новом докладе представил ТОП-10 губернаторов новой волны // Официальный сайт «Экспертного института социальных исследований» [Электронный источник] – URL: clck.ru/34RQ8q (дата обращения: 05.06.2023)
 16. Egorov, A., Malinovsky, S. Higher education and regional elite formation in Russia. In Book: *Assessing the Contributions of Higher Education*. Edited by S. Marginson, B. Cantwell, D. Platono-va, A. Smolentseva. Published by Edward Elgar Publishing Limited, 2023. – 322 p.

TRANSFORMATION OF THE GOVERNOR'S CORPS IN MODERN RUSSIA: 2013–2023.

Khlynin A.P.

Lomonosov Moscow State University

The article represents the main results of a study of the transformation of the institute of governors in Russia over the past 10 years. The study is based on the biographical analysis of the heads of regions in 2013 and 2023 (N=172). During the study we identified the changing of main socio-demographic, educational, career and political characteristics. Finally, these characteristics helped as to understand the transformation of the internal policy in context «federal center – regions» and the whole russian system of socio-political stratification.

Keywords: governors, transformation, changes, heads of subjects of Russia, biographical method.

References

1. Dissertation scandals in Russia // Official website of the Kommersant Publishing House. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3427960> (accessed: 06.05.2023).
2. «In a year we will train 6 thousand managers for new regions» // Official portal of the Izvestia newspaper. URL: clck.ru/34RR4N (accessed: 06.05.2023).
3. Kolesnik, N.V. Educational trajectories of the Russian elite: regional projection / N.V. Kolesnik // *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya*. – 2019. – V. 28, No. 4. – P. 30–48 (in Russian).
4. Kolesnikov, A.V., Malinetskiy, G.G., Podluzov, A.V., Sirenko, S.N. Nonlinear model of

- generational change of the elite / A.V. Kolesnikov, G.G. Malinetsky, A.V. Podlazov, S.N. Sirenko // *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Prikladnaya nelinejnaya dinamika.* – 2022. – V. 30, No. 4. – P. 456–479 (in Russian).
5. Kynev, A.V. Governors in Russia: between elections and appointments / A. Kynev. – Moscow: Fond «Liberal'naya missiya», 2020. – 1030 p (in Russian).
 6. Markov, R.S. The influence of the rotation of the governor's corps on federal relations in modern Russia / R.S. Markov // *Sotsial'no-politicheskie nauki.* – 2022. – V. 12, No. 1. – P. 63–69 (in Russian).
 7. Matyusova, A.I. Governors of the «new generation»: requirements for personal qualities / A.I. Matyusova // *The Newman in Foreign Policy.* – 2022. – V. 1, No. 64(108). – P. 6–8.
 8. National strategy of action in the interests of women for 2023–2030 // Official website of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/4> (accessed: 06.05.2023).
 9. Official website of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. URL: <https://www.ranepa.ru/ob-akademii/filialy/> (accessed: 06.05.2023).
 10. Popova O.V. Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: expert opinions / O.V. Popova // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve.* – 2013. – No. 3(68). – P. 21–30 (in Russian).
 11. Smirnov, R.G. On indicators of social mobility of graduate students / R.G. Smirnov // *Sociologicheskie issledovaniya.* – 2021. – No. 9. – P. 132–136 (in Russian).
 12. Sobolev, A.V. Vice-governors for domestic policy: the evolution of the institute and its current state / A.V. Sobolev // *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski.* – 2020. – No. 1. – P. 224–235 (in Russian).
 13. Reutov, E.V. «Appointment» of governors in Russia: results of the experiment / E.V. Reutov // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya.* – 2012. – No. 13(123). – P. 174–180 (in Russian).
 14. Filatov, A.V. Transformation of the governor's corps in post-Soviet Russia (1991–2010): general assessments / A.V. Filatov // *Vestnik TGU.* – 2011. – No. 5. – P. 22–25 (in Russian).
 15. EISI in its new report presented the TOP-10 governors of the new wave // Official website of the «Expert Institute for Social Research». URL: clck.ru/34RQ8q (accessed: 06.05.2023).
 16. Egorov, A., Malinovskiy, S. Higher education and regional elite formation in Russia. In Book: *Assessing the Contributions of Higher Education.* Edited by S. Marginson, B. Cantwell, D. Platonova, A. Smolentseva. Published by Edward Elgar Publishing Limited, 2023. – 322 p.

Национальные традиции в повседневной жизни студенческой молодежи

Гридина Вера Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки». Самарский государственный технический университет

E-mail: samavera@mail.ru

Бирюкова Анна Борисовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Философия и социально-гуманитарные науки». Самарский государственный технический университет

E-mail: annabir@mail.ru

Статья посвящена выяснению актуальности и значимости национальных традиций в повседневной жизни современной студенческой молодежи (на примере студентов г. Самара). В материалах статьи представлены результаты социологического исследования, определяющего степень информированности и значимости для студентов национальных традиций, обычаев и национальной культуры, механизмы восприятия и трансляции национального культурного наследия в среде студенческой молодежи, включенность национальных традиций и обычаев в повседневную жизнь молодежи. Результаты проведенного исследования содержат богатый фактический материал для изучения особенностей общественного сознания студенческой молодежи и призвано выработать профилактические меры по предотвращению этноцентризма и национализма в студенческой среде. В материалах публикации показана значимость национально-культурного наследия в повседневной жизни студентов, выявлены наиболее эффективные способы сохранения национальных традиций, предложены рекомендации по проведению наиболее эффективных мероприятий, направленных на популяризацию национально-культурного наследия в среде студенческой молодежи. Представленные концептуальные разработки применимы для изучения места и роли национальных традиций в среде студенческой молодежи как на региональном, так и на общероссийском уровне.

Ключевые слова: культурное наследие, культурные традиции, национальная культура, национальные традиции, обычаи, студенческая молодежь.

В настоящее время проблема восприятия традиционной национальной культуры представителями разных социальных групп вызывает большой интерес среди социологов, социальных психологов, этнологов, этнографов, философов [1; 2; 5; 7; 8; 9; 10; 12; 15]. Одни исследователи полагают, что массовая культура и связанные с ней процессы глобализации не только вытеснили традиционную национальную культуру в периферийную область ценностно-нормативной системы общественных отношений, но и породили процесс массовой детрадиционализации. Другие считают, что современные средства массовой коммуникации, информатизация общественной системы порождают процесс селекции и актуализации традиционных культурных образцов различных обществ.

В этом контексте весьма важной становится проблема восприятия и включения традиционных культурных ценностей в мировоззренческое поле и систему ценностей российского студенчества.

Несомненно, культура и традиции России оказывают огромное влияние на характер людей, проживающих на территории страны. Наша страна – многонациональное государство, на территории которого проживает свыше 190 различных этнических групп [11]. У каждой нации свои традиции, в которых отражаются основные стороны жизни народа. Именно традиции являются средством национального воспитания и сплочения народа в единое целое.

В этой связи возникает множество вопросов, касающихся бытования в разных социальных слоях современного российского общества (включая студенческую молодежь) национальных традиций, восприятия и понимания этнокультуры собственного и соседних народов.

Пропагандируя сохранение национальных традиций и обычаев, занимаясь популяризацией этнического материального и нематериального наследия сре-

ди студенческой молодежи, во-первых, следует понимать и изучать механизмы передачи культурной традиции в современной студенческой среде. Во-вторых, следует знать свой национальный язык и формы межпоколенной коммуникации с целью сохранения континуальности культурного поля и культурной идентичности в рамках конструирования гражданственности и патриотизма как неотъемлемых черт мировоззрения будущей интеллектуальной элиты России. В-третьих, необходимо четко и однозначно обозначать границы между традиционализмом, на котором строится гражданственность, и националистическими установками, которые воспитывают комплекс виктимности и перекладывают ответственность за исторические ошибки одного народа на «значимых Иных» [4, с. 66].

В связи с этим, становится актуальным изучение отношения современной студенческой молодежи к традициям и обычаям своего народа, а также выявление степени их заинтересованности в приобретении знаний о собственной национальной культуре. С этой целью, в пяти самарских вузах было проведено социологическое исследование, предметом которого стало выявление степени значимости национальных традиций в повседневной жизни студентов.

Объектом исследования стали российские студенты, обучающиеся на очном отделении различных вузов г. Самары, средний возраст которых составил 20 лет. Цель исследования – выяснение актуальности и значимости национальных традиций в повседневной жизни современной студенческой молодежи (на примере студентов г. Самары). В ходе исследования был использован метод анкетного опроса. В опросе приняли более 800 студентов.

Национальная культура – это совокупность материальных и духовных ценностей нации, а также основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением. Национальная культура проявляется в национальных традициях, духовных ценностях, установках, нормах, стереотипах, особен-

ностях языка и образа жизни. Каждая национальная культура обладает своими специфическими чертами и особенностями.

Результаты анкетирования показывают, что большинство опрошенных определяют национальную культуру по трем показателям: культуре, языку, традициям. 74% студентов определяют национальность по ее культуре, которая является отличительной чертой каждого народа и для 74% студентов немаловажным оценочным критерием является родной язык (Таблица 1).

Таблица 1

Что, прежде всего, по Вашему мнению, определяет Вашу национальность? (можно выбрать любое количество ответов)	в% от числа опрошенных
Культура	74,7
Родной язык	74
Традиции	66,3
История	56,5
Территория, на которой я проживаю	43,1

В настоящее время, как в повседневном, так и научном обороте, отсутствует четкое понимание категории «традиция». К традициям нередко относят и устойчивые привычки, сложившиеся в социуме, и типы общественных устройств, и способы философствования. Складывается ситуация, когда почти все «живущие в традиции» знают и понимают, что это такое, но при попытке прояснить смысл самого понятия, возникает некоторое недопонимание. Так, исследование традиционных устоев в уральских семьях, предпринятое А.И. Ворошиловой и Н.Д. Бледновой в 2021 году показало, что «практически треть респондентов затруднились с ответом на вопрос, что такое есть «традиция», а что обычай». Авторы связывают данное затруднение с отсутствием четкого понимания респондентами того, что может быть отнесено к традициям и обычаям и размытостью их представлений об этих понятиях. С одной стороны, оно включает в себя элементы общекультур-

ных традиций (государственные и национальные праздники и практики, общепринятые ритуалы), а с другой – самые разнообразные индивидуальные, семейные практики и представления. В общественном же сознании категории традиции и обычаев чаще всего являются синонимичными [6; 13].

Мы отталкиваемся от определения традиции как исторически сложившихся, передаваемых через поколения форм социальной деятельности и поведения, материальных и духовных ценностей, а также сопутствующих им обычаев, правил социальной жизни, мировоззренческих установок.

Чтобы определить, как воспринимает молодежь традиции и обычаи своего народа, респондентам были заданы соответствующие вопросы. Результаты опроса показали, что 61% студентов считают, что национальные традиции – это национальные обычаи, обряды, праздники, а 50% респондентов относят к национальным традициям и национальную кухню (Таблица 2), что подтверждается результатами других исследований [14].

Таблица 2

Что такое национальные традиции в Вашем понимании? (можно выбрать любое количество ответов)	в% от числа опрошенных
Национальные обычаи и обряды	61,5
Национальные праздники	59,9
Национальная кухня	50,8
Национальная одежда	33,9
Формы взаимоотношения людей	25,6
Моральные установки	36,7
Нормы и стереотипы поведения	29,7
Этикет	19
Национальный фольклор	36,4
Традиционная религия	25,1
Всё вышеперечисленное	24

Знание культуры своего народа способствует повышению интереса к изучению народного творчества, истории родной страны и своего народа, музыкального фольклора, прикладного ис-

кусства. Культурное наследие делает человека более развитым и духовно богатым, а знание своих корней и уважение исторического прошлого является одним из проявлений патриотизма. Поэтому крайне важно, чтобы современная молодежь осознавала свою связь с предыдущими поколениями. В связи с этим, респондентам был задан вопрос, знают ли они национальные традиции и обычаи своего народа. Как показали результаты опроса, 53% студентов уверены, что знакомы с национальными традициями и обычаями своего народа. Осознание необходимости изучения традиционной культуры и исторического прошлого своего народа, для прогнозирования его будущих векторов и стратегий развития демонстрируют 67% респондентов. При этом, более 70% студентов считают, что знать традиции своего народа нужно для того, чтобы лучше понимать свою культуру, 68% респондентов считают это важным для того, чтобы сохранить преемственность и культурную память поколений, ведь традиции и обычаи объединяют людей, придают им чувство общности (Таблица 3).

Таблица 3

Как Вы думаете, для чего нужно знать традиции своего народа? (можно выбрать не более 5 вариантов)	в% от числа опрошенных
Чтобы лучше понимать свою культуру	73,6
Чтобы сохранить преемственность и культурную память поколений	68,3
Традиции и обычаи объединяют людей, придают им чувство общности	59,2
Будущее народа невозможно без понимания и анализа исторического опыта прошлого	53,5
Знание традиций свидетельствует о культурном уровне личности	6,2
Чтобы быть патриотом своей страны	18,8
Знание традиций осталось в прошлом и не актуально в современном мире	6,2

На основании полученных данных можно сделать вывод, что большинство студентов осознают важность приобретения знаний о культуре своего народа,

которая связывает поколения, и на которой держится духовно-нравственная жизнь народа.

Исторически сложившиеся нормы, отношения и идеалы находят свое отражение в традициях. Выступая как коллективная память, традиции являются неотъемлемым элементом этнического сознания. Важной составляющей национальной традиции являются национальные праздники и значительная часть респондентов согласна с этим утверждением. Важно понимать, знает и отмечает ли целевая аудитория национальные праздники со своей семьей. Результаты исследования показывают, что менее половины студентов знают и регулярно отмечают свои национальные праздники. Оставшаяся часть респондентов не может даже назвать даты известных праздников и не знакома с историей их происхождения. Кроме того, было выявлено, что респонденты часто приравнивают религиозные и народные праздники. Нередко это происходит от незнания истории происхождения и смыслового содержания праздника.

При анализе данных выяснилось, что 69% опрошенных соблюдают национальные обряды, обычаи и традиции только по праздникам, а 34,4% студентов вообще не соблюдают их, что может быть свидетельством того, что в современном мире для этой части молодых людей традиции и обычаи постепенно уходят из повседневной жизни.

Со временем может меняться отношение к истории и народным традициям. Постепенно мы начинаем забывать о том, что наши предки передавали своим потомкам из поколения в поколение. Поэтому важно возрождать национальную и культурную память своего народа, проводить мероприятия, которые могли бы заинтересовать современную молодежь к участию в различных проектах национально-культурной направленности. Сегодня на государственном уровне активно поддерживаются различные программы, направленные на возрождение национального самосознания, исторического наследия, патриотизма. Сначала в школе, а затем в вузе педагоги рассказывают об обычаях различных

народов, водят учащихся в этнографические музеи, проводят тематические занятия, на которых знакомят с традициями различных народностей. Однако, проявление интереса к своему этническому наследию начинается с семьи, в которой родители обучают языку, беседуют о патриотизме, вместе отмечают национальные праздники и традиции. Поэтому было важно узнать, из каких источников студенты получают информацию о традициях и культуре своего народа/страны. Результаты опроса свидетельствуют, что студентам о национальных праздниках и традициях в основном рассказывают бабушки и дедушки (76% опрошенных), т.е. подавляющая часть студентов в качестве основного источника информации о культуре выбирает семью, и только потом школу/университет, интернет и др. Эти данные подтверждаются и результатами других исследований, в которых авторы отмечают, что просветительские учреждения практически не влияют на информированность молодежи по вопросам этнической культуры [3].

Исходя из полученных результатов исследования, возникает вопрос: способно ли нынешнее молодое поколение передать национальные традиции и обычаи своим детям и хотели ли бы студенты это делать?

Среди опрошенных студентов больше половины хотели бы сохранить национальные традиции в своей семье. К сожалению, больше трети студентов (42%) еще не задумывались об этом, а 11,2% всех респондентов и вообще считают это архаизмом. Подавляющая часть опрошенных (75% респондентов) уверены, что смогли бы самостоятельно передать знания о национальных традициях своим детям. Более половины опрошенных считают, что лучший способ для знакомства будущего поколения с культурным наследием своего народа являются народные сказки и фольклор, тематические мероприятия и выставки (Таблица 4).

Безусловно, цифры, полученные в проведенном исследовании, заставляют задуматься и о состоянии исторического сознания и культурной идентичности всего российского общества.

Таблица 4

Если бы Вы решили поделиться со своими детьми историями, связанными с национальными традициями своего народа, какие средства для этого Вы бы использовали? (можно было выбрать не более 3 вариантов)	в% от числа опрошенных
Сам(а) бы рассказывал(а) в доступной, игровой форме	75,7
Использовал(а) бы народные сказки и фольклор	55,8
Посещал(а) бы вместе с ним тематические мероприятия, выставки и музеи	48,6
Постарался бы привлечь к совместному участию в национальных праздниках	35,1
Отдал(а) бы ребенка в кружок народного творчества	8,9
Отдал(а) бы в специальную школу с национальным уклоном	3,3
Считаю, что это не нужно	6,8

Таким образом, можно сделать вывод, что воспитание социально здоровой и развитой молодежи в современных условиях может быть обеспечено только всесторонним вниманием к формированию у молодого поколения понимания о важности сохранения и передачи традиций. Это крайне важно, поскольку утрата народом своих традиций/обычаев способна привести к потере своего «этнического стержня», забвению культурных ценностей, а вместе с ними и исторической памяти нации. Растворившись в пространстве глобализации, он способен утратить способность к самоидентификации в обществе. В процессе контактов с другой культурой, человек выходит за пределы границ привычной обстановки, из круга привычных понятий и соприкасается с незнакомым, привлекательным или опасным – чужим миром, приобретая новые знания, иной кругозор и жизненный опыт. При этом человек судит о чужих культурных ценностях, основываясь на критериях культурных ценностей собственного этноса. Так, 63% студентов отметили, что у них возникают сложности с пониманием традиций других народов. Возможно, это связано с тем, что студенты проживают в стране, культура которой им понят-

на и привычна, а культурные традиции других народов сильно отличаются от их норм, обычаев, традиций и поведения. Для популяризации народных традиций и обычаев важно проводить мероприятия, в которых участники будут активно взаимодействовать, делиться культурным опытом. Это важно и для того, чтобы заинтересовать русских студентов культурой чужих народов, проживающих рядом с ними, общению и принятию ее представителей.

Чтобы понять, какие форматы популяризации национальной культуры среди студентов были бы более эффективными, респондентам были заданы соответствующие вопросы. Наиболее привлекательными для студентов являются ознакомительные экскурсии по городу с включением сведений о национальных и этноконфессиональных традициях и обычаях (21% студентов). Следующий формат, который интересен студентам – квесты по городу с участием смешанных команд (русские и иностранные студенты) с использованием заданий национальной и этноконфессиональной тематики. Для 42% респондентов интересны творческие вечера и международные тематические турниры (литературно-поэтический, музыкально-танцевальный, кулинарный и т.п.). Через такие мероприятия студенты могут поделиться своим опытом, знаниями, особенностями своей культуры, традиций и менталитета. Кроме того, респонденты выбрали квизы (28%), совместные спортивные мероприятия (23%), которые способствуют сплочению студентов. Отметим, что проведенное исследование показало недостаточную вовлеченность студентов самарских вузов в мероприятия и программы, направленные на сохранение и распространение этноконфессионального наследия народов РФ. Так, 44,7% студентов вообще не участвовали в подобных мероприятиях, а 34% респондентов принимали участие в таких мероприятиях только как зрители. И лишь чуть более 20% опрошенных студентов создавали в рамках таких мероприятий собственный интеллектуальный и творческий продукт. Мы

уверены, что подобные мероприятия должны разрабатываться с учетом возрастных особенностей интересов молодежи, чтобы можно было привлекать их к совместной подготовке, планированию и участию в подобных проектах.

Следует указать, что интерактивные формы работы со студентами, в основе которых лежат субъект-субъектные отношения между преподавателем и студентами, в большей мере будут способствовать формированию знаниевой составляющей о национальной культурной традиции. Включение элементов национальной кухни или национальной одежды в повседневный уклад жизни образовательных учреждений может, отчасти, способствовать укоренению национальных традиций в среде студенческой молодежи.

Безусловно, в силах руководства вузов популяризировать традиционные национальные праздники. При этом, необходимо помнить, что основным первичным агентом социализации личности в плане формирования представлений о национальных традициях является, в первую очередь, семья, что подтверждается результатами проведенного исследования.

Результаты исследования позволяют утверждать, что проблема утраты национальной истории и прошлого по-настоящему актуальна и возрастает с каждым днем, однако у нынешнего поколения есть шанс предотвратить национальную амнезию через знакомство с культурой, традициями, праздниками в школах и вузах, проведение ознакомительных тематических экскурсий и выставок, создание самими студентами фильмов об истории и традициях своего народа, его традициях и праздниках.

Результаты исследования показывают, что к наиболее востребованным мероприятиям популяризации национальной культуры студенты относят:

- квесты с использованием исторической, национальной и этноконфессиональной тематики;
- интерактивные экскурсии, с включением в экскурсионный процесс различных мастер-классов по ознаком-

лению студентов с традиционными ремеслами, этническими традициями, фольклорным наследием народов России, реконструкцией исторических событий, погружающих в атмосферу национальных праздников и обрядов;

- выставки-ярмарки изделий народного декоративно-прикладного творчества, изготовленных студентами разных национальностей;
- творческие вечера (кулинарный, литературно-поэтический, музыкально-танцевальный). При проведении литературных и музыкальных вечеров могут использоваться фольклор и народные произведения: пословицы, поговорки, загадки, сказки, скороговорки, считалки, песни, игры и т.д. Данные мероприятия способствуют сплоченности представителей разных национальностей, позволяют узнать традиции соседних народов;
- совместный просмотр и обсуждение кинофильмов (документальных, художественных, посвященных этноконфессиональной тематике).

Исследование подтверждает значимость и актуальность национальных традиций в повседневной жизни современной студенческой молодежи, а его результаты могут стать основой для разработки программ, направленных на сохранение национальных устоев, традиций и обычаев в среде студенческой молодежи. В качестве рекомендаций по итогам исследования мы предлагаем комплекс мер, которые помогут сберечь язык и национальную культуру. В его состав включены следующие элементы:

- привлечение внимания молодежи к существующим проблемам сохранения языков и национальных традиций посредством проведения различных акций и интерактивных мероприятий, с учетом использования современных технологий и средств коммуникации, в которых студенты должны стать активными участниками;
- укрепление межнационального взаимопонимания путем знакомства

с традициями и обычаями других народов;

- поддержание творческого потенциала заинтересованной молодежи, направленного на сохранение и развитие традиционных форм национальной культуры, путем выделения и участия в различных грантах регионального и федерального значения;
- реализация совместных тематических проектов студентов, обучающихся на социально-гуманитарных, естественнонаучных, технических и творческих специальностях;
- вовлечение студентов в работу общественных организаций и национально-культурных центров, пропагандирующих сохранение национальных традиций и передачу культурного наследия среди молодежи. Подобные некоммерческие организации, при поддержке руководства вузов и научно-педагогической общности, могли бы стать интегративной площадкой для совместных тематических проектов студентов, обучающихся на разных специальностях;
- внедрение в образовательный процесс факультативных курсов, направленных на поддержание традиционных культурных ценностей.

Важно не только сохранять, но и передавать культурные традиции последующим поколениям. Степень культурности нации можно измерить тем, насколько она противостоит процессу исчезновения народных, этноконфессиональных традиций, насколько творчески она подходит к поиску способов сохранения и обогащения своей духовной и материальной культуры. Ведущая роль в этом процессе должна принадлежать не только творческой, но и научно-технической интеллигенции. Именно поэтому необходимо насыщать образовательный процесс вузов любой направленности этнокультурными компонентами.

Литература

1. Абрамян Н.Ю. Роль традиций в нравственном воспитании студенческой молодежи: социально-нормативный

аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. 2008. № 6. С. 27–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsiy-v-nravstvennom-vospitanii-studencheskoy-molodezhisotsialno-normativnyy-aspekt/viewer> (дата обращения: 21.05.2023)

2. Алексеева А.Н. Национальная культура в современной социологии // Вестник современных исследований. – 2018. – № 12 (27). – С. 15–18.
3. Аникина А.В., Шиманская О.К. Национальная и гражданская идентичность студенческой молодежи в зеркале социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 118–126.
4. Бердин А.Т. Традиционализм как идеология альтернативы национализму // Известия Высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 66–68.
5. Вагин Д.Ю. Межпоколенческая преемственность духовно-нравственных ценностей в российском обществе // Дискуссия. 2016. № 7 (70). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskaya-preemstvennost-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-v-rossijskom-obschestve/viewer> (дата обращения: 21.05.2023).
6. Ворошилова А. И., Бледнова Н.Д. Сохранение традиций в уральских семьях в условиях трансформации социальных институтов // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Мат. VII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург 19–20 апреля 2021 г.: В 2-х т. Екатеринбург: Издательство Урал. Ун-та, 2021. Т. 1. С. 253–256. – URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/103479/1/978-5-7996-3280-9_1-054.pdf (дата обращения: 21.05.2023).
7. Гофман А.Б. Социология традиции и современная Россия // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- sotsiologiya-traditsii-i-sovremennaya-rossiya (дата обращения: 21.05.2023).
8. Григорьева Е.Н. Исследование отношения молодежи г. Москвы к современным праздникам, обрядам и традициям. – URL: <https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/akt-problemi-sk/1/grigoreva.pdf> (дата обращения: 21.05.2023).
 9. Гридина В.В. Организация работы с молодежью по сохранению и популяризации национально-культурных ценностей народов России // Культура: управление, экономика, право. 2021. № 4. С. 17–22
 10. Гридина В.В., Петина Т.М. Национальная идентичность молодежи как фактор сохранения культурных традиций в условиях многонационального общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 1 (234).
 11. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 21.05.2023)
 12. Коновалов А. П., Акмолдина А.К., Сарсембаева М.О., Угрюмова О.С. Эволюция национальных традиций в жизни современных народов: на примере исследований среди этнических казахов восточного Казахстана // Социосфера. 2010. № 3. С. 79–89. – URL: https://psyjournals.ru/files/35539/sociosfera_2010_n3_Konovarov_Akmoldina_Sarsembaeva.pdf (дата обращения: 21.05.2023).
 13. Малинин В. Б., Трапайдзе К.З. Понятие традиций и обычаев // Культура. Наука. Образование: монография / гл. ред. Г.Н. Петров. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 29–35.
 14. Оконов Б. А., Куршаев Н.Э. Современная молодежь: национальные традиции и религия (по материалам социологического опроса) // Вестник ИКИАТ. 2018. № 2 (37).
 15. Плотникова. О.А. Кризис национальной самоидентификации в современ-

ной России // Социальные исследования. 2016. № 2. С. 13–18.

NATIONAL TRADITIONS IN EVERYDAY LIFE OF STUDENT YOUTH

Gridina V.V., Biryukova A.B.

Samara State Technical University

The article is devoted to clarifying the relevance and significance of national traditions in everyday life of modern students (using the example of Samara students). The article presents the results of a sociological study that determines the degree of awareness and significance for students of national traditions, customs and national culture, the mechanisms of perception and transmission of national cultural heritage among students, the inclusion of national traditions and customs in everyday life of young people. The results of the study contain a wealth of factual material for studying the characteristics of the social consciousness of the student public consciousness. They are designed to develop preventive measures to prevent ethnocentrism and nationalism among students.

The materials of the publication show the importance of national cultural heritage in the student everyday life, identify the most effective ways to preserve national traditions, offer recommendations for the most effective measures aimed at popularizing national cultural heritage among students.

The presented conceptual developments are applicable to the study of the place and role of national traditions among students both at the regional and all-Russian level.

Keywords: culture heritage, cultural traditions, national culture, national traditions, customs, student youth.

References

1. Abramyan N. Yu. The role of traditions in the moral education of student youth: a social and normative aspect // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2008. 2008. № 6. pp. 27–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-traditsiy-v-nravstvennom-vospitanii-studencheskoymolodezhi-sotsialno-normativnyy-aspekt/viewer> (date of access: 05/21/2023)
2. Alekseeva A.N. National culture in modern sociology // Bulletin of modern research. – 2018. – No. 12 (27). – P. 15–18.
3. Anikina A.V., Shimanskaya O.K. National and civil identity of student youth in the mir-

- ror of sociology // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2016. Issue. 1(25). pp. 118–126.
4. Berdin A.T. Traditionalism as an ideology of an alternative to nationalism // News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Policy. 2015. No. 4. S. 66–68.
 5. Vagin D. Yu. Intergenerational continuity of spiritual and moral values in Russian society // Discussion. 2016. No. 7 (70). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolencheskaya-preemstvennost-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-v-rossijskom-obschestve/viewer> (date of access: 05/21/2023).
 6. Voroshilova A. I., Blednova N.D. Preservation of traditions in the Ural families in the context of the transformation of social institutions // Strategies for the development of social communities, institutions and territories: Mat. VII International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg April 19–20, 2021: In 2 volumes. Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2021. Vol.1. pp. 253–256. – URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/103479/1/978-5-7996-3280-9_1-054.pdf (date of access: 05/21/2023).
 7. Hoffman A.B. Sociology of tradition and modern Russia // Reforming Russia. 2008. No. 7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologiya-traditsii-i-sovremennaya-rossiya> (date of access: 05/21/2023).
 8. Grigoryeva E.N. Study of the attitude of the youth of Moscow to modern holidays, rituals and traditions. – URL: <https://tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/akt-problemi-skid/1/grigoreva.pdf> (date of access: 05/21/2023).
 9. Gridina V.V. Organization of work with youth to preserve and popularize the national and cultural values of the peoples of Russia // Culture: management, economics, law. 2021. № 4. pp.17–22
 10. Gridina V.V., Petinova T.M. National identity of youth as a factor in the preservation of cultural traditions in a multinational society // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies. 2019. No. 1 (234).
 11. Results of the 2020 All-Russian Population Census. National composition and language skills. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (date of access: 05/21/2023)
 12. Konovalov A. P., Akmoldina A.K., Sarsembayeva M.O., Ugyrumova O.S. Evolution of national traditions in the life of modern peoples: on the example of research among ethnic Kazakhs of eastern Kazakhstan // Sociosphere. 2010. No. 3. S. 79–89. – URL: https://psyjournals.ru/files/35539/sociosfera_2010_n3_Konovalov_Akmoldina_Sarembaeva.pdf (date of access: 05/21/2023).
 13. Malinin V. B., Trapaidze K.Z. The concept of traditions and customs // Culture. The science. Education: monograph / ch. ed. G. N. PETROV Cheboksary: Publishing House Sreda, 2019, pp. 29–35.
 14. Okonov B. A., Kurshaev N.E. Modern youth: national traditions and religion (based on sociological survey materials) // Bulletin of IKI-AT. 2018. No. 2 (37).
 15. Plotnikova. O.A. The Crisis of National Self-Identification in Modern Russia // Social Research. 2016. No. 2. P. 13–18.

Использование электронных сигарет в молодёжной среде: современный взгляд, инновационные подходы к регулированию проблемы

Турчина Жанна Евгеньевна,

к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina-09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и./н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Андренко Олег Валерьевич,

к.б.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: andrenko@yandex.ru

Гусаренко Виктория Владимировна,

старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: vikyse2007@ya.ru

Тихонов Александр Анатольевич,

студент лечебного факультета, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: Sachaat@mail.ru

исследований, проведенных в различных странах мира, вопрос о полном запрете курения электронных сигарет остается открытым для дальнейших исследований. Как нам представляется, наиболее перспективным будет проведение комплексных исследований, исходя из медицинских, социально-психологических, правовых и экономических подходов.

Ключевые слова: электронные устройства для курения, вейпы, вейпинг, системы нагревания табака, запрет курения, молодежная среда.

В данной статье рассматриваются виды электронных сигарет, приводится анализ основных факторов, влияющих на повышение интереса молодежи к электронным сигаретам, и последствия их курения. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что необходимо развивать контроль над продажей устройств и жидкостей для электронных сигарет, особенно несовершеннолетним. Многие исследования фиксируют, что люди, постепенно взрослея, осознают опасность курения электронных сигарет для всего организма человека. Но, если проводить сравнение, то курение табака опаснее для здоровья населения. Поэтому, основываясь на обзоре

Цель статьи – анализ основных факторов, влияющим на повышение интереса молодежи к электронным сигаретам и представление основных подходов противодействия распространению вейпинга.

Материалы и методы. Исследование базируется на материалах открытых информационных ресурсов и статистических данных по использованию электронных сигарет в рамках российского и международного современного общества.

Результаты исследования

Электронные сигареты (вейпы) – это устройства с батарейным питанием, имитирующие курение табака за счет нагревания и охлаждения специальных жидкостей. Электронные сигареты получили распространение относительно недавно, а “вейпинг” (процесс курения электронных сигарет) не используется так же широко, как курение “традиционных” сигарет, поэтому результаты исследования только “накапливаются”, для того, чтобы можно было сказать, что эта тема в науке глубоко исследована.

Существует несколько типов электронных сигарет, каждая из которых имеет свои особенности (см. табл. 1). Основные различия между ними заключаются в их конструкции, методе нагрева и системах функционирования собственно электронных сигарет. Для уточнения нашего объекта исследования необходимо отметить, что в электронных сигаретах используются специальные жидкости. Распространенные в России (“айкос”, “гло” и их аналоги) не являются электронными сигаретами (хотя в исследованиях встречается обобщение этого понятия [1]), так как используют настоящий табак, содержащийся в специальных стиках, поэтому этот класс девайсов называют устройством для нагрева табака.

Электронные сигареты приобрели значительную популярность среди подростков и молодых людей, что вызывает особую обеспокоенность по поводу их негативного воздействия на здоровье людей [2]. Фокус представленного исследования был ограничен анализом

основных факторов, влияющим на повышение интереса молодежи к электронным сигаретам и непосредственным последствиям их курения.

Таблица 1. Распространенные виды электронных устройств для курения и их отличия

Виды электронных устройств	Основные отличия
Электронные сигареты (электронные испарители)	
Cig-a-likes (Сигалайк)	Основным преимуществом является их простота использования и привычность для курильщиков, привыкших к курению “традиционных” сигарет.
Vape pens (Вейп-ручки)	Предоставляет пользователям больше вариантов настройки с точки зрения вкуса жидкости для электронных сигарет и концентрации никотина.
Vox mods (Бокс-моды)	Еще больше возможностей для настройки, чем у вейп-ручки с точки зрения разнообразия вкусов жидкости для электронных сигарет и концентрации никотина.
Pod systems (Под-системы)	Компактные маломощные устройства, которые хорошо подходят для солей никотина или жидкостей с высоким содержанием никотина.
Mechanical mods (Механические моды)	С точки зрения конструкции, наименее безопасные устройства. Устройства больше используют опытные вейперы ориентированные на курение электронных сигарет с возможностью использования их максимальной мощности.

Системы нагрева табака

Системы нагрева табака	Используется стик с листьями табака, которые обернуты фольгированной бумагой (предупреждает горение, так как используется более низкая температура, чем при обычном курении сигареты). Это позволяет исключить появление смол и продуктов горения, но оставляет табачные канцерогены и никотин.
------------------------	---

В ходе анализа были определены две группы факторов влияющих на повышение интереса молодых людей к курению электронных сигарет:

1. Влияние маркетинга и рекламы.
2. Давление сверстников.
Последствия курения электронных сигарет также можно разделить на две группы:

1. Потенциальные риски для здоровья и формирование аддикции.
2. Последствия использования электронных сигарет для перехода к курению “традиционных” сигарет.

Влияние маркетинга и рекламы

Маркетинговые стратегии, используемые производителями электронных сигарет, часто нацелены именно на молодых людей, основной упор делается на вкусы и элементы дизайна, которые нравятся этой целевой группе [3]. В результате исследования больше всего респондентов в возрасте до 25 лет ответили, что им нравится разнообразие вкусов жидкостей и интенсивный процесс парения современных девайсов, а также их пожаробезопасность и отсутствие едкого дыма [3]. Т.В. Колпакова, В.В. Утюганова [4] отмечают, что применение в рекламе понятия “безопасность” носит довольно противоречивый характер. Дым от обычных сигарет содержит много химических веществ, опасных для здоровья, однако пар от электронной сигареты не менее вреден для организма человека. Прежде всего, из-за применяемых в них ароматизаторов, которые могут быть вредны, так как состоят, в том числе, из канцерогенов. Поэтому в ряде стран (Колумбия, Бельгия, Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада) введен запрет на их использование, рекламу, а также импорт электронных сигарет.

Давление сверстников и среды

Кроме того, давление со стороны сверстников играет важную роль в распространении электронных сигарет среди подростков, поскольку молодые люди с большей вероятностью будут использовать электронные сигареты, если их друзья или члены семьи также используют эти продукты [5]. В российских исследованиях, авторы выявили, что от 20–50% молодежи свободное время проводят с друзьями [6]. Учащиеся школы более лояльно относятся к курению электронных сигарет, считают их не вредными,

и одобряют парение. С повышением возраста – респонденты в возрасте 18–22-х лет – имеют более глубокое представление об электронных сигаретах. Они понимают, что курение отрицательно влияет на все системы организма. Таким образом, подростковая среда более лояльна к курению электронных сигарет, у подростков только формируется психологическая устойчивость и меньше знаний о возможном вреде электронных сигарет для организма, поэтому под давлением друзей, моды или “для более простого построения коммуникаций в коллективе” [7] повышается вероятность того, что в случае легкой доступности подростки могут прибегнуть к практикам курения.

Потенциальные риски для здоровья и формирование аддикции

Несколько научных исследований выявили потенциальные риски для здоровья, связанные с использованием электронных сигарет среди молодежи. Аэрозоль, производимый электронными сигаретами, содержит вредные вещества, такие как никотин, формальдегид, ацетальдегид и акролеин, которые могут привести к респираторным и сердечно-сосудистым заболеваниям [8]. Кроме того, воздействие никотина в подростковом возрасте может нарушить развитие мозга и predisполагать молодых людей к зависимости [1]. Как показывают результаты исследования [3], электронная сигарета даже без никотина отрицательно влияет на организм, вызывая у всех обследуемых (8 человек в возрасте 22–25 лет) увеличение частоты сердечных сокращений (до 100 уд./мин), частоты дыхательных движений (до 21/мин) и повышение артериального давления (до 135 и 85 мм рт.ст.). Спирометрическим методом доказано четкое изменение параметров дыхания после курения электронной сигареты.

При частом использовании электронная сигарета может вызывать стойкую зависимость, а также obstructивный бронхит легких и аллергические реакции.

Последствия использования электронных сигарет для перехода к курению “традиционных” сигарет

С одной стороны, исследования выявили тесную связь между использованием электронных сигарет и началом курения обычных сигарет среди подростков и молодых людей [1]. Это явление называется «эффектом ворот» или «эффектом шлюза», предполагая, что использование электронных сигарет может служить отправной точкой для обычного употребления табака и, в конечном итоге, никотиновой зависимости. Однако, с другой стороны, связь между вейпингом и последующим курением не обязательно подразумевает причинно-следственный эффект [9]. Например, существует генетическая связь между курением, вейпингом, азартными играми, распущенностью и другими видами девиантного поведения [10].

Уровень курения постоянно снижается по мере роста популярности электронных сигарет, особенно среди молодежи, что говорит о том, что существует мало доказательств «эффекта шлюза» на уровне населения [11]. Однако эти выводы часто подвергаются критике, так как регулирование распространения электронных устройств для курения и специальных жидкостей активно развивается в мире [12].

Думается, что для снижения этих рисков и защиты здоровья подростков и молодых людей необходимо постоянно внедрять превентивные меры, такие как: более строгие правила рекламы и продаж, ориентированные на подростков, вплоть до запрета продаж устройств и самое важное, специальных жидкостей для электронных сигарет, а также проводить четкий контроль этих правил.

Большинство стран регулируют производство жидкостей для электронных сигарет. В США существуют обязательные производственные стандарты Управления по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) [13] и рекомендации Американской ассоциацией стандартов производства жидкостей для электронных сигарет (AEMSA) [14]. Стандарты Европейского Союза опубликованы в Директиве ЕС о табачных изделиях [15]. Однако в Китае, например,

такие стандарты не учитываются. Исходя из того, что большая часть электронных сигарет импортируется из Китая в Россию, существует повышенный риск того, что растворы, основными компонентами которых, помимо никотина, являются пропиленгликоль, глицерин, ароматизирующие вещества, формальдегид и другие, могут вызвать рак [4].

Вместе с тем, большую угрозу для здоровья и жизни людей представляет собой приготовление и заправка смесей для вейпов собственными силами курильщика. Эта проблема привлекла внимание общественности особенно с 2019–2020 гг. Так, «в США госпитализированных американцев с повреждением легких, ассоциированным с курением электронных сигарет и вейпов, превысило 2500 человек, а также было зафиксировано 68 смертей» [16].

Правовой статус электронных сигарет в настоящее время находится на рассмотрении во многих странах мира [17]. Около двух третей крупных стран каким-то образом регулируют электронные сигареты [18]. В США и Великобритании использование и продажа электронных сигарет являются законными только взрослым [19]. Директива ЕС о табачных изделиях ограничивает рекламу электронных сигарет в печати, на телевидении и радио, а также снижает уровень никотина в жидкостях и уменьшает используемые ароматизаторы [20]. Она требует, чтобы покупатель электронных сигарет был не моложе 18 лет. Правило FDA также запрещает продажу несовершеннолетним. Для покупки электронных сигарет требуется удостоверение личности с фотографией, а их продажа в торговых автоматах для всех возрастов в США запрещена [21].

В России в июле 2020 вышел закон N 303-ФЗ, который приравнивал жидкости для электронных сигарет к табаку [22]. Согласно данному закону, жидкости стало нельзя продавать несовершеннолетним. Это никогда не вызывало вопросов, «так как все участники рынка считали, что детей стоит от этого оградить» [23]. В конце января 2023 года в Госдуме объявили о создании профильного комите-

та, который разработает законопроект о запрете электронных сигарет. Возник спор между Минздравом, Роспотребнадзором и Минпромторгом: первые два выступали за запрет продажи электронных сигарет, что должно значительно улучшить здоровье граждан. В частности, в ходе дискуссии было предложено ввести уголовную ответственность за факт продажи этого зелья детям.

Таким образом, с одной стороны, прорабатываются дополнительные меры в сфере вейпинга, которые направлены на регулирование, а не запрета курения электронных сигарет. С другой стороны, развивается тренд, запрещающий ввоз в Россию и продажу как жидкостей для электронных сигарет, так и самих устройств.

Но такой подход, как нам представляется, не является однозначным и целесообразным, в частности, меры по регулированию уже активно вводятся, а полноценной статистики по смертям из-за вейпинга не ведется. Депутаты в процессе обсуждения часто апеллируют к тому, что «из-за электронных сигарет множество детей постоянно попадает в больницы или вовсе погибает» [23].

В итоге, в апреле 2023 года были приняты поправки, запрещающие к отпуску несовершеннолетним не только никотиновых жидкостей, но и безникотиновых аналогов, а также всех электронных устройств для доставки никотина [24]. В финальной версии принятого закона указывается, что у правительства РФ есть право создать «перечень веществ и добавок», при добавлении которых, продажа вейпов станет невозможна для всех категорий населения. Запрещена «открытая выкладка» и демонстрация вейпов и электронных сигарет в магазинах, а также показ рекламы детям.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что необходим четкий контроль над продажей устройств и жидкостей для электронных сигарет несовершеннолетним и проведение воспитательной работы среди молодежи. С другой стороны, необходимо выстраивание системы регу-

лирования электронных систем доставки никотина [25]. Так как курение табака опаснее для здоровья населения, и особенно, если будет развиваться «черный рынок» электронных сигарет, на котором будет реализовываться некачественный и взрывоопасный товар.

Это еще раз подтверждает тезис, выдвинутый нами в начале статьи, о необходимости дальнейших исследований в области использования электронных устройств для курения и сопутствующих товаров для этого, исходя из медицинских, социально-психологических, юридических и экономических подходов.

Литература

1. Сякина Г.Е., Семуткина Е.Д., Носкова П.О. Зависимость подростков от электронных сигарет // Инновационные научные исследования. 2020. №11–1(1). С. 79–83.
2. Wang R.J., Bhadriraju S., Glantz S.A. E-Cigarette Use and Adult Cigarette Smoking Cessation: A Meta-Analysis // American Journal of Public Health. 2021. № 2. P. 230–246.
3. Колесников И.С. Влияние электронных сигарет на организм человека и здоровье населения в регионах Российской Федерации // III Межрегиональная научно-практическая конференция «Гигиена: Здоровье и профилактика». Сборник статей конференции. 2018. С. 121–122.
4. Колпакова Т.В., Утюганова В.В. Отказ от курения электронных сигарет, как способ сохранения здоровья работающей молодежи // Безопасность городской среды: материалы VI Международной научно-практической конференции «Безопасность городской среды». Сборник статей конференции. 2019. С.464–467.
5. Barrington-Trimis J. L., Urman R., Berhane K., Unger J.B., Cruz T.B., Pentz M.A., Samet J.M., Leventhal A.M., McConnell R. E-Cigarettes and Future Cigarette Use // Pediatrics. 2016. 138(1): e20160379.
6. Бикеева М.С. Уровень знаний современной молодежи и вреде электронных сигарет и электронных испарите-

- лей // XXI Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского Государственного Университета. Сборник статей конференции. Том 1. Часть 1. 2019. С. 135–139.
7. Павлова А.С., Шипкова М.Д., Усманова А.И. Социальные факторы, приводящие подростков к употреблению электронных сигарет // Российский педиатрический журнал. 2022. № 3(1). С. 233.
 8. Goniewicz M.L., Knysak J., Gawron M., Kosmider L., Sobczak A., Kurek J., Prokopowicz A., Jablonska-Czapla M., Rosik-Dulewska C., Havel C., Jacob P., Benowitz N. Levels of selected carcinogens and toxicants in vapour from electronic cigarettes. *Tobacco control*. 2014. 23(2). P. 133–139.
 9. Etter J-F. Gateway effects and electronic cigarettes: Gateway effects and e-cigarettes // *Addiction*. 2017. 113 (10). P. 1776–1783.
 10. Khouja J.N., Wootton R.E., Taylor A.E., Smith G.D., Munaf M.R. Association of genetic liability to smoking initiation with e-cigarette use in young adults: A cohort study // *PLOS Medicine*. 2021. 18 (3). e1003555.
 11. Kozlowski L.T., Warner K.E. Adolescents and e-cigarettes: Objects of concern may appear larger than they are // *Drug and Alcohol Dependence*. 2017. 174. P. 209–214.
 12. Chapman S., Bareham D., Maziak W. The Gateway Effect of E-cigarettes: Reflections on Main Criticisms // *Nicotine & Tobacco Research*. 2019. 21 (5). P. 695–698.
 13. Manufacturing. United States Food and Drug Administration. 12 August 2016. URL: <https://www.fda.gov/tobacco-products/compliance-enforcement-training/manufacturing>.
 14. E-Liquid Manufacturing Standards. US: American E-Liquid Manufacturing Standards Association (AEMSA). 4 September 2015. P. 1–13. URL: <http://www.aemsa.org/wp-content/uploads/2015/09/AEMSA-Standards-v2.3.pdf>.
 15. Directive 2014/40/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning the manufacture, presentation and sale of tobacco and related products and repealing Directive 2001/37/EC Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32014L0040>.
 16. Госдума приняла закон о запрете ароматизированных вейпов // *Ведомости*. 12.04.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970521-zakon-o-zaprete-veipov>.
 17. Grana R., Benowitz N., Glantz S.A. E-cigarettes: a scientific review. *Circulation*. 2014. 129 (19). P. 1972–86.
 18. Page B. World’s law-makers favour basing e-cig rules on tobacco”. *ECigIntelligence*. Tamarind Media Limited. 2015. URL: <http://ecigintelligence.com/worlds-law-makers-favour-e-cig-regulation-based-on-tobacco>.
 19. Kadowaki J., Vuolo M., Kelly B.C. A review of the current geographic distribution of and debate surrounding electronic cigarette clean air regulations in the United States // *Health & Place*. 2015. 31. P. 75–82.
 20. Washtell F. EU Tobacco Products Directive chokes off the UK’s e-cigarette and vaping market // *City A.M.* 2016. URL: <http://www.cityam.com/240410/eu-tobacco-products-directive-chokes-off-the-uks-e-cigarette-and-vaping-market>.
 21. The Facts on the FDA’s New Tobacco Rule. United States Food and Drug Administration. 2 May 2017. URL: <https://www.fda.gov/ForConsumers/ConsumerUpdates/ucm506676.htm>.
 22. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции”. Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351960>.
 23. В Госдуме готовят поправки о полном запрете вейпов в России: чего

- ждать? // Zenmod. 04.04.23. URL: <https://zenmod.shop/blog/news/zapret-veypov-2023-chto-novogo>.
24. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросу защиты здоровья несовершеннолетних от никотинсодержащей продукции и последствий её потребления). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/332229-8>.
25. Госдума приняла закон о запрете ароматизированных вейпов // Ведомости. 12.04.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970521-zakon-o-zaprete-veipov>.

THE USE OF ELECTRONIC CIGARETTES AMONG YOUNG PEOPLE: A MODERN VIEW, INNOVATIVE APPROACHES TO REGULATING THE PROBLEM.

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Andrenko O.V., Gusarenko V.V., Tikhonov A.A.

Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

This article discusses the types of electronic cigarettes, provides an analysis of the main factors influencing the increase in youth interest in electronic cigarettes, and the consequences of their smoking. Based on the analysis, it can be concluded that it is necessary to develop control over the sale of devices and liquids for electronic cigarettes, especially to minors. Many studies record that people, gradually growing up, are aware of the danger of smoking electronic cigarettes for the entire human body. But, if we make a comparison, then smoking tobacco is more dangerous for public health. Therefore, based on a review of studies conducted in various countries around the world, the question of a complete ban on smoking of electronic cigarettes remains open for further research. It seems to us that the most promising will be to conduct comprehensive studies based on medical, socio-psychological, legal and economic approaches.

Keywords: electronic devices for smoking, vapes, vaping, tobacco heating systems, smoking ban, youth environment.

References

1. Syakina G.E., Semutkina E.D., Noskova P.O. Dependence of adolescents on

- electronic cigarettes // Innovative scientific research. 2020. No11–1(1). pp.79–83.
2. Wang R.J., Bhadriraju S., Glantz S.A. E-Cigarette Use and Adult Cigarette Smoking Cessation: A Meta-Analysis // American Journal of Public Health. 2021. № 2. P. 230–246.
3. Kolesnikov I.S. The influence of electronic cigarettes on the human body and the health of the population in the regions of the Russian Federation // III Interregional Scientific and Practical Conference «Hygiene: Health and Prevention». Collection of conference articles. 2018. P. 121–122.
4. Kolpakova T.V., Utyuganova V.V. Refusal to smoke electronic cigarettes as a way to preserve the health of working youth // Safety of the urban environment: materials of the VI International scientific and practical conference «Safety of the urban environment». Collection of conference articles. 2019. C.464–467.
5. Barrington-Trimis J. L., Urman R., Berhane K., Unger J.B., Cruz T.B., Pentz M.A., Samet J.M., Leventhal A.M., McConnell R. E-Cigarettes and Future Cigarette Use // Pediatrics. 2016.138(1): e20160379.
6. Bikeeva M.S. The level of knowledge of modern youth and the dangers of electronic cigarettes and electronic evaporators // XXI All-Russian Student Scientific and Practical Conference of Nizhnevartovsk State University. Collection of conference articles. Volume 1. Part 1. 2019. P. 135–139.
7. Pavlova A.S., Shipkova M.D., Usmanova A.I. Social factors leading adolescents to use electronic cigarettes // Russian Pediatric Journal. 2022. No. 3(1). P. 233.
8. Goniewicz M.L., Knysak J., Gawron M., Kosmider L., Sobczak A., Kurek J., Prokopowicz A., Jablonska-Czapla M., Rosik-Dulewska C., Havel C., Jacob P., Benowitz N. Levels of selected carcinogens and toxicants in vapour from electronic cigarettes. Tobacco control. 2014. 23(2). P. 133–139.
9. Etter J-F. Gateway effects and electronic cigarettes: Gateway effects and e-cigarettes // Addiction. 2017. 113 (10). P. 1776–1783.
10. Khouja J.N., Wootton R.E., Taylor A.E., Smith G.D., Munaf M.R. Association of genetic liability to smoking initiation with e-cigarette use in young adults: A cohort study // PLOS Medicine. 2021. 18 (3). e1003555.
11. Kozlowski L.T., Warner K.E. Adolescents and e-cigarettes: Objects of concern may appear larger than they are // Drug and Alcohol Dependence. 2017. 174. P. 209–214.

12. Chapman S., Bareham D., Maziak W. The Gateway Effect of E-cigarettes: Reflections on Main Criticisms // *Nicotine & Tobacco Research*. 2019. 21 (5). P. 695–698.
13. Manufacturing. United States Food and Drug Administration. 12 August 2016. URL: <https://www.fda.gov/tobacco-products/compliance-enforcement-training/manufacturing>.
14. E-Liquid Manufacturing Standards. US: American E-Liquid Manufacturing Standards Association (AEMSA). 4 September 2015. P. 1–13. URL: <http://www.aemsa.org/wp-content/uploads/2015/09/AEMSA-Standards-v2.3.pdf>.
15. Directive 2014/40/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning the manufacture, presentation and sale of tobacco and related products and repealing Directive 2001/37/EC Text with EEA relevance. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32014L0040>.
16. The State Duma adopted a law banning flavored vapes // *Vedomosti*. 04/12/2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970521-zakon-o-zaprete-veipov> Grana R., Benowitz N., Glantz S.A. E-cigarettes: a scientific review. *Circulation*. 2014. 129 (19). P. 1972–86.
17. Grana R., Benowitz N., Glantz S.A. E-cigarettes: a scientific review. *Circulation*. 2014. 129 (19). P. 1972–86.
18. Page B. World's law-makers favour basing e-cig rules on tobacco». *ECigIntelligence*. Tamarind Media Limited. 2015. URL: <http://ecigintelligence.com/worlds-law-makers-favour-e-cig-regulation-based-on-tobacco>.
19. Kadowaki J., Vuolo M., Kelly B.C. A review of the current geographic distribution of and debate surrounding electronic cigarette clean air regulations in the United States // *Health & Place*. 2015. 31. P. 75–82.
20. Washtell F. EU Tobacco Products Directive chokes off the UK's e-cigarette and vaping market // *City A.M.* 2016. URL: <http://www.cityam.com/240410/eu-tobacco-products-directive-chokes-off-the-uks-e-cigarette-and-vaping-market>
21. The Facts on the FDA's New Tobacco Rule. United States Food and Drug Administration. 2 May 2017. URL: <https://www.fda.gov/ForConsumers/ConsumerUpdates/ucm506676.htm>.
22. Federal Law of July 31, 2020 No. 303-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Protecting the Health of Citizens from the Consequences of Consumption of Nicotine-Containing Products". *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74351960>.
23. The State Duma will prepare amendments on a complete ban on vapes in Russia: what to expect? // *Zenmod*. 04.04.23. URL: <https://zenmod.shop/blog/news/zaprete-veipov-2023-chto-novogo>.
24. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (on the issue of protecting the health of minors from nicotine-containing products and the consequences of its consumption). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/332229-8>.
25. The State Duma adopted a law banning flavored vapes // *Vedomosti*. 04/12/2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970521-zakon-o-zaprete-veipov>.
25. The State Duma adopted a law banning flavored vapes // *Vedomosti*. 04/12/2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/12/970521-zakon-o-zaprete-veipov>.

Эволюция «позитивной философии» О. Конта в контексте нового знания в 21 веке

Сметана Владимир Васильевич,

кандидат философских наук, Член Международной социологической ассоциации (МСА)
E-mail: smetanavv@mail.ru

В статье рассмотрена теория О. Конта, предложенная им в 19 веке, об эволюции человечества в трех стадиях: теологическая, метафизическая и научная, где «позитивная философия» имеет главенствует научное познание. Эта теория пересмотрена в ретроспективе 21 века. Предложена новая гипотеза – 4-я стадия интеллектуальной эволюции человечества, которая сможет продолжить логику эволюционной закономерности теории О. Конта. Мы можем утверждать, что научно-технический прогресс в 20-м и 21 вв. позволяет рефлексировать об этом. Гипотеза о 4-й стадии эволюции человечества подтверждает общую логику О. Конта и позволяет перейти на следующий уровень интеллектуального развития человечества, когда человек не может больше конкурировать с машинами и искусственным интеллектом. Сегодня обучаемый человеком «цифровой интеллект», а завтра самообучаемый «цифровой интеллект» аккумулирует все знания человечества, перерабатывает их и формирует новые знания, порой непонятные человечеству. Человек как субъект по формированию новых знаний теряет лидерство и передает эстафету машинам.

Ключевые слова: О. Конт, позитивная философия, теологическая стадия, метафизическая стадия, научная стадия, искусственный интеллект (ИИ), цифровой интеллект (ЦИ).

Введение

В разные периоды времени, человечество пыталось систематизировать и структурировать разумного человека как явление в исторической ретроспективе. В т.ч. через «позитивную философию» О. Конта и «социальные институты» Г. Спенсера в 19 веке, или человеческую мысль как систему – «диалектика» Г. Гегеля в 19 веке, так и «понимающая социология» М. Вебера в начале 20 века.

Весь 20 век и начало 21 века прошли под «флагом» научно-технического прогресса, механизации, автоматизации и начала цифровизации. С переходом на новый уровень производства и потребления появились целые абстрактные системы, которые определяют ту или иную стадию промышленной революции.

Человека всегда волновали ответы на вопросы, и он искал к кому обратиться за знанием. И в разные периоды времени, человечество находило ответы на ключевые вопросы «что», «как», «почему», «зачем» и др., а владелец знаний был в религии – мистик, в философии – мудрец, а в науке – ученый. Очевидно, что в каждый конкретный период времени конфигурация может меняться. Современный человеческий интеллектуальный потенциал близок к максимуму возможностей из-за биологической ограниченности, но люди сделали машины и им передают свои знания. Теперь машины владеют знанием всего человечества и дают нам ответы на вопросы, а это все в корне меняет. Человечество собирает некий объем информации, ранее это были записи на камне, потом на папирусе и в книгах. Сегодня эти знания — информация в цифровых копиях, накапливается в больших данных (Big Data). Машина перерабатывает и выдает оптимальное решение, которое в силу ограниченности человеческого интеллекта все труднее и труднее понять. В какой-то момент, машинный результат принимается за истину и пере-

ходит в повседневную практику. Таким образом, наблюдается определенная последовательная закономерность, о которой говорил О. Конт. Некий невидимый закон стадий эволюции, в т.ч. и владельцев знания от мистиков, которые рассказывали о существовании сверхъестественных сил, через мудрецов, ищущих абстрактное начало всех причин, через научные опыты и повторяемость результата, и наконец к новым знаниям машинного мышления (расчета) – искусственного интеллекта без участия человека.

Надеюсь, что настоящая статья пригласит читателей к обсуждению видения этой ситуации в новой ретроспективе человечества и ни в коем случае «не закроет двери» старым технологиям, которые в некоторых частях нашей жизнедеятельности остаются необходимыми.

Эпоха «позитивной философии» О. Конта

Займствовав идеи А. Сен-Симона, О. Конт разрабатывал идею трех стадий интеллектуальной эволюции человечества. Изучив весь ход развития человеческой мысли, Конт сделал вывод, что есть некий великий закон, согласно которому каждое из наших познаний проходит последовательно через три различных теоретических стадии:

Каждая стадия в системе О. Конта была необходимым фактором для понимания бытия в системе координат, в которой находился человек в тот или иной период времени. На каждой стадии эволюции человечество владело знанием и находило ответы на вопросы в их бытие: «что это?» «почему?», «как это работает?», «как это возможно?» и др.

1. *Теологическая (фиктивная, состоящая из вымысла) – необходимый, исходный пункт развития человеческого мышления; все явления объясняются на основе религиозных представлений; имеет место господство сверхъестественного, поскольку оно объясняет всё, что представляется аномальным и невозможным; нет самостоятельной идеологии, отличной от религиозной, в мировоззрении слиты светское и религиозное,*

жизнь проникнута духом насилия, завоеваний.

Религия дала человечеству мистические, а порой и оккультные ответы, и прошла путь от поклонения идолам до единобожия, но не везде. В своей книге «Рассуждении о науках и искусствах» Руссо писал: «Когда люди были невинны и добродетельны, они хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, и они жили с богами под одной и той же крышею; но вскоре, когда люди стали недобрыми, им наскучили эти неудобные свидетели и они удалили их в великолепные храмы. В конце концов, они изгнали богов и оттуда, чтобы обосноваться в этих храмах самим, или, по меньшей мере, храмы богов уже перестали отличаться от домов людей» [1]. К сожалению, О. Конт, размышляя в 19 веке об эволюции в своих трудах, даже не мог предположить, что теологическое мышление в 21 веке сможет продолжить своё существование, а некоторые страны и вовсе вознесут эти принципы на высший уровень, как инструмент управления государством и людьми.

Сегодня мы можем наблюдать государства, где политический строй основан на религиозном праве. Ватикан в результате Латеранских соглашений 1929 года подтверждает суверенитет теократической монархии во главе со Святым Престолом; в Саудовской Аравии в 1992 году принят основной закон, опирающийся на исламское право, в соответствии с которым власть короля ограничена нормами шариата.

Интересный прецедент мы можем наблюдать в России. С одной стороны, в п. 1 ст. 14 Конституции закреплено: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», а с другой стороны с 2011 года реализуется программа строительства православных храмов в г. Москве, которые были запущены Русской православной церковью и Правительством Москвы, субъектом Российской Федерации. В план программы входит строительство 200 новых

церквей на территории всех округов города Москва.

Таким образом, можно сделать вывод, что теологическая стадия продолжает существовать и в настоящее время, а в некоторых странах имеет даже признаки прогрессирующего развития.

2. *Метафизическая (абстрактная, состоящие отвлечённое) – теологические идеи вытесняются отвлечёнными философско-спекулятивными понятиями, «мнимыми сущностями» и выдуманнными «первопричинами» – «идеи» Платона, «формы» Аристотеля и схоластов, «общественный договор», «права человека», «субстанция» Спинозы, «вещь в себе» Канта, «абсолютный дух» Гегеля, «материя» материалистов и так далее. Также на этой стадии возникают и получают широкое распространение идеи альтруизма, социальности, позитивной философии, индивидуализма, либерализма и демократии, которые в совокупности с развитием промышленности и науки приводят к разложению и разрушению традиционных верований и прежних порядков.*

Метафизика, она же философия, со времен древних греков стала колыбелью новых знаний, абстрактных размышлений. Она на протяжении многих веков доминировала в области знания, давая абстрактные ответы на сложные вопросы человечеству. Только в период Реформации и последующей Революции во Франции 1789 года мы смогли увидеть начало развития новой эпохи точных знаний, научной мысли, о которой говорит в своей теории О. Конт.

В середине 20 века Жиль Делез и Феликс Гваттари уточнили границы метафизики: «Философия – это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [2]. Но есть и другое мнение, так Стивен Хокинг в своей книге «Высший замысел» зафиксировал: «.. философия устарела. Она не в силах ни ставить, ни решать «великие вопросы человечества...» [3].

Сегодня философия как предмет в учебном процессе активно замещается «историей философии». Таким образом,

системное и последовательное изложение мыслей философов и их школ позволяет формировать понимание процесса накопления знания и процесс интеллектуального развития человечества. С другой стороны, в современности философия как предмет размывается не менее абстрактными дисциплинами, например, такими как политология. Как нам представляется, философия в настоящее время переживает не простые времена и нуждается в вдохновении для выживания.

3. *Научная (положительная, состояние позитивное) – на этой стадии главенствует научное познание, возникает социология и начинают изучаться законы функционирования социальных систем; на основе позитивной философии по-новому реорганизуется общество; на этой стадии разум отказывается от объяснения всех процессов с помощью абстракций и отвлечённых начал, и стремится устанавливать связь между явлениями с помощью наблюдений и рассуждений, находя «неизменные отношения последовательности и подобия».*

Человеческая наука в 21-м веке подходит к кульминационной точке, пределу возможностей. Людям все сложнее и сложнее совершать технологические прорывы. Американский экономист Тайлер Коуэн в своем эссе «Великая стагнация» (2011) утверждает, что, по крайней мере, в США достигнуто технологическое плато [4]. При этом, производство продолжает ориентироваться на удовлетворение потребностей человека, а это и является притормаживанием в научно-техническом прорыве. Сегодня можно утверждать, что заказчик (государство, корпорации или предприниматель) инновационных продуктов диктует и навязывает как цели, так и условия научным коллективам. Такой подход решает конкретные задачи, и не способствует совершению прорывных научно-технических решений.

Наука сегодня, в лице человечества, может перерабатывать знания и давать ответы на вопросы «что это?» «почему?», «как это работает?», «как это воз-

можно?» и др., которые формулировались как на стадии «метафизика», так и на стадии «наука». Но появляются новые вопросы, следующего порядка, и тут есть большие сомнения, что человек из-за биологической ограниченности сможет решить эту задачу.

Последние существенные результаты мы наблюдаем в IT-сфере в направлении искусственного интеллекта (ИИ). При этом эксперты уже сошлись во мнении, что будущее цифрового интеллекта тесно связано с развитием генеративных нейросетей, таких как ChatGpt, Mid-Journey, DALL-E, Kandinsky, PaLM и OPT. Наибольший интерес к ИИ мы можем увидеть при моделировании человеческой речи через машинное обучение на основе моделей и алгоритмов. Все это ведет не к помощи человечеству, а к замене человека машиной. Мы видим целые отрасли, где человеческий труд был заменен машинами. Какова роль человека в такой конфигурации? Данный вопрос требует изучения.

Гипотеза: появление 4-й стадии эволюции человечества в логике О. Конта – искусственный интеллект

Возвращаясь к логике О. Конта, следует отметить, что за научной стадией философии должна последовать следующая стадия, в новой системе координат эволюционного прогресса.

Последние 30 лет в мире и около 15 лет в России активно обсуждаются, принимаются решения и законодательные акты в области цифровизации, но в целом этот процесс понимается под переводом документооборота из бумаги в электронный формат. Данный процесс направлен на сбор, предоставление и обработку данных (Big Data). Человеческие возможности ограничены, люди не способны «переваривать» такой объем знаний, появляются центры накопления информации и её переработки суперкомпьютеры, а в скором будущем квантовые компьютеры.

Идея появления новой эры, в которой роль человека уходит на второй план, не нова. Подобные гипотезы витают в воздухе как на протяжении всей второй половины 20 века, так и в наши дни.

Данная идея презюмирует, что человек как вид достиг своего эволюционного максимума и следующие прорывы будут совершать механизмы, их программное обеспечение, которое управляет машинами, а впоследствии будет управлять и людьми.

Нам представляется, что сегодня уже наступила новая эволюционная стадия в логике теории «позитивная философия» О. Конта. Речь идет о цифровой стадии развития мира или вселенной с непосредственным использованием искусственного интеллекта. Новые прорывы все чаще совершают машины, а не человек. Так, например, человек ранее проводил опыты физически, сегодня же эти опыты проводятся на цифровых двойниках, без участия человека. Так кто проводит опыты: человек или машина?

Физик-теоретик Стивен Хокинг, как известно, говорил, что если ИИ сам начнет разрабатывать более совершенный ИИ, чем программисты-люди, результатом могут стать «машины, чей интеллект превосходит наш больше, чем наш превосходит интеллект улиток» [5].

Мы считаем, что по завершении 3-й стадии О. Конта, «научной», должна последовать 4-я стадия эволюции человечества. Как гипотеза: «цифровой интеллект» – это бестелесное состояние человека, в котором жизнедеятельность регламентирована машинным кодом и управляется искусственным интеллектом.

Отдельные элементы этой стадии мы уже можем наблюдать в точных науках, где прорывы совершают машины, но результаты присваивает себе человек. Прорыв будет возможен, когда человечество «отпустит» машины и перестанет ограничивать их на уровне кодирования саморазвития машин. Отдельные эксперименты уже имеются, обеспокоенность выражают «хозяева человеческого мира»: «Когда что-то может делать всевозможные вещи, я начинаю немного беспокоиться» – Уоррен Баффетт [6]. В списке миллиардеров Forbes в 2018 году Уоррен Баффетт занял третье место.

Откровенные протесты «хозяев человеческого мира» начались 28 марта

2023 года: «Создателям искусственно-го интеллекта (ИИ): открытое письмо «Создателям искусственного интеллекта (ИИ) необходимо остановить исследование мощных систем». Его подписали, в том числе, глава Tesla, SpaceX и Twitter Илон Маск, со основатель Pinterest Эван Шарп и со основатель Apple Стив Возняк[7]. Можно предположить, что это связано с потерей контроля людьми/корпорациями в т.ч. и своих продуктов, в которых имеется ИИ. Следящая стадия, это потеря контроля над людьми – людьми, и мы можем предположить – это переходная стадия в контроле людей машинами.

Вывод

Теоретическая модель О. Конта не имеет и не может иметь четких временных и территориальных границ. Религия продолжает играть существенную роль в жизни человека, если мистические ответы требуются людям. Философия и ее абстрактные объяснения смыслов успешно применяется в теоретических размышлениях, в гипотезах, концепциях, где нет месту точным наукам или на ранней стадии, перед математическими расчетами. А научно-технический прогресс позволил с участием человека дать более точные ответы на вопросы, сделать жизнь человека комфортнее. Ограниченность человеческого биоматериала известна и имеет повторяющую цикличность через воспроизводство, но не позволяет выйти за свои пределы. Количественный прирост населения не даст качества. При этом, цифровые/машинные технологии сегодня могут позволить прожить человеку его короткую жизнь, не вставая со своего места. Мы можем предположить, что это и есть конец эпохи человечества в рамках научно-технического прогресса. Принципиально новые возможности могут быть реализованы, в будущем, без человеческой ограниченности – машинами.

Литература

1. Руссо Жан-Жак. Рассуждение о науках и искусствах //Руссо Ж.-Ж. Избр.

сочинения в 3 т. М., Гос. издательство худ. литературы, 1961.

2. «Что такое философия?», 1991
3. «The Grand Design», Stephen Hawking and Leonard Mlodinow, 2010.
4. Cowen, Tyler The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will(Eventually) Feel Better Dutton, June 9, 2011.
5. <https://builtin.com/artificial-intelligence/artificial-intelligence-future>
6. NEW YORK POST JUNE 23, 2023 <https://nypost.com/2023/05/06/warren-buffet-compares-ai-to-atom-bomb-at-berkshire-hathaway/>
7. Future of Life MART 28, 2023 <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>

THE EVOLUTION OF A. COMTE'S "THE POSITIVE PHILOSOPHY" IN THE CONTEXT OF NEW KNOWLEDGE IN THE 21ST CENTURY

Smetana V.V.

International Sociological Association (ISA)

The article examines A. Comte's theory, proposed by him in the 19th century, about the evolution of mankind in three stages: theological, metaphysical and scientific, where "the positive philosophy" is dominated by scientific knowledge. This theory is revised in retrospect of the 21st century. A new hypothesis is proposed – the fourth stage of the intellectual evolution of mankind, which will be able to continue the logic of the evolutionary regularity of A. Comte's theory. We can say that scientific and technological progress in the 20th and 21st centuries allows us to reflect on this. The hypothesis of the fourth stage of human evolution confirms the general logic of A. Comte and allows us to move to the next level of intellectual development of mankind, when man can no longer compete with machines and artificial intelligence. Today, a human-trained "digital intelligence", and tomorrow a self-taught "digital intelligence" accumulates all the knowledge of humanity, processes it and forms new knowledge, sometimes incomprehensible to humanity. A person as a subject for the formation of new knowledge loses leadership and passes the baton to machines.

Keywords: Auguste Comte, The Positive Philosophy, Theological stage, Metaphysical stage,

Scientific stage, Artificial intelligence (AI), Digital intelligence (DI).

References

1. Rousseau Jean-Jacques. Discourse on sciences and arts // Rousseau J.-J. Fav. essays in 3 t. M., State. publishing house Literature, 1961.
2. "What is philosophy?", 1991
3. "The Grand Design", Stephen Hawking and Leonard Mlodinow, 2010.
4. Cowen, Tyler The Great Stagnation: How America Ate All the Low-Hanging Fruit of Modern History, Got Sick, and Will(Eventually) Feel Better Dutton, June 9, 2011.
5. <https://builtin.com/artificial-intelligence/artificial-intelligence-future>
6. NEW YORK POST JUNE 23, 2023 <https://nypost.com/2023/05/06/warren-buffet-compares-ai-to-atom-bomb-at-berkshire-hathaway/>
7. Future of Life MART 28, 2023 <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/>

Отражение философской дилеммы «Занавес неведения» в современной культуре

Горбунов Артём Сергеевич,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: artem.gorbunov.2000.ag@gmail.com

Яковлева Юлия Фёдоровна,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: Yulechka.yakovleva.02@bk.ru

Нигматуллин Артур Уралович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: moloko.styhlo@gmail.com

Мухамадеев Артём Салаватович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: ar.muxa9@gmail.com

Бувёв Захар Викторович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет

E-mail: buev-z@mail.ru

дилеммы. Поставлены вопросы к дальнейшему рассуждению и анализу проблемы.

Ключевые слова: философия, философская дилемма, занавес неведения, кинематограф, компьютерные игры.

В данной научной работе были рассмотрены предпосылки появления философской дилеммы под названием «Занавес неведения» за авторством американского философа Джона Ролза. Автором была детально исследована суть данной дилеммы, были проведены параллели с аналогичными философскими дилеммами за авторством других известных философов. Исследованы и описаны преимущества и недостатки рассматриваемой дилеммы, приведен ее критический анализ. Проведен анализ фактов появления следствий данной дилеммы в современной культуре, в частности, в кинематографе, а также в компьютерных играх. Рассмотрена возможность и целесообразность применения подхода, предлагаемого автором философской дилеммы, на практике. Приведены рассуждения в области возможного решения рассматриваемой

В данной статье рассмотрен мысленный эксперимент под названием «занавес неведения» за авторством американского философа Джона Ролза, впервые упомянутый в книге «A Theory of Justice» в 1971 году. Джон Ролз специализировался на политической философии, поэтому данный мысленный эксперимент принадлежит к сфере политики и справедливости. [1]

Автор эксперимента просит нас представить некую группу людей, перемещенную в удаленное от любых намеков на цивилизацию место, нечто вроде необитаемого острова. Люди при этом лишены своей памяти, не помнят, кем они были, к какому социальному классу принадлежали, страну с каким государственным устройством называли своей родиной. Участники эксперимента находятся под своеобразным «занавесом неведения», лишены своих личностных качеств и способностей, которые могут даровать им какое-либо преимущество при распределении на ту или иную социальную роль в обществе. Однако участники эксперимента осведомлены о принципах и основах политической и экономической науки, знают основные разновидности социальной организации общества. Эту группу людей просят выбрать такую систему правосудия и распределения благ, которая позволит максимально удовлетворить потребности каждого члена группы. Вопросы, которыми задается автор мысленного эксперимента, следующие: какую из множества концепций социальной справедливости предпочтут люди, на позицию которых не оказывают влияние корыстные побуждения? Какие государственные структуры они создадут, какие издадут законы и, главное, кто из них будет заниматься их изданием? [2]

Данный мысленный эксперимент является популярной темой для дискуссий у философов, верящих в существование некой естественной абсолютной истины, присущей не только определенному типу личности или социальному классу, но человеку как таковому. Сам Джон Ролз был убежден, что, попади люди в такую ситуацию, они бы, в первую очередь,

обеспечили бы друг для друга основные права и свободы, предоставляющие возможность совершать поступки во имя добра. По его мнению, рациональный человек в такой ситуации будет придерживаться стратегии, которая известна в «теории игр» как «максимин» (англ. *maximin*). Данная концепция предполагает некое оптимальное распределение социальных благ, то есть получение наибольшего количества благ с наименьшим риском. Так как в условиях мысленного эксперимента никто из участников не ставит свои личные интересы выше интересов других членов группы, то каждый из них будет добиваться равноправия и справедливости друг для друга, в том числе и для себя. [3]

Таким образом, структура общества будет базироваться на двух следующих принципах: первый – любой человек из группы должен обладать равнозначными правами и свободами, которые должны быть в полной мере совместимы с интересами остальных участников группы; второй – любое возможное социальное неравенство обязано принести какие-либо преимущества для всех, причем для всех должен быть открыт доступ к назначению на любую высокооплачиваемую должность. [4]

Интересным продолжением мысленного эксперимента является дальнейший факт падения «занавеса неведения». Как отреагируют люди, если сообщить им, кем они являлись до начала эксперимента и в какой стране они жили, после того как в группе испытуемых будет образована некая социальная структура и будут обозначены основные права и обязанности человека? Какой эффект произвел бы на человека, только что ставшего частью «идеального» и равноправного общества, тот факт, что в реальности он является гражданином государства, где распространено систематическое нарушение прав человека? Безусловно, это вызвало бы некий диссонанс в умах людей.

У данного мысленного эксперимента нашелся и целый ряд критиков. Они указывали на недостаточную обоснованность стратегии максимина, а так-

же слишком сложный и показательно искусственный принцип гипотетического соглашения. По их мнению, отдельный человек не в состоянии совершать рациональные поступки, направленные на благо общества, без постановки определенных целей и желания удовлетворить определенные потребности. Сам факт того, что люди из эксперимента желают построить лучшее общество, уже говорит о наличии неких желаний и стремлений, которые явно невозможно обособить от желания удовлетворить какие-либо личные интересы. [5]

Выступают с критикой мысленного эксперимента и сторонники коммуитаризма – философского учения, считающего, что общество формирует личность, а не наоборот. Философы, среди которых Майкл Сэндел, Чарльз Тейлор, Майкл Уолцер и другие, убеждены, что модель общества и человеческой природы Джона Ролза неадекватна и что он трактует личность человека в слишком индивидуалистском и далеком от истинного значении. Действительно, по версии Ролза, каждый член общества стремится минимизировать риски, и в этом случае обеспечивается равномерное распределение благ и свобод. Однако в реальном мире многие люди предпочли бы рискнуть, чтобы завладеть более выгодным положением в обществе, в чем многие из нас наверняка довольно часто убеждаются на своем опыте. Еще одним критиком идей Ролза является Роберт Нозик, он формулирует собственную теорию, которая основана на принципах справедливого приобретения и справедливой передачи.

Своеобразным доказательством теории Джона Ролза может служить американский фантастический фильм Майкла Бэя «Остров» 2005 года. По сюжету небольшое сообщество людей, уцелевшее после глобальной катастрофы, живет в специализированном изолированном комплексе, находясь под постоянным наблюдением врачей и пользующихся достижениями современной науки. Общество поначалу выглядит вполне идеальным, люди обладают высокой моралью и нравственностью, не конфликтуют

друг с другом и исправно работают ради возрождения общества в будущем. Однако вскоре оказывается, что никакой глобальной катастрофы не было, люди, населяющие этот комплекс, являются клонами настоящих людей, своеобразными фермами для выращивания травмированных в реальности органов для своих оригиналов. Клоны были задуманы как неполноценные люди, как существа без разума и каких-либо возможностей к любого рода переживаниям. Таким образом, «Остров» является наглядной иллюстрацией того, как люди с «пустым, чистым» мозгом, пришли к тому, что в нашей жизни является нормой и в плане нравственности, и в плане социальных ролей.

Замечательным примером концепции Джона Ролза о «занавесе неведения» могут служить компьютерные игры. Например, одна из самых популярных командных игр в жанре «multiplayer online battle arena» Dota 2, разработанная корпорацией Valve. Суть игры заключается в защите своего «трона» и попытке уничтожить чужой одной из двух противоборствующих команд, имеющих в своем составе по 5 «героев» с уникальными способностями. Каждый игрок управляет своим персонажем. Если мы представим ситуацию, когда каждый из игроков зашел в игру первый раз и понятия не имеет, какими слабыми и сильными сторонами обладает его «герой», и какая роль для него уготована разработчиками игры, то мы видим прямую аналогию с «занавесом неведения». Причем, если человек начал игру, значит он, по крайней мере, осведомлен о структуре игры, ее задачах и устройстве, что опять же приближает рассматриваемый пример к модели Джона Ролза.

Если опираться на измышления философа, то игроки, будучи в дефиците информации о своем «герое», будут стараться максимизировать благоприятный эффект с наименьшим риском, а значит будут стремиться выиграть игру, не навредив при этом членам своей команды и себе. Для этого, как и в любом обществе, они произведут некое распределение ролей и обязанностей. Для рассма-

триваемой игры это распределение социальных ролей имеет следующий вид: существуют «керри» (англ. «carry» – тащить, вынести) – основная сила команды, чья первостепенная задача вести свою команду к победе и оказывать максимальное влияние; «саппорты» (англ. «support» – поддержка) – чьей целью является всячески помогать своей команде. В любой команде так же существует свой формальный или неформальный лидер или капитан. В игре существуют и иные роли, но в качестве примера приведем их.

В реальной жизни данные роли можно сопоставить с настоящими социальными ролями (например «керри» – перспективный инженер, ответственный за основные достижения своей компании; «саппорт» – врач или учитель, использующий свой потенциал на благо общества; капитан команды – директор компании или президент, держащий каждый аспект деятельности под контролем).

В процессе игры каждый член команды открывает сильные и слабые стороны своего персонажа, занимает свою нишу и старается принести наибольшее благо своей команде и победить. Однако практика показывает, что людям, которые впервые зашли в игру, далеко не так часто свойственно работать на благо команды. Человека так или иначе невозможно изолировать от его личных интересов, и зачастую, войдя в игру, он начнет конфликтовать с командой, удовлетворяя собственные желания. Находясь люди, недовольные совместно выделенным для них пространством для развития или социальной ролью в игре. Следовательно, сфера интересов того или иного игрока переключается с победы и достижения блага для команды на межгрупповые конфликты и взаимное унижение. Причина всего этого проста – люди проецируют свое реальное эмоциональное состояние на процесс совместной деятельности, проясляют свои худшие или лучшие стороны. Таким образом, модель Джона Ролза на данном примере выглядит нереалистичной.

Джон Ролз предложил интересную тему для дискуссий философов со всего мира, однако, его модель «занавеса неведения» является чрезмерно идеалистической. Общество далеко от того, чтобы не проецировать свои переживания на процесс принятия решений, не пользоваться своими биологическими и социальными преимуществами для достижения своих целей. Возможно, в этом нет необходимости, и именно это делает нас людьми.

Литература

1. Джон Ролз. Теория справедливости / Под ред. В.В. Целищева. – Издательство Новосибирского университета, 1995.
2. Трусов, Ю.А. Критика «исходного положения» теории справедливости Джона Ролза / Ю.А. Трусов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 2(59). – С. 146–150.
3. Макеева Л.Б. Философия эгалитарного либерализма в США: Джон Ролз и Рональд Дворкин. История философии.
4. Р. Э. Ахметов. Трактровка справедливости как честности в социально-политической философии Джона Ролза // Вестник ОГУ. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.. – 2009. – № 7. – С. 62.
5. Н.В. Печерская. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолзер? // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 78.

REFLECTION OF THE PHILOSOPHICAL DILEMMA «CURTAIN OF IGNORANCE» IN MODERN CULTURE

Gorbunov A.S., Yakovleva Yu.F., Nigmatullin A.U.,
Mukhamadeev A.S., Buye-v Z.V.
Ufa State Petroleum Technological University

In this scientific work, the prerequisites for the emergence of a philosophical dilemma called “The Curtain of Ignorance” by the American philosopher John Rawls were considered. The author studied in detail the essence of this dilem-

ma, drew parallels with similar philosophical dilemmas authored by other famous philosophers. The advantages and disadvantages of the considered dilemma are investigated and described, its critical analysis is given. The analysis of the facts of the appearance of the consequences of this dilemma in modern culture, in particular, in cinema, as well as in computer games, is carried out. The possibility and expediency of applying the approach proposed by the author of the philosophical dilemma in practice is considered. Reasoning in the field of possible solution of the considered dilemma is given. Questions are posed for further discussion and analysis of the problem.

Keywords: philosophy, philosophical dilemma, curtain of ignorance, cinematography, computer games.

References

1. John Rawls. *Theory of Justice* / Ed. V.V. Tselishcheva. – Publishing house of Novosibirsk University, 1995.
2. Trusov, Yu.A. Criticism of the “initial position” of the theory of justice by John Rawls / Yu.A. Trusov // *Caspian region: politics, economics, culture*. – 2019. – No. 2 (59). – S. 146–150.
3. Makeeva L.B. Philosophy of egalitarian liberalism in the USA: John Rawls and Ronald Dworkin. *History of Philosophy*.
4. R. E. Akhmetov. Interpretation of Justice as Honesty in the Socio-Political Philosophy of John Rawls // *Vestnik OGU. Moscow State University M.V. Lomonosov ..* – 2009. – No. 7. – P. 62.
5. N.V. Pecherskaya. Contemporary discourse of justice: John Rawls or Michael Walser? // *Social sciences and modernity*. – 2001. – No. 2. – P. 78.

Конспирологическое мышление современных россиян

Ардашев Роман Георгиевич,

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России,
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье раскрываются особенности развития конспирологического мышления наших современников. Анализируются негативные последствия влияния теорий заговора на сознание и поведение россиян. Приводятся результаты авторского исследования о влиянии конспирологических теорий на мировоззрение и реальное поведение наших соотечественников. Нами выделены возрастные и образовательные особенности, отношение к медиаисточникам и уровень доверия к органам власти и политикам как социальные факторы развития конспирологического мышления, которые опираются на высокий уровень тревожности и низкий уровень самооценки.

Ключевые слова: конспирологическое мышление, конспирологические теории, теории заговора, ригидность сознания, потребление масс, медиавоздействие, падение доверия.

Конспирологические теории позволяют объяснять происходящие события через призму секретной информации, обусловленной теориями заговора, влиятельными экономическими или политическими, эзотерическими или религиозными, инопланетными или иными сообществами. По данным опросов общественного мнения – все больше россиян верят в теории заговора и по крайней мере точно уверены в наличии одной или двух теорий заговора в той среде, где они живут¹.

Пандемия COVID-19 подтолкнула к усилению обсуждения данной тематики и появились варианты интерпретации данного явления под влиянием вышек 5G, геополитическими интересами разных стран (от Китая или США, до стран Африки), групп интересов (фармакологической отрасли, военных – как вариант бактериологического оружия), отдельных людей (Бил Гейтс) и проч. По данным того же исследования Левада-Центра – 64% россиян уверены в том, что коронавирусная инфекция имеет искусственное происхождение и выступает биологическим оружием.

Данные убеждения имеют множество негативных социальных последствий для личного и социального развития. Для личного развития многообразные последствия. Во-первых, провоцирует неблагоприятное для физического и психологического здоровья поведение. Во-вторых, приводит к неадекватному поведению во время вакцинации (от отказа вакцинироваться, до актов вандализма к пунктам вакцинации). В-третьих, приводит к критическому, скептическому и откровенно бунтарскому восприятию профилактики любого вакцинирования. Для социального развития не менее раз-

¹ Коронавирус: вакцина и происхождение вируса // Левада-Центр. 2021. 1 марта. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/01/koronavirus-vaktsina-i-proishozhdenie-virusa/> (дата обращения: 03.04.2023) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента)

нообразные последствия. Во-первых, снижение доверия к органам власти, понижение гражданской и социальной активности. Во-вторых, снижение доверия к науке и ее достижениям.

Изучение данного явления ведется достаточно давно (К. Поппер, С. Московичи), касается и современных исследований автора и коллег (А.Д. Казун и А.В. Поршнева, П.Г. Кошкин, А.М. Прилуцкий, Т.Т. Шамурзаев), рассматривается психологами, политологами, социологами, культурологами и другими учеными, но не позволяет говорить о полной сложившейся картине того, что является причиной возникновения и распространения конспирологических теорий в социальной среде и кто те люди, что верят в теории заговора. Также указываются особенности внешней среды, способствующие усилению значимости и роли конспирологических теорий (А.С. Ким, О.А. Полюшкевич, Р.В. Иванов, В.А. Скуденков).

Полагаем, что конспирологическое мышление может усиливаться под влиянием одного события (пандемия коронавируса) или же может быть склонностью к определенному типу мышления. Эта склонность может искусственно конструироваться в СМИ и сети Интернет или наоборот притупляться под влиянием того же медиапространства.

Причины возникновения конспирологического мышления

Ключевой причиной возникновения теорий заговора выступают негативные события, сопряженные с рисками и деструктивными последствиями для больших групп. Это позволяет объединиться людям. Негативными событиями могут быть теракты и убийства национальных или политических лидеров (для дестабилизации положения в стране или мире), возникновения заболеваний (СПИД, вирус Зика, COVID-19), экологические и техногенные катастрофы (взрывы атомных станций, наводнения, землетрясения и проч.).

В результате этих событий большими группами людей теряется определенность, понимание того, что будет

в будущем и невозможность контролировать ситуацию, свое поведение и поведение окружающих. Для того, чтобы как-то объяснить происходящие события они обращаются к любой информации, транслирующейся из медиапространства, не включая критическое осмысление, не подвергая критике и сомнению из-за умелой фальсификации фактов – формируется вера в ложные убеждения в виде конспирологических теорий.

Подготовкой к данным стратегиям восприятия информации выступает популистская публичность политиков, шоу-звезд и иных известных персон, которые высказывают свою оценку по тому или иному событию и ссылаются на теории заговора. Иными словами, в медийном дискурсе уже присутствует отсылка к существующим теориям заговора (пусть и по другим поводам). Когда же происходит негативное событие – на подготовленное популистскими выступлениями о теориях заговора сознание общест-венности накладываются вольно интерпретируемые события, предшествующие негативным социальным действиям и в результате – подтверждается вера в конспирологический заговор.

Безусловно, распространяемость теорий заговора в широких массах вызвана недостаточностью официальной информации, и население вынуждено верить той информации, которая распространяется в формате альтернативного варианта интерпретации происходящих событий. Теории заговора отвечают на поставленные вопросы. Пусть эти ответы не соответствуют реальности, но они дают стабильность в понимании – что происходит (несмотря на то, что это ложные убеждения). Они если не дают чувство безопасности, но точно дают чувство определенности.

Реально то, во что верят люди. Поэтому, теории заговора вполне актуальны и активно распространяются в наши дни.

Особенности проведения и результаты анализа исследования

Мы проводили онлайн опрос жителей России через платформу www.google.ru в марте 2023 года. В нем приняли уча-

стие 1450 жителей России в возрасте от 18 до 70 лет; 57% женщин и 43% мужчин; 55% имеют высшее, 35% средне-специальное и 10% среднее образование.

Так как целью исследования было изучение особенностей конспирологического мышления мы опирались на средние значения шкалы Ликерта (от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен») по таким показателям: «За негативными событиями в обществе всегда стоят чьи-то интересы», «Официальные источники никогда не говорят всю правду о происходящих событиях». Расчет коэффициента Кронбаха пока-

зал, что данные вопросы имеют достаточно высокий уровень достоверности ($\alpha = 0,73$).

Конспирологическое мышление достаточно распространено. Более половины респондентов в разных возрастных группах указывали на то, что за негативными событиями в обществе стоят интересы тех или иных групп (власти, бизнеса, НЛО) или отдельных людей (оценили на 4 и 5 баллов). Дополнительно подчеркивали, что информации из неофициальных источников они больше доверяют, чем информации из официальных СМИ, аффилированных органами власти (см. таблицу 1).

Таблица 1. Возрастные отличия распространения конспирологического мышления (в %)*

	1	2	3	4	5
За негативными событиями в обществе стоят интересы тех или иных групп (власти, бизнеса, НЛО)					
18–15 лет	11,5	7,6	13,2	35,5	32,2
36–55 лет	4,8	6,7	9,1	38,1	41,3
56 лет и старше	7,4	8,1	12,1	32,2	40,2
Официальные источники никогда не говорят всю правду о происходящих событиях					
18–15 лет	4,9	5,5	11,5	37,8	40,3
36–55 лет	0,9	6,6	13,1	36,7	42,7
56 лет и старше	10,2	10,1	13,2	34,3	32,2

* По шкале, где 1 – «Абсолютно не согласен», а 5 – «Абсолютно согласен»

Развитие аналитических способностей прямо коррелирует с уровнем образования (как минимум высшее, наличие

ученой степени или двух высших образований – уменьшает веру в конспирологические теории). См. таблицу 2.

Таблица 2. Влияние уровня образования на конспирологическое мышление (в %)

Уровень образования	Верю в теории заговора	В некоторые теории верю, а в другие нет	Не верю в теории заговора
Ученая степень	7,5	15,8	76,7
Два высших образования	9,8	19,9	70,3
Высшее образования	14,1	24,4	61,5
Средне специальное образование	24,9	39,9	35,2
Среднее образование	31,2	47,7	21,1

Мы выделяли уровень доверия органам власти и членам семьи, а также уровня лояльности к ним же: «Я доверяю представителям власти», «Я раз-

деляю политику власти», «Я знаю, что мне всегда помогут, если я окажусь в беде», «Власть меня использует также, как и всех». Уровень достоверности для ор-

ганов власти высокий ($\alpha = 0,78$), для членов семьи ниже, но также значим ($\alpha = 0,71$).

Респонденты, доверяющие органам власти и лояльные к политическим лидерам менее склонны доверять теориям заговора, те же, кто не доверяет ни власти, ни политикам склонны больше ве-

ривать в заговоры. Власти и политическим лидерам больше доверяют представители старшего возраста среди них меньше тех, кто верит в теории заговора. А среди людей младшего и среднего возраста – картина иная, достаточное количество приверженцев конспирологических теорий (см. таблицу 3).

Таблица 3. Влияние уровня доверия к органам власти и политикам на распространенность конспирологического мышления (в %)*

	1	2	3	4	5
Я доверяю представителям власти					
18–15 лет	11,6	16,3	25,5	27,8	18,8
36–55 лет	4,1	18,7	18,7	35,6	22,9
56 лет и старше	5,9	12,1	15,4	36,1	42,3
Я разделяю политику власти					
18–15 лет	21,1	16,9	14,5	25,4	22,1
36–55 лет	5,2	10,2	15,9	33,1	35,6
56 лет и старше	5,1	12,1	22,2	30,3	30,3
Я знаю, что мне всегда помогут, если я окажусь в беде					
18–15 лет	4,3	12,2	24,4	28,9	30,2
36–55 лет	6,9	13,6	22,5	29,7	27,3
56 лет и старше	8,1	11,8	20,3	28,6	31,2
Власть меня использует также, как и всех					
18–15 лет	19,4	33,1	20,3	16,7	10,5
36–55 лет	16,3	35,8	26,7	12,3	8,9
56 лет и старше	42,1	17,6	18,9	11,8	9,6

* По шкале, где 1– «Абсолютно не согласен», а 5– «Абсолютно согласен»

Таблица 4. Возрастные отличия восприятия медиаисточников распространения конспирологического мышления (в %)*

	1	2	3	4	5
Я доверяю официальным источникам информации					
18–15 лет	23,0	31,1	18,7	12,1	15,1
36–55 лет	24,5	23,2	10,1	20,1	22,1
56 лет и старше	17,1	21,1	17,9	18,6	25,3
Я доверяю альтернативным источникам информации					
18–15 лет	6,5	15,9	12,3	29,9	35,4
36–55 лет	10,6	14,9	15,7	28,7	30,1
56 лет и старше	25,4	22,7	18,7	18,6	14,6

* По шкале, где 1– «Абсолютно не согласен», а 5– «Абсолютно согласен»

Также выделили роль источников медиапотребления. Опираются только на официальную информацию треть респондентов, чаще люди более старшего возраста. Используют альтернативные источники информации (в т.ч. блоги экспертов мнения и т.д.) – большая часть респондентов от 18 до 55 лет. Уровень доверия официальным источникам низок ($\alpha = 0,61$), а альтернативным (в т.ч. непроверенным) – достаточно высок ($\alpha = 0,76$). См. таблицу 4.

Несмотря на то, что представители старшего возраста менее доверяют альтернативным источникам информации, они верят в теории заговора, информацию о которых передают знакомые и соседи. Поэтому, данная группа является также носителем конспирологического мышления.

Также мы установили, что у тех респондентов, кто верит в теории заговора – более высокий уровень тревожности и низкий уровень самооценки (См. таблицу 5).

Таблица 5. Взаимосвязь уровня тревожности, самооценки и веры к конспирологические теории (в %)*

Критерий	Уровень	Верят в теории заговора	Не верят в теории заговора
Уровень тревожности	Высокий	66,3	10,2
	Средний	27,8	32,2
	Низкий	5,9	57,6
Уровень самооценки	Высокий	12,4	22,9
	Средний	24,5	28,5
	Низкий	63,1	48,6

*Рассчитывался по отдельным шкалам тревожности теста Тейлора и теста самооценки Сонерсена (авторская модификация).

Таким образом, полученные результаты продолжают логику изучения как психологической готовности и социальной обусловленности распространения конспирологического мышления. Возникают территориальные и социальные особенности моделирования данных процессов, но они лишь усиливают основные векторы развития теорий заго-

вора и вовлечения в них все новых и новых adeptов.

Выводы

Конспирологическое мышление характерно для людей с высоким уровнем тревожности и низкой самооценкой (психологические факторы). А также с низким уровнем образования, высоким уровнем религиозности и низким уровнем доверия органам власти и политикам в целом (социальные факторы). Высокоразвитые аналитические способности снижают риски подверженности конспирологическим теориям. Это соотносится с принципами и природой возникновения конспирологических идей, что позволяет говорить о достоверности полученных нами данных и сделанных выводов. Сочетание психологических предрасположенностей и социальных условий приводит к необходимости обращения к альтернативным источникам информации и доверия им.

Проведенное нами исследование показало перспективность изучения данного социального явления. Необходимо более глубоко исследовать перспективы и условия развития конспирологического мышления, роль конкретных негативных событий в распространённости теорий заговора, а также более детальное изучение конкретных теорий заговора, от истории возникновения, до способов распространения.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Конспирологические теории в период пандемии: эффекты сознания // Социология. 2021. № 5. С. 74–81.
2. Ардашев Р.Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42). С. 145–154.
3. Ардашев Р.Г. Конспирологические гипотезы гибели известных людей // I Международное книжное издание стран содружества независимых государств «Лучшие в образовании – 2021». Нур-Султан, 2021. С. 39–41.
4. Ардашев Р.Г. COVID-19: Влияние конспирологических теорий на качество жизни россиян // Влияние качества

- жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. М.: МГУ, 2020. С. 140–142.
5. Ардашев Р.Г. Иррациональное мышление: коронавирус как теория заговора // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы V международной научно-практической интернет-конференции. В 2-х частях. Вологда, ВолНЦ РАН, 2020. С. 205–209.
 6. Ардашев Р.Г. Кино как источник формирования иррационального сознания россиян // Социальная реальность виртуального пространства. материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 197–201.
 7. Ардашев Р.Г. Конспирологические теории как показатель социальной напряженности при пандемии COVID-19 // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 308–311.
 8. Ардашев Р.Г. Распространение конспирологических теорий под влиянием виртуализации // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 9–12.
 9. Ардашев Р.Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2020. С. 100–103.
 10. Иванов Р.В. Виртуальное взаимодействие: истинность и ложность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 161–165.
 11. Иванов Р.В. Влияние пандемии COVID-19 на социальное напряжение // Пространства социальной напряженности и стратегические консенсусные взаимодействия в XXI веке. сборник научных трудов. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский государственный университет. 2020. С. 311–313.
 12. Иванов Р.В. Качество жизни в виртуальном мире // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 44–46.
 13. Казун А.Д., Поршнева А.В. Кто верит в теории заговора? Факторы склонности к конспирологическому мышлению в России, Казахстане и Украине // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 549–565. [https:// doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889)
 14. Ким А.С., Полюшкевич О.А. Идентичность как способ восприятия чужих и своих // DIXI – 2019: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях. Сборник научных трудов. Хабаровск, ХГУЭП, 2019. С. 94–100.
 15. Кошкин П.Г. Коронавирус в умах: как пандемия превратилась в информационную эпидемию и как с ней бороться / Российский совет по международным делам. – 2020. – 8 апреля. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnu-yu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya/> (дата обращения: 03.04.2023).
 16. Полюшкевич О.А. «Свои» и «чужие»: социокультурные маркеры // Дискуссия. 2011. № 5. С. 84–89.

17. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
18. Полюшкевич О.А. Перспективы будущего: особенности восприятия после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 149–151.
19. Полюшкевич О.А. Доверие к институтам права // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 96–103.
20. Прилуцкий А.М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.
21. Скуденков В.А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход. Межвузовский сборник научных трудов. ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.
22. Скуденков В.А. Влияние уровня тревожности, вызванной мобилизацией на экономические притязания россиян // В поисках социальной истины. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 293–297.
23. Скуденков В.А. Экономические притязания в условиях мобилизации // Социология. 2022. № 5. С. 80–87.
24. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Архивное выявление ложной информации о работе спецслужб в литературе, кино и СМИ // Закон и право. 2022. № 4. С. 222–224.
25. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Ложная информация о работе спецслужб, встречающаяся в литературе, кино и СМИ // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 87–88.
26. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Раскрытие серийных убийств и астрологическая мантика. Иррационализация истины // Закон и право. 2020. № 4. С. 177–179.
27. Шамурзаев Т.Т., Ардашев Р.Г. Смерть известных людей в технических катастрофах и теория заговора // Закон и право. 2021. № 10. С. 166–168.
28. Шамурзаев Т.Т. Иррациональные стратегии конспирологических теорий // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы: материалы IX Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 февраля 2023 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. Иркутск: Издательство ИГУ, 2023. С. 137–141.
29. Moscovici S. The Conspiracy Mentality. In: Graumann C.F., Moscovici S. (eds.) Changing Conceptions of Conspiracy. New York, NY: Springer. 1987. P. 151–169.
30. Popper K. The Open Society and Its Enemies. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1966.

CONSPIRACY THINKING OF MODERN RUSSIANS

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article reveals the features of the development of conspiracy thinking of our contemporaries. The negative consequences of the influence of conspiracy theories on the consciousness and behavior of Russians are analyzed. The results of the author's research on the influence of conspiracy theories on the worldview and real behavior of our compatriots are presented. We have identified age and educational characteristics, attitudes towards media sources and the level of trust in authorities and politicians as social factors in the development of conspiracy thinking, which are based on a high level of anxiety and a low level of self-esteem.

Keywords: conspiracy thinking, conspiracy theories, conspiracy theories, rigidity of consciousness, mass consumption, media exposure, loss of trust.

References

1. Ardashev R.G. Conspiracy theories during a pandemic: the effects of consciousness // *Sociology*. 2021. No. 5. S. 74–81.
2. Ardashev R.G. Conspiracy theories in the public opinion of Russians // *Mission of confessions*. 2020. V. 9. No. 1 (42). pp. 145–154.
3. Ardashev R.G. Conspiracy hypotheses about the death of famous people // *I International Book Edition of the countries of the Commonwealth of Independent States "The Best in Education – 2021"*. Nur-Sultan, 2021, pp. 39–41.
4. Ardashev R.G. COVID-19: The impact of conspiracy theories on the quality of life of Russians // *The impact of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials*. M.: MGU, 2020. S. 140–142.
5. Ardashev R.G. Irrational thinking: coronavirus as a conspiracy theory // *Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements. Materials of the V International Scientific and Practical Internet Conference*. In 2 parts. Vologda, VoINTs RAS, 2020, pp. 205–209.
6. Ardashev R.G. Cinema as a source of the formation of the irrational consciousness of Russians // *Social reality of virtual space. materials of the IV International scientific conference*. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 197–201.
7. Ardashev R.G. Conspiracy theories as an indicator of social tension during the COVID-19 pandemic // *Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century. Collection of scientific papers*. Irkutsk, IGU, 2020. S. 308–311.
8. Ardashev R.G. Spread of conspiracy theories under the influence of virtualization // *Social reality of virtual space. Materials of the III International Scientific and Practical Conference*. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 9–12.
9. Ardashev R.G. Stigmatized strategies of irrational thinking: conspiracy theories and their adherents // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. FGBOU VO "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk, IGU, 2020, pp. 100–103.
10. Ivanov R.V. Virtual interaction: truth and falsity // *Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference*. Grozny – Makhachkala, 2020, pp. 161–165.
11. Ivanov R.V. The impact of the COVID-19 pandemic on social tension // *Spaces of social tension and strategic consensus interactions in the XXI century. collection of scientific papers*. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Irkutsk State University. 2020, pp. 311–313.
12. Ivanov R.V. Quality of life in the virtual world // *Influence of the quality of life on the formation of the value structure of the population of Russia. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials*. Moscow State University M.V. Lomonosov. Moscow, 2020, pp. 44–46.
13. Kazun A.D., Porshnev A.V. Who believes in conspiracy theories? Factors prone to conspiracy thinking in Russia, Kazakhstan and Ukraine // *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes*. 2021. No. 6. S. 549–565. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.1889>
14. Kim A.S., Polyushkevich O.A. Identity as a way of perceiving strangers and friends // *DIXI – 2019: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian research. Collection of scientific papers*. Khabarovsk, KhGUEP, 2019. S. 94–100.
15. Koshkin P.G. Coronavirus in minds: how the pandemic turned into an information epidemic and how to deal with it / *Russian International Affairs Council*. – 2020. – April 8. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/koronavirus-v-umakh-kak-pandemiya-prevratilas-v-informatsionnu-yu-epidemiyu-i-kak-s-ney-borotsya/> (date of access: 04/03/2023).
16. Polyushkevich O.A. "Friends" and "strangers": sociocultural markers // *Discussion*. 2011. No. 5. S. 84–89.
17. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 87–92.
18. Polyushkevich O.A. Prospects for the Future: Peculiarities of Perception after COVID-19 // *Modern Society in Conditions of Socio-Economic Uncertainty. XV International Scientific Conference "Sorokin Readings-2021"*. Moscow, 2021, pp. 149–151.
19. Polyushkevich O.A. Trust in the institutions of law // *Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of*

- the I All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, IGU, 2019. S. 96–103.
20. Prilutsky A.M. Coronavirus infection and religious discourses of medical conspiracy // Bulletin of the Irkutsk State University. Political science series. Religious studies. 2020. V. 33. S. 108–114.
 21. Skudenkov V.A. Features of the social framework of mental health // Philosophy of health: an integral approach. Interuniversity collection of scientific papers. FGBOU VO IGMU of the Ministry of Health of Russia. Irkutsk, 2020. S. 39–43.
 22. Skudenkov V.A. The influence of the level of anxiety caused by mobilization on the economic claims of Russians // In Search of Social Truth. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 293–297.
 23. Skudenkov V.A. Economic claims in the context of mobilization // Sociology. 2022. No. 5. S. 80–87.
 24. Shamurzaev T.T., Ardashev R.G. Archival detection of false information about the work of special services in literature, cinema and the media // Law and Law. 2022. No. 4. S. 222–224.
 25. Shamurzaev T.T., Ardashev R.G. False information about the work of special services, found in literature, cinema and the media // Eurasian legal journal. 2022. No. 2 (165). pp. 87–88.
 26. Shamurzaev T.T., Ardashev R.G. Disclosure of serial murders and astrological mantic. Irrationalization of truth // Law and law. 2020. No. 4. S. 177–179.
 27. Shamurzaev T.T., Ardashev R.G. Death of famous people in technical disasters and conspiracy theory // Law and Law. 2021. No. 10. P. 166–168.
 28. Shamurzaev T.T. Irrational strategies of conspiracy theories // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects: materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, February 20, 2023 / ISU; under total ed. O.A. Polyushkevich. Irkutsk: IGU Publishing House, 2023. P. 137–141.
 29. Moscovici S. The Conspiracy Mentality. In: Graumann C.F., Moscovici S. (eds.) Changing Conceptions of Conspiracy. New York, NY: Springer. 1987. P. 151–169.
 30. Popper K. The Open Society and Its Enemies. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1966.

Реконструкция феноменологических концептов интерсубъективности и темпоральной координации в системе субъективного времени индивида в инклюзивном обществе

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

E-mail: vitl_2002@list.ru

Ключевые слова: включающее общество, субъективное время, интерсубъективность, темпоральная координация, ограниченные возможности (ОВ).

Показывается, что принятие интерсубъективности в качестве базисного концепта позволяет рассматривать инклюзивный социум в качестве своеобразного микросоциума (особая социальная группа) с учетом специфики интерпретации инклюзивной повседневной реальности. Демонстрируется, что темпоральная координация дает возможность человеку понять, осмыслить и интерпретировать опыт других людей с позиции моделирования коллективно-совместного опыта особой группы индивидов с ограниченными возможностями. Анализируются ситуации инклюзивной повседневности, в которых человек воспринимает события и процессы, происходящие в рамках жизнедеятельности особой социальной группы, с позиции переживания и проживания им механизмов и особенностей темпорально-упорядоченного формирования инклюзивного социума. Показывается, что интенциональность и механизмы социорациональной жизнедеятельности непосредственно определяют векторы и перспективы ее модернизации с приоритетом изменения условий функционирования и существования людей с ОВ в особой социальной группе. Постулируется, что многообразие направлений становления особых групп людей с ограниченными возможностями и их интенсивность весьма возрастает в интервалах социальных катаклизмов и трансформаций, когда человек с ограниченными возможностями переходит на качественно иной уровень собственного индивидуального и коллективного бытия с учетом интенционально-темпоральной координации. Выявляется, что период интенционально-темпоральной координации осуществляется в непрерывном переживании человеком с ОВ собственного времени вживания в повседневную реальность включающего общества, принятии им стереотипов и правил поведения в специальной социальной группе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–28–00515, <https://rscf.ru/project/22–28–00515/> в Ростовском государственном экономическом университете в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение

В современной философской литературе наметилась тенденция интегрального исследования различных сегментов и специфики конструирования и моделирования инклюзивного общества с акцентом на повседневную реальность людей с ограниченными возможностями. Интегральное рассмотрение основных философских, социологических и педагогических подходов показывает их разрозненность и несистематичность в оценке реализации принципов инклюзии в социуме. В этой связи естественным становится использование философских методов и принципов, непосредственно комплекса философских знаний в качестве методологического базиса для теоретической репрезентации общества инклюзии. Использование категорий современной философии позволяет интегрировать комплексы представлений о специфике субъективного времени людей с ограниченными возможностями в мире повседневности включающего социума с приоритетным применением феноменологических концептов.

Основная часть

Принятие интерсубъективности в качестве базисного концепта позволяет рассматривать инклюзивный социум в качестве своеобразного микросоциума (особая социальная группа) с учетом специфики интерпретации инклюзивной повседневной реальности. В этой связи инициируется применение концепта темпоральной координации в сфере изучения сегментов субъективного времени индивида с ОВ. Как следствие, темпоральная координация дает возможность человеку понять, осмыслить и интерпретировать опыт других людей с позиции моделирования коллективно-совместного опыта особой группы индивидов с ограниченными возможностями. Фактически, темпоральная координация выступает основной формой интерсубъективности, способной синхронизировать весь комплекс проявлений жизнедеятельности людей во включающем социуме. Возникают ситуации усложне-

ния и трансформации коммуникационных взаимосвязей внутри особой группе, что ведет к увеличению числа «режимов функционирования» механизмов темпоральной координации. В итоге темпоральная координация определяет жизнедеятельность индивидов с ограниченными возможностями в направлении ее оптимизации, хотя в повседневной реальности индивид вовлечен в разнообразные микросоциумы и поэтому необходимо выделять темпоральные «горизонты» и различные ритмы его скорректированной и упорядоченной жизнедеятельности.

Представление темпоральной координации в инклюзивной повседневности связано с особенностями интерпретации людьми с ОВ своего налично-индивидуального бытия. Поэтому темпоральная координация определяет весь комплекс переживаний человека с ОВ внутренней интенциональности своего индивидуального времени внутри особой социальной группы. С другой стороны, темпоральная координация предстает как сущностно-индивидуальный параметр сознания индивида в корреляции с общественным сознанием группы индивидов с ОВ. Правомерно отметить, что темпоральная координация базируется на мотивационно-психологических и ситуативно-деятельностных моментах субъективного времени, отражающих различные этапы становления особой социальной группы индивидов с ОВ.

В стереотипных ситуациях инклюзивной повседневности человек воспринимает события и процессы, происходящие в рамках жизнедеятельности особой социальной группы, с позиции переживания и проживания им механизмов и особенностей темпорально-упорядоченного формирования инклюзивного социума. При этом основные параметры внутренней темпоральности человека коррелируют с трансформациями в сегментах структуры включающего общества на основе темпоральной координации. Такие преобразования инклюзивного социума отражают его нестабильность, однако позитивно влияют на проективно-мыслительные

способности человека с ограниченными возможностями. Интенциональность и механизмы социорациональной жизнедеятельности непосредственно определяют векторы и перспективы ее модернизации с приоритетом изменения условий функционирования и существования людей с ОВ в особой социальной группе. В этой связи реализуются процессы адаптации человека к системе взаимодействий и взаимосвязей инклюзивного социума, причем темпоральная координация отражает интересубъективные отношения с позиции исследования диалогово-дискурсивных моментов целерациональной деятельности и ценностных предпочтений человека с ограниченными возможностями.

Формирование структурно-содержательной сферы субъективного времени индивида с ограниченными возможностями предполагает синтез ментально-темпоральной координации и интенционально-темпоральной координации. Интенционально-темпоральная координация коррелирует со сферой переживания индивидом с ОВ своего индивидуального существования во включающем социуме. Обозначение ментально-темпоральной координации приоритетно касается исследования индивидуально-уникальной формы своеобразного чувственного переноса комплекса переживания налично-индивидуальной бытийности человека с ОВ в сферу его субъективного времени. Поэтому интенционально-темпоральная координация трансформируется в собственно-ментальное переживание субъективного времени, демонстрирующее индивидуально-ментальные образы индивида с ОВ и его внутренний опыт как этапы индексации и оценки в индивидуальном сознании всего комплекса переживаний социальных процессов и событий.

Именно в рамках субъективного времени появляются векторы и стратегии конструирования повседневной ценностно-рациональной жизнедеятельности людей с ОВ. Поэтому, правомерно представлять субъективное время в качестве основного фактора при

формировании системы индивидуально-определенных значений и смыслов коллективно-повседневного сознания человека. Многообразии направлений становления особых групп людей с ограниченными возможностями и их интенсивность весьма возрастает в интервалах социальных катаклизмов и трансформаций, когда человек с ограниченными возможностями переходит на качественно иной уровень собственного индивидуального и коллективного бытия с учетом интенционально-темпоральной координации и своего внутреннего опыта. Период интенционально-темпоральной координации осуществляется в непрерывном переживании человеком с ОВ собственного времени вживания в повседневную реальность включающего общества, принятии им стереотипов и правил поведения в специальной социальной группе.

Концепция социально-ориентированного действия определила базисные основания теории инклюзивного общества Р. Сли. Используя основные идеи интенционально-темпоральной координации, Р. Сли предложил модель социального поведения, позволяющую идентифицировать людей с ОВ без обращения к специфике их профессионально-ориентированной деятельности, чтобы избежать проявления какой-либо социальной дискриминации по отношению к ним. Основные понятия предложенной модели – это «нарушение», отражающее комплекс негативных социально-психологических, психических или физиологических параметров индивидов с ОВ, и «неспособность»- выступающая как социальная конструкция, показывающая отношение индивида с ОВ ко всему спектру жизнедеятельности обычных людей в социуме. Во включающем социуме отсутствует конфликт, связанный с содержательным наполнением этих понятий. Работа в этом направлении подразумевает выход на особенности представления индивидуального бытия с позиции интенционально-темпоральной координации. Однако Р. Сли только обозначил подобную проблему, что достаточно осложнило рассмотрение смысловых

и оценочных моментов «вхождения» человека в специальную группу индивидов с ограниченными возможностями. Идеи Р. Сли в современной философской литературе трансформировались в обсуждение вопросов корреляции профессионально-интегрированного социума с социумом включающим. Профессионально-ориентированный социум является своеобразным результатом синтеза и ассимиляции коммуникационно-профессиональных связей и взаимозависимостей традиционного и включающего общества.

Заключение

Исследование уровней интерсубъективности человека с ограниченными возможностями демонстрирует, что именно интерсубъективность выступает как базисная характеристика субъективного времени. Комплексность исследования субъективного времени индивидов с ограниченными возможностями предполагает рассмотрение интерсубъективности с позиции корреляции социальной коммуникации, социального партнерства и межличностного диалога в сфере повседневной реальности включающего общества. Коммуникативные механизмы интерсубъективности инициируют возможность реконструкции социальной реальности, учитывающей институциональные ограничения.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. Вачков И.В. Полисубъектный подход к инклюзивному пространству. *Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность*. Москва, Россия: МГППУ, 2016. С. 16–20.
3. Музыка О.А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология. Ростов-на-Дону, 2010. 232 с.
4. Музыка О.А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в «би-

фуркационном поле» // *Философия права*. 2010. № 6 (43). С. 21–25.

5. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход) *Власть*. 2009. № 10. С. 79–82.
6. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Вороница Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобкова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
7. Паутова Л.Е. Акме-синергетический подход к позиционированию успеха в системе инклюзивного образования. V Международно-практическая конференция: Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность. Москва, Россия: МГППУ, 2019. С. 48–54.
8. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–2. С. 315–318.
9. Попов В.В. Психологическое время в контексте интерпретации «включающего» общества: феноменологический аспект // *Социология*. 2020. № 2. С. 376–380.
10. Попов В.В., Музыка О.А. Исторический процесс: альтернативность и оценка // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–1. С. 147–150.
11. Попов В.В., Киселев С.А., Уколов А.О. Особенности структуры социального процесса в контексте исторических событий // *Общество: философия, история, культура*. 2016. № 11. С. 19–22.
12. Попов В.В., Музыка О.А., Киселев С.А., Уколов А.О. Концепция

- транзитивности в контексте трансформации социума // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 5А. С. 114–122.
13. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
 14. Попов В.В., Солодухин О.А. К логической проблеме изменений во времени // Философские науки. 1991. № 5. С. 174.
 15. Скудная Т.Д., Макаров А.В., Меньшикова Т.И., Жилина Л.Я. Реализация воспитательного потенциала содержания психолого-педагогического образования: теория и практика // Ростов-на-Дону, 2017. 124 с.
 16. СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ // Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Книга 3. Воронеж, 2003.
 17. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P. 6–19.
 18. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. International Studies in Sociology of Education. 2016. № 18 (2). P. 99–116.

RECONSTRUCTION OF PHENOMENOLOGICAL CONCEPTS OF INTERSUBJECTIVITY AND TEMPORAL COORDINATION IN THE SYSTEM OF SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL IN AN

Попов В.В.

Rostov State Economic University (RSEU)

It is shown that the adoption of intersubjectivity as a basic concept allows us to consider an inclusive society as a kind of micro-society (a spe-

cial social group), taking into account the specifics of the interpretation of inclusive everyday reality. It is demonstrated that temporal coordination enables a person to understand, comprehend and interpret the experience of other people from the position of modeling the collective-joint experience of a special group of individuals with disabilities. Situations of inclusive everyday life are analyzed, in which a person perceives events and processes occurring within the framework of the life of a special social group, from the standpoint of experiencing and living by him the mechanisms and features of the temporally ordered formation of an inclusive society. It is shown that the intentionality and mechanisms of socio-rational life activity directly determine the vectors and prospects for its modernization with the priority of changing the conditions for the functioning and existence of people with disabilities in a special social group. It is postulated that the variety of directions for the formation of special groups of people with disabilities and their intensity greatly increases in the intervals of social cataclysms and transformations, when a person with disabilities moves to a qualitatively different level of his own individual and collective being, taking into account intentional-temporal coordination. It is revealed that the period Intentional-temporal coordination is carried out in the continuous experience by a person with OB of his own time of getting used to the everyday reality of an inclusive society, his acceptance of stereotypes and rules of behavior in a special social group.

Keywords: inclusive society, subjective time, intersubjectivity, temporal coordination, limited possibilities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. Vachkov I.V. Polysubject approach to inclusive space. Inclusive education: continuity and succession. Moscow, Russia: MGPPU, 2016. P. 16–20.
3. Muzyka O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Rostov-on-Don, 2010. 232 p.
4. Muzyka O.A. Methodological aspects of the study of the non-linear process of development of society in the "bifurcation field" // Philosophy of Law. 2010. No. 6 (43). pp. 21–25.

5. Muzyka O.A. Man and society in times of crisis (synergistic approach) *Power*. 2009. No. 10. S. 79–82.
6. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST. Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Voronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
7. Pautova L.E. Acme-synergetic approach to positioning success in the system of inclusive education. V International Practical Conference: Inclusive Education: Continuity and Continuity. Moscow, Russia: MGPPU, 2019, pp. 48–54.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
9. Popov V.V. Psychological time in the context of the interpretation of the “inclusive” society: a phenomenological aspect // *Sociology*. 2020. No. 2. S. 376–380.
10. Popov V.V., Muzyka O.A. Historical Process: Alternative and Evaluation // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–1. pp. 147–150.
11. Popov V.V., Kiselev S.A., Ukolov A.O. Features of the structure of the social process in the context of historical events // *Society: philosophy, history, culture*. 2016. No. 11. S. 19–22.
12. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A., Ukolov A.O. The concept of transitivity in the context of the transformation of society // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2016. V. 5. No. 5A. pp. 114–122.
13. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006. No. 1. S. 24.
14. Popov V.V., Solodukhin O.A. To the logical problem of changes in time // *Philosophical sciences*. 1991. No. 5. S. 174.
15. Skudnova T.D., Makarov A.V., Menshikova T.I., Zhilina L. Ya. Realization of the educational potential of the content of psychological and pedagogical education: theory and practice // Rostov-on-Don, 2017. 124 p.
16. MODERN ENTREPRENEURSHIP: SOCIO-ECONOMIC DIMENSION // Emelyanov S.G., Golik N.I., Novikova I.V., Chirkova M.B., Fedosov P.E., Zolotarev V.N., Popov V.V., Ovchinnikova T.I., Kloizner V.D., Devyatkin G.T., Vavulin D.A., Timoshenko O.A., Varlamova T.P., Lakhnova T.V., Mogilevskaya G.I., Lavrentieva I.V., Velikaya E.G., Litvinova A.V., Semenov V.A., Isupova O.A. etc. Book 3. Voronezh, 2003.
17. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. No. 2 (1). R. 6–19.
18. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. *International Studies in Sociology of Education*. 2016. No. 18 (2). R. 99–116.

Подготовка кадров для предприятий нефтегазовой отрасли России: принципы взаимодействия «вуз – предприятие»

Давыденко Юлия Анатольевна,
аспирант кафедры социальной философии
и социологии Института социальных наук,
Иркутский государственный университет
E-mail: rabota8831@yandex.ru

Освещены основные принципы взаимодействия «вуз – предприятие» в подготовке кадров для предприятий нефтегазовой отрасли России. Рассмотрены возможности высшей школы в контексте решения кадровых вопросов предприятий нефтегазовой отрасли. Выявлена специфика реализации совместных программ предприятий нефтегазовой отрасли с ведущими вузами. Определены тенденции развития сотрудничества учреждений высшего образования с нефтегазовыми предприятиями в подготовке и переподготовке кадров.

Ключевые слова: образование; социальный институт; высшее образование; качество образования; предприятия нефтегазовой отрасли; глобализация; мировое образовательное пространство.

Во все времена образование выступало основным источником получения знаний. Сегодня общество находится в поиске новых методов образовательных процессов, а также множества подходов, которые станут более результативными для его развития. Учитывая разные национальные и культурные традиции, а также уровень развития экономики отдельных государств, становится очевидным невозможность создания единой системы образования для всех стран мира.

Образование не только влияет на общественные сферы, но и само подвержено влиянию экономических, политических и общественных процессов. Современные авторы отмечают воздействие феноменов глобализации и цифровизации на реформирование института образования [20]. Новые тенденции в развитии института, вызванные глобализацией, предоставляют образованию новые возможности. Глобализация, точнее ее процессы, протекают в разных странах по-разному. Создание единой системы образования в данный момент видится нам невозможным. Однако, на практике разные страны унифицируют ее стандарты, перенимая наиболее успешные кейсы друг у друга.

Мировое образовательное пространство нельзя назвать «копилкой» образовательных пространств разных стран. Данный феномен определяют как симбиоз национальных образовательных элементов и практик. Этот симбиоз нужен для формирования широко образованной личности. Понятие мирового образовательного пространства вводилось для того, чтобы на международном уровне проводить политику образования. Она в первую очередь направлена на процесс обмена собственными наработками в данной сфере. Международные отношения в образовательной сфере можно представить как систему

взаимодействия между разными странами, деятельность которой направлена на создание и продвижение политики образования на общемировом уровне. Необходимо отметить корреляцию деятельности этих институтов. Как образование действует на политику и экономику стран и международные отношения, так и экономика и политика стран мира действует на образование, меняя его, привнося новые технологии и методы. Ряд ученых отмечают неизбежность в разработке универсальной парадигмы [12]. Система образования в России выделяется высоким уровнем теоретической подготовки студентов, так как в ней большое внимание уделяется фундаментальным знаниям. При этом в процессе обучения отмечается недостаточный объем практики.

У образования, как и у других социальных институтов, имеется свое определенное место в правовом государстве. В тоже время ему отводится особое место среди институтов общества. П.С. Лемещенко и А.М. Баранов отмечают, что «... образование – это важное общественное благо, способствующее формированию современного человека, интеллектуально и морально развитой личности» [13]. Исходя из этого, передачи опыта и знаний, являющихся основными механизмами социализации, авторы называют одной из самых важных функций образования. Образование также можно отнести и к сектору из области нематериальной деятельности общества, где оно плотно связано с другими составляющими – наука, искусство, культура, здравоохранение и др. Образование, в том числе и высшее, является отражением тех явлений, которые сопровождают развитие общества в социальной и экономической сферах. В то же время описываемые явления и происходящие процессы, как отмечают В.В. Ерастов, В.И. Киселев, «... определяют уровень социализации» [8] и то, насколько эффективно развивается экономика. Именно поэтому образование стоит рассматривать в аспекте отраслевого развития экономики. Особое место образованию отводили В.В. Ерастов и В.И. Киселев. Авторы писали, что

образование является специфической областью в отношениях общества, где люди объединяются и реализуют целенаправленно свои потребности и интересы по единству религиозной, культурной, этнической самости, а также и экономической [8].

У образования как одного из социальных институтов общества, имеются как общие, так и специальные функции, основными из которых можно назвать культурную, социальную, правовую и экономическую. Образование должно быть очень эффективным для того, чтобы продуктивно влиять на социально-экономическую систему и ее состояние. Российская система образования в настоящее время состоит из нескольких элементов, которые находятся в постоянном взаимодействии. Такие авторы, как Д.М. Воронин, И.В. Киселева, Е.Г. Воронина считают, что «... данными элементами являются государственные стандарты и федеральные требования к образовательному процессу; преемственность программ на каждом из уровней; непосредственно образовательные учреждения России, реализующие вышеназванные программы и стандарты; студенты, школьники и их родители, педагогический состав образовательных организаций страны; организации, контролирующие качество образования и соблюдение учреждениями законов; органы государственной власти, осуществляющие управление в образовательной сфере; общественные объединения граждан, осуществляющие деятельность в сфере образования» [3]. Высшее образование входит в основу образовательной системы Российской Федерации. Реформы, проводимые в сфере образования, инициируют издание новых законодательных актов. Приказы, указы и другие нормативно-правовые акты регулярно дополняются. Образование стало одним из социальных институтов благодаря институционализации. Как отмечает Н.В. Курилович, в рамках рассматриваемого институционального подхода основной проблемой образования являются сама специфика образования как одной из социальных

организаций, взаимные действия социальных субъектов, а также общественно важные функции образования [11].

Глобализацию как процесс можно схематически изобразить как пирамиду или айсберг, где на самом верху представлена экономическая ее часть, которую считают самой очевидной составляющей рассматриваемого процесса. Ниже экономической представлена политическая глобализация, а в самом низу расположены социальная и культурная составляющие процесса глобализации. Описываемые составляющие как система кровообращения или нервная система пронизаны информационными технологиями, которые все соединяют и объединяют в мире [12]. Процессы интеграции и глобализации не создают помех для обеспечения названного единства. Происходит не поглощение интересов, а сближение политических, национальных, образовательных и экономических интересов стран мира. Данное сближение не наносит ущерба образовательной самости, а дает больше возможностей для развития в современных условиях. В настоящее время глобальные проблемы объединили людей в поиске решения выхода. Требуется колоссальные усилия для того, чтобы эти проблемы решить. Именно здесь и поможет глобальное регулирование не только политики и экономики, сколько культуры и социальной, образовательной сферы. Неоднозначное отношение показывает в своей работе В.В. Кочетков к процессу глобализации. К положительным сторонам процесса глобализации в образовании автор относит то, что научные знания и различные новые технологии транслируются по разным каналам, в том числе и через интернет во все страны мира. Но есть, по мнению В.В. Кочеткова, и отрицательные моменты глобализации – к ним автор статьи относит то, что передача знаний (особенно гуманитарных) не всегда свойственно тем знаниям, которые отдельная страна приемлет вследствие своих национальных или культурных традиций [10]. Выходом из данной ситуации может стать избирательный подход

в приемственности образовательного опыта других государств.

Со второй половины 1990-х годов возросла потребность в инженерах нефтегазовой отрасли из-за увеличения продаж за рубеж минерального сырья. В постсоветской России технические вузы сокращали набор по инженерным специальностям, но был большой набор по новым направлениям как «Экономика», «Юриспруденция», «Реклама и связи с общественностью». Основными университетами, которые осуществляют подготовку кадров нефтегазовой отрасли, являются Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, ГБОУ ВО «Альметьевский государственный нефтяной институт», ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет», ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет». В 29 вузах России открыты факультеты или институты нефти и газа. При этом нефтегазовая отрасль фиксирует дефицит опытных работников среднего возраста. Абитуриенты при выборе учебных учреждений отмечают старение преподавательского состава и материального оборудования вузов, что приводит к снижению уровня знаний у соискателей.

Специалисты в области HR, а также рекрутинговые агентства, занимающиеся наймом специалистов нефтегазовой отрасли, отмечают дефицит интереса к специальности среди соискателей от 23 до 35 лет. Особенно очевидна нехватка специалистов с опытом научных исследований в области геологии и геологоразведки в этой сфере, а также специалистов по работе на офшорных платформах и НИОКР-специалистов.

Подводя итог, исследование показало, что причиной нехватки молодых специалистов несколько. Во-первых, как уже отмечалось ранее, постсоветская Россия со второй половины 1990-х годов значительно увеличила добычу нефти и газа. Одновременно с этим, высшие учебные учреждения наоборот сокращали набор по этим специальностям. Во-вторых, отход от целевой системы обра-

зования, где каждый выпускник обязан был отработать свои навыки на практике. Нефтегазовые корпорации стали сами отвечать за приток кадров, завышая свои ожидания к ним. Таким образом, стал очевиден разрыв между ожиданиями бизнеса от специалиста и теми компетенциями, которые профильные учебные учреждения могут дать. Также стоит отметить мировую тенденцию, в рамках которой идет активное сокращение персонала на нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятиях. Это обусловлено, в первую очередь, цифровизацией нефтегазового бизнеса, а также внедрением инновационного оборудования.

Очевидным видится надвигающийся кадровый кризис в нефтегазовом комплексе. Одним из возможных выходов из данной проблемы, как нам кажется, может быть активная цифровизация производства, в результате которой произойдет приток в индустрию специалистов из IT сферы. Произойдет возможная замена инженерного персонала, технологичными информационными программами. Примеры успешной диджитализацией производственных процессов можно отследить в Соединенных Штатах Америки. Несомненно, цифровизация нефтегазового комплекса приведет к увеличению интереса среди молодых специалистов, что в свою очередь послужит омоложению отрасли.

Сравнение количества персонала на нефтеперерабатывающих заводах в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации показало, что в среднем количество рабочих инженеров в США в 5 раз меньше, чем на аналогичном в России. Образовательная сфера, обслуживающая нефтегазовую сферу в США, также сокращает количество приема на профильные специальности. Однако в России за 2003 год количество специалистов факультета «Нефтегазовое дело» был гораздо выше, чем фактическое количество вакансий [2]. Опросы показали, что молодое поколение считают работу в сфере добычи и переработки продуктов нефти и газа сложной. Больше половины опрошыва-

емых склонны считать ее неперспективной [6].

Тенденции, которые характерны для зарубежных стран, проявляются довольно быстро и в России. Нефтегазовым предприятиям стоит задуматься о том, как устранить негативные тенденции и почерпнуть положительный опыт западных стран. Энергетическая рекрутинговая компания Airswift провела социологическое исследование, результат которого продемонстрировал серьезный кризис нехватки рабочей силы в нефтегазовом секторе [14]. Так в результате опроса было выявлено, чуть меньше 50% опрошиваемых очень обеспокоены надвигающимся кадровым кризисом, 30% респондентов не видят сложностей с поиском новых сотрудников, а 40% подтвердили дефицит кадров в их регионе.

Таким образом, мы наблюдаем противоречие. На первый взгляд, нефтегазовая сфера заявляет о нехватке высококвалифицированных специалистов в области, но профильные высшие учебные учреждения с каждым годом выпускают все больше соискателей. Это противоречие обусловлено отменной системой распределения выпускников на производство, ликвидацией схемы «вуз-производство». Образовательные учреждения стали не успевать подготавливать специалистов с актуальным набором навыков и компетенций, что, как следствие, привело к переизбытку специалистов с невостребованными специальностями, и общее падение качества образования [15]. Стоит отметить, что проблема несоответствия навыков и компетенций у выпускника затрагивает не только нефтегазовую сферу. Для устранения данной проблемы в 2003 году Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу, реформировав систему высшего образования.

Общественность раскололась на два лагеря. Первые приветствовали унификацию образовательного процесса с мировым, вторые активно сомневались в возможностях обучить за 4 года полноценного специалиста в области нефти и газа. Законодатель, входя в Болонский процесс, постарался учесть

Российские реалии, а также замечания представителей научно-педагогического и профессионального сообществ. В ряде специальностей период обучения не был сокращен. Например, в Уфимском государственном нефтяном техническом университете проходят подготовку выпускники-специалисты по таким направлениям ФГОС, как «Прикладная геология» и «Технологии геологической разведки». В дальнейшем специалитет был открыт по направлению «Нефтегазовая техника и технологии». На данный момент успешно реализуются шесть направлений подготовки специалитета, которые включают в себя 16 образовательных программ.

По данным сайта Oil Career, на сегодняшний день на рынке труда в нефтегазовом комплексе трудоустроены специалисты с дипломами Болонской и советской системы образования, а также с различными квалификациями. По словам Андрея Чепурнова, руководителя группы по привлечению и подбору персонала концерна Shell в России эти два подхода постепенно сближаются» [18]. Так, унифицированные стандарты в сфере образования, внедренные после присоединения Российской Федерации к Болонскому процессу, а также их симбиоз со старыми методами повлекли, как следствие, к активному развитию отрасли, а также к росту конкуренции за сотрудников. Были внедрены совместные образовательные программы, составленные во взаимодействии с ключевыми компаниями топливно-энергетического комплекса. Продолжает активно развиваться система непрерывного профессионального образования. Например, при совместной работе университетов и ведущих предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) в разных городах открываются подшефные школы профильные классы. Они предлагают индивидуальные образовательные пути, помогающие осваивать образовательные программы в минимально допустимые сроки. Следует отметить, что реформа не решит до конца всех проблем высшего образования в нефтяной сфере.

Р. Чураевский – ректор ЧОУ ДПО «Корпоративный университет Норильский никель» высказал идею о способах построения «Экосистемы корпоративного обучения». По его словам, создание экосистемы позволит компании подготовить сотрудников с необходимым уровнем знаний, получить мотивированных профессионалов, эффективно реализующих полученные знания, а потенциальные сотрудники смогут достичь профессиональных и карьерных амбиций, а также с раскрывают свой потенциал [9]. Особое внимание стоит уделить информационным технологиям, которые, по мнению М.Г. Делягина, являющегося директором института проблем глобализации, помогут обществу в возрождении гуманитарного универсального знания [7].

Важно отметить, что нефтегазовая промышленность, являясь приоритетной сферой, помогает развивать модель взаимодействия с вузами, которая включает в себя такие элементы, как: исследование отраслевого рынка труда, прогнозирование изменений в связи с изменением сферы; оформление профессиональных требований и стандартов работников отрасли [13]; организация взаимодействия с университетами, разработка совместных образовательных программ, развития научно-исследовательских проектов, заключения соглашений о целевой подготовке специалистов, участия представителей сферы в оценке выпускников и так далее [17]; создание собственных корпоративных университетов.

Отвечая на новые вызовы современности предприятия нефтегазовой отрасли предъявляют все новые требования к выпускникам вузов, а также к самим высшим учебным заведениям, что выводит процесс взаимодействия на принципиально новый уровень. Учреждения высшего образования пересматривают свои подходы к подготовке кадров вуза и студентов, опираясь на возникающие потребности рынка. Складывается определенная система взаимодействия «вуз – предприятие», которая представлена специализированными группами

и профильными кафедрами, а в системе «школа – предприятие» – профильными классами. Так, например, в группе компании ПАО «Газпром нефть» результат сотрудничества бизнеса и учебного заведения получил название «Инвестиционное партнерство» [1]. В рамках данного проекта, партнерство рассчитывает на активное участие спонсора в учебном процессе. В Омской области компания ПАО «Газпром нефть» успешно осуществляет образовательную программу «Школа-СУЗ/ВУЗ-ОНПЗ», которая открывает в школах города инженерные классы, оснащенные современными лабораториями для кабинетов химии и физики. Необходимость внедрения экспертно-технологической модели развития университета как конструирующего интеграционные процессы экспертов региона отмечала доктор социологических наук, профессор Т.И. Грабельных [5].

Стало распространенным дуальное образование, которое является системой подготовки студента по той профессии, которую он выбрал. Подготовка идет сразу и в вузе, и на производстве. Вуз и предприятие становятся партнерами. Учебные заведения отвечают за разработку программ, а предприятия – за предоставление базы для отработки практических навыков. Так, в своем исследовании выпускников высшей школы доктор социологических наук, профессор Т.И. Грабельных и кандидат социологических наук Н.А. Саблина пришли к выводу о необходимости реформации профессионального образования с ориентацией на корпоративную культуру, так как только во взаимосвязи с работодателем выпускник сформирует образ «...носителя интеллектуального капитала, трудовых ценностей и технологической культуры» [4].

Нефтегазовое образование в России не уступает зарубежному. Многие выпускники вузов идут работать в иностранные компании. На международную арену до последнего времени отечественному нефтегазу помогало выйти то, что множество российских выпускников возглавляли компании нефтега-

зового сектора в зарубежных странах. В отличие от российских компаний, предприятия западные уже давно занимаются дополнительным образованием своих работников. Активно тестируются и внедряются технологии дополненной реальности (AR), с помощью которых можно обучать сотрудников предприятий нефтегазового комплекса. В настоящее время компании осознали необходимость обучения информационной безопасности всего персонала, а не только сотрудников информационных отделов.

Таким образом, сегодня прослеживаются тенденции развития сотрудничества учреждений высшего образования с нефтегазовыми предприятиями в подготовке и переподготовке кадров. Проведенный анализ показал, что плодотворное сотрудничество обозначенных сторон позволит решить проблемы старения кадров и повысить престижность нефтегазовой сферы.

Литература

1. Белявский О. Отбор лучшей молодежи для нефтегазовой отрасли идет уже со школьной скамьи. [Электронный ресурс] // Работа в нефтяной и газовой отрасли [веб-сайт]. URL: https://omgtu.ru/general_information/news/?ELEMENT_ID=9726 (дата обращения: 16.02.2023).
2. Вахитов Р., Исхакова Г., Матвеева Л., Шербаков А., Ачилова Л. Высшее нефтяное образование в России: прошлое и современность // ОИИ. 2020. № 2/С. С. 37–45.
3. Воронин Д. М., Киселева И. В., Воронина Е. Г. Основные тренды в системе образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–1. С. 126–129.
4. Грабельных Т. И., Саблина Н. А. Выпускники высшей школы как профессионально-ориентированная социальная группа // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. [Электронный ресурс]: Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В. А. Ман-

- суров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. 5916 с.
5. Грабельных Т. И., Лесниковская Е.В. Роль университета в развитии системы региональных взаимодействий: от универсальной научно-образовательной к экспертно-технологической модели // Вестник университета. 2017. № 3. С. 220–222.
 6. Давыдов Д. Кадровый кризис в нефтегазе. Как решить проблему? [Электронный ресурс] // Техноблог [веб-сайт]. URL: <https://teknoblog.ru/2019/12/17/103070> (дата обращения: 01.03.2023).
 7. Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000. 344 с.
 8. Ерастов В. В., Киселев В.И. Образование как многофункциональный базис социально-экономического развития // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59–4. С. 18–21.
 9. Корпоративное образование в эпоху перемен. [Электронный ресурс] // Коммерсант [веб-сайт]. URL: <https://events.kommersant.ru/events/korporativnoe-obrazovanie/> (дата обращения: 16.02.2023).
 10. Кочетков В.В. Глобализация в образовании: информационная война и «промывание мозгов» или доступ к мировым знаниям и благам цивилизации? [Электронный ресурс] // Киберленинка [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-v-obrazovanii-informatsionnaya-voynai-promyvanie-mozgov-ili-dostup-k-mirovym-znaniyam-i-blagam-tsvivilizatsii> (дата обращения: 16.02.2023).
 11. Курилович Н.В. Социология образования. Минск: БГУ, 2020. 245 с.
 12. Лахотнюк Л.А. Формирование мирового образовательного пространства в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Киберленинка [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mirovogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 16.02.2023).
 13. Лемещенко П. С., Баранов А.М. Образование как социальный институт: эволюция концепций и новые направления развития // ЭВР. 2022. № 3 (73). С. 100–110.
 14. Нефтегазовую отрасль ждет серьезная нехватка персонала. [Электронный ресурс] // Нефть капитал [веб-сайт]. URL: <https://oilcapital.ru/news/2019-08-06/neftegazovuyu-otrasl-zhdet-serieznaya-nehvatka-personala-1044479> (дата обращения: 16.02.2023).
 15. Рогалев Н.Д. Человеческий капитал основа инновационного развития российской энергетики // Энергетическая политика. 2016. № 3. С. 25–30.
 16. Рузиназаров Ш., Ачилова Л. Свободные научно-технические зоны // Общество и инновации. 2020. № 6. С. 287–291.
 17. Симонов К. В., Петросянц Д.В., Чаплыгин А.Г. Системный анализ деятельности российских университетов осуществляющих подготовку специалистов для ТЭК. [Электронный ресурс] // Киберленинка [веб-сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-analiz-deyatelnosti-rossiyskih-universitetov-osuschestvlyayuschih-podgotovku-spetsialistov-dlya-tek-1> (дата обращения: 16.02.2023).
 18. Ситуация с кадрами в нефтегазовой отрасли. [Электронный ресурс] // Работа в нефтяной и газовой отрасли [веб-сайт]. URL: http://www.oilcareer.ru/publ/situacija_s_kadrami_v_neftegazovoj_otrasli/4-1-0-1078 (дата обращения: 16.02.2023).
 19. Сухов А.Н. Оптимизация реформы образования как фактор обеспечения национальной безопасности. [Электронный ресурс] // Журнал «Молодой ученый» [веб-сайт]. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/64/2905/> (дата обращения: 16.02.2023).
 20. Хакимова М.Ф. Инновационная деятельность образовательной организации в условиях цифровизации образования // Просвещение и познание. 2021. № 7 (7). С. 115–21.

TRAINING FOR THE RUSSIAN OIL AND GAS INDUSTRY: PRINCIPLES OF UNIVERSITY-ENTERPRISE INTERACTION

Davydenko Yu.A.

Irkutsk State University

The main principles of interaction “university – enterprise” in the training of personnel for enterprises of the oil and gas industry in Russia are highlighted. The possibilities of higher education in the context of solving personnel issues of oil and gas industry enterprises are considered. The specifics of the implementation of joint programs of oil and gas industry enterprises with leading universities are revealed. The trends in the development of cooperation between higher education institutions and oil and gas enterprises in the training and retraining of personnel are determined.

Keywords: education; social institution; higher education; quality of education; oil and gas industry enterprises; globalization; world educational space.

References

1. Belyavsky O. The selection of the best youth for the oil and gas industry has been going on since school. [Electronic resource] // Work in the oil and gas industry [website]. URL: https://omgtu.ru/general_information/news/?ELEMENT_ID=9726 (date of access: 02/16/2023).
2. Vakhitov R., Iskhakova G., Matveeva L., Sherbakov A., Achilova L. Higher oil education in Russia: past and present // OII. 2020. No. 2/S. pp. 37–45.
3. Voronin D. M., Kiseleva I.V., Voronina E.G. Main trends in the education system // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 69–1. pp. 126–129.
4. Grabelnykh T. I., Sablina N.A. Higher school graduates as a professionally oriented social group // Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions. [Electronic resource]: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16, 2020) / ed. ed. V.A. Mansurov; ed. E. Yu. Ivanova. M.: ROS; Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. 5916 p.
5. Grabelnykh T. I., Lesnikovskaya E.V. The role of the university in the development of the system of regional interactions: from the universal scientific and educational to the expert-technological model. Bulletin of the university. 2017. No. 3. S. 220–222.
6. Davydov D. Personnel crisis in oil and gas. How to solve a problem? [Electronic resource] // Technoblog [website]. URL: <https://teknoblog.ru/2019/12/17/103070> (date of access: 03/01/2023).
7. Delyagin M.G. The practice of globalization: games and rules of the new era. M., 2000. 344 p.
8. Erastov V. V., Kiselev V.I. Education as a multifunctional basis for socio-economic development // Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 59–4. pp. 18–21.
9. Corporate education in an era of change. [Electronic resource] // Kommersant [website]. URL: <https://events.kommersant.ru/events/korporativnoe-obrazovanie/> (date of access: 02/16/2023).
10. Kochetkov VV Globalization in education: information warfare and brainwashing or access to world knowledge and the benefits of civilization? [Electronic resource] // Cyberleninka [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-v-obrazovanii-informatsionnaya-voyna-i-promyvanie-mozgov-ili-dostup-k-mirovym-znaniyam-i-blagam-tsvilizatsii> (date of access: 16.02.2023).
11. Kurilovich NV Sociology of education. Minsk: BSU, 2020. 245 p.
12. Lakhotnyuk L.A. Formation of the world educational space in the context of globalization [Electronic resource] // Cyberleninka [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mirovogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-v-usloviyah-globalizatsii> (Date of access: 02/16/2023).
13. Lemeshchenko P. S., Baranov A.M. Education as a social institution: evolution of concepts and new directions of development // EVR. 2022. No. 3 (73). pp. 100–110.
14. The oil and gas industry faces a serious shortage of personnel. [Electronic resource] // Oil Capital [website]. URL: <https://oilcapital.ru/news/2019-08-06/neftegazovuyu-otrasl-zhdet-serieznaya-nehvatka-personala-1044479> (date of access: 02/16/2023).
15. Rogalev N.D. Human capital is the basis for the innovative development of the Russian energy industry // Energy Policy. 2016. No. 3. S. 25–30.
16. Ruzinazarov Sh., Achilova L. Free scientific and technical zones // Society and innovations. 2020. No. 6. S. 287–291.

17. Simonov K. V., Petrosyants D.V., Chaplygin A.G. System analysis of the activities of Russian universities that train specialists for the fuel and energy complex. [Electronic resource] // Cyberleninka [web site]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-analiz-deyatelnosti-rossijskih-universitetov-osuschestvlyayuschih-podgotovku-spetsialistov-dlya-tek-1> (date of access: 02/16/2023).
18. The situation with personnel in the oil and gas industry. [Electronic resource] // Work in the oil and gas industry [website]. URL: http://www.oilcareer.ru/publ/situacija_s_kadrami_v_neftegazovoj_otrasli/4-1-0-1078 (date of access: 02/16/2023).
19. Sukhov A.N. Optimization of education reform as a factor in ensuring national security. [Electronic resource] // Journal "Young scientist [website]. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/64/2905/> (date of access: 02/16/2023).
20. Khakimova M.F. Innovative activity of an educational organization in the conditions of digitalization of education // Education and knowledge. 2021. No. 7 (7). pp. 115–21.

Негосударственные театры в социальной жизни провинциальных городов

Киселёв Юрий Анатольевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук в Иркутском государственном университете
E-mail: yurii54@gmail.com

В статье рассматривается роль негосударственных театров в формировании социального самочувствия жителей провинциальных городов. Анализируются особенности регулирования и поддержки негосударственных театров. На основе экспертного опроса выделяются основные проблемы и перспективы развития роли негосударственных театров в общественном развитии и социальном воспроизводстве.

Ключевые слова: негосударственные театры, социальная жизнь, провинциальный город, экспертный опрос, социальное моделирование.

Театральное искусство помимо красоты и эстетики, привносит знания и просвещение в современную жизнь. Театр не только развлекает, но и отражает социальные проблемы, социальную стратификацию, изменение мировоззрения и повседневного уклада жизни современников. Театр становится школой жизни, отраженной в сценах пьес. Благодаря театру становится возможным использование социального моделирования для изучения и корректировки общественных настроений и социального развития общества.

В театре не только актеры, но и зрители участвуют в социальном действе – как наблюдатели и как пассивные участники, свидетели того, что происходит на сцене, как проекции жизни. Благодаря этому формируется единство и солидарность общества.

Театральная среда влияет на сознание горожан [1,2], создает новые смыслы и новые жизненные миры [3,4] жителей городов. Игра актеров – является зеркалом жизни и тем самым усиливает актуальность и злободневность проблем, которые освещаются в репертуаре того или иного театра [5]. И это влияет на креативные практики и креативное измерение публичного пространства любого города [6–8].

По состоянию на 2023 год в Иркутске действуют 6 профессиональных государственных театров. Это большие классические учреждения, количество театральных сезонов которых подходит к сотне у каждого. В репертуаре у таких театров в большинстве своём спектакли, проверенные не одним десятилетием на сцене. Новые веяния сюда доходят долго, в том числе и из-за достаточно долгой процедуры утверждения новых спектаклей. Именно они составляют главный массив театральной жизни области и предоставляют рабочие места для выпускников театральных училищ и вузов России. Однако нас интересуют

ют те театры, которые имеют в составах своих трупп гораздо меньшее количество артистов, у некоторых из них нет профессионального образования, и театральные сезоны на счету не сотни, а всего несколько. Но работают эти коллективы ничуть не слабее, чем вышеописанные гиганты.

Молодёжные негосударственные театры подразумевают под собой свободные объединения профессиональных и непрофессиональных актёров с целью постановок спектаклей, выходящих за рамки классической драматургии. Это значит, что в репертуар подобных театров входят либо постановки пьес современных драматургов, наших современников, либо прочтение классики, но в новой форме. Дело в том, что молодёжным театрам легче улавливать новые течения в этой сфере искусства. Они более мобильны в плане репертуара и внутреннего коллектива – зачастую, создают и руководят такими творческими объединениями профессионалы, а принимают участие не только актёры с дипломами по данной специальности, но и люди, которые хотят и чувствуют в себе желание и потенциал выходить на сцену и рассказывать свою историю, будь то словесное выражение или пластическое. Ввиду отсутствия бюджетного обеспечения, такие театры вынуждены работать на полной инициативе своих участников. Практически при каждом таком театре существует студия, где каждый желающий может получить базовые навыки для работы на сцене молодёжного театра. В Иркутске таких театров 4, и у каждого уже есть свой стабильный репертуар, что является показателем постоянной работы над спектаклями.

Однако не стоит путаться в понятиях. На сегодняшний день в Иркутской области существует около 50 коллективов, именуемые «театрами». Одной из проблем в современном молодёжном искусстве – проблема самоидентификации коллективов на сцене. На поверку, лишь несколько из них действительно занимаются театральной деятельностью в прямом значении: написание сценариев, постановка спектаклей, пошив костюмов

к ним и, наконец, показ результатов в виде готового спектакля. Остальные коллективы вышли из детско-юношеских школ искусств, кружков и коллективов при школах. Таким образом, мы теперь имеем по стране большое количество «театров танца», которые занимаются тем же, чем занимается только танцевальная студия, спектаклей они не ставят. Театральное дело – это масштабная организационно-экономическая система, обеспечивающая осуществление театральной деятельности, которую сложно однозначно отнести к сфере услуг. Не исключено частичное сравнение этой отрасли экономики с деятельностью театров при условии, если фокусироваться только на одной из ее составляющих, такой как показ спектакля. В остальном, особая миссия театра – доносить до общества идеи и ценности, приобщая людей к творчеству во всех сферах социальной жизни.

Особый интерес представляет реализация Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации и её проблематика.

В связи с проводимой реформацией и сформировавшимися условиями сокращения финансовых возможностей государства по оказанию поддержки в сфере культуры и искусства, важным аспектом становится изучение методов ведения театрального дела в Российской Федерации. Взяв во внимание такие факторы, как снижение платежеспособного спроса граждан на услуги театров, изменения предпочтений потребителей и появление новых тенденций в театральном искусстве и др., становится важным выявить механизмы по совершенствованию театрального дела, какие можно применить в Российской Федерации.

Исходя из этого, мы можем обозначить одну из проблем – отсутствие рамочных условий для создания и деятельности молодёжных негосударственных театров. Поскольку нет рамок, рассматриваемые нами театры вольны собираться и творить в том ключе, в котором захотят, избегая ответственности за само именование себя театром.

Проблема государственного регулирования негосударственных театров относительно нова в России и для нашего региона в частности. В нашей стране новодраматическое направление в независимом театральном искусстве появилось в 1989 году с фестиваля молодой драматургии «Любимовка». За эти 30 лет большое количество независимых театров появилось и исчезло.

В Иркутской области существует несколько театров независимого направления, которые предлагают зрителю постоянный репертуар. На данный момент их 4. Самому старшему из них 5 театральных сезонов полноценной деятельности.

Как мы можем отметить, проблема относительно молода, и в той формулировке, которую мы предлагаем, мало изучена. Однако, изучая поставленную проблему и пытаясь найти пути решения, мы будем опираться как на законодательную базу Российской Федерации государственного и муниципального уровней, так и на труды современных театроведов, культурологов, театральных критиков.

Среди подобных нельзя не отметить труды кандидата искусствоведения, члена Союза писателей России и Союза театральных деятелей, члена Чеховской комиссии РАН Елены Ивановны Стрельцовой. Её книга «Частный театр в России. От истоков до начала XX века» является первым и на данный момент главным опытом исследования истории русского частного театра от его зарождения в середине XVII века до 1919 года, когда был принят декрет «Об объединении театрального дела».

Разные аспекты проблемы изучались в трудах Б.В. Алперса, А.А. Бартошевича, А.М. Брянского, Б.В. Варнеке, В.Н. Всеволодского-Гернгросса, А.С. Гацисского, Л.Я. Гуревич, Г.Г. Дадамяна, С.С. Данилова, Ю.А. Дмитриева, Н.В. Дризна, Е.Я. Дубновой, Т.А. Дынкин, А.П. Клинина, И.А. Крути, Г.З. Мордисона, Н.И. Николаева, Т.Н. Павловой, И.Ф. Петровской, О.А. Радищевой, И.Н. Соловьёвой, В.В. Соминой, Л.М. Стариковой, Э.А. Старка, А.И. Уру-

сова, О.М. Фельдмана, Е.Г. Холодова и других историков театра.

Различные феномены Новой драмы, современного независимого, негосударственного театра рассматривают в своих трудах такие авторы как М. Липовецкий и Б. Боймерс, М. Угаров, П. Руднев, Б. Зингерман и др.

Сущность частного театрального дела

Изучая историю российского театра, его роль, социальную значимость, а также взаимодействие с политическими структурами, мы не можем не обратиться к трудам историков, культурологов, театроведов нашей страны. Среди подобных нельзя не отметить труды кандидата искусствоведения, члена Союза писателей России и Союза театральных деятелей, члена Чеховской комиссии РАН Елены Ивановны Стрельцовой. Её книга «Частный театр в России. От истоков до начала XX века» является первым и на данный момент главным опытом исследования истории русского частного театра от его зарождения в середине XVII века до 1919 года, когда был принят декрет «Об объединении театрального дела». В книге автор рассматривает разнообразные формы организации отечественной антрепризы, прослеживает эволюцию типов частного театра, начиная от антрепризы, заканчивая театром-домом.

В советское время частное антрепризное театральное дело кануло в лету. Изучая театральную историю советского периода, мы обращаемся к Александру Александровичу Блоку. И анализировать то время для театра мы можем по его статье «О репертуаре коммунальных и государственных театров», написанная 5 июня 1918 года, однако вышедшую позднее в сборнике «Репертуар. Во второй части данной статьи автор, который так ценит активную творческую жизнь народных театров, упрекает государственные театры в её отсутствии.

Что же такое антреприза сегодня? Ещё одним из основных трудов по частным негосударственным театрам, уже нашего времени «Перфомансы насилия:

литературные и театральные эксперименты «Новой драмы» Марка Липовецкого и Биргит Боймерс. Авторы отмечают, что начало XXI века в русской культуре стало мощным бумом драматургии, когда молодые литераторы в конце 1990-х годов активно пишут пьесы, массово выкладывают их в сеть, распространяют по многочисленным театрам. Подъём драматургической активности конца XX – начала XXI века пришёлся именно на начало 2000-х. Появились такие громкие имена российской современной драматургии как Евгений Гришковец, Иван Вырыпаев, Николай Коляда и др.

В России в основном работают государственные театры или антрепризы, частный же театр при отсутствии меценатов или спонсоров через какое-то время прекращает свое существование, потому что сам себя он содержать не может.

В нашей стране частные театры – вещь относительно новая, не вписывающаяся в коммерческую структуру. Это связано с тем, что театральное искусство, в отличие от, например, кино и циркового считается некоммерческим проектом, «искусством ради искусства», не приносящим существенной прибыли.

Государственная поддержка театров может осуществляться в форме:

- государственного финансирования;
- предоставления льгот – налоговых, валютных, таможенных;
- предоставления в пользование государственного имущества, в том числе на льготных условиях;
- предоставления льгот при осуществлении страховых и кредитных операций;
- оказания информационной, организационной, кадровой и иной помощи.

Таким образом, государственная поддержка осуществляется разными механизмами и воздействует на театры неодинаково.

В Иркутской области уделяется большое внимание развитию культурной политики, но, несмотря на это, существует множество проблем, которые отрица-

тельно сказываются на развитии данной сферы.

Среди ряда проблем, существующих в сфере театральной деятельности, можно выделить следующие основные проблемы:

- кадровые проблемы, включая низкий уровень заработной платы, проблемы жилищной обеспеченности работников, слабый приток молодых специалистов и, как следствие, старение кадров;
- недостаточное количество средств для создания спектаклей, соответствующих современному уровню творческого процесса;
- отсутствие стабильной модернизации материально-технической базы театров;
- недостаточная поддержка федеральных структур в проведении гастролей творческих коллективов театров;
- необходимость расширения площадей театров, оснащения их современным оборудованием;
- недостаточная экономическая доступность театральных услуг для населения.

Рассматривая проблемы более подробно, можно сказать, что после принятия Федерального закона № 83–ФЗ экономика театров перестраивается от сметного финансирования к финансированию согласно государственному заданию учредителя, в результате чего устанавливается зависимость размера субсидии от конкретных показателей деятельности театра: количества новых постановок и числа показов спектаклей. Этот процесс приведет к результату коммерциализации деятельности театров, которые, в свою очередь, являются не только некоммерческими организациями, а государственными учреждениями.

Результаты экспертного опроса по вопросам государственной поддержки негосударственных театров

Нами был произведён экспертный опрос. Респондентами выступили представители и руководители негосударственных

театров Иркутской области. Экспертам было предложено ответить на семь вопросов по выявлению перспектив развития негосударственных театров, а также возможных путях сотрудничества с Администрацией г. Иркутска и Правительством Иркутской области.

Экспертный опрос был проведён с целью лучше узнать потребности негосударственных театров Иркутской области. Всего было опрошено 16 экспертов. Эксперты имеют опыт работы не только в качестве актёров, но и режиссёров. Опыт работы экспертов составляет от двух до шести лет.

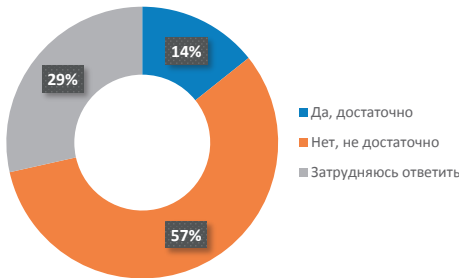

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, нынешнего законодательства достаточно для регулирования театральной деятельности в России?»

Мы спросили наших экспертов, достаточно ли нынешнего законодательства для регулирования театральной деятельности в Российской Федерации (рис. 1). Большинство опрошенных считают, что нынешнего законодательства недостаточно. 29% опрошенных уверены, что в разряде законодательной базы относительно театрального дела в России всё в порядке. 14% выбрали вариант «Затрудняюсь ответить» отмечая, что погружены в творчество, поэтому им некогда следить за нормативно-правовыми актами в сфере театрального дела. Также, в рамках дополнительного вопроса ко второму вопросу нашей анкеты мы попросили перечислить нормативно-правовые акты РФ в сфере театральной деятельности, которые им известны. Из приведённых примеров различные акты Министерства культуры Российской Федерации, Концепция развития театрального дела в Россий-

ской Федерации до 2020 года, а также Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года театра (от 28.04.2018 № 181).

Далее мы узнали у наших экспертов их мнение о необходимости прописывать регламент деятельности негосударственных театров на законодательном уровне (рис. 2). Больше половины опрошенных, а именно 57%, считают, что независимые театры на то и независимые, чтобы никак не ограничивать свою деятельность и не загонять себя в рамки нормативных актов. Остальные 43% опрошенных думают противоположным образом. Обосновывая свой выбор данного варианта ответа, они отмечают, что регулирование деятельности независимых театров в нормативной форме позволит не только скорректировать свою деятельность действующим негосударственным театрам и направить её на достижение чётких целей, но и разработать чёткие критерии для творческих коллективов, у которых есть желание именоваться театрами. В подобных нормативных актах была бы возможность прописать предмет деятельности негосударственных театров, структурировать их деятельность, и др.

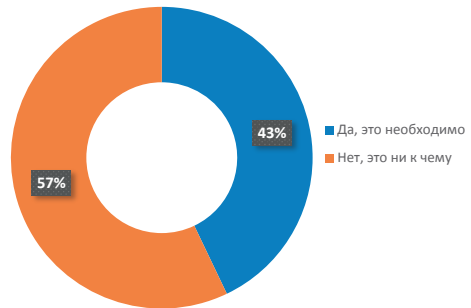

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Необходимо ли прописывать регламент деятельности на законодательном уровне для негосударственных театров?»

На рисунке 3 можно наблюдать распределение ответов на наш вопрос об оценке уровня поддержки государством деятельности независимых театров.

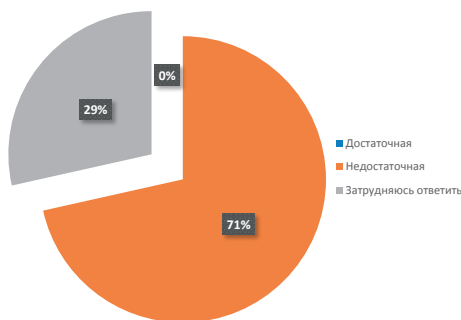

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили уровень поддержки государством деятельности независимых театров?»

Абсолютное большинство респондентов ответили, что считают нынешний уровень государственной поддержки недостаточным. Остальные 28% не смогли ответить на данный вопрос в связи с тем, что являются рядовыми актёрами и никак не ощущают поддержки своих театров со стороны. Остальные респонденты, являющиеся руководителями и режиссёрами своих театров, отмечают, что на данный момент поддержка не ощутима. Возможно, это связано с тем, что органы государственной власти сравнительно недавно узнали о деятельности негосударственных театров Иркутской области. Диалог же между представителями органов государственной власти и независимых театров, где обе стороны могли бы высказать свои пожелания и предложения, начал формироваться и того позже. Мы возьмём на себя смелость предположить, что начало выстраивания отношений между двумя вышеупомянутыми сторонами приходится на весну 2018 года. Именно тогда производилась работа по подготовке первого Фестиваля современной драматургии молодёжных независимых театров «Источник». Тогда же негосударственные театры Иркутской области впервые настолько громко заявили о себе, решив объединиться.

По результатам предыдущего вопроса мы уже сделали вывод, что, по мнению экспертов, нынешний уровень государственной поддержки негосударственных театров недостаточный (рис. 4). Одна из задач данной работы – повышение

уровня поддержки негосударственных театров Иркутской области. Наши эксперты выявили несколько направлений поддержки, которые могли бы реализовываться у нас в регионе. Первое направление, которое отметили большинство респондентов – техническая поддержка театров. В данном ответе подразумевается не только оборудование, но и возможности аренды помещений. В нашем городе, возможно, есть достаточно мест, неиспользуемых мест, потенциал которых можно было бы реализовать, передав эти помещения для независимых театров. Конечно, мы не говорим о полном отсутствии платы за аренду. Подходящим вариантом была бы лояльная программа аренды данных помещений.

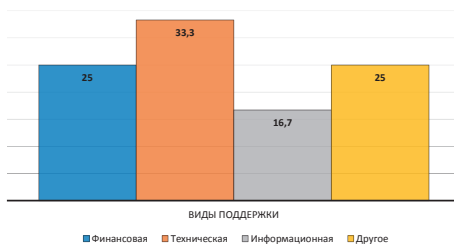

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какими ресурсами могли бы органы государственной власти оказать поддержку независимым театрам?»

Второе направление поддержки, которое отмечают наши эксперты – финансовая поддержка. В данном пункте подразумеваются виды финансовой поддержки на конкурсной основе. Региональные гранты, субсидирование, меценатство.

Третье направление требуемой поддержки – информационная, которая подразумевает не только улучшение работы с представителями средств массовой информации, но и помощь в связях с министерствами и департаментами культуры других регионов для совместной работы над различными проектами.

Мы объединили уникальные ответы экспертов. Среди них есть такие направления поддержки как помощь в организации гастролей по области и близлежащим регионам, содействие в отправке

представителей независимых театров на различные стажировки, помощь с оформлением авторских прав на созданный иркутскими режиссёрами материал.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы к сотрудничеству в случае активной поддержки со стороны органов государственной власти?»

Последним вопросом, на который мы предложили ответить нашим респондентам, стал вопрос о готовности к сотрудничеству с органами государственной власти (рис. 5). Мы получили 100% положительный ответ, однако есть определённый процент условий. 57% опрошенных экспертов готовы сотрудничать полностью. 43% отмечают, что готовы к сотрудничеству, однако на определённых условиях. Главным условием в комментариях к данному вопросу стало невмешательство органов государственной власти в репертуар независимых театров. Это объясняется тем, что большая часть актёров независимых театров также служат и в больших государственных театрах, таких как Театр юного зрителя им. А.В. Вампилова и Иркутский академический драматический театр им. Н.П. Охлопкова, в которых репертуар очень жёсткий и часто приходится играть то, что скажут. Независимые театры же составляют репертуар по своему желанию и своим возможностям и очень трепетно относятся к своим постановкам.

Таким образом, негосударственные театры как зеркало отражают всю непростую ситуацию в сфере культуры в нашей стране. Но при этом, стоит учитывать серьезные изменения в театральном деле, так и изменения социального самочувствия населения. Это два взаимосвязанных процесса, которые структу-

рируют и отслеживают малейшие изменения всего социального пространства провинциальных городов.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Особенности развития сознания горожан в пандемическом обществе // Социология. 2022. № 1. С. 79–86.
2. Ардашев Р.Г. Городское сознание как показатель эфемерности // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 193–197.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Новые жизненные миры россиян после COVID-19 // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». Москва, 2021. С. 23–26.
5. Полюшкевич О.А. Мораль и игра в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2022. № 13. С. 41–48.
6. Полюшкевич О.А. Креативное измерение публичного пространства Иркутска // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Второй региональной научно-практической конференции. 2019. С. 154–160.
7. Полюшкевич О.А. Креативность публичного пространства провинциальных городов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 30–35.
8. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публич-

ного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.

NON-STATE THEATERS IN THE SOCIAL LIFE OF PROVINCIAL CITIES

Kiselev Yu.A.

Irkutsk State University

The article discusses the role of non-state theaters in shaping the social well-being of residents of provincial cities. The features of regulation and support of non-state theaters are analyzed. Based on an expert survey, the main problems and prospects for the development of the role of non-state theaters in social development and social reproduction are highlighted.

Keywords: non-state theatres, social life, provincial town, expert survey, social modeling.

References

1. Ardashev R.G. Features of the development of the consciousness of citizens in a pandemic society // *Sociology*. 2022. No. 1. S. 79–86.
2. Ardashev R.G. Urban consciousness as an indicator of ephemerality // *Civilizational shifts in the development of a modern city*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2021. S. 193–197.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // *In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference*. Irkutsk, 2021, pp. 152–156.
4. Ardashev R.G. New life worlds of Russians after COVID-19 // *Modern Society in the Conditions of Socio-Economic Uncertainty. XV International Scientific Conference “Sorokin Readings-2021”*. Moscow, 2021. S. 23–26.
5. Polyushkevich O.A. Moral and game in modern society // *The problem of correlation between natural and social in society and man*. 2022. No. 13. S. 41–48.
6. Polyushkevich O.A. Creative dimension of the public space of Irkutsk // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Second regional scientific-practical conference*. 2019. S. 154–160.
7. Polyushkevich O.A. Creativity of the public space of provincial cities // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. materials of the Third regional scientific-practical conference*. Irkutsk, 2021. S. 30–35.
8. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 129–135.

Культура современной молодежи: социальный аспект и основные тенденции развития

Абоимова Ирина Сергеевна,

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра средового и графического дизайна, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
E-mail: i.aboimova@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,

к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»,
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Александрова Ирина Борисовна,

кандидат философских наук, доцент, кафедра средового и графического дизайна, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина,
E-mail: Irinann1954@yandex.ru

Ракитянская Анжела Ивановна,

кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет»,
E-mail: rakityanskayaspb@mail.ru

Анкудинов Николай Викторович,

кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры Физической подготовки и спорта, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»
E-mail: ankuudinov.nik@list.ru

молодого поколения в лучшую сторону. Молодежная культура, по мнению автора статьи, не обособлена от доминирующей культуры, а существует как «культура в культуре», но, под воздействием новых политических и социально-экономических условий, она требует трансформации, без которой невозможно говорить о социально-культурном развитии России.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, молодежная культура, молодежная субкультура, неформальная группа, досуг.

На современном этапе развития России созрела необходимость по новому взглянуть на молодое поколение, от которого зависит будущее страны и на котором лежит ответственность за сохранение культурного наследия нации. В данной статье рассматривается вопрос становления и развития молодежной культуры в современном российском обществе. Автор статьи, остановившись на терминах «молодежная культура» и «молодежная субкультура», анализирует систему культурного досуга молодого поколения в историческом контексте и отмечает причины падения культурного уровня современной молодежи, причины утраты национально-культурной самоидентификации молодых россиян. И в то же время автор статьи приходит к выводу, что новая концепция молодежной политики нацелена изменить тенденцию культурного обнищания

Молодежь как социальная общность, выделяемая на основе возрастных признаков и связанных с ними видов деятельности, интересов и ценностей [4, с. 13], занимает особое место в структуре современного российского общества. Играя важную роль в социокультурном и общественно-экономическом развитии России, в реализации демографической политики, в сохранении исторической памяти российского народа и защите своего Отечества, молодежь определяет стратегии развития страны, ее духовное возрождение.

Важной частью молодежной политики, проводимой в России, является «обеспечение равных условий для духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития» [12]. Исходя из цели, обозначенной в Федеральном Законе «О молодежной политике в Российской Федерации», приоритетом совершенствования личности, относящейся к категории молодых граждан, является духовное и культурное развитие.

Но что такое молодежная культура? Понятие «молодежная культура» было введено американским социологом Т. Парсонсом, который считал, что молодежи необходимо независимое социальное пространство, где юноши и девушки смогут обрести свободу, которой они лишены в семье, в школе да и в целом в обществе, контролируемом взрослыми [9]. Однако, в современном российском обществе до сих пор не выработано представление о молодежной культуре, а значит и не дается ее четкая дефиниция. Подобный подход к данному феномену связан, прежде всего с тем, что «в отечественном обществоведении долгое время молодежь не рассматривалась как самостоятельная социально-демографическая группа» [1, с. 217], в связи с чем утверждалось, что никаких особых форм поведения и мышления, выводимых из психологии и физиологии молодежного возраста, просто не существует. Жизнедеятельность молодежи, как считали социологи, напрямую зависит «от социокультурных характеристик общества, в котором в данное время она

живет и которое определяет ее поведение» [1, с. 217]. Сегодня, когда в Российской Федерации в корне изменилось отношение к молодому поколению, что привело к восприятию молодежи в качестве самостоятельной демографической группы населения, которая требует к себе особого подхода и отношения со стороны государства и игнорирование интересов которой может привести к печальным последствиям [2, с. 18], российские государственные деятели, а также профессионалы, занимающихся вопросами молодежной политики, по иному взглянули на проблему культурных ценностей молодежной среды с учетом существующих реалий.

Молодежную культуру исследователи рассматривают сквозь призму особого типа культуры, именуемой в различных источниках неформальной культурой, или субкультурой. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров отмечают, что, несмотря на неоднородный состав, различные условия жизни и социально-демографические характеристики, юноши и девушки России отличаются ценностными ориентациями, интересами, духовными потребностями, групповыми нормами (правилами), что служит причиной для их объединения в неформальные сообщества, для которых характерна идентификация с набором определенных признаков, символизирующих мировоззрение данной группы, выражающееся через символику и атрибутику, отличающую «своих» от «чужих» [4, с. 13]. Подобное явление в молодежной среде и породило такое явление, как субкультура, хотя, с точки зрения многих авторов понятия «молодежная культура» и «молодежная субкультура» тождественны.

С.И. Левикова считает, что понятие «молодежная культура» можно трактовать двояко. С одной стороны, молодежная культура – это общее обозначение феноменов молодежной субкультуры и молодежной контркультуры, с другой стороны, этот термин можно использовать для выделения «частичной, относительно когерентной культурной подсистемы внутри базовой культуры общества, культивирующей собственно

молодежную систему ценностей норм и форм поведения, отношение к моде и т.д.» [6, с. 3].

А.В. Мудрик молодежную субкультуру определяет как автономное целостное образование внутри господствующей культуры, систему ценностных установок и культурных традиций отдельной группы молодежи, ведущей определенный образ жизни и имеющей определенный менталитет, свои обычаи, нормы, влияющие на стиль жизни и мышления и позволяющие осознать и утвердить себя в качестве «мы», отличного от «они», т.е. остальных представителей социума [8, с. 142].

Неформальная молодежная культура, культивирующая протест против общества, его ценностей и авторитетов, является «детисцем» Запада. Копируя мир взрослых, частенько криминальной направленности, молодое поколение России, начиная с 90-х годов прошлого века, постепенно стало отказываться от национальных корней, от традиций признанного веками культурного развития России, что нашло свое отражение в его досуговой самоорганизации.

Культурная жизнь молодежи наиболее полно проявляется в её досуге. Именно эта сфера определяет сферу культурного потребления молодого поколения. Согласно социологическому опросу, проводимому Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г., большинство молодых людей современной России (почти половина опрошенных) проводят свой досуг в общении с друзьями, в интернете и соцсетях, что также является формой общения, даже более востребованной. Что касается непосредственно культурных потребностей, то такие формы досуга, как чтение художественной литературы, посещения театров, музеев, библиотек, участие в художественной самодеятельности и кружковой работе, к сожалению, у молодежи не очень популярны, отходят на второй план. И в то же время всё более значимыми в среде молодежи становятся такие зрелищные формы потребления культурных продуктов, как посещение кинозалов, музыкальных мероприятий,

концертов, дискотек и вечеринок «по интересам». Они-то и определяют образ жизни и культурную специфику современной молодежи, которые существенно отличаются от культурных предпочтений предшествующих поколений, по-прежнему предпочитающих проводить досуг, читая книги, посещая выставки, театры [5]. На наш взгляд, подобная тенденция связана с тем, что большинство форм досуга, которые раньше осуществлялись в режиме реального времени, сейчас перешли в «глобальную сеть», где можно найти и выложенные на специальных Интернет-площадках театральные постановки, документальные и художественные фильмы, где можно совершить виртуальное «путешествие» по всем музеям мира, найти книгу любимого автора и, не посещая библиотеки, углубиться в чтение.

И в то же время современные исследователи говорят в один голос о кризисе культуры, который затронул молодежную аудиторию России. Данное мнение опирается на тот факт, что в современную молодежную культуру пробилась такие негативные явления, как алкоголизм, наркомания, курение, нетрадиционная сексуальная ориентация и т.п.

Во многом эти проблемы российской молодежи, по мнению исследователей, объясняются:

- отсутствием в российском государстве и обществе четких социальных целей и ориентиров, которые несли бы высоко патриотичные идеи и социально значимые цели для самореализации в интересах Родины;
- не достаточным уровнем подготовки молодежи к жизни в новых условиях постоянно меняющегося мира, степенью зрелости их сознания, сформированности мировоззрения;
- теми основами духовно-нравственной культуры, которые они получили, в первую очередь, от своей семьи, а также от образовательных институтов (таких как школа, колледж, вуз) [11, с. 19–20].

Последний пункт очень важен, поскольку именно отсутствие духовно-нравственных ориентиров порождает

социально-психологические проблемы, которые приводят к культурному вакууму.

Но к культурному обнищанию молодежной части российского общества приводит не только неуклонный рост негативных явлений в подростковой и молодежной среде. Снижение культурного уровня подростков и молодежи обусловлено такими актуальными проблемами, как а) сокращение возможностей для культурного воспитания, в связи с сокращением значительной части культурно-досуговых учреждений; б) «вымывание» из сферы культуры бесплатных видов культурного досуга; в) утрата национальной идентичности, которая захлестнула российскую молодежь, оказавшуюся под влиянием западной культуры и западного мышления.

В связи с этим России нужна сильная государственная молодежная политика, которая была бы направлена «на помощь и поддержку подрастающего поколения, активизацию его жизненных сил, создание условий, при которых формируются его лучшие черты национального характера, воспитывается духовность, творится и утверждается у молодежи гражданско-патриотическое и национальное самосознание» [11, с. 22].

Сегодня, в начале XXI века, уже начинается формироваться новое молодое поколение, для которого не характерно проявление потребительского отношения к жизни, нравственная распушенность, индивидуализм, вульгарный прагматизм, максимализм, агрессивность, склонность к крайним методам и формам деятельности и т.п. [10] и которое пытается противостоять влиянию негативных тенденций, четко обозначив свои духовно-нравственные позиции, которые отражаются в молодежной культуре нового типа, постепенно занимающей место в социально-культурной нише современного российского общества. С точки зрения С.Г. Гутовой и Д.И. Смокова, особенности формирования нового типа культуры молодого поколения, которое направлено на формирование национальной идентичности, сохранение традиционных ценностей и великого куль-

турного наследия России, напрямую связано со спецификой современного российского общества. Ведь «проблемы, которые обозначились сегодня в рамках молодежной культуры, производны от процессов, происходящих в общественном сознании россиян» [3, с. 110].

Итак, молодежная культура не существует сама по себе. Молодежная культура является важной частью культурной системы России, оказывая существенное влияние на ее ценностное ядро. Конечно, молодежная культура в отдельных аспектах может отличаться или противостоять доминирующей культуре, но в главных чертах она продолжает культуру нации. Отливаясь от доминирующей культуры особой внутренней организацией, молодежная культура «включает в себя ряд ценностей доминирующей культуры, добавляя к ним новые, характерные только для нее, ценностные ориентации» [7, с. 133]. Но в целом, молодежная культура идет в одной спайке с доминирующей культурой, в результате чего отмечаются динамические изменения в обеих культурах, которые не просто взаимодействуют друг с другом, а находятся в постоянном контакте. И этот контакт следует поддерживать, рассматривая молодежную культуру как «платформу для введения различных инновационных идей» [3, с. 110], поскольку молодежь, являясь будущей основой общества, «способна внести максимальные преобразования и адаптировать новые культурные ценности к современным условиям» [3, с. 110].

Литература

1. Белоусова М.М. Молодежная культура в современном обществе // Научные ведомости. – 2007. – № 9 (40). – С. 217–221.
2. Гречихин В.Г. Современная молодежная политика в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 18–21.
3. Гутова С.Г., Смоков Д.И. Молодежная культура в современном российском обществе: проблемы и перспективы // Инновационный потенциал

- молодежи: формирование нового типа культуры: сборник материалов Всероссийской молодежной научно-исследовательской конференции, посвященной году культуры и году науки в России / Под ред. Д.Ю. Нархова. – Екатеринбург, 2014. – С. 107–111
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизнедеятельность молодежи в культурном пространстве изменяющейся реальности: теоретические подходы к исследованию // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Т.К. Ростовской. – М.: Перспектива, 2019. – С. 9–18.
 5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 170–191.
 6. Левикова С.И. Молодежная культура. – М.: Вузовская книга, 2007. – 360 с.
 7. Мосиенко Л.В. Молодежная субкультура и диалог // Высшее образование в России. – 2011. – № 1. – С. 132–136.
 8. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.: Академия, 2006. – 304 с.
 9. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
 10. Подвойская Н.В. Проблема формирования жизненных сил российской молодежи и ее жизненного пространства в начале XXI в. // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 7 (7): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 141–143.
 11. Ростовская Т.К., Егорычев А.М. Современные российские реалии и молодежь: проблемы и перспективы развития // Культурное пространство молодежи: смыслы и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под общей ред. Т.К. Ростовской. – М.: Перспектива, 2019. – С. 19–23.
 12. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [электронный ресурс] **Culture of mod-**

ern youth: social aspect and main development trends

**ABOIMOVA I.S., BAKSHEEV A.I.,
ALEKSANDROVA I.B.,
RAKITYANSKAYA A.I.,
ANKUDINOV N.V.**

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voynoyasenetsky; Saint Petersburg State Agrarian University; Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service

At the present stage of Russia's development, there is a need to take a fresh look at the younger generation, on whom the future of the country depends and who is responsible for preserving the cultural heritage of the nation. This article discusses the formation and development of youth culture in modern Russian society. The author of the article, focusing on the terms "youth culture" and "youth subculture", analyzes the system of cultural leisure of the younger generation in a historical context and notes the reasons for the decline in the cultural level of modern youth, the reasons for the loss of national and cultural identity of young Russians. And at the same time, the author of the article comes to the conclusion that the new concept of youth policy aims to change the trend of cultural impoverishment of the younger generation for the better. According to the author of the article, youth culture is not isolated from the dominant culture, but exists as a "culture within culture", but, under the influence of new political and socio-economic conditions, it requires transformation, without which it is impossible to talk about the socio-cultural development of Russia.

Keywords: youth, youth policy, youth culture, youth subculture, informal group, leisure.

References

1. Belousova M.M. Youth culture in modern society // Scientific journals. – 2007. – No. 9 (40). – S. 217–221.
2. Grechikhin V.G. Modern youth policy in Russia // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 5. – S. 18–21.
3. Gutova S.G., Smokov D.I. Youth culture in modern Russian society: problems and prospects // Innovative potential of youth: the formation of a new type of culture: a collection of materials of the All-Russian youth research conference dedicated to the year of culture and the year of science in Russia /

- Ed.D. Yu. Narkhova. – Ekaterinburg, 2014. – S. 107–111
4. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Life activity of youth in the cultural space of changing reality: theoretical approaches to research // Cultural space of youth: meanings and practices. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. T.K. Rostov. – M.: Prospect, 2019. – S. 9–18.
 5. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Culture in the life of youth: need, interest, value // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2018. – T. 9. – No. 4. – S. 170–191.
 6. Levikova S.I. Youth culture. – M.: Vuzovskaya kniga, 2007. – 360 p.
 7. Mosienko L.V. Youth subculture and dialogue // Higher education in Russia. – 2011. – No. 1. – P. 132–136.
 8. Mudrik A.V. Human socialization. – M.: Academy, 2006. – 304 p.
 9. Parsons T. The system of modern societies. – M.: Aspect Press, 1998. – 269 p.
 10. Podvoiskaya N.V. The problem of the formation of the vitality of Russian youth and their living space at the beginning of the XXI century. // Almanac of modern science and education. – Tambov: Diploma, 2007. – No. 7 (7): in 2 parts – Part II. – C. 141–143.
 11. Rostovskaya T.K., Egorychev A.M. Modern Russian realities and youth: problems and development prospects // Cultural space of youth: meanings and practices. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. T.K. Rostov. – M.: Perspective, 2019. – S. 19–23.
 12. Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation” [electronic resource]

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Gritskikh N.V., Rybak N.S., Sarapulova L.N.</i> Features of typologies of social fears of modern Russian youth (on the example of the Irkutsk region)	5
<i>Ivanov R.V.</i> Foundations and grounds for the transformation of modern patriotism.....	17
<i>Popov M.U.</i> Gamification in education. «Victoria II» as an object of social modeling	28
<i>Turintseva E.A.</i> Transformations of sex and gender in modern times: biosociological aspect	35

EMPIRICAL STUDIES

<i>Gudenkova O.F., Savitskaya Yu.P.</i> The place and role of rumors in the minds of modern youth.....	49
<i>Kuznetsova E.A.</i> Digital socialization of youth.....	59
<i>Turkova V.N.</i> Corruption in sports competitions: assessment of public opinion.....	67
<i>Chernomorchenko N.S., Sokolovich N.A.</i> Social factors of dental health of schoolchildren	74

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<i>Ambrushkevich K.V.</i> Attitude towards entrepreneurs and perception of business in Russia.....	84
<i>Guo Xinyu.</i> Assessment of the prospects for the modernization of the social structure of Chinese society: on the example of the views of the Russian philosopher V.N. Shevchnko	93
<i>Kurganskaya O.V., Saltykova Yu.A.</i> Demographic problems of Russia's new reality.....	101
<i>Maslodudova N.V.</i> Social activity of young people in conditions of uncertainty.....	110
<i>Palashchenko E.V.</i> T. Parsons' theory of social action: through the prism of non-payment of taxes and non-compliance with tax control.....	120

<i>Pletnev A.V.</i> Anomie as a cause of negative demographic trends.....	128
<i>Pustarnakova A.A., Malakanova O.A., Gataullina G.V.</i> Ethnic identity of modern youth (on the example of g.o. Samara).....	136
<i>Romanov V.D.</i> P. Bourdieu's theories of gift and field as a methodology for studying museums	141
<i>Treskin P.A.</i> The role of modern non-profit organizations in the digital development of civil society institutions	147
<i>Uzunov V.V.</i> The South Russian region in spatial dimension: theoretical and practical aspects of sociological research.....	160
<i>Zhang Jianwen, Jiang Dan.</i> Study of the quality of life of Chinese migrants in Russia ...	166

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

<i>Pozharskaya E.L., Shukshina L.V., Shubina A.V.</i> Study of the influence of emotional burnout on the conflict of teachers in modern teaching staff	171
<i>Tarutin N.V.</i> Tools for the formation and development of innovative corporate culture in the organization	177
<i>Usolceva Ya.S.</i> Specifics of corruption risks and their preventive measures in the activities of government agencies.....	183
<i>Khlynin A.P.</i> Transformation of the governor's corps in modern Russia: 2013–2023.....	188

SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Gridina V.V., Biryukova A.B.</i> National traditions in everyday life of student youth	197
<i>Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Andrenko O.V., Gusarenko V.V., Tikhonov A.A.</i> The use of electronic cigarettes among young people: a modern view, innovative approaches to regulating the problem.	206

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

<i>Smetana V.V.</i> The evolution of A. Comte's "The positive philosophy" in the context of new knowledge in the 21st century	214
---	-----

PHILOSOPHY OF CULTURE

Gorbunov A.S., Yakovleva Yu.F., Nigmatullin A.U., Mukhamadeev A.S., Buyev Z.V. Reflection of the philosophical dilemma «Curtain of Ignorance» in modern culture..... 220

SOCIAL PHILOSOPHY

Ardashev R.G. Conspiracy thinking of modern Russians 225

Попов В.В. Reconstruction of phenomenological concepts of intersubjectivity and temporal coordination in the system of subjective time of an individual in an..... 234

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Davydenko Yu.A. Training for the Russian oil and gas industry: principles of university-enterprise interaction 240

Kiselev Yu.A. Non-state theaters in the social life of provincial cities 249

Aboimova I.S., Baksheev A.I., Aleksandrova I.B., Rakityanskaya A.I., Ankudinov N.V. Culture of modern youth: social aspect and main development trends... 257

